Библейско-богословская коллекция
АГИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Державин А., прот.

ЧЕТЬИ-МИНЕИ СВТ. ДИМИТРИЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКОГО, КАК ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

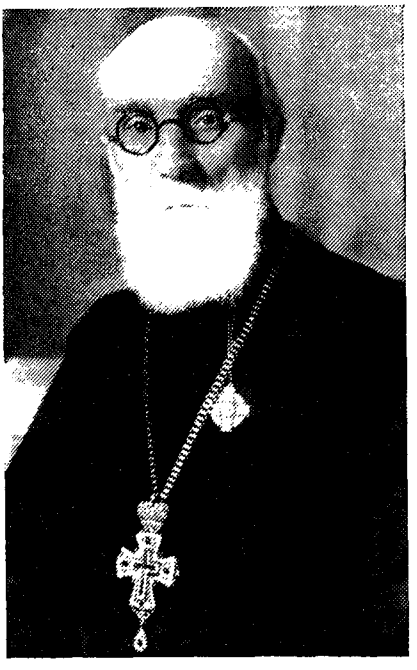
Богословские труды, 1976, №15, с. 61-145;
1976, №16, с. 46-141

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (**www.axion.org.ru**), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург 2009

Протоиерей Александр ДЕРЖАВИН,
магистр богословия

ЧЕТИИ-МИНЕИ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКОГО, КАК ЦЕРКОВНОИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК



«Вплести хотя малую веточку в тот венок Славы, каким увенчан Святитель Димитрий, прибавить новые черты к его привлекательному, с детства знакомому образу,— вот те внутренние побуждения, которые руководили мною во время работы».

Протоиерей Александр Державин
(1871—1963 гг.)

ОТ РЕДАКТОРА

Четии-Минеи Святителя Димитрия Ростовского, созданные им в конце XVII — начале XVIII века, являются памятником агиографической литературы, до настоящего времени не потерявшим своего значения. Переведенные с церковнославянского на русский язык, в течение XVIII и XIX веков они неоднократно переиздавались и являются любимым чтением русского православного народа.

Причиной популярности Четиих-Миней Святителя Димитрия является их полнота, обстоятельность изложения, теплота расказа и прекрасный слог, которым написаны жития. Поставив своей задачей писать так, чтобы «не солгати на святого», агиограф привлек к своей работе все источники, какие могли быть ему доступны в то время. В основу своего труда Святитель Димитрий положил «Великие Минеи-Четии», составленные в XVI веке при митрополите Макарии. Он

провел тщательную текстологическую работу, сопоставляя редакции рассказов о святых подвижниках и мучениках в греческих, латинских и славянских собраниях житий святых, устанавливая точные даты их жизни и смерти, проверяя достоверность сообщаемых сведений. Огромный труд, проделанный Святителем, делает его Четии-Минеи не просто полезной, занимательной и поучительной книгой, но и фундаментальным научным трудом.

Предлагаемая читателю работа протоиерея Александра Михайловича Державина о Четиих-Минеях Святителя Димитрия Ростовского является его магистерской диссертацией, высоко оцененной Ученым советом Московской духовной академии 4 марта 1954 года. Тема избрана автором не случайно: личность и труды Святителя Димитрия Ростовского заинтересовали отца Александра Державина еще в те далекие годы, когда молодым священником он служил в соборе города Ростова Ярославского. В 1909 году в Ростове широко отмечалось двухсотлетие со дня смерти Святителя. К этому юбилею в честь Святителя Димитрия А. М. Державиным была написана торжественная кантата, исполнявшаяся соборными певчими и учениками местного духовного училища.

Когда в 1910 году А. М. Державин поступил в Киевскую духовную академию и оказался таким образом на родине Святителя — Украине и в стенах той школы, которая воспитала будущего списателя житий святых, его интерес к жизни и трудам великого труженика вспыхнул с новой силой.

К работе над Четиими-Минеями Святителя Димитрия А. М. Державин приступил в 5-й год своего пребывания в стенах Академии, где он был оставлен на год стипендиатом. Его кандидатская работа оказалась тем зерном, из которого впоследствии выросло настоящее исследование великого труда Святителя Димитрия — его Четиих-Миней.

Над своей магистерской диссертацией протоиерей Александр Державин работал долгие годы, можно сказать, всю свою жизнь. Окончив Киевскую духовную академию в 1915 году, он переехал на жительство в Москву, где продолжал работу над темой в книгохранилищах Исторического и Румянцевского музеев. Окончательно завершить работу ему удалось лишь в начале 50-х годов, но зато, помимо обширного двухтомного исследования, она включила в себя три тома приложений, где подробно день за днем рассмотрены все жития, вошедшие в Четии-Минеи Святителя Димитрия Ростовского, проведен их подробный источниковедческий и текстологический анализ.

В слове перед защитой диссертации в Московской духовной академии 4 марта 1954 года автор поведал следующее: «...Я смотрел на работу по исследованию Четиих-Миней Святителя Димитрия как на дело, порученное мне воспитавшей меня академией, как на долг, который я должен был исполнить, в какие бы условия ни ставили меня житейские обстоятельства. Сознаю, что я сильно запоздал с выполнением этого долга; знаю, что и выполнил его не так, как требовали важность и значение исследованного мною великого творения Святителя Димитрия; но, дожив до нынешнего дня, не могу не воздать благодарности Тому, Кто, по молитвам Святителя, дал мне силы и возможность закончить свою работу...».

«Великое творение Святителя Димитрия,— отмечал в том же слове отец Александр,— было важным и необходимым пособием в той упорной борьбе, которую в XVII в. вел православный украинский народ против католического польского правительства, отстаивая свою веру и национальность. Украинский летописец, отмечая выход из печати 3-й части Четиих-Миней, указал, что эта новая часть радостью наполнила сердца всего украинского народа. Следовательно, Святи-

тель Димитрий, трудясь над Четиими-Минеями, выполнял народное патриотическое дело, и уже это одно придает важное историческое значение его труду».

К этому необходимо добавить еще и то, что наиболее значительную миссию Четии-Минеи Святителя Димитрия выполняли в течение всего XVIII столетия. Посредством странников *, несших Четии-Минеи в своих котомках из конца в конец Великой России, эта книга противоборствовала тем началам, которые разрушали русскую культуру в период немецкого и других засилий, и особенно в период «бироновщины» (30-е годы XVIII столетия).

Сопоставляя фраза за фразой текст житий, предлагаемый в Четиих-Минеях, с источниками, бывшими в руках Святителя, отец Александр Державин устанавливает, что́ и откуда заимствовал агиограф, дает параллельное сравнение текстов и таким образом вводит читателя в творческую лабораторию Святителя, вскрывает метод его работы.

Исследование протоиерея Александра Державина состоит из двух частей. В первой дается биография Святителя Димитрия, в миру Даниила Саввича Туптало, раскрывается историческая обстановка на Украине в середине XVII века, заставившая местных церковных деятелей предпринять труд создания русских Четиих-Миней, рассказывается история их написания иноком, а потом епископом Димитрием и события, связанные с их первым изданием. Попутно раскрывается отношение украинского духовенства к Москве, роль, которую играла Москва в ходе работы Святителя Димитрия, и трудности, которые возникали у него при этой работе. Вторая часть монографии посвящена изучению источников, положенных Святителем Димитрием в основу своего труда. На основании тщательного изучения содержания житий, отраженного в приложениях к монографии, протоиерей Александр Державин показывает, какая огромная текстологическая работа была проделана Святителем, и выясняет его отношение к использованным источникам, в частности, к Макариевским Четиим-Минеям и творениям греческого агиографа Симеона Метафраста, к которым он обращался чаще всего. Но в распоряжении Святителя были и такие труды, как собрание житий святых Сурия, «Acta Sanctorum» Болландистов и другие книги, написанные агиографами Римско-Католической Церкви. Обращение к этим источникам доказывает высокую образованность Святителя Димитрия и широту его кругозора. Широко владея современными ему западноевропейскими и славянскими агиографическими источниками, Святитель остался самостоятельным, истинно русским православным писателем, создавшим вместе с другими южнорусскими учеными свою национальную литературу.

Как показало исследование, в его Четиих-Минеях используются и местные сборники сказаний о святых. Так, в основу жития царевича Димитрия Угличского была положена присланная писателю друзьями «Угличская книжица».

Особое внимание уделено в монографии отношению Святителя Димитрия к собранию житий святых, написанному польским агиографом Петром Скаргой. Полемизируя с польским ученым профессором Пачовским, который считал, что книга Скарги была основным источником для Четиих-Миней Святителя Димитрия, протоиерей Александр Державин убедительно показывает оригинальность труда Святителя. Общие же места у того и другого писателя объясняются тем, что они обращались к одним и тем же источникам [1].

* Особый вид духовного подвига. Особенно был развит в России в XVIII в.

[1] О своей работе и о статье проф. Пачовского автор по предложению профессора Московского университета, члена Украинской Академии наук Н. К. Гудзия делал доклад в секции древней литературы при Институте мировой литературы им. А. М. Горького 6 мая 1947 года.

Работа протоиерея Александра Державина, особенно вторая ее часть и приложения к ней, предлагает читателю обширный материал для дальнейшего изучения великого двенадцатитомного труда Ростовского Святителя. Как справедливо указывает Высокопреосвященный Питирим, архиепископ Волоколамский, «фундаментальное исследование магистра богословия протоиерея Александра Державина «Четии-Минеи Святителя Димитрия Ростовского как церковноисторический и литературный памятник (МДА, 1953)» открывает много нового в ученой деятельности этого отца Русской Церкви» [2].

Монография протоиерея Александра Державина является пока единственным научным трудом, так глубоко и полно изучающим Четии-Минеи Святителя Димитрия.

Четии-Минеи, напечатанные в первый раз в конце XVII — начале XVIII века, сразу стали широко популярны. Их высоко ценили уже современники. Так, в школьной драме «Венец Димитрию», написанной в 1704 г. учителем Ростовской школы Евфимием Морогиным ко дню именин Святителя Димитрия [3] и исполненной перед ним ее учениками, в эпилоге говорится:

«Паипаче, о Владыко, от твоей святыни
Молим, да простиш нас своей благостыни,
Вем бо, яко лучши венцы соплетаеш,
Жития святых пишущ, всех святых венчаеш.
За то венец дадеся ти златокованны,
Архиерейский, им же еси увенчанны
Будешь потом увенчан венцем вечно властным,
Якоже и твой ангел, дванатцаточастным.
Трость пишуща то копье, а пот стóит крове,
Яже от пресвященна чела ти исполове.
Часть дванадесятую венца ти сплетаеш,
Егда дванадесятый месяц совершаеш.
Будеши венцем Неба за то увенчанный,
Святых возвеличивый, будеш величанный,
Его же ти по долгой зде жизни желаем,
Смирно твои питомцы главы преклоняем».

Известно также, что некоторые жития из Четиих-Миней Святителя Димитрия были инсценированы организаторами придворного театра царевны Наталии Алексеевны и поставлены на придворной сцене. Таковы жития Ксенофонта и Марии, великомученицы Екатерины и некоторые другие. Это ещё раз показывает, насколько популярна стала работа Святителя сразу же после ее появления и насколько это появление было своевременно.

Высокий художественный уровень, отличающий Четии-Минеи Святителя, объясняется тем, что их автор был выдающимся писателем-поэтом и драматургом своего времени: ему принадлежит ряд лирических произведений, проникнутых глубоким религиозным чувством, и несколько пьес, написанных для школьного театра. Наиболее известны пьесы «На Успение Пресвятой Богородицы» и «На Рождество Христово», а также не дошедшая до нас пьеса «Покаяние грешного человека». Эти пьесы обнаруживают незаурядный литературный талант автора, являясь новым этапом в развитии школьной драматургии конца XVII — начала XVIII в. [4], и широту его пастырских и богословских взглядов.

[2] «Журнал Московской Патриархии», 1975, № 1, с. 75.

[3] См. П. Н. Берков. Вероятный источник народной пьесы о царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе. ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, с. 298 -312; и он же — Школьная драма «Венец Димитрию». ТОДРЛ, т. XVI, Л., 1960, с. 323—357.

[4] См. «Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в.». Вып. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. Изд. «Наука». М., 1972, с. 172—274.

ВВЕДЕНИЕ

Юго-западная русская литература XVII века дала нашему народу немало замечательных, выдающихся произведений. Одним из таких произведений являются и Четии-Минеи, составленные сначала скромным иеромонахом, а потом знаменитым Ростовским митрополитом Святителем Димитрием. Появившиеся в самом конце XVII и в начале XVIII века, Четии-Минеи по степени распространения и силе влияния на мировоззрение и духовный склад православного русского народа далеко превзошли другие подобные им юго-западные издания и заняли между ними первое место. Тотчас же после своего появления они сделались любимым чтением русских православных людей, в XVIII и XIX веках выдержали значительное количество изданий, в начале XX века переведены были с церковнославянского на русский язык и до сих пор не утратили своего значения. Мало того, они остались незаменимым и единственным произведением подобного рода, других, настолько же содержательных и любимых народом Четиих-Миней русская богословская наука доселе не создала. Все составители после Святителя Димитрия пользовались его творением, и вышедшие в XIX и XX веках сборники житий святых в большинстве представляют переложение и сокращенное изложение его Четиих-Миней. Вполне понятен поэтому интерес к Четим-Минеям, составленным Святителем Димитрием, изучение и исследование их с научной точки зрения (...).

Как сочинение, посвященное описанию жизни святых, прославляемых с первых веков христианства, Четии-Минеи имеют непосредственную связь не только с русской, но и со всей общехристианской агиологией. Последняя в своих памятниках сохранила громадное количество составленных в разное время житий святых, выработала для них различные литературные формы и заботливо передала все это богатство нашим предкам, когда они приняли христианскую веру. Как выдающееся событие в жизни юго-западной Православной Церкви и украинского народа, Четии-Минеи заняли важное место в их истории, и появление их обусловливалось тем состоянием, какое в XVII веке они переживали (...).

В русской церковноисторической литературе специального исследования о Четиих-Минеях Святителя Димитрия нет, но их касаются и о них говорят все биографы Святителя и все историки Русской Церкви, а также литературы. До прославления Святителя в 1752 году не было написано его жития. Составители книги «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский» (опубликованной в 1849 году) говорят, что они имели рукописное житие Святителя, но оно, как видно из его начала, составлено после 1752 года. Профессор И. А. Шляпкин в предисловии к своему сочинению «Святитель Димитрий Ростовский и его время» (1) указывает и еще несколько рукописных житий Святителя, но, по его мнению, они не заслуживают внимания; он придает значение только тому житию, которое в 1757 году написано было по поручению Синода Ростовским митрополитом Арсением Мациевичем и напечатано при первом томе творений Святителя Димитрия.

Житие преследует нравственно-назидательную цель и поэтому трудов Святителя, как писателя, почти не касается.

Вышедшее в 1849 году исследование «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский», которое проф. И. А. Шляпкин называет «превосходным» и говорит, что оно редактировано А. В. Горским из двух сочинений студентов Московской духовной академии — Нечаева и Барского, представляет собой уже вполне научный, ценный труд, не утративший своего значения и в настоящее время. Это исследование распадается на две части: в первой описывается жизнь Святителя Димитрия от рождения до кончины, во второй рассматриваются все его творения, причем дается внимательная и

серьезная их характеристика. Четиим-Минеям посвящен здесь особый обширный отдел (с. 130—203), где после краткого замечания об источниках житий указывается, какую цель ставят себе составители исследования при их рассмотрении. Цель авторов книги, как они говорят, состояла в том, чтобы «раскрыть историческое достоинство житий святых», поэтому, пишут они, «мы намерены указать только те из них, для которых Святитель Димитрий имел сказания, составленные современниками святых или людьми, к ним близкими по времени». Из этих слов видно, что авторы сочинения вопроса о действительных источниках житий святых в Четиих-Минеях касались лишь косвенно, научно их они не выясняли, а искали в агнологических сборниках, которыми пользовался и не пользовался Святитель, только те свидетельства достоверности, которые их интересовали. Этому они посвятили много внимания и труда. В книге, в порядке месяцев года, рассмотрено около 200 житий, при этом сначала всегда указывается, на какие источники ссылается сам Святитель, а потом приводятся из разных книг свидетельства достоверности житий. Чаще всего они берутся из «Актов святых» Болландистов, и даже из тех томов, которых у Святителя Димитрия не было. Из сказанного ясно, что рассматриваемое нами сочинение вопроса об источниках житий в Четиих-Минеях не исчерпывает и дальнейшего изучения и определения их не исключает.

В 1891 году вышла докторская диссертация профессора Петербургского университета Ильи Александровича Шляпкина «Святитель Димитрий и его время» (...). Это исследование представляет собой научную, глубоко разработанную биографию Святителя Димитрия с характеристикой времени, в которое он жил и трудился. В сочинении много говорится и о Четиих-Минеях, собственно об их составлении и печатании, но как памятник литературный они не рассматриваются. Кроме того, все эти сведения излагаются в связи с разными фактами биографии Святителя, находятся в разных местах, и поэтому связной и полной истории составления и появления Четиих-Миней не дают (...).

Сочинение священника М. С. Попова «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский, и его труды», вышедшее в 1910 году, посвящено также, главным образом, биографии Святителя и, после богатого содержанием и капитального труда профессора И. А. Шляпкина, каких-либо новых сведений из жизни Святителя Димитрия не сообщает. Во второй части своей книги священник М. С. Попов говорит о литературных трудах Святителя; здесь имеется особая глава и о Четиих-Минеях, но в ней идет речь, главным образом, о том, какие темы веро- и нравоучения составляют содержание житий, что интересно и важно скорее для богослова, чем для историка литературы.

Кроме этих основных трудов, в разное время во многих духовных и светских журналах напечатано было немало статей, посвященных Святителю Димитрию, но большая часть их самостоятельного значения не имеет и сообщает о Четиих-Минеях самые общие, поверхностные сведения. В сочинениях по истории русской литературы, в учебниках и книгах по истории Русской Церкви также говорится о Четиих-Минеях Святителя Димитрия, но подробно они здесь не рассматриваются и ничего нового после разобранных нами исследований не дают.

В 30-х годах текущего столетия во «Львовских университетских известиях» на польском языке напечатана была проф. Пачовским большая статья, посвященная специально Четиим-Минеям Святителя Димитрия, вышедшая потом и отдельным оттиском. Статья, озаглавленная «Четии-Минеи Димитрия Тупталенко Ростовского», состоит из пяти глав. В первой дается краткий очерк украинской агиографии до половины XVII века; во второй излагается история составления Димитрием Четиих-Миней; в третьей выясняются те иностранные и славянские источники, по которым излагал Димитрий жития святых, вошедшие в Четии-Минеи; в четвертой характеризуется работа Святителя Димитрия, как агиографа, и в пятой сообщается, как отразились Четии-Минеи в последующих сочинениях Святителя (...). В первой и второй главах своей статьи проф. Пачовский ничего нового и оригинального не сообщает. Больший интерес представляют последние главы, особенно третья, посвященная источникам Четиих-Миней, где автор стремится доказать зависимость Святителя Димитрия от польского агиографа П. Скарги. Точка зрения проф. Пачовского будет рассмотрена ниже, в соответствующей главе данной работы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вышедшие в свет в конце XVII и начале XVIII века, Четии-Минеи Святителя Димитрия, митрополита Ростовского, завершили собой долгий период, пройденный до них русской агиографией (...). Русская агиография не была вполне самостоятельной. Литературные формы и приемы для описания жизни святых она заимствовала у греков в тех житиях и агиографических сказаниях, которые в славянских переводах принесены были на Русь из Болгарии и Сербии после принятия нами христианства. Чтобы определить эти литературные формы, мы должны дать некоторые сведения и из агиографии греческой.

Первыми основоположительными образцами греческой агиографии нужно считать евангельские рассказы о жизни Спасителя и его учеников. К Евангелию и вообще к Священному Писанию каждый агиограф должен был обращаться и потому, что жизнь святого всегда и везде была подражанием жизни Христа Спасителя. С этой стороны всю агиографическую литературу можно рассматривать как продолжение Евангельской истории, в живых примерах из жизни святых раскрывающее возвещенное Христом Спасителем учение о спасении. Святитель Димитрий, рассказывая в своих Четиих-Минеях о святых апостолах и других упоминаемых в Евангелиях святых, всегда тщательно выбирал отсюда все сведения о них. Евангельские рассказы просты и безыскусственны. Без сомнения, тот же характер носили и первые записи о подвигах святых. Так как первым и важнейшим подвигом христиан, последователей Христа Спасителя, было мужественное исповедание и смерть за Него, то рассказы об этом и были первыми агиографическими сочинениями. Одни из этих рассказов были кратки, другие — более подробны. Первым агиографом необходимо считать святого евангелиста Луку, который в книге Деяний святых апостолов описал подробно мученическую кончину архидиакона Стефана (6 и 7 гл.) и кратко сообщил о такой же смерти святого апостола Иакова Зеведеева (гл. 12).

Пример апостола Луки, может быть, не скоро нашел подражателей, но нельзя сомневаться в том, что первые христиане, исполняя заповедь апостола Павла (Евр. 13, 7), тщательно отмечали дни смерти святых мучеников, чтобы впоследствии проводить эти дни в молитвах и признательных воспоминаниях. Об этом свидетельствуют многие сохранившиеся памятники древнехристианской письменности. Так, например, в актах священномученика Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского, составители их — спутники святого — говорят, что они заметили день и год его кончины, чтобы, собираясь в этот день, иметь общение с подвижником и доблестным мучеником Христовым (2). Подобные записи первые христиане сначала заносили в свои «диптихи» — дощечки для поминовения живых и умерших, а потом стали пользоваться для этого и римскими календарями. Записи здесь были, конечно, весьма кратки; кроме времени, отмечалось только имя святого и род его смерти. В Деяниях святых (3) напечатан такой календарь, принадлежащий некоему Дионисию Филокалу и известный под именем Бухерианского (4). Он относится к середине IV века и принадлежал Римской Церкви. Во второй его половине (в первой находится римский хронограф) перечисляются римские папы и затем отмечается праздник Рождества Христова — 25 декабря — и еще двадцать четыре дня, посвященные памяти святых апостолов и мучеников.

Впоследствии христианский календарь отделился от языческого и составил самостоятельное целое. К концу IV века, после эпохи великих гонений, этот календарь так уже был полон, что в нем не оставалось ни одного дня, свободного от памяти святых мучеников. Об этом сви-

детельствует Астерий, епископ Амасийский; в одном из слов он говорит: «Вот всю вселенную наполняет круг подвижников Христовых, нет места, ни времени года без памяти их» (5).

Такого полного христианского календаря до нашего времени не сохранилось. В древнейших, известных теперь, христианских календарях западного происхождения, которые получили там наименование martyrologium (мученикословие), Бухерианском, Готфском, Карфагенском и других — имеется очень немного памятей и далеко не на все числа года (6). В самом древнем восточном календаре, который называется μηνολόγιον (месяцеслов), написанном или, как говорит архиепископ Сергий (7), переписанном в 411—412 гг. в Сирии, больше памятей святых, но они также не заполняют всех дней года. Запись как в западных, так и в Сирском месяцеслове сопровождается сведениями о святых самого общего характера; указывается только имя святого и место его кончины; в числе святых именуются исключительно одни мученики.

В последующее время, с умножением подвигов служения Господу и развитием христианского богослужения, месяцесловы стали пополняться новыми святыми и новыми священными воспоминаниями. К именам мучеников были прибавлены ветхозаветные святые, преподобные, святители, а к праздникам Господским присоединились другие праздники — сначала Господские же, затем Богородичные и, конечно, те, с которыми связывались различные знаменательные церковноисторические события. Примером такого более развитого месяцеслова может служить римский мартиролог, носящий имя блаженного Иеронима. Сравнительно с Сирским месяцесловом в нем шесть ветхозаветных святых, десять двунадесятых праздников (нет Преображения и Введения во храм), упоминаются все апостолы (в Сирском только четыре) и некоторые преподобные (8). Сведения о святых здесь тоже очень кратки: указывается место подвигов святого, иногда отмечается, кто он был — епископ, диакон, монах, сообщается характер его кончины — страдание, успение — и точно обозначается месяц и день, когда должна совершаться его память.

Христиане, почитающие святых, конечно, не удовлетворялись такими краткими и скудными сведениями о них. Им хотелось знать все подробности тех страданий, которые мученики претерпели за Христа. Поэтому они всеми средствами старались достать и собрать эти сведения, прилежно записывали их и берегли, как святыню. О святых мучениках самые достоверные сведения находились в тех судебных протоколах, которые велись при допросе мучеников. В Римском государстве бо́льшая часть христиан, уличенных в принадлежности к христианской религии, предавалась мучениям после судебного разбирательства. А суд римский обычно происходил в присутствии «нотариев», т. е. особых писцов, которые знакомы были со стенографией и точно записывали как вопросы судей, так и ответы обвиняемых. После судопроизводства эти записи переписывались и хранились в архивах. Так как подобные записи давали наиболее верные сведения о мужестве и подвигах святых, то оставшиеся в живых христиане не щадили даже больших денег, чтобы приобрести или списать их. В актах святых мучеников Тараха, Прова и Андроника отмечено, что христиане заплатили за них римским властям 200 динариев.

По мнению ученых, эти судебные записи имели вид уголовного допроса или протокола. Сначала в них обозначалось имя проконсула, в области которого производился суд, затем — год, месяц и день, а иногда и время дня, когда происходило судоговорение; далее — имя и род судьи, область и место суда и, наконец, уже самый допрос, который представлял собой диалог между судьей, его служителями и обвиняемыми. По окончании допроса проконсул приказывал прочитать его

вслух, затем судья со своими асессорами выносил то или иное решение и читал приговор. Исполнение приговора производилось уже воинами в отсутствие судьи. Из этой схемы видно, что в подлинных судебных записях описывался только допрос мученика и сообщалось об его исповедании и мученической смерти; никаких других подробностей в них не должно было быть. В агиографии эти судебные записи о мучениках называются acta proconsularia (9). Из этих судебных записей впоследствии образовалась особая форма сказаний о святых мучениках, которая по-гречески называется μαρτύριον, а по-славянски — «страдание». После торжества христианства, когда архивы римских судов стали доступны для христиан, количество таких проконсульских актов значительно увеличилось, но потом бо́льшая часть их была подвергнута литературной переработке и претерпела столько изменений, что восстановить старинную стенографическую запись в сохранившихся сказаниях о святых мучениках — дело трудное, а порою и вовсе невозможное.

Так как проконсульские акты добывались с большим трудом, то в Древней Христианской Церкви очень рано практиковался и другой способ собирания сведений о святых мучениках — путем описания их подвигов сторонними наблюдателями. При важнейших Церквах для этого назначались даже особые лица. Есть известие, что папа Климент назначил на это служение семь диаконов, поручив каждому определенную часть города Рима (10). Эти записи очевидцев назывались passio (страдание); они во многом подобны актам, но имеют от них и отличие. Французский ученый Леклерк характеризует различие между этими формами агиографической литературы в таких словах: «Один вид произведений — акты — ставит целью дать копию стенографической записи, другой — passio — похвалу мученику, и оба достигают своей цели, которая для одного есть своего рода стенография, потому что все слова, все изречения здесь воспроизведены, а для другого — своего рода иносказательность, потому что фактическая верность здесь уже закрыта как бы покровом и ее надо находить» (11). Из passiones приблизительно в IV или V веке с развитием христианской литературы выработалась новая форма агиографии, получившая название «похвалы» (ἐγκώμιον), или «похвального слова». Здесь уже над фактами преобладает риторика, составитель похвалы не заботится о точной передаче событий, а старается пробудить сердце читателей, вызвать у них почитание подвига святого мученика (12).

Эпоха гонений, украсив Церковь множеством мучеников, дала немало и сказаний о них. После торжества христианства количество этих сказаний еще более увеличилось, потому что каждая Церковь стремилась иметь своих небесных покровителей и прилагала все усилия, чтобы добыть сведения о них. Побуждало к этому и то, что сказания о мучениках с первых времен пользовались глубочайшей любовью христиан, их читали, списывали и собирали в сборники; некоторые проникались к ним даже таким уважением, что никогда не расставались с ними, нося их постоянно при себе. Рано чтение сказаний о святых мучениках вошло и в церковное богослужение. Как можно предполагать по мученическим актам священномученика Игнатия Богоносца, чтение сказаний о мучениках за богослужением практиковалось уже во II веке. В житии святого мученика Евстратия и дружины его (13 декабря) временем для чтения страданий святых мучеников указана утреня, по пении псалмов. Святой Маруфа, епископ Месопотамский, читал акты персидских мучеников в церкви Великим постом. 50-м правилом Карфагенского собора 418 года повелевается читать мученические акты за богослужением в те дни, когда чтится Церковью память мученика (13). Для того, чтобы исполнить это требование Собора, нужно было иметь сборник сказаний о святых муче-

никах, расположенных в порядке дней и месяцев года. Такие сборники потом и получили наименование Четиих-Миней (14).

Рано ли начали составляться такие сборники — неизвестно. Архиепископ Сергий говорит, что в III веке собиранием сказаний о святых мучениках занимался святой Дионисий, епископ Александрийский. В IV веке о палестинских мучениках написал особую книгу Евсевий, епископ Кесарийский. Он же, пользуясь расположением к нему царя Константина, собрал из церквей и римских судебных учреждений записи и акты о святых мучениках и издал их в десяти, а по другим сведениям — в двадцати книгах, о чем сам неоднократно говорит в своей «Истории Церкви» (15). К сожалению, этот труд Евсевия Кесарийского в полном виде не сохранился до нашего времени, и поэтому мы не можем сказать, носил ли он характер Четиих-Миней, т. е. были ли сказания о святых мучениках расположены в нем по дням и месяцам года. Если судить по сборнику Евсевия о палестинских мучениках, то такого распределения не было; здесь сказания расположены по местам страданий и смерти святых мучеников. После епископа Евсевия сведения о персидских мучениках собрал святой Маруфа, епископ Месопотамский, но и его собрание не имеет характерной черты Четиих-Миней — распределения сказаний по месяцеслову. Поэтому ни Евсевия Кесарийского, ни святого Маруфу нельзя назвать первыми творцами Четиих-Миней, они были только собирателями актов и сказаний о святых мучениках, но собирателями замечательными, выдающимися.

Миланский эдикт императора Константина (313 г.), давший свободу христианской религии, повлек за собой крупные изменения и в греческой агиографии. С этого времени прекратились гонения на христиан и число мучеников за Христа значительно сократилось. Но взамен этих героев духа явились подвижники и исповедники иного рода, которые или на кафедрах святительских, или в глухих местах и пустынях боролись со злом и страстями, стараясь осуществить в своей жизни идеал христианского совершенства. Любовь современников не могла пройти мимо этих новых светочей христианства и, окружая их глубоким благоговением, старалась сохранить в памяти потомства их жизнь и подвиги. Так как эти подвиги имели свой особый характер и интерес представляла вся жизнь подвижника, то, конечно, и самый стиль рассказа о нем сравнительно со сказаниями о святых мучениках должен был измениться.

Описывая страдания и кончину мученика, агиограф не интересовался всей его жизнью; для него важно было передать верно и подробно его стойкость в вере и его терпение в страданиях. Предполагалось, что правдивый рассказ об этом поразит сердце читателя и назидательно воздействует на него. Поэтому агиограф мучеников редко вносил в свое повествование личные замечания или рассуждения. Агиограф нового времени должен был описать всю жизнь святого, от рождения до кончины, собрать сведения об его духовных подвигах и изложить все это так, чтобы рассказ был назидателен и вызывал у читателей благоговение к тому, о ком рассказывалось в повествовании. В результате этих требований появился (в Греции) новый тип агиографической литературы, который по-гречески называется Βίος по-славянски «житие». Историки литературы говорят (16), что христианские агиографы заимствовали этот тип у классической греческой литературы, в биографиях знаменитых людей древней Греции. Правда, некоторые христианские писатели, стремившиеся порвать всякую связь с язычеством, старались и для описания жизни святых создать свой самостоятельный стиль (17), но возобладало иное направление, которое, усвоив классическую форму, сделало в ней лишь необходимые, требуемые духом христианской религии изменения.

Житие обыкновенно начиналось предисловием, в котором автор говорил о своем недостоинстве и малой учености, приводил причины и поводы, которые заставили его взяться за труд, и, наконец, указывал те источники, из которых он собрал и получил сведения о святом. В главной части должна была быть описана вся жизнь подвижника от рождения до кончины. Здесь указывалось место, откуда происходил святой, кто были его родители, как он вел себя в юности, как учился, когда и под чьим влиянием решился вступить на путь подвига. Здесь же подробно описывались все аскетические упражнения святого, его борьба с диаволом, его отношение к ученикам и вообще к людям. В конце этой части приводились предсмертные наставления подвижника, передавались все обстоятельства его кончины и давались сведения о сотворенных им чудесах. Заканчивалось житие заключением, в котором воздавалась похвала святому, а иногда присоединялась даже молитва ему.

В первое время жития были действительными историческими рассказами о жизни и подвигах святых людей, особенно когда писали их лица, близкие к ним, их ученики и сподвижники (18). Но потом усвоенный греками взгляд, что читателей более, чем простой, безыскусственный рассказ, назидает красноречие и витийство, сделал то, что агиографы, отвечая вкусам публики, внесли риторику и в жития, и последние постепенно ослабили свой характер исторических памятников. Форма в них возобладала над содержанием, их стиль потерял простоту, он стал украшаться метафорами и сравнениями, в изложении появились длинные диалоги, лирические восклицания и рассуждения автора. После эпохи иконоборчества в Византии появились целые школы, в которых специально обучали составлению житий, где каждый ученик, оканчивающий школу, должен был непременно написать житие по данным ему образцам. Форма, конечно, много повредила исторической ценности житий, но нельзя думать, что она совершенно их обесценила. И в таких житиях все же можно найти богатый материал для знакомства с политической историей Византии, с ее социальными порядками и бытом народонаселения (19).

Когда жития стали, подобно мученическим актам, собираться в сборники — неизвестно. Период греческой агиографии от V до VIII века архиепископ Сергий называет «сокровенным», потому что от этого времени сохранилось очень мало агиологических памятников. Сборников полных житий среди них совсем нет. Между тем, в это именно время появился у греков новый вид агиографической литературы, получивший название «патерика», по-славянски «отечника». Такое название давалось сборникам, где собраны были небольшие рассказы и повести о подвижниках какой-либо одной местности и передавались из их жизни лишь некоторые отдельные события или назидательные наставления. Из патериков наиболее замечательными считаются: «Лимонарь», или «Луг духовный» Иоанна Мосха, «Лавсаик» Палладия Еленопольского, «Беседы о жизни и чудесах италийских отцев» папы Григория Великого, «История боголюбцев» Феодорита, епископа Киррского, и другие. Все они написаны с назидательной целью, все дают разнообразный и богатый агиографический материал, но в расположении сказаний о святых не имеют никакого сходства с Четиими-Минеями. Свои рассказы и повести они распределяют не по месяцеслову, а по простой ассоциации идей или по отдельным группам.

Составление Четиих-Миней, вообще, надо признать делом сравнительно поздним. Для этого требовалось собрать огромный материал и приложить много труда в распределении его по дням и месяцам всего года. Поэтому можно предполагать, что ранее Четиих-Миней появились сборники не полных житий святых, а кратких сказаний о них, расположенных по месяцеслову (20). Сказания эти передают только

важнейшие факты из жизни святых, форма их проста и лишена какой-либо литературной обработки. На Западе такие сборники назывались, как и сборники памятей святых мучеников, «мартирологами», в Греции — «Синаксарями», у нас они именуются «Прологами». На Востоке самый древний из известных теперь Синаксарей был составлен в конце X или в начале XI века по приказанию императора Василия Болгаробойцы. Это — знаменитый «Минологий императора Василия», в котором вместе со сказаниями о святых имеются и изображения их. После этого первого Синаксаря появились у греков и другие, состав которых постепенно пополнялся рассказами, заимствованными из патериков, и статьями учительного характера. Это придало Синаксарям глубокий назидательный характер, и они стали любимыми и наиболее распространенными среди народа книгами.

Первое упоминание о существовании полных греческих Четиих-Миней относится к началу IX века. Оно находится в письме преподобного Феодора Студита к его духовному отцу Платону (21). А от конца того же века сохранились уже и самые списки Четиих-Миней. Архиепископ Сергий в своем исследовании подробно описывает их содержание. Из его слов видно, что в то время Четии-Минеи представляли уже довольно развитой вид подобного рода памятников. В них находятся сказания не только о мучениках, но и о других святых. Эти сказания заполняют почти все дни года, и расположены они в порядке, близко соответствующем ныне принятому месяцеслову. Наконец, по форме это не акты мучеников, а жития, уже переработанные по теории βίος и дополненные материалом дидактическим — словами и поучениями на праздники и в похвалу святым (22).

В конце X века важную работу внутри греческих Четиих-Миней (т. е. в самых житиях) произвел знаменитый логофет Византийского двора Симеон, получивший за свои труды название Метафраста. Первый биограф Метафраста Михаил Пселл, характеризуя состояние житийного материала до исправления его Симеоном Метафрастом, говорит: «Те, которые прежде описывали деяния святых Божиих, частью писали несправедливое, частью изображали доблести святых без силы и красоты, так как не имели особенного дара слова... Отселе происходило, что некоторые не хотели и читать писаного, а другие обращали даже в предмет насмешек и презрения чтение повествования о рабах Божиих» (23). Тогда, «по усердной просьбе всех верующих», Симеон Логофет в шестом году царствования Василия II Болгаробойцы (976—1025) принял на себя составление житий святых отцов, иерархов и мучеников. «Сей премудрый, уважив просьбу побуждавших его, ревностно взялся за дело, положил перед собою древние (акты) мучеников, называемые «Кимен», что значит лежащий, и переделал их в метафразы. Он прежде всего украсил слог, притом, так, что, удерживая смысл раньше написанного и не изменяя его, представил его яснее; вместе с этим он потрудился совершенно устранить слова, сомнительные и еретиками привнесенные. Таким образом, в описаниях мучений святых он сделал два улучшения: очистил пшеницу от плевел и некрасивое сделал красивым» (24). Метафраст, однако, не успел закончить переработку всех житий, входящих в круг Четиих-Миней. Ему помешал гнев императора Василия, приказавшего за неосторожную фразу (25) изъять из употребления переложения Метафраста и даже сжечь их. Это приостановило работу. Но после смерти Василия II метафразы Симеона, доселе скрываемые, появились снова на свет, быстро распространились и так всем понравились, что вскоре вытеснили ранее употребляемые жития святых. Кроме исправления житий, по мнению архиепископа Сергия, Метафраст дал им и более определенный и твердый порядок в распределении по месяцам и дням года (26).

Так как Минологий Метафраста не носил первоначально имени автора или собирателя, то неудивительно, что неопытные переписчики приписали Метафрасту столько житий и похвал, сколько он никогда не включал в свои книги. Ученые предприняли немало трудов, чтобы выделить из этого множества подлинные труды Метафраста, и в настоящее время считается почти общепризнанным, что в Минологий Симеона Логофета входило приблизительно 150 статей, причем большинство их падало на первые пять месяцев года (сентябрь—январь). Среди этих статей были жития, и не принадлежащие Метафрасту, но удовлетворившие его и принятые им в его кодекс; большинство, однако, состояло из переработок самого Метафраста (27).

Протоиерей Корнилий Кекелидзе в третьей книге I тома академического издания «Христианский Восток», вышедшей в январе 1913 года, напечатал статью «Иоанн Ксифилин, продолжатель Симеона Метафраста» (с. 325—347), в которой приводит из одного грузинского агиографического сборника документ, имеющий такой заголовок: «Премудрого философа Ксифилина, главнейшего среди дворцовых книжников, метафразировавшего, т. е. распространявшего и разукрасившего с древнего «Кимена», некоторыми называемого также Многоглавом, жития, деяния, мучения и подвиги святых, воспоминаемых в течение семи сих месяцев, как-то: февраля, марта, апреля, мая, июня, июля и августа, доклад великому царю Алексию». В этом докладе автор сообщает, что он «приступил к завершению того, что осталось недоконченным от мужа мудрого и божественного, впервые начавшего метафразировать и распространять памяти святых, воспоминаемых в зимние месяцы, т. е. Симеона Логофета». К этому делу, сообщает далее автор доклада, «побуждал его родственный завет святого и великого патриарха нашего Ксифилина». Из этих выдержек можно заключить, что в конце XI века, по поручению императора Алексия I Комнина (1081—1118), была составлена новая редакция Четиих-Миней.

Автор ее, образованный византиец Иоанн Ксифилин, составил жития святых за месяцы февраль — август и, таким образом, как бы дополнил работу Симеона Метафраста. В. В. Латышев изданную им «Византийскую царскую Минею» и считает трудом Иоанна Ксифилина, но полагает, что эта Минея составлена независимо от Метафрастовой и не с целью пополнения последней, а имеет самостоятельное определенное назначение (28).

Из сказанного видно, что к XI веку в области греческой агиографии собран был огромный материал и установилась определенная, всеми принятая литературная форма. Окончательного сформирования Четиих-Миней, однако, не было, так как Греческая Церковь не выработала еще одного твердого, всеми принятого Месяцеслова.

На Руси агиография не имела такой долгой и сложной истории, как в Греции, но всё же условия жизни и переживаемые народом политические и общественные события оказывали влияние и на агиографию и сообщали ей новые своеобразные черты. Однако, прежде всего, следует указать, что́ восприняли мы от греков.

Ко времени принятия христианства сложившееся еще в IX веке Русское государство с главным городом Киевом достигло уже высокой культуры и было хорошо известно и Византии, и многим странам Западной Европы. Поэтому, когда князь Владимир принял христианскую веру и объявил ее государственной религией в своей обширной стране, культурные связи русского народа с Грецией и западными странами еще более укрепились и расширились. С введением новой религии шла к нам и вся связанная с нею литература. Эта литература в первое время, благодаря родству языка, получалась нами, главным образом, из южнославянских стран — Болгарии и Сербии, ранее нас принявших

христианство, но шла и непосредственно из Византии. Вместе с книгами Священного Писания и богослужебными приходили к нам сочинения и агиографического содержания.

По сохранившимся до настоящего времени рукописным материалам трудно точно определить состав полученной нами в домонгольский период агиографической литературы, но можно с несомненностью утверждать, что уже в этот период мы имели полученные из Болгарии и Византии как отдельные жития святых, так и сборники их — Синаксари и Четии-Минеи (29). Шла к нам в то время агиографическая литература и с Запада, из Моравии и Сербии, где славянские племена соприкасались с культурой романо-германских стран, имевших тогда многочисленные агиографические сборники, переведенные с греческих рукописей на латинский язык (30). Наконец, существовали у нас в домонгольский период и жития славянского происхождения, наиболее важное из них — житие Вячеслава, князя Чешского. Смерть князя Вячеслава, убитого братом Болеславом, была описана в житийном стиле на чешском языке и уже в XI веке стала известна на Руси под названием «убиение Вячеслава князя Чешска» (31).

Старейший список Синаксаря, который получил у нас название Пролога (32), по мнению литературоведов, относится к последней трети XII века. Он сделан в Византии группой переводчиков — болгар и русских, о чем свидетельствует и язык перевода. В этом списке Пролога есть житие русского святого — Кирилла Туровского, умершего в конце XII века. Впоследствии в Пролог вносились жития и других русских святых (Бориса и Глеба, княгини Ольги, Леонтия, епископа Ростовского, и других), а его дидактический материал дополнялся новыми статьями назидательного характера, заимствованными из творений Иоанна Златоуста, Феодора Студита и других святых отцов. Вскоре Пролог стал одной из любимых книг русского народа и оказал большое влияние на труды наших древнейших агиографов. Не имея достаточных знаний и опыта, они, желая сохранить память о своих подвижниках, не решались писать житий в той сложной форме, которая утвердилась в греческой агиографии, а подражали большею частью простым и кратким рассказам Пролога.

Полных Четиих-Миней от домонгольского времени не сохранилось; имеется только часть их в двух списках различного письма. Это, во-первых, Супрасльская рукопись, найденная в Супрасльском униатском монастыре. Она содержит жития за месяц март, но не все: нет житий за первые три дня месяца (они утеряны) и за некоторые дальнейшие дни. После житий в сборнике помещены слова святых отцов на праздники. Рукопись относится к XI веку (33). Во-вторых, Успенский сборник XII века, содержащий жития святых за месяц май; в нем находится 18 житий, причем вместе с житиями греческими здесь помещены жития славянских и русских святых, а именно: житие Мефодия, епископа Моравского, житие Феодосия Печерского, сказание о Борисе и Глебе и др. (34). Были ли у нас в домонгольский период и другие месяцы Четиих-Миней — неизвестно. Историки Русской Церкви и литературы полагают, что были. Профессор Е. Е. Голубинский говорит, что «нельзя допустить, чтобы переведены были некоторые месяцы по выбору..., а не все вместе, и если мы имеем некоторые месяцы, то из сего необходимо следует, что переведены были и все» (35). То же утверждают и историки литературы (36).

Что же представляли собой эти Четии-Минеи? Это был уже довольно развитой тип подобных сборников. В них находились жития не только мучеников, но и других святых, имели они и церковно-учительный материал в виде слов и поучений, только он помещался не под числами месяца, а в конце книги, после житий святых. Памяти святых в них расположены по дням, согласно Студийскому уставу, который господ-

ствовал в Греции в XI и XII веках и которым руководствовалась в первое время и наша Церковь. Но собранные в этих сборниках жития не получили еще той обработки, какую дал им Симеон Метафраст. Это были Четии-Минеи более раннего времени, которыми Метафраст пользовался при своей работе. Среди обращающихся у нас в домонгольское время отдельных житий святых, вероятно, попадались и Метафрастовы, но, вообще, имя Симеона Метафраста не пользовалось в Древней Руси такою известностью, какую имело оно в то время в южнославянских странах и какую приобрело у нас значительно позже.

Существовали у нас в домонгольский период и патерики. Упоминание о них находим и у Нестора — в житии преподобного Феодосия Печерского (37), и в Печерском патерике. Сохранились до нашего времени и некоторые рукописи патериков. На основании этих рукописей Е. Е. Голубинский полагает, что в то время у нас были следующие патерики: Синайский, содержащий «Лимонарь», или «Луг духовный» Иоанна Мосха; Азбучный, называемый иногда и Скитским, содержащий беседы и повести о древних подвижниках, расположенные в алфавитном порядке их имен; Скитский, подобный Азбучному, но излагающий тот же материал систематически, и Египетский, в состав которого вошли «История египетских монахов» и «Лавсаик» Палладия Еленопольского (38). В «Истории русской литературы», кроме этих патериков, указаны еще «Беседы папы Григория Великого о жизни и чудесах Италийских отцев» и патерик Иерусалимский (39).

Читая Пролог, Четии-Минеи и патерики, русские грамотные люди знакомились и с теми типами агиографии, которые выработала за время своего многовекового существования греческая церковная литература. Они узнали и схему полного жития (βίος), и краткое его изложение в греческих Синаксарях, и отрывочные назидательные рассказы из жизни святых в патериках. Но вместе с этим ими воспринят был и греческий взгляд на житие не как на правдивое историческое повествование о жизни подвижника, а как на назидание, и притом написанное в искусственном, риторическом стиле. Это требование оказало сильное влияние на наших писателей-агиографов; оно, как увидим, довольно определенно сказалось и на труде Святителя Димитрия (...).

Важное влияние на судьбу нашей письменности оказал приехавший в Москву по вызову правительства в 1518 году афонский монах Максим Грек. Прекрасно образованный и хорошо знакомый не только с греческой, но и с западной литературой, он дал много переводов с греческого и латинского языков и, между прочим, старался распространить у нас жития святых в редакции Симеона Метафраста. Ранее мы говорили, что Симеоновы метафразы были мало известны на Руси. Максим Грек привез их с собою в Москву и сделал из них несколько переводов на славянский язык (40). Но главная его заслуга состояла в том, что он внушил своим ученикам и последователям глубокое уважение к Метафрасту, как достовернейшему списателю житий святых. Благодаря этому авторитет Метафраста среди наших грамотных людей постепенно возрастал, и мы увидим дальше, как стремились руководители Святителя Димитрия достать ему при составлении Четиих-Миней жития в обработке именно Симеона Метафраста. Вообще, в рассматриваемое нами время количество переводной литературы возросло у нас до громадных размеров; появилось много как отдельных житий, так и сборников, сохранилось от этого времени немало и Четиих-Миней (41).

Когда Москва подчинила все отдельные удельные княжества и объединила их в великое Московское государство, у русских книжников возникла мысль собрать и объединить и все «чтомые на Руси книги». Эту мысль осуществил Московский митрополит Макарий (1542—1563). Еще будучи Новгородским митрополитом, он решил составить такой сборник, в котором можно бы было поместить всю письменность, сохра-

нившуюся на Руси от начала христианства до его времени. С этой целью, «не щадя сребра и всяких почестей», он нанимал различных писарей и «писал святые великие книги, и собирал и в единое место их совокуплял двенадесят лет», как говорит об этом он сам. Плодом этих долгих усиленных трудов и были великие Макарьевские Четии-Минеи, которые, по словам литературоведов (42), явились «эпохой» в истории древнерусской агиографии. Постараемся выяснить их значение.

Древние списки Четиих-Миней (Супрасльский и Успенский) составлены были по Студийскому уставу, имели жития не на все числа месяца, и назидательный материал — слова и поучения — расположен был в них в конце, в виде приложения. Это были переводы Четии-Минеи, не получившей еще окончательного развития в греческом оригинале. Дальнейшее развитие Четиих-Миней как в Греции, так и у нас носило одинаковый характер. Новые составители старались заполнить житиями пустующие числа, вносили правоучительный материал в самую Минею, в виде вторых статей на данный день, и приспосабливали расположение памятей святых к новому, Иерусалимскому уставу. Иерусалимский устав в нашей Церкви начал вводиться в половине XV века, и в XVI веке ему, в нашей именно Церкви, удается уничтожить «пестроту» и достигнуть сравнительного единства. Знакомясь с Четиими-Минеями домакарьевского времени, мы видим, что они далеко уже подвинули вперед это преобразование Четии-Минеи, но все-таки его не докончили: в них было еще немало дней с пропусками и в распределении житий наблюдалась путаница (43).

Митрополит Макарий прежде всего постарался заполнить все числа в Четиих-Минеях соответствующим материалом. Для этого он внес в свой сборник все переводы отдельных житий, которые существовали в нашей письменности, но почему-то не занесены были в Четии-Минеи. Широко воспользовался для той же цели митрополит Макарий и Прологами. В его время на Руси, кроме простого Пролога, составленного по Минологию императора Василия и дополненного, как мы говорили, на русской почве, существовал еще другой вид Пролога, называемого «стишным», где пред каждым сказанием о святом помещались в честь его краткие стихи и где житийный материал был представлен в значительно большем, нежели в простом Прологе, объеме. Пролог этот появился в Византии в XII или XIII в. и в XIV переведен был на славянский язык, причем у нас к нему сделаны были добавления из простого Пролога. Оба Пролога имели у нас одинаковое употребление. Ими-то и воспользовался митрополит Макарий для пополнения Четиих-Миней. Под каждым числом он поместил сначала Синаксари простого Пролога, затем собранные отовсюду полные жития святых и повествования о праздниках, а в конце дня — статьи из стишного Пролога. Таким способом митрополит Макарий объединил в своих Четиих-Минеях весь переводный житийный материал, существовавший на Руси в его время. Насколько успешно было выполнено митрополитом Макарием это дело, видно из того, что очень редко удается найти житие, написанное до Макария, не внесенным в его Четии-Минеи.

Кроме житий общехристианских святых, митрополит Макарий стремился собрать в своих Четиих-Минеях и жития всех святых, просиявших в Русской земле. Для этого он, когда избран был Московским митрополитом, созвал два Собора — в 1547 и 1549 гг., на которых было канонизовано значительное число русских подвижников благочестия, до этого времени почитавшихся местно. При этом канонизации удостаивались лишь те святые, которым составлена была служба и написаны жития в приличной, принятой у нас в XV веке форме (44). Эта сторона деятельности митрополита Макария послужила поводом к новому развитию нашей агиографии; вместе с этим она утвердила и узаконила ту литературную форму, которую ввели у нас митрополит Киприан и

монах Пахомий. Кратких сказаний о святых и простых записок о них митрополит Макарий в свои Четии-Минеи не принимал, а поручал переделывать их по правилам господствовавшей тогда и одобряемой им формы. Вообще, деятельность митрополита Макария в области агиографии касалась, главным образом, стиля житий, но и здесь его надзор едва ли простирался одинаково на весь состав огромного сборника. Во вкладной записи, помещенной в Успенском списке великих Четиих-Миней, митрополит сам говорит, что дело исправления житий далеко им не закончено: «иная же и до днесь в них неисправлена пребысть и сия оставихом по нас могущим с Божиею помощью исправити».

Наконец, благодаря митрополиту Макарию изменился и самый характер Четиих-Миней: из книги, передающей сказания о жизни святых угодников, они становятся сборниками всей святоотеческой и церковноучительной литературы, и назидательный материал получает в них господство над историческим. Как известно, митрополит Макарий расположил в своих сборниках по руководству месяцеслова не только жития святых и различные слова и сказания о праздниках, но и все известные в его время произведения догматической, нравоучительной и даже легендарной христианской литературы. Принципом подбора служило имя святого; если он был и писателем, или если о нем известны были какие-либо сочинения, то весь этот материал (т. е. и все творения святого, и все посвященные ему сочинения) также помещался в Четиих-Минеях вслед за памятью и житием святого. Тот материал, который нельзя было разместить таким образом, присоединялся обыкновенно в конце месяца в виде особого приложения (45).

Труды митрополита Макария вызвали у нас оживленную агиографическую деятельность. По словам В. О. Ключевского, в это время написано было житий русских святых не меньше, чем в сто лет, следовавших за смертью Макария. Агиографическая работа шла и совершалась тогда не только в городах — центрах тогдашнего просвещения, но и в глухих, удаленных от городов обителях. Иноки и светские люди, взявшие на себя труд составления житий, ревностно перерабатывают старые сказания и записи о святых, придавая им новую, требуемую временем литературную форму; по кратким, написанным по памяти или рассказам современников, сведениям о святом составляют полное его житие, не заботясь о достоверности сообщаемых фактов; спокойно заимствуют и переносят из одних житий в другие целые отделы, начинают повествование иногда обширными предисловиями, заканчивают похвалой, молитвой и описанием чудес и сопровождают изложение разнообразными риторическими украшениями.

Впрочем, необходимо сказать, что после митрополита Макария в агиографии наблюдается стремление освободиться от требований установившейся формы и дать в житии более достоверные сведения о святом (...). В этом отношении интересно составленное в XVII в. Симоном Азарьиным житие архимандрита Троице-Сергиевой Лавры преподобного Дионисия. Симон здесь пишет: «Бог не хощет ложными словесы прославляем быти, и святым неугодно есть затейными чудесы похваляемыми быти» (46). Этим словам Симона Азарьина отвечают слова Святителя Димитрия, который в своей работе держался правила: «не буди ми еже лгати на святого». Из приведенных выражений видно, что агиограф северной Руси и писатель житий на Украине следуют в своих трудах одному и тому же правилу и таким образом разделенную историческими превратностями Русь сливают снова в этом отношении в одно целое.

Изменился после митрополита Макария и состав Четиих-Миней. Вместо собрания всей церковно-назидательной письменности они становятся сборником только житий святых, т. е. приобретают вид старых, домакарьевских Миней. Через сто лет после митрополита Макария в Троице-Сергиевой Лавре, по поручению архимандрита Дионисия, написаны

были Четии-Минеи рукою инока Германа Тулупова, а в 1646—1654 годах составил Четии-Минеи священник посадской церкви Иоанн Милютин со своими сыновьями. И Тулупов, и Милютин поместили в своих сборниках только жития и сказания, добавив к находящимся в Макарьевских Четиих-Минеях житиям русских святых много новых житий. Инок Герман помещал в свои книги всё, что находил, давая иногда разные редакции одного и того же жития; Милютин, по его словам, «писал с разумных списков, тщася обрести правая». Стараясь сокращать жития, он выпускал предисловия и похвальные слова, а иногда даже и переделывал памятник. Ниже мы увидим, что, не имея никаких сношений с Милютиным, Святитель Димитрий пошел по тому же пути и внес в свои жития еще больше самостоятельности и критического почина.

Такова история агиографии на северо-востоке России. Не то было на юго-западе, в русских областях, сначала разоренных татарами, а потом подпавших под власть Литвы и Польши. Здесь и жизнь, и литература, а следовательно, и агиография сложились и развивались при совершенно иных условиях.

После татарского погрома русское население, жившее в областях старого Киевского княжества, уже значительно ослабленное отливом лучших сил на северо-восток, еще более поредело, но не вымерло, не уничтожилось. Оно сгруппировалось в наиболее безопасных местах, подвинувшись немного вверх по течению Днепра. Значение Киева, пошатнувшееся уже и ранее, теперь совершенно пало, и вместо него центром русской жизни на юго-западе стал сначала Галич, а потом Львов, находившиеся под управлением даровитых князей Галицких. Но в XIV веке эти области были уже покорены поляками, и часть русского населения, убегая от католической пропаганды, переселилась оттуда в Киевские пределы, где и смешалась со старым киевским населением. В результате этой ассимиляции получилась новая, украинская народность с особенным говором, отличным от старого, киевского. В XIV же веке все юго-западные русские области подпадают под власть Литвы, и центр политической жизни переносится на север, в города Новогрудок и Вильно, столицы Литовского княжества. Объединив Юго-Западную Русь и усвоив ее культуру и религию, Литва ставит себе ту же цель, к которой стремилась и Москва, — собрание под своим господством всего русского народа. На этой почве между Литвой и Москвой возникает борьба, которая и тянется в продолжение всего XIV и XV веков. Литовские князья стараются совершенно обособить свои русские владения от влияния Москвы. В XV веке, после некоторых колебаний, им удается отделить Юго-Западную Русскую Церковь от Московской и дать первой самостоятельного митрополита. Вследствие этого связь между обеими областями слабеет еще более и сношения между ними возобновляются только тогда, когда православный народ на юго-западе начинает борьбу с католичеством.

Пропаганду католичества на юго-западе вела Польша. Покорив Галич и Волынь, она, чтобы расширить свои владения, стремится подчинить своему влиянию и другие юго-западные русские области. Однако Литовское государство сначала оказывает ей в этом довольно сильное сопротивление, и Польша, потеряв надежду завоевать его силой, переходит на новый путь — объединяется с Литвой под властью Ягайло, вступившего в брак с польской королевой Ядвигой в 1386 г. Это событие было первым шагом, повлекшим за собою подчинение русских областей Литовского княжества Польше в области языка, религии и культуры. Объединившись с Литвой, поляки не оставили своих исконных намерений и, думая, что главным препятствием к ассимиляции с ними русского народа служит преданность его православной вере, все свои

усилия направили на то, чтобы поколебать эту преданность и обратить православных в католичество. Общественная и политическая борьба, таким образом, вылилась в форму борьбы чисто религиозной. Главными этапами этой борьбы со стороны поляков были: Городнальский сейм (1413), Люблинская уния (1569) и, наконец, уния Брестская (1596). Убедившись в том, что грубою силою и притеснениями нельзя заставить православное населения переменить свою веру, поляки прибегли к хитрости: они провозгласили унию, т. е. объединение Православной и Католической Церквей под главенством римского первосвященника, но с сохранением всех употреблявшихся в Православной Церкви обрядов. Главными агитаторами этого объединения были иезуиты, появившиеся в Литве вскоре после Люблинской унии. Правда, их деятельность сначала направлена была против протестантизма, сделавшего в Литве и Польше большие успехи в правление Сигизмунда II Августа (1548—1572), но вскоре, справившись с этим врагом, иезуиты всё свое внимание обратили на православных и стали применять в борьбе с ними совершенно иные, чем было ранее, средства.

Явившись в Литву, они тотчас же начали заводить здесь училища, не только низшие, но и высшие — коллегиумы и академии, где обучали и воспитывали всех желающих. Блестящие успехи учеников иезуитских школ в латинском языке, который считался тогда в Польше и Литве, как и в Западной Европе, необходимым признаком образованности; публично исполняемые учащимися театральные представления; различные религиозные процессии, где воспитанники иезуитов, одетые в соответствующие костюмы, изображали апостолов, пророков и ангелов, — всё это одинаково восхищало как детей, так и их родителей, и иезуитские школы стали быстро наполняться учениками. Увлекая юношество путем школы, на взрослое население иезуиты старались действовать публичными диспутами и внешней пышностью богослужения. Особенное внимание обратили они на проповедь. Она произносилась в их костелах ежедневно, утром и вечером, причем в роли проповедников выступали весьма часто такие знаменитые ораторы, как Станислав Варшевицкий и Петр Скарга. Последний прибыл в Вильно в 1573 году и быстро приобрел известность своим необыкновенным красноречием. Литература тоже служила в руках иезуитов одним из средств борьбы с Православием. Пользуясь хорошо знакомым многим из русских польским языком, они составляли, печатали и распространяли среди православных книги и брошюры, в которых или прямо нападали на Русскую Церковь, или старались показать мнимые преимущества католичества. Особенно оживленный характер литературная деятельность иезуитов приобрела в эпоху Брестской унии. В это время вышли знаменитые книги П. Скарги: «О единстве Церкви Божией» (1577 и 1590) и «Брестский собор и его оборона» (1596), в которых были указаны и развиты все главные пункты полемики с православными.

Народ не хотел подчиниться всем этим намерениям Польши и вел с нею борьбу за свою национальную и религиозную самостоятельность. На первых порах, когда поляки, пропагандируя католичество, употребляли чисто внешние приемы — гонения и притеснения, он отвечал на них бунтами и восстаниями казаков, и это имело свое действие. Но с середины XVI века, когда борьба развернулась, главным образом, в сфере просвещения и культуры, такие меры оказались недейственными, и успех сразу перешел на сторону католиков. Главной причиной этого было то, что у православных не было средств для такой борьбы. Образование стояло тогда среди населения на самой низкой ступени развития; простой народ, по всей вероятности, был сплошь безграмотен; среднее сословие и горожане обладали грамотностью, но самою элементарною, потому что до 70-х годов XVI столетия не только высших, подобных католическим коллегиям и акаде-

миям, но и средних училищ у православных не было. Грамоте обучали частные лица, так называемые «мастера», которыми по большей части были пономари, дьячки и другие духовные лица, сами, кроме грамоты, весьма мало знающие. Кто искал большего образования, поневоле должен был идти в католические или протестантские школы, но оттуда редко выходил не потерявшим свою веру. Не имея хороших школ, православные не имели и людей, способных защищать свое вероисповедание от нападок католичества. Недостаток в ученых людях остро чувствовался православными не только до Брестской унии, но и значительно позже. «Из духовных ученых русской веры,— говорит один католический писатель того времени,— не нашел бы и десятка по всей Руси, чтобы умели объяснить, что такое таинство, чистилище, папская власть» (47). На крайнее невежество русских указывал и Скарга в своем сочинении «О единстве Церкви Божией». Но об этом же свидетельствуют и сами русские. Князь А. М. Курбский в предисловии к «Новому Маргариту» пишет: «...Исках мужей словенским языком книжным добре умеющих и не возмогох обрести» (48). Князь К. К. Острожский в письме к Львовскому братству, написанном в 1592 году, жалуется на нехватку в своей школе учителей и на великий, вследствие этого, научный голод. Об этом же пишут во Львов в 1592 году члены Перемышльского братства, а в 1617 — члены Виленского братства (49) и т. д. Наконец, Южно-Русская Церковь и вообще в это время находилась в тяжелом, бедственном положении. Православные храмы были бедны; богослужение отправлялось без должного благолепия и торжественности; не слышно было живой проповеди; недоставало книг не только для духовного просвещения, но и богослужебных; в ряды высшего духовенства, вследствие злоупотреблений правом патронатства, попадали часто люди недостойные; из представителей русской аристократии весьма многие, соблазняемые правами и привилегированным положением католиков, изменили своей вере и перешли в лагерь ее противников; за ними, привлекаемые тем же преимущественным правовым положением, окатоличивалось и среднее дворянство, так называемая шляхта. Если ко всему этому прибавить измену Православию на Брестском соборе почти всех высших представителей церковной иерархии и то расстройство, какое внесла эта измена в церковную жизнь, то для нас станет ясно, в каком тяжелом положении находилась тогда Православная Церковь на юго-западе и как трудно ей было бороться со своими врагами.

Несмотря на это, у гонимой, обездоленной и лишившейся прямых руководителей Церкви Православной нашлись поборники и защитники, которые не побоялись ничего и решились выступить на ее защиту. Явившись на Брестский собор, эти представители православного населения, когда увидели, что ни митрополит, ни изменившие Православию епископы не желают вступать с ними в общение, составили свой Собор и постановили: «не слушать этих, осужденных соборным приговором, митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их до власти, напротив, сколько возможно, противиться их действиям, определениям и распоряжениям и стоять твердо в своей вере...» «Мы,— говорили далее православные участники Брестского собора,— протестуем против всех этих лиц и их несправедливого деяния и обещаемся не только не подчиняться, но с Божией помощью всеми силами сопротивляться им, а наше постановление, сделанное против них, будем подкреплять и утверждать всеми возможными средствами» (50). Это были не пустые слова, это была искренняя, горячая клятва, которую давали поборники Православия за себя и за своих потомков и которая надолго определила ход церковной жизни среди православных на юго-западе России. Великое значение имела эта клятва потому, что вслед за православными участниками Брестского собора ее принял и

повторил весь русский народ, еще не потерявший преданности своей вере. Брестская уния была для него как бы набатом, который разбудил и поднял даже глубоко спящих. Первым следствием этого пробуждения было стремление сплотиться, объединиться против врага в целях самозащиты. Это объединение выразилось в развитии и новой организации церковных братств, издавна существовавших на юго-западе. Теперь они широкой сетью покрывают русские и литовские области Польского государства, и в них сосредоточиваются все средства борьбы с пропагандой унии и католичества. Деятельность братств, состоявшая прежде в поддержании храмов, обеспечении духовенства и взаимопомощи, теперь значительно расширяется. У своих противников они научились, какими средствами надо бороться с католиками. Подобно иезуитам, братства главное внимание обратили на поднятие в народе образования и для этого начали открывать школы, заводить типографии, содержать при храмах особых проповедников и способным молодым людям давать средства для завершения своего образования за границей. В них закипела ни на минуту не ослабевающая разносторонняя деятельность, привлекая и объединяя всех лучших православных людей того времени.

Одним из результатов этой широкой просветительной деятельности братств было возрождение и расцвет православной юго-западной литературы. Литература на юго-западе России существовала и ранее, но была слаба и малозначительна. В темную эпоху татарщины и почти до конца XVI века она, хотя и не порывала связи с древней киевской литературой, но не дала ничего самостоятельного и более или менее выдающегося. Деятельность южнорусских книжников в эту пору сосредоточивалась, главным образом, на том, чтобы сохранить старые памятники письменности и передать их потомкам. Но и это не всегда удавалось. Бурная политическая жизнь, частые войны и вторжения неприятелей, а потом пропаганда католичества мешали книжным занятиям, и древние памятники письменности оставались сохранными и переписывались лишь в некоторых старинных монастырях. Первые признаки литературного оживления наблюдаются на юго-западе только с конца XV века, когда для православных стала ясна опасность, грозившая их вере и их национальной самостоятельности. Наиболее чуткие из них уже тогда поняли, как трудно будет им устоять против врагов, если Православная Церковь не будет снабжена необходимыми для борьбы средствами. Воспользовавшись уже проникшим тогда на юго-запад книгопечатанием, эти ревнители Православия начали издавать и распространять богослужебные и другие нужные для Церкви книги. Чтобы сделать свои издания более понятными для читателей, они пользовались при этом не только церковнославянским, но и местным, народным языком. Последнее нововведение допущено было потому, что народ на юго-западе в XV и XVI веках говорил уже на особых — белорусском и украинском — наречиях, обильно насыщенных полонизмами, и древнеславянский язык был ему малопонятен. Между этими первыми поборниками Православия, стремившимися использовать для борьбы с католичеством литературу, особенно замечательны: князь К. К. Острожский и московский беглец — князь А. М. Курбский. Первому юго-западная Церковь обязана таким необходимейшим памятником христианского вероучения, как Библия, изданная в Остроге в 80-х годах XVI столетия. Второй много потрудился над распространением в юго-западном крае святоотеческих творений в переводах, сделанных Максимом Греком, самим Курбским и его литературным кружком. По инициативе этих же лиц возникли на юго-западе и первые полемические сочинения против католиков.

Но деятельность всех этих защитников Православия носила разрозненный характер и не имела под собой твердой почвы и основа-

ния. Их дали литературе братства, которые повсеместным открытием типографий упрочили на юго-западе дело книгопечатания, а из своих школ выпустили много энергичных работников, которые отдали свои силы литературе. Прогресс особенно заметно сказался на литературе полемической: вместо робких, большею частью слабых и несамостоятельных брошюр и книжек раннейшего периода теперь православные начинают издавать целые научные трактаты, ничем не уступающие полемическим сочинениям католиков. Авторы их пользуются теми же методами и заимствуют материал из тех же источников, что и их враги. Но деятельность братств оказала благотворное влияние и на литературу основоположительного характера. Из основанных братствами типографий в XVI и XVII веках выпущено было множество книг духовной литературы самого разнообразного содержания. Здесь были, кроме богослужебных, книги Священного Писания, творения святых отцов и учителей Церкви, сочинения нравоучительного характера, учебники и первые опыты катехизического богословия, церковной и гражданской истории и канонического права. Особо почетное место принадлежит в этом отношении Киеву, который с начала XVII века опять делается центром просвещения и берет на себя руководящую роль в борьбе с католичеством. Здесь, в Киеве, около основанной митрополитом Петром Могилою высшей духовной школы группируются все выдающиеся литературные деятели, а в Лаврской типографии печатаются наиболее замечательные и важные издания. Здесь же впервые возникает мысль и об издании полных Четиих-Миней.

Возникла она, с одной стороны, благодаря общему направлению литературы, поставившей для себя целью — снабдить Православную Церковь всеми главнейшими источниками христианского веро- и нравоучения, с другой, — под влиянием условий времени. Мы уже говорили, что иезуиты в своих нападках на Православие пользовались и литературой. С их стороны особенно много появлялось тогда сочинений нравоучительного характера, где описывалась жизнь святых или прославлялись католические святыни. Для подобного рода сочинений католики располагали богатыми источниками. В то время (в XVI и XVII веках) на западе Европы существовало уже много агиографических сборников, содержащих в латинском переводе мученические акты и жития святых. Между этими сборниками особенно замечательны: «Vitae Sanctorum» Моисея Липомана, вышедшие в 1551—1560 годах в 8-ми томах и содержащие жития римских и восточных святых, последние — преимущественно в редакции Метафраста; «Vitae Sanctorum orientis et accidentis» Лаврентия Сурия, первое издание которых вышло в 1569—1575 годах, а четвертое, исправленное и дополненное, — в 1618 г.; «Annales Ecclesiastici» Барония и его же «Martyrologium Romanum», изданные в конце XVI века и содержащие богатейший материал по истории Христианской Церкви и жизни святых; «Vitae patrum» Г. Росвейда, в 10 книгах, где были собраны все древние патерики и многие жития святых; наконец, «Acta Sanctorum» Болландистов, начавшие выходить с 1643 года, и многие другие. По руководству этих-то сочинений католические писатели и составляли свои книги, где вместе с житиями общехристианских подвижников описывали деяния и римских святых. Между подобного рода книгами особенно замечателен труд П. Скарги «Żywoty Swętych», составленный по латинским источникам и в кратких рассказах, по порядку месяцеслова, передающий жизнь восточных и западных святых. Написанная прекрасным польским языком и согретая искренним религиозным чувством, эта книга быстро завоевала общие симпатии и имела широкое распространение не только у католиков, но и среди православных.

Последнее объяснялось тем, что собственная агиографическая литература у православных была очень бедна. Если Киевская Русь и пере-

дала юго-западной какие-либо сборники и отдельно жития святых, а, может быть, и полные Четии-Минеи, то эти агиографические памятники письменности в тяжелую эпоху татарщины и в последующий, далеко не спокойный для юго-запада период времени были утрачены. Супрасльская рукопись может считаться единственным памятником этого рода литературы, сохраненным до нас юго-западным краем от старого Киевского периода. Немного дало таких памятников и последующее время. Полных Четиих-Миней между ними мы уже не находим совсем, очень мало и отдельных частей их. В различных книгохранилищах можно указать только небольшие сборники да отдельные жития, которые по своему происхождению и письму относятся к юго-западу. Не удивительно поэтому, что к XVI веку, когда началась борьба с католичеством, Православная юго-западная Церковь была крайне бедна житиями святых и, вообще, агиографической литературой. Ее можно было найти только в старинных монастырях и церквах, но и там она представлена была далеко не в полном составе. Об этом ясно свидетельствуют сохранившиеся до нас от того времени описи книг в некоторых юго-западных монастырях (...).

Между тем, любовь к чтению житийной литературы в православном народе не умирала и на юго-западе. Здесь так же, как и в Москве, искали эти книги и ценили их. Святитель Димитрий в предисловии к своему Мученикословию, которое он задумал было составить в 1700 году, когда был настоятелем Спасского монастыря в Новгороде-Северском, говорит: «Видех не единого богобоязненного, ово от духовного, ово от мирского чина мужа, таковое усердие к святым Божиим угодником имеющего, яко коегождо дне почитаемого вонь коегождо святого, обыкл есть особним поклоном почитати, глаголющи: святый (имя рек), моли Бога о мне грешном, и поклоняется до земля» (51). Если такая была любовь к святым, то, без сомнения, был и интерес к их жизни и подвигам. Кроме этого, не вывелся еще тогда и обычай чтения житий святых на утреннем богослужении. Не находя соответствующего материала в своей Церкви, православное население поневоле должно было обращаться к книгам латинским и польским. Дело дошло даже до того, что «мнози и от священников на праздники святых Божиих не имуще, откуду прочести в церкви пред народом житие коего от святых, обыкоша то от книг польских, Церкви Православной не прислушающих и много оной противящихся, читати», правда, «прелагающе словесно на русскую речь», но «не без многого прегрешения» (52). Поляки искусно пользовались этим и в своих сборниках, вместе с общехристианскими святыми, прославляли святых католических, а русских хулили и осмеивали. Ревнители Православия видели ненормальность такого положения и довольно рано начали принимать меры к тому, чтобы дать русскому народу свою, в православном духе составленную агиографическую литературу (...).

В печати агиографический материал впервые стал появляться на юго-западе при богослужебных книгах. Здесь, кроме месяцесловов, помещались иногда как краткие, так и полные жития святых (...).

Со второй четверти XVII века стали выходить на юго-западе и отдельные издания житий святых, бо́льшая часть их была напечатана в Киеве. Так, среди изданных здесь в 1626 и 1627 годах народных листков есть один, содержащий краткие сказания о преподобном Памве и мученице Акилине (53); в 1628 году, при митрополите Иове Борецком, в типографии Спиридона Соболя был напечатан «Лимонарь», выдержавший, по мнению профессора С. Т. Голубева (54), два издания,— это перевод на славянский язык известного труда патриарха Софрония и Иоанна Мосха. Издатели напечатали его с «предмовой до ласкавого читателя», где говорят о достоверности книги (лл. 1—4), а в конце присоединили «реестр особ», т. е. святых, по алфавиту. В 1635 году, по

инициативе Петра Могилы, Сильвестром Коссовым, епископом Мстиславским и Могилевским, составлен был и издан на польском языке Печерский Патерик. По мнению Д. И. Абрамовича (55), в основу этого издания положена так называемая Кассиановская редакция Патерика (56), которую Сильвестр Коссов дополнил примечаниями, заимствованными у разных польских летописцев и историков. Так как цель издания Патерика была не только дидактическая, но и полемическая — опровергнуть несправедливые, кощунственные истории, распространяемые католиками о подвижниках печерских, то в начале его помещено особое предисловие, где опровергаются эти истории и доказывается достоверность передаваемых в Патерике сказаний о святых. Это издание Патерика скоро вышло из обращения, потому что оно было выпущено в незначительном количестве экземпляров, а иезуиты, кроме того, постарались скупить его и уничтожить.

В 1637 году в Кутейне напечатано было на западнорусском наречии «Житие Варлаама и Иоасафа»; в 1638 году в Киеве, при службе Святителю Николаю Мирликийскому, напечатано и житие его (57). В том же, 1638 году в Киеве на польском языке вышла «Терапургима», составленная монахом Афанасием Кальнофойским и содержащая описание чудес, совершившихся как в самом Печерском монастыре, так и в его пещерах; книга издана по инициативе того же Петра Могилы и служит дополнением к Печерскому Патерику (58). В 1638 же году издано Иларионом Денисовичем на польском языке «Описание чудес от Купятицкой иконы Божией Матери», направленное, вероятно, в противовес тем католическим изданиям о чудесах Богоматери, которые во множестве выходили в то время. В 1655 году в Киеве было издано «Сказание о церкви Печерской». В 1660 году при втором издании книги Иоанникия Голятовского «Ключ разумения» в конце (лл. 134—449) приложены «чудеса Пресвятыя Богородицы некоторыа». В 1661 году при архимандрите Печерской Лавры Иннокентии Гизеле вышло первое издание Печерского Патерика на славянском языке, подготовленное, по мнению Д. И. Абрамовича (59), еще при предшественнике Гизеля — Иосифе Тризне. Издание предваряется двумя предисловиями, из которых второе, взятое у Сильвестра Коссова, в вопросах и ответах опровергает те хуления, которые возводили на печерских святых католики; в самом Патерике издатели допустили, сравнительно с рукописными редакциями, много изменений: иное исключили, другое изложили в новой форме, перенесли сведения одного повествования в другое, присоединили к житиям свои вступления и заключения, подновили язык и т. п., в конце приложили особое повествование о мироточивых главах и оглавление. В 1678 году Патерик был издан вторично; это издание послужило источником для Четиих-Миней Святителя Димитрия. В 1661 году в Киеве издано было «Повествование о Успении Богоматери». В 1665 году во Львове вышла составленная Иоанникием Голятовским книга «Небо новое», содержащая краткие рассказы о чудесах Пресвятой Богородицы, заимствованные из различных, большею частью западных, источников. В 1668 году в Киеве, вместе с «выкладом», вышло житие святого князя Владимира (60). В 1671 году в Киеве при службе напечатано житие святого Иоанна Рыльского. В 1676 году в Новгороде-Северском издана составленная Иоанникием Голятовским «Скарбница потребная», содержащая описание чудес от Елецкой иконы Божией Матери. В 1677 году в том же Новгороде-Северском изданы «Чудеса Пресвятой Девы Марии»; в 1680 году в Чернигове напечатана книга Святителя Димитрия «Руно орошенное», где описываются чудеса от иконы Богоматери, находящейся в Черниговском Ильинском монастыре. Остальных, более поздних изданий не указываем (61).

Хотя все эти издания и давали довольно значительный агиографический материал, но заменить Четии-Минеи они не могли. И для цер-

ковного употребления, и для народа требовалась книга, которая бы давала описание жизни святых на каждый день года, а этому-то как раз и не могли удовлетворить вышеупомянутые издания. Поэтому мысль об издании полных Четиих-Миней довольно рано появилась на юго-западе и рано стали делаться попытки к ее осуществлению. Имеющиеся в наших руках источники относят возникновение этой мысли ко времени митрополита Петра Могилы и ему именно приписывают первые шаги к ее осуществлению. Мы прежде всего можем указать, что во время Петра Могилы нужда в издании полных Четиих-Миней была уже осознана на всем юго-западе. В Львовском издании Цветной Триоди, вышедшей из типографии М. Слиозки в 1639 году, во второй «предмове» сказано, что «много еще есть книг, которых жаждет наш народ христианский, что не менее жаждет и духовенство книг учительных, как-то: правил и соборов святых богоносных отец и житий святых Божиих». Так как первая «предмова» к книге посвящена Петру Могиле, то можно думать, что о намерении его — издать полные Четии-Минеи — тогда известно было уже и во Львове. Более определенные сведения о сем находятся в письме Варлаама Ясинского к Московскому патриарху Иоакиму, написанном в 1689 году по поводу недоразумений, возникших после издания первой, составленной Святителем Димитрием книги Четиих-Миней (62), и в «предисловии к читателю благочестивому», помещенном при этой книге. Здесь говорится, что Петр Могила, уже будучи митрополитом, желал «славянороссийским языком православно и достоверно исправити и типом издати» жития святых и начал прилагать к этому «прилежное попечение». Ради этого он искал на юго-западе книг, составленных «достоверпейшим списателем житий святых Симеоном Метафрастом», и, не найдя их здесь, «посылаше до святой горы Афонской и оттуду испросил бе рукописные греческим диалектом таковые книги». Получив Четии-Минеи Метафраста, Петр Могила «усердствоваше» перевести их и издать, «но в томь богоугодном намерении кончина живота его временного препятие ему сотворила есть».

Варлаам Ясинский, принимавший, как увидим впоследствии, самое деятельное и горячее участие в издании Четиих-Миней, без сомнения, хорошо знал и историю возникновения первой мысли о них; поэтому отрицать сообщаемые им сведения мы не имеем никакого основания. Правда, немного странным кажется то, что о выписанных Петром Могилою рукописных Четиих-Минеях Симеона Метафраста не упоминается более нигде, и Иннокентий Гизель, по словам Варлаама Ясинского в том же письме, находил препятствие к изданию Четиих-Миней, между прочим, и «в скудости книг, содержащих в себе описание пространное и совершенное житий святых». Если бы рукописи Метафрастовых житий тогда существовали, то такой скудости не должно было бы быть. Но можно предположить одно из двух: или Иннокентий Гизель не нашел людей, способных перевести эти рукописи на славянский язык, или к его времени они были уже утрачены. Последнее предполагает и проф. И. А. Шляпкин, который говорит, что все собранные Петром Могилою материалы по изданию Четиих-Миней сгорели во время пожара, бывшего в Лавре в 1685 году (63).

Приписывать идею об издании полных Четиих-Миней митрополиту Петру Могиле прилично еще и потому, что с этим согласуется вся его литературная деятельность. Он, как известно, стремился дать Православной юго-западной Церкви наиболее нужные для нее книги основоположительного характера. В 1629 году, еще будучи архимандритом Киево-Печерской Лавры, он издал «Служебник», получивший широкое распространение на юго-западе, и «Номоканон»; в 1639 году, уже митрополит, Петр Могила выпустил новое издание «Служебника», исправленное, как говорится в предисловии, «с тексту грецкого старожитных наших

русских и московских служебников»; в 1645 году на польском и русском языках издан «Малый Катехизис», или «Собрание науки об артикулах веры», составленный Исаией Трофимовичем Козловским при живом участии Петра Могилы с целью «зажать рот бесстыдным неприятелям восточного Православия». Этот Катехизис является сокращением «Православного исповедания Кафолической и Апостольской Церкви Восточной» — более полного вероучительного труда Петра Могилы, напечатанного уже после его кончины. В 1646 году, за год до смерти знаменитого митрополита, вышел его «Евхологион», или Требник, громадная, в 1400 страниц, книга, и доселе пользующаяся глубоким вниманием церковных людей. Вполне естественно, что вместе с этими изданиями Петр Могила намеревался напечатать и Четии-Минеи — эту основную нравоучительную книгу христианской религии, пользовавшуюся притом горячей любовью всех русских православных людей на юго-западе. Нет ничего неестественного и в обращении Петра Могилы за источниками для Четиих-Миней на Афон. С Афоном и Грецией у юго-запада были тогда самые оживленные сношения: на Афоне жил умерший в 20-х годах XVII века один из оригинальных юго-западных писателей Иоанн Вишенский, все время поддерживавший прочную связь с родиной; Константинопольские патриархи считались главными начальниками южнорусской Православной Церкви, и Киевские митрополиты часто сносились с ними; деятельную связь с Грецией поддерживал и Петр Могила, причем он обращался туда с запросами не только административного, но и литературного характера. Можно думать, что мысль об издании Четиих-Миней возникла у Петра Могилы довольно рано, но Афонские рукописи, как видно из письма Варлаама Ясинского, он получил уже при конце своей жизни, и вскоре (1 января 1647 г.) последовавшая смерть помешала ему осуществить свое намерение.

Преемники Петра Могилы по Киевской митрополии не продолжили начатое им дело по изданию Четиих-Миней, и мысль об этом в Киеве была надолго оставлена, но, вызываемая народной нуждой, она не умирала в народе, и поэтому по разным местам предпринимались попытки осуществить ее. Об этом мы можем догадываться по тем рукописным сборникам житий святых, которые сохранились до нас от того времени. Так, в Киевской семинарии хранился список Четией-Минеи за месяц май начала XVII века, поступивший сюда из Межигорского монастыря (64). «Межигорскою Четьей» пользовался, как видно из черновых записей (65), и Святитель Димитрий. Значит, в этом монастыре были люди, которые трудились над составлением Четиих-Миней. В Виленской библиотеке находилось несколько экземпляров Четиих-Миней, относимых также к XVII веку; одна из них, написанная полууставом и содержащая жития святых за месяцы декабрь, январь и февраль, поступила из Супрасльского монастыря; две другие написаны скорописью на белорусском наречии, причем одна обнимает все месяцы, кроме августа, но содержит жития лишь избранных святых и далеко не на каждый день, другая написана в 1669 году в Кутейнском монастыре, при игумене Иове Молочке, что видно из надписи, и содержит жития на некоторые дни за первую половину года (с сентября по февраль) (66). В Киево-Печерской Лавре хранился также список житий святых на южнорусском языке, писанный сначала уставом, потом скорописью и содержащий жития за месяцы март — август. Между житиями попадаются жизнеописания римских пап (например, Венедикта, 14 марта, Александра, 22 марта, блаженного Иеронима, 15 июня), и Н. И. Петров полагает, что этот сборник переведен с польского, именно с книги Петра Скарги и, по всей вероятности, представляет труд Иоанникия Голятовского (67). Кроме упомянутых, можно указать и другие более мелкие сборники агиографического содержания, написанные на юго-за-

паде и хранящиеся в различных библиотеках (68). Все эти частные начинания не доведены были до конца и не имели успеха, но они ясно показывают, что нужда в Четиих-Минеях была неотложная и ее необходимо было удовлетворить.

Серьезную попытку в этом отношении сделал воспитанник Петра Могилы, архимандрит Киево-Печерской Лавры Иннокентий Гизель. Назначенный в 1656 году, после ректорства в Киевской академии, архимандритом Лавры, он пробыл в этой должности 27 лет, до самой своей смерти (в 1683 году) и заявил себя энергичною издательскою деятельностью. Как мы уже говорили, при нем в 1661 году напечатан был на славянском языке Печерский Патерик; в 1674 году Иннокентий Гизель издал Синопсис, составление которого многими приписывается самому Гизелю, он же, по словам Варлаама Ясинского в вышеуказанном письме к патриарху Иоакиму, «по вся лета своя промышляше, как бы богоугодное намерение могилианское совершити и книгу житий святых, достодолжным исправлением сочиненную, изобразити типом». Для этого он «много труждашеся о списании совершенном житий святых и различных на сие списателей употребляше» (69). «Егда же услыша от их царского величества бояр, воевод Киевских, обретатися в царствующем великом граде Москве таковые книги, Великие Минеи-Четьи, в них же пространно и совершенно жития святых суть написана, посылаше тамо из Лавры сея Киево-Печерстии мене же недостойного послушника, с другим иеромонахом Паисием, наместником ныне Киево-Печерским, в лето 7188, с челобитьем к блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Федору Алексеевичу... и к самому вашему святейшему и всеблаженнейшему архипастырству при иных делах и нуждах монастырских нарочито, прося на время о книги тыя Минеи-Четьи, на потребу к исправлению новые в типографию нуждные книги житей святых. Тогда убо ваше святейшество, похваляя и благословляя блаженные памяти отцу нашему архимандриту таковое намерение и о том деле попечение и трудолюбие, изволил бе чрез нас зде прислати первее меншие те книги Минеи-Четьи, скорописные, с печатного тамошнего двора, на вся дванадесять месяцы, которые книги за трудность скорописного читания егда уже древле отданы суть» (70).

Судя по приведенным данным, деятельность Иннокентия Гизеля состояла, главным образом, в собрании материалов для Четиих-Миней. Он заботился о «списании житий святых», употребляя для этого различных списателей, и попытался получить из Москвы великие Макарьевские Четии-Минеи. Последняя попытка была неудачна: патриарх Иоаким с Варлаамом Ясинским выслал Иннокентию не Макарьевские, а, по всей вероятности, Милютинские Четии-Минеи, которые пришлось послать обратно, так как скоропись, какою они написаны, для южнорусских ученых была неудобочитаема. Но и в первом отношении деятельность Иннокентия Гизеля едва ли была богата результатами: собирать и списывать жития святых ему мешали «всегдашние брани и скудость книг».

В то время как Иннокентий Гизель собирал в Киеве материалы для Четиих-Миней, в Чернигове архиепископ Лазарь Баранович составил книгу житий святых и выпустил ее в свет в 1670 году. Но так как она написана была польскими стихами, то удовлетворить народную нужду, конечно, не могла. Не претендовал на это и сам составитель, изложивший жития очень кратко и притом в такой неудобной, особенно для церковного употребления, форме, как польские силлабические стихи. Книга предназначалась для образованного русского общества, хорошо знакомого с польскою литературною речью. Лазарь Баранович, вероятно, надеялся удержать своим трудом это общество от чтения польской и латинской агиологической литературы. Недаром католические писатели встретили его книгу такими яростными насмешками (71).

После Иннокентия Гизеля об издании полных Четиих-Миней хлопо-

тал преемник его по архимандритству в Лавре, уже не раз нами упомянутый Варлаам Ясинский. Но он повел дело иначе, чем его предшественник на этом пути. Сознавая, что при многосложных обязанностях по управлению Лаврой и ее имениями самому ему будет некогда заниматься литературным трудом, Варлаам Ясинский, тотчас же по избрании в архимандриты (в 1684 г.), начал искать между южнорусскими православными учеными человека, которому бы можно было поручить составление Четих-Миней. Его поиски оказались удачными, нужный человек вскоре нашелся. Это был молодой, 32-летний иеромонах Черниговского Батуринского монастыря Димитрий, впоследствии знаменитый Святитель Ростовский.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Чтобы написать Четии-Минеи — этот громадный четырехтомный труд,— составителю их необходимо было иметь соответствующую нравственную и умственную подготовку. Без глубокой любви к святым, без душевного сродства с ними едва ли можно было составлению их жизнеописаний посвятить целых двадцать лет усердной, денно-нощной работы, как сделал Святитель Димитрий. С другой стороны, без достаточных знаний и умственного развития нельзя было и браться за такой важный, ответственный труд, особенно в то время, когда нужда в нем осознана была на юго-западе. Ввиду этого, вопрос о том, какое Святитель Димитрий получил нравственное воспитание и умственное развитие, очень важен для нас и, прежде чем излагать историю составления Четих-Миней, мы должны хотя кратко остановиться на нем.

Святитель Димитрий, в мире Даниил Саввич Туптало, родился в декабре 1651 года в местечке Макарово, находящемся, по словам самого Святителя (72), «в семи милях» от Киева. Родители его — сотник украинского войска Савва Григорьевич и жена его Мария Михайловна — были людьми искренне преданными Православной Церкви и глубоко религиозными. Савва Григорьевич, как воин, всегда числился в рядах защитников Православия, а после оставления службы весь конец своей долгой жизни отдал на служение Церкви, приняв звание ктитора Киевского Кирилловского монастыря. О благочестии матери свидетельствует сам Святитель. Сообщив в своем дневнике, или «диарии», под 28-м марта 1688 года, о кончине матери, он говорит: «Да сподобит ее Господь доброго ответа на Страшном Своем суде, хотя я и не сомневаюсь в Божием милосердии, а в ее спасении, ведая постоянную добродетельную и набожную ее жизнь» (73).

Благочестивая жизнь родителей, особенно же пример «набожной и добродетельной» матери, без сомнения, оказали благотворное влияние на душу будущего «списателя житий святых» и заронили в нее первые семена благочестия и любви к святым.

Святыни старого Киева, куда переселились родители Даниила в 1660 году и где прожил он почти безвыездно до 1675 года, еще более сроднили Святителя с подвижниками благочестия и, углубив полученные в родной семье впечатления, сделали привитые там влечения и навыки правилами и интересами всей будущей жизни. О любви Святителя Димитрия к Киеву свидетельствуют многие факты его жизни и многие страницы его великого двадцатилетнего труда. Печерская Лавра была для него как бы второю матерью: она напечатала громадный труд Святителя «без всякой его издержки» (74) и послужила той колыбелью, где написаны были первые страницы этого труда. Недаром Святитель не пропустил ни одного из почивающих в Лавре угодников и о каждом из них дал в своих Четих-Минеях отдельное и самостоятельное житие. Особенно же благоговейным почитанием из почивающих в Киеве святых пользовалась у Святителя святая великомученица Варвара. Может

быть, это чувство глубокого почтения к святой внушено было Святителю еще в детстве его благочестивою матерью. С тех пор он считал великомученицу своею «благодетельницею» (75) и всегда стремился оказать ей особенное почитание и любовь. Кто знает, может быть, в этом благоговейном преклонении пред мученическим подвигом святой великомученицы Варвары и надо искать то первое зерно, из которого впоследствии выросла поразительная любовь Святителя Димитрия к святым, нашедшая выражение в двадцатилетнем усердном труде над его Четиими-Минеями.

Обучение Святителя Димитрия грамоте, начатое, по словам его биографов, в доме отца, продолжалось в Киево-Могилянской коллегии, куда Даниил отдан был в 1662 году, спустя два года после переселения в Киев. Киево-Могилянская коллегия, основанная в начале XVII столетия, получила такое название после реформы Петра Могилы, принявшего в свое заведование старую братскую школу в 1631 году. Историки Коллегии с достаточною полнотою выяснили нам, что́ представляла собой в то время эта Коллегия; мы поэтому ограничимся только краткими сведениями о ней. После реформы Коллегия имела шесть классов: три грамматических, два гуманитарных и один философский. Богословского класса сначала не было: открыть его не дозволяло польское правительство, и он устроен был уже после 1686 года, когда Киев окончательно перешел к Москве (76). Преподавание велось по схоластическому методу: у учеников развивалась, главным образом, способность формального мышления, и все усилия преподавателей направлялись на то, чтобы сделать из своих питомцев искусных борцов с пропагандистами унии и католичества. Господствующее положение в школе занимал язык латинский, как литературный язык всей Западной Европы; на нем в Коллегии и писали, и уроки преподавали. Что касается греческого языка, то он поставлен был значительно слабее латинского.

Некоторые исследователи в этом умалении греческого языка перед латинским видят даже главную особенность реформы митрополита Петра Могилы. По их мнению, в старых братских школах оба языка — и латинский, и греческий — пользовались одинаковым вниманием. Петр Могила своей реформой на первое место поставил латинский язык, а уроки греческого языка сократил, а может быть, и совсем исключил из программы преподавания (77). Это, по-видимому, подтверждается и тем недовольством, какое вызвала на первых порах реформа Петра Могилы среди низшего киевского духовенства и казаков. «На што латинское и польское училище заводите, чего у нас дотуду не бывало?» — кричали недовольные (78). Профессор Могилянской коллегии Сильвестр Коссов по поводу этих упреков написал особую брошюру, в которой, защищая Коллегию, доказывал, почему латинский язык занимает в ней первенствующее положение (79). Однако противополагать Киево-Могилянскую коллегию как школу латинскую старым братским школам как греческим едва ли возможно. Братские школы устраивались по образцу католических, иезуитских школ, а в этих последних латинский язык всегда занимал первенствующее положение. Петр Могила, по всей вероятности, только поставил преподавание латинского языка на отвечающую потребностям времени высоту, придал ему то же значение, какое он имел в высших иезуитских школах, а слепые ревнители Православия увидели в этом измену родной вере и подняли возмущение. С другой стороны, есть факты, которые свидетельствуют, что основатель Киевской коллегии заботился о преподавании в ней и греческого языка. Для этого он старался удержать в Киеве архимандрита Константинопольской Церкви Венедикта, который, впрочем, не согласился на предложение Могилы (80). Апологет Киевской коллегии Сильвестр Коссов в своем «сказании, или отчете» о ней пишет, что он и другие преподаватели Коллегии постараются о том, что грецизм у них будет ad chorum, а латынь

ad forum (81). Исполнил ли Коссов свое обещание — не знаем; не знаем и того, удалось ли Петру Могиле найти преподавателя грека, но во всяком случае эти факты свидетельствуют, что принципиального пренебрежения к греческому языку у основателя и наставников Киевской коллегии не было, и если этот язык поставлен был в Коллегии слабо, то зависело это от трудности найти способных и хорошо подготовленных учителей.

Сообщаемые историками Русской Церкви и литературы факты показывают, что и после Петра Могилы затруднения с греческим языком не были устранены и как преподаватели Коллегии, так и их воспитанники знали этот язык очень слабо. Приезжавший в Киев в 1649 году Иерусалимский патриарх Паисий в своей грамоте, выданной на имя Коллегии, замечает, что учителя киево-братские знают греческий язык только «отчасти» (82). В 1673 году, когда киевским ученым потребовалось для полемики с католиками воспользоваться трудом грека Георгия Колезия, они не могли сами перевести его на славянский язык, а попросили сделать это прибывшего к ним тогда Паисия Лигарида (83). Епифаний Славинецкий в споре с Симеоном Полоцким о времени пресуществления Святых Даров, укоряя киевских ученых, говорил: «Наши киевляне училися и учатся точию по-латине и чтут книги токмо латинские, а оттуду тако мудрствуют, а гречески не училися и книг греческих не чтут, и того ради о сем истины не ведают, и вельми в сем согрешают» (84). Несмотря на все эти свидетельства, мы всё же думаем, что при благоприятных условиях, когда находились знающие учителя, воспитанники Киевской коллегии обучались и греческому языку, только курс его носил элементарный характер.

Давая общую оценку учебного и воспитательного дела в Киевской коллегии, историки Русской Церкви и литературы высказываются неодинаково. Одни, как, например, митрополит Макарий (Булгаков), с великою похвалою отзываются о ее научном достоинстве и в доказательство перечисляют тех знаменитых пастырей и ученых деятелей, которые, выйдя из Коллегии, «подобно светилам просияли на тверди Русской Православной Церкви и русского просвещения» (85). Другие, напротив, дают о ней самый неодобрительный отзыв и стараются доказать, что «все коллегиумное образование клонилось к тому, чтобы приготовить искусных льстецов и умелых полемистов. В частности, преподавание богословия не столько утверждало учеников в истине христианства, сколько приучало их к религиозному ханжеству и внешней обрядности, укрепляло их в предрассудках и суевериях. Преподавание пиитики и риторики развивало в учениках наклонность к составлению панегириков, которые вредно действовали и на хвалителей и на хвалимых: первых приучали к постыдному ласкательству, во вторых развивали неумеренное самомнение и гордость. Воспитание обращалось в дисциплину, которая вместо нравственного развития имела своей задачей лишь водворение внешнего порядка, благопристойности и субординации» (86). Оба эти отзыва страдают односторонностью. Митрополит Макарий говорит только о положительных качествах Киевской коллегии, профессор Сумцов отмечает лишь отрицательные стороны ее учебного и воспитательного дела. Конечно, схоластика не могла не оказывать тлетворного влияния на умственное и нравственное развитие учеников, но, скажем словами Порфирьева, «такая формальная наука всего более отвечала тем насущным потребностям, ради которых русские стали знакомиться с образованием и которые состояли не в том, чтобы приобрести какие-нибудь новые идеи и знания, — в них еще не чувствовалось никакой нужды, — но в том, чтобы защищать от латинства древние истины православного учения. Коллегия давала лучшие средства для борьбы с врагами, те научные пособия, которых недоставало России» (87). Эта практическая польза искупала недостатки схоластического метода, а та го-

рячая любовь к Православию, которую едва ли кто решится отрицать у основателей и учителей Киево-Могилянской коллегии, являлась тем наилучшим воспитательным средством, которое, при всей суровости дисциплины, ту же любовь зажигало и в сердце учеников, заставляя их все силы отдавать на защиту родного Православия.

Святитель Димитрий поступил в Киево-Могилянскую коллегию в 1662 году, когда ректором ее был знаменитый автор «Науки албо способа о сложении казаний» Иоанникий Голятовский. Он только что обновил Коллегию после пожара 1658 года, уничтожившего почти совсем Братский монастырь и школьные здания. О годах учения Святителя Димитрия не сохранилось никаких документальных сведений; мы не знаем даже, сколько времени обучался он в школе. Бóльшая часть исследователей, рассматривавших этот вопрос, полагают, что Святитель пробыл в Коллегии не более трех лет, так как в 1665 году, во время нашествия на Киев гетмана Дорошенко, Братская коллегия была будто бы разрушена и учение в ней прекратилось на целых четыре года (88). В недавнее время это мнение признано, однако, ошибочным. Исследователь истории юго-западной России Эйнгорн утверждает, что в 1665 году никакого нашествия на Киев гетмана Дорошенко не было, а следовательно, и Коллегия в этом году разрушена быть не могла (89). Ссылаясь затем на показание киевского воеводы Шереметева, который в мае 1666 года говорил дьяку Евстафию Фролову, что «в Киеве школа заведена до приезду его, боярина и воеводы, при прежних воеводах, и в той школе ныне учатца Киевские жители, всяких чинов люди» (90), Эйнгорн полагает, что в 1665 и 1666 годах ученье в Киевской коллегии не прекращалось и, следовательно, Даниил Саввич Туптало мог закончить в ней свое образование. Более вероятным признаёт последнее мнение и профессор-протоиерей Ф. И. Титов, указывающий на то, что сочинения Святителя Димитрия, не исключая и самых ранних по времени написания, являют в нем человека вполне научно образованного (91).

Если справедливо, что Святитель Димитрий обучался в Киевской коллегии более трех лет, а по всей вероятности, окончил и полный курс ее, то, следовательно, Коллегия могла дать ему всё, что давала она своим воспитанникам в то время. Он мог вынести оттуда прекрасное знание латинского языка, которое давало ему возможность не только свободно читать любую латинскую книгу, но и писать по-латыни. Это неоспоримо доказывается и оставшимися после Святителя рукописями и письмами: в них славянская и малороссийская речь часто перемешивается с польской и латинской, причем чувствуется, что последнею автор владеет так же легко и свободно, как и своею родной. Знал Святитель и греческий язык. Об этом можно догадываться по тем же рукописям: в них иногда встречаются греческие слова и выдержки. Например, в рукописи, носящей заглавие «Рассмотрение избрания святых седмидесяти апостол..., написанного под именем святого священномученика Дорофея, епископа Тирского», говоря о святом апостоле Крисне, Святитель пишет: «Ин бо есть Крисп, а ин Крискент, якоже с греческого переводу яве показуется. О Крисне пишется в Деяниях Апостольских в главе осмонадесят сице: versum 8: Κρίσπος δὲ ὁ ἀρχισυναγώγος ἐπίστευσε τῷ Κυρίῳ, си есть: Крисп же начальник собору верова Господеви, а о Крискенте в послании втором к Тимофею, в главе четвертой, сице глаголет: Κρίσκος, εἰς Γαλατίαν, си есть: Крисп в Галатию» (92). В другой рукописи, в статье, посвященной «исследованию лет», объясняя латинское слово «календы», Святитель замечает: «Calendae primus dies mensis ἀ καλέω=voco» и далее по-гречески же пишет: «νῶναι, εἴδοι» (93). В своем Прологе, под 28 декабря, отмечая память святого Иоанна Колова, Святитель на отдельной бумажке пишет: «Колов id est nanus brevis... с грецкого тое слово Колов — Κόλοβος — короткий» (94). Вот и все те греческие выписки, которые удалось нам найти в оставшихся после

Святителя и рассмотренных нами рукописях. Полагаем, что эти выписки, указывая на знание Святителем Димитрием греческого языка, вместе с тем говорят и о том, что этот язык усвоен был им далеко не так хорошо, как язык латинский. Кроме языков, Святитель изучил в Коллегии пиитику и риторику и «явися», по словам списателя его жития, «довольно искусен в стихотворстве и витийстве и знающ добре все тое, чему учим бысть» (95). Надо, впрочем, заметить, что годы обучения Святителя Димитрия были годами упадка Киевской коллегии. Этот упадок зависел от тех тревожных политических событий, которые переживали тогда Киев и Украина. Он начался приблизительно через четыре с половиной года после смерти Петра Могилы. Историки Киевской коллегии сообщают, что в это время в ней сократилось число учеников, курс обучения оканчивался риторикой, наставники нередко покидали училище и обучение прекращалось. Если и при таких условиях Святитель Димитрий мог вынести из школы довольно богатый запас знаний и достаточное развитие, то мы должны приписать это или его выдающимся способностям и усердию, или таланту его наставников и руководителей. Последними, кроме Иоанникия Голятовского, который вскоре после 1662 года покинул Киев и ушел в Литву, были: Мелетий Дзик, по мнению некоторых, заведовавший всеми делами Коллегии после удаления из нее Иоанникия Голятовского, и Варлаам Ясинский. Ясинский, как думает Н. И. Петров (96), еще в 1661 году поступил в наставники Коллегии, а в 1665 году был уже избран ее ректором и игуменом Братского монастыря. О Мелетии Дзике сохранилось мало сведений, и что́ он представлял собой как преподаватель — мы не знаем; Варлаам Ясинский слыл за «ученейшего человека» своего времени и мог поэтому оказать наиболее сильное влияние на развитие умственных способностей своего ученика. Впоследствии мы увидим, как дорожил Святитель Димитрий советами Варлаама Ясинского и как глубоко уважал его. Может быть, авторитет и уважение Варлаам Ясинский приобрел в глазах Святителя Димитрия еще в школе. Как бы то ни было, но на первых порах вся жизнь Святителя складывалась по совету и указаниям этих двух его школьных наставников.

Так, в 1668 году, 9 июля, Мелетий Дзик постригает Даниила в иноки. Что побудило последнего отречься от мира, мы не знаем. Но, несомненно, склонность к уединению и глубокая религиозность были природными чертами Святителя Димитрия, и они-то прежде всего увлекли его в монастырь. Влияние благочестивой матери, тревожные политические события и народные бедствия, переживаемые тогда Украиной, а также пример и советы уважаемых учителей могли только способствовать этому. Даниил сначала мирским человеком переселился в Киевский Кирилловский монастырь, где Мелетий Дзик был тогда игуменом, а потом и совсем отрекся от мира. Влияние на него монахов-наставников с этого момента должно было еще более увеличиться. В монастыре Димитрий прожил до весны 1675 года, следовательно, почти семь лет, и все это время, по словам списателя его жития, поучался «смирению, послушанию и братолюбию... всякое монастырское и церковное послушание исполняя с прилежанием». Но кроме этих, чисто иноческих трудов, Святитель Димитрий не оставлял в монастыре и научных занятий. По словам того же списателя, он «в келии... писаше и сочиняше повеленная от игумена и от других высших начальников; прилежаше к чтению книг душеполезных» (97). Последнее сообщение весьма важно: из него мы узнаём, что Святитель Димитрий первые годы иноческой жизни употребил на самообразование, на чтение книг и составление разных сочинений под руководством Мелетия Дзика и других «высших начальников», может быть, того же Варлаама Ясинского и его помощников по Киевской коллегии. Так как в 1675 году Лазарь Баранович оставляет Димитрия в Чернигове в качестве проповедника, то значит проповедниче-

ский талант сказался у Святителя еще ранее, т. е. в том же Кирилловском монастыре. Проповедь, согласно гомилетическим требованиям того времени, кроме уменья владеть словом, требовала и большой начитанности. Можно поэтому предполагать, что Святитель Димитрий уже в Кирилловском монастыре положил начало тому богатому знакомству с латинской и южнославянской церковной и исторической литературой, о котором свидетельствуют его позднейшие писательские труды. Наставники и руководители Димитрия видели его способности и прилежание и спешили выдвинуть талантливого инока из среды монастырской братии. В 1669 году, 25 марта, т. е. менее, чем через год после принятия иночества, Димитрий в Каневе был посвящен в иеродиакона Киевским митрополитом Иосифом Тукальским, а в 1675-м, 23 мая, от Черниговского архиепископа Лазаря Барановича принял рукоположение в иеромонаха.

Лазарь Баранович не отпустил Димитрия обратно в Киев, а оставил его при себе и назначил проповедником. Димитрий жил в Чернигове более двух лет и, кроме проповедания в соборном храме и других церквах епархии, занимался трудом литературным. По настоянию Лазаря Барановича, человека весьма деятельного, побуждавшего к литературной работе и других, Димитрий составил здесь книгу «Руно орошенное» — сборник сказаний о чудесах Богоматери от чудотворного Ее образа в Троице-Ильинском Черниговском монастыре. Мы рассматривали второе издание этого труда Святителя Димитрия, вышедшее в 1683 году в Чернигове. Книжка начинается посвящением Лазарю Барановичу и двумя «предословиями», из них одно — «к читателю», другое — «на книжку». В предисловии к читателю сказано, что во втором издании книжка вышла с исправлением — против первого — нравоучений и приложением кратких бесед духовных. «Придаша же ся зде по коемждо нравоучении и приклады от житий святых в пользу твою (читатель)». Эти слова указывают и на состав книжки. В ней собраны сказания о чудесах с прибавлением к каждому бесед, нравоучений и «прикладов». Беседы и нравоучения составлены самим Святителем Димитрием, а «приклады» собраны из разных источников, на что указывает и сам составитель, говоря в предисловии: «И то не от себе, но что инде читал и аки пчела от различных зел мед в един сот собра». Для нас интересно то, что большая часть этих «прикладов» заимствована из житий святых; следовательно, Святитель Димитрий уже в это время интересовался житийной литературой и внимательно читал ее. Назидательный характер книжки и тот метод, каким пользовался Святитель Димитрий при ее составлении, также заслуживают внимания. Они указывают, куда склонялись намерения Святителя Димитрия как писателя и какой прием работы наиболее сроден был его душе. Это был метод собирания, сводки в одно целое сведений, находящихся в различных источниках. Его же применил Святитель и при составлении Четих-Миней, главная цель которых так же, как и «Руна орошенного», состояла в назидании читателей.

Из Чернигова в июле 1677 года Святитель Димитрий ездил в Литву, и эта поездка была новым важным фактом в его духовном развитии. За рубежом Московского государства, в юго-западных областях, подчиненных Польше, Святитель познакомился с теми притеснениями, какие терпел тогда народ за свою верность Православию. Очевидно, ни казацкие восстания, ни совершившееся в 1654 году присоединение Украины к России не образумили поляков. В лице своего правительства и шляхты они еще настойчивее проводили теперь свою политику окатоличения подчиненного им православного народа и для достижения этой цели не останавливались ни перед чем. Для православных наступили тяжелые, по-видимому, последние времена; всё вооружилось против них. Преемники снисходительного к православным Владислава IV, польские короли Ян Казимир, Михаил Вишневецкий и Ян Собеский только и думали о том, как бы стеснить православных и заставить их, хотя бы против

воли, подчиниться Римскому первосвященнику. Не сдерживаемая королями, своевольная польская шляхта и католическое духовенство издевались над православными, как хотели, и причиняли им всевозможные насилия. Без всякого повода у православных отбирались церкви, монастыри и имущество; православное духовенство, даже в лице высших своих представителей — митрополитов и епископов, подвергалось несправедливым притеснениям и обидам; на сеймах то и дело принимались постановления, направленные против Православия и русской народности. В 1676 году король Ян Собеский поднял руку даже на братства — этот вернейший оплот Православной Церкви на юго-западе и провел через сейм закон, сильно стеснивший их деятельность. Усилилась в то время и литературная борьба с Православием: католическое духовенство и иезуиты снова начали издавать сочинения, в которых возводили на Православную Церковь ложные изветы и обвинения. Кроме этих преследований от католиков, русский народ юго-западного края переживал в то время эпоху «руины», или разорения, когда «красная и всякими благами изобилующая» Украина превратилась в «пустыню, Богом оставленную». Ее области то и дело подвергались опустошениям со стороны татар и поляков; в народе не было единения и согласия, представители местной власти, так назыв. гетманы, часто менялись или вели между собою борьбу; высшее духовенство через меру увлекалось политикой и потеряло связь с народом; в его среде снова появились личности, задумавшие повторить попытку Кирилла Терлецкого и Ипатия Поцея и склонить весь православный народ юго-западного края к унии. То были Иосиф Шумлянский, епископ Львовский, и Иннокентий Винницкий, епископ Перемышльский, которые начали свою преступную, предательскую деятельность как раз в то время, когда Святитель Димитрий прибыл в Литву.

Святитель ехал в Литву ненадолго, но здесь его не захотели скоро отпустить, и он прожил в пределах Польского государства почти два года, состоя народным проповедником при Слуцком церковном братстве. За это время Святитель Димитрий мог прекрасно изучить польский язык, известный ему и ранее, и ознакомиться с польской литературой. Хорошо узнал он, конечно, и те невзгоды, которые терпел тогда русский народ. Это знакомство должно было произвести сильное впечатление на Святителя Димитрия. Живя до 1677 года в восточных областях Украины, уже перешедших под власть царя Московского, он только по слухам мог знать о бедствиях своих единоверцев за Днепром. Теперь эти бедствия и притеснения были у него перед глазами. Можно ли сомневаться, что в сердце молодого, горячо преданного своей вере инока под влиянием этих впечатлений загорелось желание послужить всеми гонимому родному народу и родной Церкви? Общение с такими поборниками Православия, как Феодосий Василевич, епископ Белорусский, и настоятель Виленского Свято-Духова монастыря Клементий Тризна, могло только усилить это желание. Поэтому, может быть, Святитель Димитрий так охотно и согласился остаться в Слуцке, чтобы исполнять там обязанности народного проповедника.

Но одна устная проповедь не могла удовлетворить Святителя Димитрия. Он уже искусился в литературном труде и невольно чувствовал к нему влечение. Недаром впоследствии он писал из Ростова Феодору Поликарпову: «Моему сану надлежит слово Божие проповедать не только языком, но и пишущею рукою» (98), а, начиная «Розыск» против раскольников, другу своему, московскому иноку Феологу сообщал: «Понеже словеса из уст болей идут на ветер, нежели в сердце слушающих, яхся писать особую книжицу» (99). Может быть, те же чувства Святитель переживал и теперь. Ему хотелось написать для православного народа «книжицу», слова которой шли бы в самое сердце слушателей; он чувствовал в себе силы и способности к этому, но куда, на

какой предмет направить их — еще не знал. За него об этом подумали его старые наставники и руководители.

В то время, когда Димитрий был в Слуцке, учитель его Варлаам Ясинский, оставив Братский монастырь, переселился в Киево-Печерскую Лавру и принял на себя обязанности проповедника и заведующего типографским делом. Вскоре он стал деятельным помощником и как бы правою рукою престарелого архимандрита Лавры Иннокентия Гизеля и получил высокое звание «наместника». Варлаам уже в это время заботился об издании полных Четиих-Миней. В 1680 году, явившись в Москву послом от Лавры (100), он ходатайствовал перед патриархом Иоакимом о выдаче ему великих Макарьевских Четиих-Миней для составления по руководству их новых Четиих-Миней, об издании которых давно думали в Киеве. Варлааму Ясинскому, как мы говорили, выданы были Минеи Милютинские. Он привез их в Киев и, может быть, в это уже время, в поисках человека, которому было бы можно поручить составление житий, остановил свое внимание на Святителе Димитрии. Однако сначала невозможность — вследствие неразборчивости скорописного письма — воспользоваться привезенными из Москвы Минеями, а потом переселение в Никольский пустынский монастырь, куда Варлаама назначили игуменом, помешали его намерению, и дело об издании Четиих-Миней было на время отложено.

Между тем Святитель Димитрий, возвратившийся из Польши в феврале 1679 года, сначала занимал должность проповедника в Батуринском Никольском монастыре, затем около полугода состоял игуменом Максаковской обители. Отсюда он снова переехал в Батурин и принял игуменство в Никольском монастыре после ушедшего в Киев Феодосия Гугуревича. Впрочем, эти довольно успешные продвижения по службе не занимали Святителя Димитрия. Он тяготился хлопотливой и ответственной должностью настоятеля монастыря и, вероятно по собственному желанию, 26 октября 1683 года сложил с себя игуменство и возвратился к состоянию простого инока. Вскоре после этого, именно 18 ноября того же года, скончался архимандрит Киево-Печерской Лавры Иннокентий Гизель. На его место избран был игумен Никольского пустынского монастыря Варлаам Ясинский. Последний, как только переехал в Лавру, тотчас же возобновил свои хлопоты об издании Четиих-Миней и предложил Святителю Димитрию взять на себя труд составления их, для чего переселиться из Батурина в Лавру. 23 апреля 1684 года переселение состоялось и, по словам старого списателя жития Святителя Димитрия, «составило эпоху в его жизни»: оно было выражением принятого Димитрием решения взять на себя великое дело составления Четиих-Миней.

К этому решению Святитель Димитрий пришел не без колебаний. Он понимал, какого великого труда и знаний потребует от него составление полных Четиих-Миней, и поэтому, при свойственном ему смирении, сначала ответил на предложение Варлаама Ясинского отказом (101).

Однако, с одной стороны, советы и увещания уважаемого учителя, с другой,— влечение собственного сердца и привычка к послушанию пересилили это первоначальное опасение, и, «возложивши надежду на помощь Господа и на молитвы пречистые Живота Матере и на всех святых» (102), Святитель дал свое согласие. Только после этого переехал он в Киевскую Лавру. Здесь, через несколько дней после переселения, именно 6 мая 1684 года, состоялся под председательством Варлаама Ясинского собор старцев и лаврской братии, на котором составление житий «вручено» было Димитрию как особое «послушание», и вместе с тем он назначен был «казнодеем» Печерским (103).

Святитель Димитрий принялся за порученное ему дело «с великим тщанием» (104). В душе своей он решил посвятить ему все свои силы и, конечно, поэтому переселился в Лавру. Здесь было самое удобное

место для работы. Кроме монастырской тишины и покоя, здесь находилась обильная книгами библиотека; здесь жил такой опытный и преданный делу руководитель, как Варлаам Ясинский; здесь, наконец, можно было не опасаться внешних бедствий и нападений врагов, так как Киев и Лавра охранялись московскими воеводами. Затворившись в отведенной ему келье, Святитель Димитрий в первое время отрывался от занятий только для посещения богослужения. В великой Печерской церкви прежде указывали тот уголок, где стоял смиренный «списатель житий святых», отдаваясь тихой и усердной молитве. В Лавре Димитрию отведена была особая келья, в которой мало-помалу совершался его труд, где самоотверженный подвижник, «предпочитая дело Божие своему упокоению», нередко просиживал за работой всю ночь, до благовеста к утрени, или от утомления ложился в постель «не раздеваясь» (105).

Первые месяцы, впрочем, ушли на занятия подготовительные. Прежде чем приступить к составлению житий, нужно было выработать месяцеслов, выбрать святых, жития которых помещать в Четиих-Минеях, и найти нужные для работы источники. Подобные изыскания требовали значительного времени, поэтому не удивительно, если Святитель Димитрий, получив в мае от печерских старцев послушание писать жития, только в июне принялся настоящим образом за это дело. Так, по нашему мнению, следует понимать разноречивые на первый взгляд показания двух диариев: одного, помещенного при исследовании И. А. Шляпкина и отмечающего: «6 мая вручено мне послушание писати жития святых» (106), и другого, находящегося при сочинениях Святителя, где под июнем-месяцем отмечено: «Того же месяца начал с Божиею помощью из послушания писати жития святых» (107). Если Святитель Димитрий только в июне начал писать жития, то, следовательно, до этого времени он занят был работой подготовительной.

Заметка в Диарии о начале работы над Четиими-Минеями оканчивается молитвенным воззванием: «Дай, Боже, совершити». Это призывание имени Божия и молитва к Нему о помощи будут, как увидим, не один раз повторяться Святителем Димитрием даже в Диарии и в письмах, когда он говорит в них о своих занятиях над Четиими-Минеями, а после окончания великого труда выльются в радостный гимн хвалы и благодарения. Очевидно, сознание своей немощи и твердая надежда на помощь Божию не оставляли Святителя Димитрия во все время работы. Он смотрел на нее с благоговением, не как на тяжелую обязанность, а как на спасительный подвиг, который он будет в силах совершить только по неизреченной милости Божией (108). Вскоре предмет работы захватил всё его внимание. Начатое из послушания, после долгих отказов, описание житий святых так увлекло Святителя Димитрия, что он, и отрываясь от работы, продолжал жить навеянными ею впечатлениями (...).

Всё это происходило, когда Святитель Димитрий жил в монастыре Печерском. Это была, кажется, самая лучшая, самая плодотворная пора его работы, когда, ничем не волнуемый и не отвлекаемый, он всей душой отдавался своему делу и встречал со стороны окружающих одно только сочувствие и одобрение. Как видно из письма Святителя Димитрия к патриарху Иоакиму (109), он всё, что успевал написать, носил на просмотр Варлааму Ясинскому и с ним советовался во всех затруднениях. А затруднения были, и касались они, главным образом, тех источников, которыми приходилось пользоваться. В первой главе нашего исследования мы говорили, как скудна была в XVII веке Православная юго-западная Церковь собственными агиографическими сборниками и изданиями. Чтобы восполнить эту скудость, поневоле приходилось обращаться к источникам иностранным — латинским и польским, но пользование ими представлялось небезопасным, так как они не чужды были идей католических. Необходимо было ввиду этого достать такой

сборник житий святых, по которому бы можно было проверять и исправлять полученные у иностранных агиографов сведения.

Таким сборником в Киеве считали Великие Четии-Минеи Московского митрополита Макария, и поэтому получение их становится для киевских ученых самою первою и необходимейшею потребностью. Варлаам Ясинский, как нам известно, еще при Иннокентии Гизеле хлопотал в Москве о высылке в Киев Великих Четих-Миней, но эти хлопоты его не имели успеха. Теперь можно бы было повторить попытку и снова похлопотать о том же, но Ясинский на это не решался. Ему мешали те недоброжелательные отношения, которые у него тогда были с патриархом Иоакимом и виновником которых был сам Варлаам. Он, во-первых, несмотря на желание патриарха лично рукоположить его в архимандриты, уклонился от поездки в Москву и принял посвящение в Чернигове от Лазаря Барановича; во-вторых, на Киевском соборе 29 июня 1685 года, выбиравшем митрополита для Киева, Варлаам Ясинский энергичнее всех протестовал против выставленного Москвой кандидата — Гедеона, князя Святополка-Четвертинского, и вооружался против подчинения Киевской митрополии Москве. Это, конечно, было известно патриарху Иоакиму, и он был недоволен Варлаамом Ясинским.

Между тем делу помогло как раз то самое обстоятельство, против которого ратовал Ясинский, именно — избрание на Киевскую митрополию князя Святополка-Четвертинского. Приняв посвящение в Москве от патриарха Иоакима и дав перед этим клятвенное обещание во всем повиноваться патриарху, митрополит Гедеон разрешил давно уже тянувшееся, трудное дело подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху. За это Москва благоволила к Гедеону и на первых порах оказывала ему почет и внимание. Варлаам Ясинский знал об этом и решил воспользоваться удобным случаем, испросить через нового митрополита у патриарха Иоакима Макарьевские Четии-Минеи. Встретив вместе с Святителем Димитрием возвращающегося из Москвы митрополита Гедеона в Нежине и проводив его до Батурина, Варлаам Ясинский и Святитель Димитрий сообщили здесь новому митрополиту свою нужду и просили его похлопотать перед патриархом о высылке в Киев Четих-Миней митрополита Макария. Изложили свою просьбу они и гетману Ивану Самойло́вичу, убеждая и его повлиять на патриарха через Московское правительство, у которого Самойлович пользовался в это время большим расположением. Просьба Варлаама Ясинского и Святителя Димитрия принята была благосклонно. И митрополит, и гетман обещали написать в Москву, но вместе с этим предложили Димитрию снова занять игуменство в Никольском Батуринском монастыре. Инициатором такого предложения, вероятно, был гетман Самойлович, давно расположенный к Святителю Димитрию и жалевший об его уходе из Батурина. Предложение властей было весьма лестным, но Святителя Димитрия оно едва ли обрадовало. Возвращение в Батурин и игуменство не только отрывали его от Лавры, где так спокойно и хорошо он работал, но могли помешать и самой работе. Поэтому Святитель Димитрий сначала отказывался и дал свое согласие, по всей вероятности, только тогда, когда митрополит и гетман обещали оказать свое содействие его занятиям. «Я убежден был, — пишет Святитель в своем Диарии под 15 января 1686 года, — ясновельможным господином Иоанном Самойловичем, гетманом, и сиятельнейшим князем Гедеоном-Святополком, митрополитом Киевским, снова принять на себя игуменство монастыря Батуринского» (110). Из этой истории мы видим, как высоко ценил Святитель Димитрий дело составления Четих-Миней; оно в его глазах было выше всех личных выгод и продвижений по службе.

Исполнил ли митрополит Гедеон просьбу Варлаама Ясинского и Святителя Димитрия — мы не знаем. По-видимому, сам он лично не писал патриарху, а предоставил всё дело гетману Самойловичу. По крайней

мере, в письме своем к Варлааму Ясинскому, писанном в 1689 году, патриарх говорит, что о высылке в Киев Великих Четиих-Миней просил его только «гетман Иоанн Самойлович и преподобие ваше» (111), т. е. Варлаам Ясинский. Может быть, последний и писал от имени митрополита. Гетман Самойлович, напротив, проявил горячее участие к этому делу: он не только сам написал патриарху Иоакиму, но обратился с письмом и к князю В. В. Голицыну, прося его повлиять на патриарха и побудить его выслать в Киев Макарьевские Четии-Минеи. В этом послании к Голицыну, которое одно только и сохранилось из этой переписки, гетман извещает князя, что некоторые «певныи тут в Малороссии духовныи особы, о своем и о людцком спасении добре прилежащии, зачали себе дело списовати книгу животы святых, од века Богу благоугодивших, и якому своему зачалу потребуют книги Миней Четеих для лучшого и всем исследовании, яких нет, точию обретаются у святейшаго и всеблаженнейшаго кир Иоакима, патриарха Московскаго и всея России и северных стран, при церкви престольной Успения Пресвятыя Богородицы. Теды я по прошению тых духовных особ согласуючися преосвященным митрополитом пишу до святейшаго и всеблаженнейшаго патриарха, просячи отческаго изволения, абы тых книг духовных нашим особам на вычитане выжичено, если не всех на целый год, то принамнее (по крайней мере) на четыре месяце: сентеврии, октеврии, ноеврии и декемврии, а я обещаю тыи книги, на свои взявши руки, досмотритися, абы по вычитаню в целости были опять к его патриаршему достоинству отосланы; яко про то есть тое дело Богу на хвалу и христианом православным ку спасению, так прошу и вашой княжои вельможности, изволь своим высоким предстательством з докладом их царским пресветлым величествам помочти нашому прошению, дабы святейший тых книг на время нам дати не отмолвил; още и повторе вашу княжу вельможность просячи, оддаю мене милостивому вашей княжой вельможности благодетельству. Дан з Батурина, марта 4, року 1686-го» (112).

В. В. Голицын был приятелем гетмана Самойловича и, несомненно, исполнил его просьбу. Благодаря вмешательству такого влиятельного лица, а, может быть, и из расположения к гетману, который так много хлопотал о подчинении Киевской митрополии Москве, патриарх Иоаким исполнил просьбу киевлян и выслал на имя Варлаама Ясинского Четии-Минеи митрополита Макария в Киев. Дал ли патриарх вместе с этим какое-либо предписание относительно пользования книгами — неизвестно. Впоследствии, получив первую книгу Четиих-Миней, он укорял Варлаама, почему он прежде печатания не прислал ее вместе с Макарьевскими Минеями в Москву для сличения и просмотра. «А списав, — говорил патриарх, — было бы вам прислати к нам и наши книги и ваше с них преписание, и нам было бы то ваше преписание в царствующем граде Москве соборне свидетельствовав, исправити, аще что где достойная исправления обрящется и тогда по рассмотрению и суждению соборному, дати нам и благословение, иже и типографским тиснением издати» (113). Может быть, эти требования были поставлены патриархом Иоакимом еще при высылке книг.

Какой же список Великих Четиих-Миней митрополита Макария был выслан в Киев патриархом и за какие месяцы? Украинские ученые, как мы видели, добивались Четиих-Миней, хранившихся у патриарха «в великой Успенской церкви». Там находился так называемый «Успенский» их список, оконченный митрополитом Макарием в 1552 году и представляющий редакцию более полную в сравнении с первым списком, написанным для Новгородского Софийского собора. Этим именно списком и пользовался Святитель Димитрий. Подтверждается это, во-первых, свидетельством самого Святителя Димитрия в письме другу своему, иноку Феологу, написанном из Ростова: он говорит, что у него имеются Макарьевские Четии-Минеи за месяцы июнь, июль и август, «яже из со-

борной Московской патриаршей церкви взяты суть с роспискою. А взяли их печерские старцы, когда третью нашу книгу в Москву привезли» (114). В другом письме к тому же Феологу Святитель пишет, что ему вновь понадобились Макарьевские Минеи за месяц июнь и он послал племянника своего — иеромонаха Михаила к Преосвященному Рязанскому «просити, чтобы повелел из великаго Успенскаго собора дать мне на мал час книгу Великую Минею-Четью». Просит Святитель и Феолога похлопотать о том же: «Честность же твоя, будели вам время, изволь сам пойти в собор, в книгохранительницу, в ней же великия Минеи-Четьи почивают, и пособити молю» (115). Во-вторых, те ссылки на Четии-Минеи, которые иногда встречаются в черновых рукописях Святителя и указывают листы Миней, вполне согласуются с тем счетом листов, который произведен был в Успенском списке монахом Евфимием и означен славянскими буквами (116). В-третьих, наконец, просматривая Успенский список Макарьевских Четиих-Миней, мы нашли в нем кое-где отметки, которые, по нашему мнению, сделаны рукою Святителя Димитрия (117). Правда, эти отметки находятся лишь в последних месяцах Миней, но можно с уверенностью предполагать, что и первые их месяцы получены были Святителем в том же списке и из того же хранилища, т. е. Успенского собора.

Труднее решить вторую половину вопроса: за какие месяцы высланы были Святителю Димитрию Макарьевские Четии-Минеи в этот раз? Биографы Святителя отвечают на это неодинаково. И. А. Шляпкин говорит, что гетман Самойлович просил о высылке не Макарьевских, а Милютинских Миней (118), и, прибавляя, что книги были высланы, не указывает, сколько и за какие месяцы. Священник М. С. Попов пишет, что высланы были «четыре книги» (119). Дело затемняется еще больше тем, что сам Святитель Димитрий в письме к патриарху Иоакиму от 15 марта 1688 года сообщает, что им отсылаются патриарху три книги за месяцы декабрь, январь и февраль, «их же Святительство ваше на моление бывшаго гетмана преподал был еси» (120). Исходя из этого сообщения, приходится предполагать, что патриарх Иоаким выслал Четии-Минеи не с сентября, а с декабря, т. е. не с начала года. Но такому предположению решительно противоречит приведенное нами письмо гетмана Самойловича к В. В. Голицыну. В нем гетман ходатайствует о высылке киевским ученым Макарьевских Четиих-Миней «на вычитане выжичено, если не всех на целый год, то принамнее на четыре месяце: сентеврии, октоврии, ноеври и декемврии». Анализ Димитриевских Четиих-Миней за первые три месяца также показывает, что Макарьевские Минеи были в руках Святителя при составлении им первой книги Четиих-Миней, потому что многие жития святых здесь по этим Минеям исправлены и дополнены, а некоторые и целиком взяты из них. Наконец, в письме патриарха Иоакима к Варлааму Ясинскому, написанном в 1689 году, сказано, что по просьбе гетмана Самойловича патриарх дал киевлянам книги и они должны бы были, переписав их, прислать в Москву: «и наши книги и ваше с них преписание» (121). Так как это письмо вызвано было выходом в свет первой четверти Миней за месяцы сентябрь, октябрь и ноябрь, то, следовательно, за эти же месяцы высланы были из Москвы и Макарьевские Четии-Минеи. Мы поэтому думаем, что патриарх на просьбу гетмана и митрополита Гедеона прислал в Киев не три, а шесть месячных книг Четиих-Миней, с сентября по февраль. Это подтверждается и письмом, написанным Варлаамом Ясинским патриарху Иоакиму в 1689 году, когда Лавра посылала в Москву первую напечатанную книгу житий святых. Варлаам Ясинский здесь говорит, что патриарх «по челобитью о том умоленнаго от нас и бывшаго гетмана, изволи прислати и иныя большия книги, уставом писанныя, от святыя великия своея церкве Минеи-Четьи на месяцей шесть» и что по этим книгам исправлены вновь составленные жития святых «во первых на три

месяцы первые — сентемврий, октоврий и ноемврий» (122). Что же касается того, почему Святитель Димитрий в письме к патриарху Иоакиму пишет только о трех месяцах — декабре, январе и феврале, то, по всей вероятности, в это время (март 1688 г.) первые три месяца житий святых были им уже исправлены, и, не нуждаясь более в Макарьевских Четиих-Минеях за эти месяцы, Святитель отослал их в Лавру, откуда они и посланы были патриарху.

Письмо гетмана Ивана Самойловича князю Голицыну написано 4 марта 1686 года, следовательно, Макарьевские Минеи высланы были патриархом в Киев не ранее апреля того же года. Только с этого времени Святитель Димитрий и получил возможность поставить свою работу так, как хотелось ему и его руководителю Варлааму Ясинскому. В чем же могло сказаться влияние Четиих-Миней митрополита Макария на первой части труда Святителя Димитрия? Как мы указывали, составление житий святых Святитель начал в июне 1684 года. С этого времени до получения Макарьевских Четиих-Миней прошло почти два полных года. За это время Святитель Димитрий при его усердии, без сомнения, успел далеко двинуть вперед свою работу.

Из Диария мы видим, что в Филиппов пост 1685 года Святитель писал уже ноябрь. К апрелю следующего, 1686 года он мог закончить этот месяц, а следовательно, и первую свою книгу. Поэтому с полной уверенностью можно думать, что первая часть труда Святителя Димитрия написана была до получения Макарьевских Миней, и они поэтому могли оказать на нее лишь косвенное влияние. Святитель, с одной стороны, мог дополнить из нового источника свои Четии-Минеи тем материалом, которого в других источниках ему не удалось найти, с другой — сделать по Макарьевским Минеям в написанных уже житиях исправления и поправки. Эта работа должна была отнять у Святителя Димитрия немало времени: приходилось не только знакомиться с тем обширным материалом, какой давали Макарьевские Минеи за три первые месяца, но и сравнивать его с своей работой.

Знакомство с Макарьевскими Минеями заставило Святителя Димитрия вновь внимательно пересмотреть и принятый им месяцеслов святых. Так как месяцеслов Макарьевских Четиих-Миней во многом разнился от проложного месяцеслова, которым Святитель руководствовался, то, чтобы не перепутать памяти и жития святых, Святитель Димитрий составил «Ономастикон», т. е. именной список святых, выбранных из Пролога и расположенных в алфавитном порядке. Этот список, где отмечены виды подвижничества святых и дни их памяти по месяцам, давал возможность лучше ориентироваться в огромной массе памятей и не смешивать одноименных святых. Святитель сам отметил пользу «Ономастикона», написав на передней его странице: «bene hoc» (123). Временем составления «Ономастикона» был сентябрь 1687 года.

Кроме затруднений с месяцесловом, успешному ходу работ мешали и некоторые внешние обстоятельства: приходилось уделять время монастырским делам, исполнять поручения властей и неоднократно отлучаться из Батурина. При таких условиях полное окончание первой книги житий святых едва ли последовало ранее конца 1687 года или начала 1688 года. Таким образом, эта книга потребовала от Святителя около трех с половиною лет усердного труда. Внешние обстоятельства и условия жизни, особенно в первое время, когда Святитель Димитрий находился в Лавре, вполне благоприятствовали работе, но зато ощущался недостаток в источниках, который устранен был только после получения Макарьевских Четиих-Миней. Но и эти книги едва ли дали Святителю Димитрию полное удовлетворение. И он, и Варлаам Ясинский старались поставить дело составления житий святых самым серьезным образом. Для этого они разыскивали и собирали все лучшие пособия

по агиологии, которые можно было тогда найти не только в Москве и на юго-западе, но и за границами России, в землях Европы. Поэтому, может быть, в это же время ими начаты хлопоты о высылке в Лавру знаменитого издания Болландистов «Acta Sanctorum», которое уже тогда пользовалось известностью и авторитетом в ученом мире Западной Европы.

Составленная Святителем Димитрием первая книга житий святых еще в рукописи была прочитана не только Варлаамом Ясинским, но и митрополитом Гедеоном и Лазарем Барановичем и «многими» другими «благоразумными властями» (124). Эти лица одобрили труд Святителя, нашли его благопотребным для Церкви, и поэтому всем хотелось скорее увидеть его в печати. Особенно желал этого Варлаам Ясинский, и ранее «частыми письмами» побуждавший Святителя Димитрия скорее оканчивать свою работу (125).

Печатать Четии-Минеи должна была Лавра, и в прежнее время это не представляло никаких затруднений. Находясь под властью Константинопольского патриарха, Лавра могла печатать в своей типографии всё, что считала необходимым и полезным. Теперь, с подчинением Киевской митрополии Московскому патриарху, обстоятельства изменились. Патриарх Иоаким лишил Печерскую Лавру ставропигии, подчинил ее во всем Киевскому митрополиту, но и последнему в настольной грамоте не дал права свободно заводить типографии и печатать книги (126). После падения друга и покровителя митрополита Гедеона — гетмана Самойловича (в июне 1687 года) Варлаам Ясинский попытался восстановить утерянные Лаврой привилегии: 18 января 1688 года он послал об этом челобитную в Москву. Там, хотя и решили удовлетворить это ходатайство, но с ответом не торопились (127).

Причиною этой медлительности, вероятно, были те сомнения в православии украинского духовенства, которые в это время возникли в Москве. Поводом к ним послужил спор между греческими учеными, братьями Лихудами, с одной стороны, и русским иноком Сильвестром Медведевым, с другой, о времени пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы в таинстве Евхаристии. Братья Лихуды, на стороне которых стоял и патриарх Иоаким, держались по этому вопросу мнения, принятого теперь Православною Церковью. Сильвестр Медведев, напротив, защищал мысль о пресуществлении Святых Даров словами Спасителя: «Приимите, ядите...» и «Пийте от нея вси...» Эту мысль Медведев воспринял от своего наставника Симеона Полоцкого, который впервые высказал ее еще в 1666 году в своем сочинении «Жезл правления» (128). Мнение Полоцкого уже тогда встретило возражения со стороны представителей так называемого в Москве «греческого учения», иноков Чудовского монастыря Епифания Славинецкого и ученика его Евфимия, которые говорили, что это мнение Полоцкий заимствовал у католиков. В 1673 году в Крестовой палате у патриарха Питирима происходило даже прение между Симеоном Полоцким и Епифанием Славинецким по вопросу о пресуществлении, причем Епифаний, указывая, откуда произошло мнение Симеона Полоцкого, дал уже приведенный нами неодобрительный отзыв о киевских ученых (129). В то время, однако, спор этот не принял больших размеров и скоро затих, но скрытое недоброжелательство между двумя московскими школами — Чудовской «греческой» и Заиконоспасской «латинской» продолжало существовать и в начале 80-х годов XVII столетия, после приезда в Москву братьев Лихудов, разгорелось в ожесточенную борьбу. Вопрос о пресуществлении поднят был снова, и Сильвестр Медведев, защищавший латинское мнение, объявлен был еретиком. Но так как в своих сочинениях, написанных во время этой борьбы, Сильвестр Медведев старался подтвердить свое мнение ссылками на разные книги, изданные киевскими учеными, особенно на сочинение Феодосия Сафоновича «Выклад

о Церкви», то подозрение в неправославии пало на всех вообще киевских ученых, и в Москве перестали доверять им. Эти подозрения были не безосновательны: в юго-западную Русь, долго находившуюся под властью Польши и тесно с нею соприкасавшуюся, действительно, проникло немало латинских обрядов и обычаев, немало и католических взглядов усвоено было юго-западными учеными (130). В частности, и по вопросу о пресуществлении Святых Даров в Киеве господствовало латинское мнение, и поэтому, когда украинские ученые в начале 1688 года познакомились с происходящим в Москве спором, то все до одного встали на сторону Сильвестра Медведева. Интересовался этим спором и Святитель Димитрий: в его черновых бумагах есть выписки из «Манны» Сильвестра Медведева и «Врачевания противополагаемого» братьев Лихудов (131). А один из близких знакомых Святителя Димитрия, игумен Кирилловского монастыря Иннокентий Монастырский, написал даже книгу в защиту Медведева и в обличение Лихудов.

Это настроение киевских ученых не могло остаться неизвестным Московскому патриарху Иоакиму, со всею силою своей власти вооружившемуся против Сильвестра Медведева. Давно подозрительно смотревший на киевлян, Иоаким решил проверить их религиозные убеждения, но вместе не стал скрывать и своего нерасположения к ним. К сожалению, эта патриаршая немилость прежде всего коснулась Святителя Димитрия и принятого им на себя труда.

Не объясняя причин, патриарх в начале марта 1688 года потребовал от Варлаама Ясинского возвращения в Москву высланных в Киев Четиих-Миней митрополита Макария. То же требование повторено было затем и митрополиту Гедеону. В Киеве не возражали и поспешили исполнить приказание патриарха. Но так как часть присланных Четиих-Миней, именно — месяцы декабрь, январь и февраль, находилась у Святителя Димитрия в Батуринском монастыре, то приказание патриарха немедленно сообщено было и ему. Димитрий в это время едва ли еще и начинал проверять свои жития по этим книгам, они были ему поэтому крайне нужны, но воле патриарха противиться было нельзя, и Святитель Димитрий отправил книги в Москву. Вместе с книгами он послал патриарху письмо (...).

Из содержания письма видно, что Святитель Димитрий воспользовался этим первым своим сношением с патриархом для того, чтобы получить от него благословение на напечатание первой части Четиих-Миней. Без сомнения, эта просьба направлена была в Москву с согласия киевских властей, особенно Варлаама Ясинского, который ждал в это время ответа на свое ходатайство о возвращении Лавре привилегий. Но патриарх Иоаким, питая к киевлянам недоверие, не торопился удовлетворить просьбу Варлаама. Не в добрый час пришло к нему и письмо Святителя Димитрия. В это как раз время патриарх решил проверить религиозные убеждения киевских ученых и 29 марта послал на Украину две грамоты: одну — митрополиту Гедеону, другую — Лазарю Барановичу, спрашивая их, как мыслят они о Флорентийском соборе. В Киеве этим вопросом патриарха были крайне удивлены. Митрополит Гедеон собрал у себя совет из духовных лиц, и на нем «все единодушно согласились отвечать отрицательно, что того сборища Восточная Церковь Православная совершенно не приняла и за собор не почитает» (132).

Между тем, пока шли эти сношения с Москвой, Варлаам Ясинский решил помимо патриарха осуществить древние привилегии Лавры и, напечатав в Лаврской типографии небольшую книжку «Венец Христов», послал ее в Москву для подношения царевне Софье и В. В. Голицыну. Вместе с книгой отправлено было письмо, в котором Варлаам просил не винить его за самовольное напечатание книги и ссылался на государеву грамоту, дававшую Лавре право на открытие типогра-

фии. Книга «Венец Христов» послана была в Москву в мае. Когда до июля-месяца не последовало никакого выговора и замечания, Варлаам Ясинский решил приступить к печатанию и первой части Четиих-Миней. Для этого он вызвал Святителя Димитрия из Батурина в Киев. «1688 года июля второго,— заносит Святитель в свой второй Диарий,— почалися друковати жития святых, первая часть, три месяца септеврии, октоврии, ноеврии» (133). Печатание шло очень медленно. До января 1689 года набран и отпечатан был только один месяц сентябрь. Это замедление вызвано было, может быть, теми предварительными статьями, которые приложены к первой книге и которые нужно было составить, а всего вероятнее, причиной его были обострившиеся отношения киевлян к патриарху. Получив из Киева ответ на свой запрос о Флорентийском соборе и не найдя в грамоте киевлян никакого упоминания о времени пресуществления Святых Даров, патриарх Иоаким увидел в этом подтверждение своих подозрений и в сентябре отправил в Киев новую грамоту, где уже прямо настаивал, чтобы украинские ученые изложили ему свое мнение о времени пресуществления Святых Даров. Зная, какого мнения держится по этому вопросу сам патриарх, киевляне не торопились посылать ему ответ, так как их мнение всецело согласовалось с взглядами Сильвестра Медведева. Эта медлительность киевлян волновала и сердила патриарха Иоакима; он искал повода дать им урок, и опять, по какой-то несчастной случайности, таким поводом послужила первая книга Четиих-Миней Святителя Димитрия.

Книга эта, хотя и медленно, продолжала печататься в Лавре. Святитель Димитрий, проведший осень и начало зимы в Батурине, в январе 1689 года снова приехал в Киев и «начал», как сам отмечает в Диарии, «с помощью Божиею печатать жития святых за месяц октябрь» (134). В этот раз дело подвигалось вперед гораздо быстрее, и «12-го индикта», как значится на выходном листе, первая четверть Четиих-Миней за месяцы сентябрь, октябрь и ноябрь была окончена печатанием и вышла в свет. По-видимому, для Святителя Димитрия теперь должны были кончиться все тревоги и хлопоты, которые связаны были с этой книгой, но на самом деле они только еще начинались.

Вновь отпечатанную книгу решено было отправить в Москву правителям и патриарху. Зная, какие чувства питает патриарх к киевлянам, и желая предупредить его гнев за самовольное напечатание книги, Варлаам Ясинский отправил ее в Москву с нарочитым посольством, причем написал Иоакиму пространное извинительное письмо. Изложив, как и когда возникла в Киеве мысль об издании житий святых и как, наконец, она осуществилась благодаря трудолюбию и разуму Святителя Димитрия, Варлаам Ясинский в этом письме говорил, что он и братия Киево-Печерской Лавры три первые месяца житий святых, после тщательного рассмотрения и исправления по Минеям Макарьевским, напечатали, основываясь на благословении патриарха, некогда данном архимандриту Лавры Иннокентию, и теперь «вашему святейшему архипастырству при нижайшем нашем поклонении дерзаем обявляти и приносити, всесмиренно просяще о милостивое приятие и о благословение архипастырское на обявление ея и принос самому пресветлейшему монаршему маестату, а потом и всем Церкве Святыя Православныя сыном на душеполезное употребление, прочее же и на уготовление нам к типографскому изданию и прочиих житий святых на прочия вся месяцы, ради коего крайняго исправления и совершения и прочиих великия книги Минеи Четьи зело нам суть благопотребны» (135).

Но ни это полное смирения послание, ни нарочитое посольство, поднесшее патриарху первую книгу Четиих-Миней, не умилостивили Иоакима. Он не оценил того громадного труда, который положен был Святителем Димитрием на составление книги, и, воспользовавшись удобным случаем, решил сосчитаться теперь с непокорными ему киев-

скими учеными и сделать им строгий выговор за своеволие. На письмо Варлаама он ответил обширным и суровым посланием, в котором, упомянув, что подчиненные всегда должны соблюдать строгое повиновение начальствующим, и напомнив те условия, на которых высланы были из Москвы в Киев Макарьевские Четии-Минеи, между прочим, обращаясь к Варлааму Ясинскому, говорил: «И мы вам, яко искренним сыновом, в том уверихом, книги вам давше, ожидахом от вас премногое время преписания онаго вашего на прочитание и суждение. Ваше же преподобие сотвористе не по своему обещанию, пренебрегше архипастырское наше повеление, списавше книги, сами типом издасте без досмотрения и благословения нашего архипастырского; и сие ваша велия неправда» (136).

Из послания патриарха видно, что главная вина киевлян заключалась не в Четиих-Минеях Святителя Димитрия и не в тех погрешностях, которые были усмотрены там патриархом. Не было большого преступления даже и в том, что Лавра решилась самостоятельно напечатать Четии-Минеи. Патриарх, как видно из его грамоты на Лаврскую ставропигию, еще 18 апреля 1688 года предоставил Лавре право издавать по своему разуму книги в типографии (137). Вся вина киевлян состояла в том, что они не дождались этого разрешения и поступили самовольно. Это-то своеволие, пренебрежение к патриаршей власти всего более и оскорбило Иоакима. Его суровое послание поразило, главным образом, Святителя Димитрия. Смиренный списатель житий святых не мог не сознавать, что поводом для грозных прещений патриарха послужил все-таки он, его Четии-Минеи и те погрешности, которые там найдены были патриархом. Правда, из тех двух ошибок, на которые указывал Иоаким, вторая была, как говорится, «придиркой к слову». Называя Иеронима «православным», Святитель Димитрий вовсе не думал выделять его из ряда других святых отцов, как наиболее правильно мыслящего. Он хотел только показать, что хотя Иероним и латинский писатель, но он чужд ошибок католичества, и поэтому православные не должны смущаться, если в Четиих-Минеях встретятся жития, написанные этим учителем Церкви.

Москва, как известно, считала латинян самыми страшными еретиками и всего более опасалась их. В то время, когда писалась первая книга Четиих-Миней, это опасение латинства было особенно сильно. Патриарх Иоаким и партия ученых греков, как мы уже говорили, преследовали латинскую партию и подозревали в латинстве всех киевлян. Варлаам Ясинский и те люди, которые просматривали Четии-Минеи до их напечатания, хорошо знали эти опасения и подозрения Москвы. Поэтому они, как увидим после, тщательно избегали всего, что могло напомнить о католичестве и, вообще, о западной науке. Если же ими оставлен был в списке источников Иероним, то только потому, что он и в книгах московской печати именовался святым. Прибавляя к Иерониму эпитет «православный», Святитель Димитрий, следовательно, как раз и хотел успокоить эту подозрительность Москвы, не дать ей повода обличить его книгу в латинстве. Но Москва, как оказалось, была подозрительнее, чем думали в Киеве.

Важнее была первая погрешность — учение о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы. Но это был один из тех немалочисленных грехов латинства, которые незаметно проникли в юго-западную Русь во время господства над нею Польши и усвоены были киевскими учеными. Здесь патриарх, действительно, поступал, как строгий охранитель чистоты Православия, и его указание для юго-западных ученых было весьма полезно. Полезно оно было и для Святителя Димитрия, который, как киевлянин, тоже не чужд был некоторых латинских мнений, но он скоро совсем освободился от них.

Профессор И. А. Шляпкин, впрочем, говорит, что, получив послание патриарха Иоакима, Святитель Димитрий «намеревался отвечать на него и собирал материалы для поддержки своих мнений» (138). Но это предположение почтенного ученого едва ли справедливо. Святитель Димитрий был чужд всякого ученого самомнения; несмотря на свои великие заслуги в Православной Русской Церкви и духовной литературе, он до конца дней своих сохранял удивительную скромность и не переставал советоваться и посылать свои труды для проверки таким лицам, которые были моложе его и стояли ниже на служебном поприще. Он никогда не отстаивал тех мнений, в которых сам был не совсем уверен. В таких случаях он обыкновенно высказывался предположительно или прямо оставлял вопрос открытым. Если же в его черновых тетрадях и находятся выписки из разных книг — о времени пресуществления Святых Даров, о непорочном зачатии Девы Марии, об Иерониме и Августине (139), то эти выписки — не материал для ответа противнику, не средство для борьбы, а работа пытливого ума, который для себя ищет истины и внимательно изучает всё, что может дать ее. Так поступил Святитель Димитрий и теперь. Он тщательно выписывал в свои черновые тетради всё, что встречалось ему в книгах о пресуществлении Святых Даров, о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы, но на своем мнении не настаивал и смиренно, как сейчас увидим, отказался от него, раз оно показалось соблазнительным для православно верующих.

Произошло это при личном свидании Святителя Димитрия с патриархом Иоакимом, которое состоялось в августе и сентябре того же 1689 года. К этому времени с Украины в Москву отправлялся гетман И. Мазепа; он ехал к благоволившим к нему В. В. Голицыну и царевне Софье. Духовные власти Киева воспользовались этим случаем и решили послать в Москву своих уполномоченных, которые должны были явиться к царям и патриарху и лично переговорить с последним о всех недоразумениях. Так как дело касалось вопроса о пресуществлении и об издании Четиих-Миней, то уполномоченными от Киева поехали Иннокентий Монастырский, написавший целое сочинение о пресуществлении Святых Даров, и Святитель Димитрий.

«Въехали мы в царствующий град Москву,— пишет Святитель Димитрий в своем Диарии,— августа 10-го, в день памяти св. мученика Лаврентия, в субботу, а 11-го, в день воскресный, были у ручки благочестивейшего царя Иоанна Алексеевича и благочестивейшей царевны Софии Алексеевны; а благочестивейшего царя Петра Алексеевича не было дома: был негде в походе. В тот же день были мы у ручки у святейшего патриарха Иоакима» (140). Святитель не сообщает, как принял их патриарх. Но в этот раз прием у него носил, кажется, чисто официальный характер, и киевлянам не удалось поговорить о своих делах. Патриарху было не до них. Москва в то время переживала смутное, переходное время. Петр был не в походе, как пишет Святитель Димитрий, а в Троице-Сергиевой Лавре, куда он убежал, окончательно рассорившись с сестрой Софьей Алексеевной. В народе начинались волнения, всем предстояло решить вопрос, на чью сторону встать в ссоре сестры и брата. Через два дня после приезда украинцев к Троице уехал и патриарх. Принятые Софьей меры к примирению не привели ни к чему; Петр чувствовал под собою силу и требовал выдачи приверженцев царевны. Положение украинского посольства было крайне неловким: вызванное соправителями Софьи, оно не знало, как ему поступить. В таком неопределенном положении прошел почти месяц. Наконец, Мазепа увидел, что ему нечего надеяться на прежних благодетелей, и поехал к Троице. Здесь приняли его с честью. Вместе с Мазепой прибыли и другие члены посольства. «Сентября в 10 день,— пишет Святитель Димитрий,— были мы с ясновельможным гетманом у ручки

благочестивейшего царя Петра Алексеевича в монастыре Троицком, обители Сергия Радонежского чудотворца. В том же монастыре был и патриарх, коего посещали мы часто» (141).

Вот во время этих-то неоднократных посещений украинцы и переговорили с патриархом о всех тех делах, которые волновали их и патриарха. Иннокентий Монастырский давал объяснения по вопросу о времени пресуществления Святых Даров, а Святитель Димитрий смиренно вел речь о своих погрешностях в Четиих-Минеях. Замечательны результаты этих переговоров. В то время как Иннокентий, изъявивший готовность «стоять и умереть» за латинское мнение, от которого тогда отказались уже все киевляне (142), заслужил гнев и проклятие патриарха, Святителя Димитрия Иоаким благословил продолжать писание житий святых и дал ему при прощании образ Пресвятой Богородицы в окладе. Чем же достиг Святитель Димитрий такого успеха? Без сомнения, своим смирением и готовностью исправить то, в чем сам он не был убежден твердо. Впоследствии, по желанию патриарха, Димитрий письменно изложил свои объяснения. Здесь он говорит, что Иеронимом пользовался и упомянул о нем в своих Четиих-Минеях потому, что этот учитель Церкви называется святым в Триоди постной, в службе сырной субботы, на утрени, в песни 9-й, в уставах древних Виленском и Львовском и в книге «Жезл», л. 50 об. О непорочном же зачатии Пресвятой Богородицы упоминается в той же книге, л. 5, и в 6-й песни Рождеству Богородицы. «О сем стязании,— пишет далее Святитель Димитрий,— во училища отсылаем богословския на соборное определение... но еще тогда нам не было запрещения так глаголати и печатати: ныне же без всякаго прекословия повинуемся и не будем того воспоминать, избравше удобне нам о том молчати, а не испытовати о том, пленяюще всяк разум» (143). Несомненно, тот же характер носили и личные объяснения Святителя Димитрия. Патриарх вполне удовлетворился ими и с миром отпустил Димитрия, преподав ему свое благословение. Правда, он не дал Святителю Макарьевских Четиих-Миней, но, быть может, это произошло оттого, что патриарх был у Троицы, а не в Москве, где хранились Четии-Минеи. Украинцы не долго пробыли у Троицы; 13 сентября они снова представлялись царю Петру «на отпуске, пред отъездом», а «сентября 22-го, в день воскресный,— пишет в Диарии Святитель Димитрий,— собираемся мы с Божиим благословением из царствующего града Москвы в путь, в дом свой. Господи, поспеши». «10-го октября,— заносит он далее,— приехал я домой с Божией помощью» (144).

Живя в Москве, Святитель Димитрий познакомился со справщиками печатного двора. Некоторые из них так заинтересовались личностью смиренного списателя житий святых, что не прерывали с ним сношений и после отъезда его на родину, на Украину. Особенного внимания заслуживает между ними инок Чудова монастыря Феолог, который потом стал ближайшим другом Димитрия и поддерживал с ним оживленную переписку до самой смерти. Мы думаем, что новые знакомые по достоинству оценили труд Святителя, и в беседах с ними, более чем в объяснениях с патриархом, нашел он ту нравственную поддержку, в которой так нуждался. Во всяком случае Святитель Димитрий возвратился домой ободренным и успокоенным. Перенесенные им волнения и тревоги показали ему, что никакое, даже богоугодное и для всех полезное дело не может быть совершено без испытаний, и поэтому, возложив всю надежду на Бога, он с новым рвением принялся за продолжение своего великого писательского подвига. В каком же положении находилась теперь — осенью 1689 года — его работа?

В письме к патриарху Иоакиму, написанном еще 15 марта 1688 года, Святитель Димитрий говорил, что «написал жития святых месяцей шесть, начав от септемврия первого числа до февраля последнего чис-

ла». Но это сообщение едва ли соответствовало действительности. Сентябрьская четверть Четиих-Миней окончена была вчерне, как мы говорили, в начале 1686 года. Весной того же года Святитель Димитрий получил из Москвы Макарьевские Четии-Минеи и занялся исправлением и дополнением по ним написанной книги. Эта работа, по нашему мнению, продолжалась до конца 1687 года или начала 1688 года, когда первая часть Четиих-Миней была совершенно закончена и началось дело об ее печатании. Следовательно, до 1688 года Святителю Димитрию едва ли удалось и приступить к работе над второй книгой. Но и с этого времени различные обстоятельства не раз мешали и отвлекали его от труда. Целый месяц — июль 1688 года — Святитель жил в Киево-Печерской Лавре, наблюдая,— а может быть, и корректируя — печатание своей книги. Для той же цели приезжал он в Киев в январе 1689 года и прожил здесь, вероятно, немало времени, дожидаясь выхода книги в свет. В марте того же 1689 года пришлось ему снова приезжать в Киев из-за болезни матери, которая скончалась 28 марта и 3 апреля была похоронена Святителем в Кирилловском монастыре. Наконец, с 21 июля по 10 октября того же, 1689 года, т. е. более двух месяцев, Святитель Димитрий потратил на поездку в Москву. Принимая всё это во внимание, мы должны признать, что Святитель работал над второй частью Четиих-Миней только неполный 1688-й год и несколько, не более четырех, месяцев 1689 года. А так как Макарьевские Четии-Минеи взяты были у него патриархом Иоакимом в марте 1688 года, то, следовательно, с ними работа над второю книгою происходила не более двух или трех месяцев. Конечно, за такое короткое время Святитель не мог как следует использовать тот материал, который находился в Макарьевских Минеях. Об этом он сам впоследствии писал патриарху Адриану. Испрашивая у него в письме от 10 ноября 1690 года Макарьевские Великие Четии-Минеи за месяцы декабрь, январь и февраль, он говорит, что хотя эти книги и были у него, но он «не возмог в краткое время оных прочесть и что́ потребно оттуда изъять» (145). Если, таким образом, в марте 1688 года Святитель Димитрий почти еще и не приступал к чтению Макарьевских Четиих-Миней, то как же можно говорить о совершенном окончании им второй своей книги к этому времени? По нашему мнению, он тогда только еще начал писать ее. Что же касается фразы Святителя в письме к патриарху Иоакиму: «написах жития святых месяцей шесть», то она сказана была им, думается, просто из деликатности: Святитель Димитрий не хотел показать патриарху, как бестактно и нехорошо он делает, требуя книги тогда, когда они еще нужны были Святителю,— пусть патриарху думается, что свое требование он прислал не вполне своевременно.

Работа над второю книгою, таким образом, начата была и долгое время шла только с теми источниками, какие можно было найти в Лавре и на юго-западе. Далеко ли она подвинулась до осени 1689 года — неизвестно, но неимение руководящего источника, с одной стороны, а с другой,— пережитые волнения и тревоги, наверное, оказывали сильное неблагоприятное влияние на ее успешность и часто принуждали Святителя откладывать в сторону свой труд. Сознавая, что и теперь, после возвращения из Москвы, работа без Макарьевских Четиих-Миней не может идти успешно, Святитель старается получить их из Москвы. 13 февраля 1690 года к патриарху Иоакиму отправляется из Киева особый посланник, печерский казнодей Елисей Завадовский, с письмами от Лавры и от Святителя Димитрия. Последний излагал патриарху уже известные нам объяснения допущенных им в первой книге Четиих-Миней погрешностей, а Лавра извещала, что волю патриарха она исполнила: заменила в новоизданной книге новыми те листы, которые он приказал уничтожить, и просила благословения «впредь новые месяцы печатать, а те готовые продавать и до церквей даровать» (146).

По всей вероятности, Завадовскому поручено было переговорить с патриархом и о Макарьевских Четиих-Минеях. Но Завадовский, прибывший в Москву за три дня до смерти Иоакима (он умер 17 марта 1690 года), не успел передать ему киевских писем, и они остались нерассмотренными. Переданные в Монастырский приказ, письма лежали там до нового патриарха, а он избран и поставлен был только в августе 1690 года. До этого времени остался без движения и вопрос о Макарьевских Четиих-Минеях.

Условия работы, таким образом, опять складывались неблагоприятно для Святителя Димитрия. Он должен был дожидаться Великих Четиих-Миней и задерживать выход второй своей книги. В оставшихся после Святителя рукописных сборниках и тетрадях находится много статей самого разнообразного содержания. Есть между ними и такие, которые тесно связаны с Четиими-Минеями. Составляя жития святых, Святитель Димитрий поневоле должен был обратить внимание на библейскую и церковную историю и основательно изучить их. Изучение это велось по различным латинским и славянским книгам, которые далеки были от согласия и единства. Пытливый ум Святителя стремился примирить эти противоречия источников, найти между ними истину; в результате этих исканий написано было немало обширных статей и кратких заметок, которые и до сих пор остаются в рукописях. Большая часть этих трудов Святителя Димитрия не имеет хронологических дат, и время их составления можно определить только по догадкам. Но, без сомнения, Святитель занимался побочными работами лишь тогда, когда не был занят своим основным, обязательным трудом — Четиими-Минеями. Описываемый нами период жизни Святителя как раз был таким, когда работе над Четиими-Минеями мешал недостаток источников, когда смиренный труженик дожидался Макарьевских Миней из Москвы и книг Болланда с Запада. Поэтому, может быть, теперь если не написаны, то задуманы были им многие из тех статей, какие находим мы в оставшихся после Святителя сборниках.

Между тем, в церковной жизни Киева произошли важные и знаменательные события. «В апреле (1690 года) в пятую неделю святого Великого поста преставился преосвященный митрополит Киевский Гедеон Святополк», и на его место собором украинского духовенства избран был архимандрит Киево-Печерской Лавры Варлаам Ясинский. В конце июля Варлаам отправился в Москву и здесь 31 августа принял посвящение от вновь избранного и поставленного на Московское патриаршество митрополита Казанского Адриана. Святитель Димитрий отметил эти события в своем Диарии (147), и они, действительно, имели важное значение как для него самого, так и для его дела. Новый патриарх не был, подобно Иоакиму, ярым противником латинской партии; к киевским ученым, которые считались склонными к латинству, он не относился с недоверием. Вследствие этого можно было ожидать, что он примет более живое участие в труде Святителя Димитрия и, насколько возможно, поможет ему довести составление житий святых до конца. Что касается Варлаама Ясинского, то он, как мы знаем, и в сане архимандрита много заботился о написании и издании Четиих-Миней, а теперь, облеченный властью митрополита, мог, конечно, еще более помочь успешному окончанию этого святого дела.

И Варлаам Ясинский, действительно, поступил так. Находясь в Москве на посвящении, он познакомил патриарха Адриана с начатым в Киеве делом издания Четиих-Миней, с великой похвалой отозвался о трудолюбии Святителя Димитрия как списателя житий и просил патриарха с своей стороны оказать ему помощь и содействие. Патриарх отнесся к сообщению Варлаама Ясинского с полным вниманием. Он не только преподал Святителю Димитрию свое благословение на продолжение его труда, но убеждал и Варлаама Ясинского всеми мерами

содействовать скорейшему окончанию Четиих-Миней, распорядившись, чтобы не было препятствий к этому и со стороны нового лаврского архимандрита. Это мы видим, во-первых, из грамоты патриарха Адриана, которую он 3 октября написал и послал с Варлаамом Ясинским Святителю Димитрию; во-вторых, из письма Варлаама Ясинского к Адриану, написанного в 1695 году, при посылке патриарху второй книги Четиих-Миней. В этом письме Варлаам напоминает, как он «во время бытности» его в Москве «предлагал» патриарху «усердное трудолюбие пречестного отца Димитрия в писании житий святых» и как патриарх, «милостиво похваляя сие, изволил писати Димитрию благословительную свою грамоту, желая, чтобы он и впредь к тому же душеспасительному делу непременное имел усердие» (148).

Грамоту патриарха Святитель Димитрий получил 1 ноября в Батурине, где он встречал нового митрополита. Нечего и говорить о том, как обрадовала патриаршая милость скромного труженика, как приятны ему были внимание и заботливость, с какими отнесся Адриан к горячо любимому им делу. 10 ноября того же, 1690 года Святитель Димитрий пишет ответ на грамоту патриарха, где просит Адриана прислать ему Макарьевские Великие Четии-Минеи за месяцы декабрь, январь и февраль, объясняя, что хотя эти книги и были у него, но он не успел взять из них всё, что было нужно, так как, по приказанию патриарха Иоакима, они были у него скоро отобраны. «Ныне же,— пишет Святитель Димитрий,— аще бы изволил архипастырство ваше, согласия ради пишемых нами житий святых, тыя же святыя книги триех реченных месяцей, на время к моему недостоинству повелети прислать, потщался бых, помощью Божиею, приседя им нощеденственно, почерпсти многу пользу и ту в мир типом издати; а книги тыя паки Вашему Архипастырству с благодарением отосланы были бы. О них же ныне смиренно челом бия архипастырской милости, отеческому же благословению и благоприятным святительским молитвам вручаюся» (149).

Патриарх Адриан исполнил просьбу Святителя Димитрия и вскоре выслал ему Макарьевские Четии-Минеи. Между тем, у Святителя работа над составлением житий продолжалась, и его слова в письме к патриарху, что он готов трудиться «нощеденственно», не были простой фразой. Чтобы оградить себя от всяких помех, он еще 10 февраля того же, 1690 года оставил настоятельские покои в монастыре и «начал жить в скиту пу́стыни, возле церкви свят. Николая Крупицкого». «Господи, помоги!» — заканчивает Святитель заметку об этом в Диарии (150). В скиту он трудился более года, но, очевидно, и это место не давало ему полного покоя. Поэтому в октябре следующего, 1691 года Святитель Димитрий приказывает соорудить для себя в пустыни особую келью «для спокойнейшего», как сам говорит, «списания житий святых». Келья была окончена постройкою 15 октября, а 18-го освящена. Святитель тогда же «начал жить в ней во имя Господне», а в феврале 1692 года снова оставил игуменство в Батуринском монастыре, чтобы, не отвлекаясь ничем, продолжать взятое на себя дело (151).

Проработав с таким тщанием весь 1691 и 1692 годы, Святитель к началу 1693 года успел закончить вторую книгу Четиих-Миней. Оставалось сделать в ней некоторые поправки и затем печатать, но в начале 1693 года случилось событие, которое помешало этому и на долгое время задержало выход в свет второй части Четиих-Миней. «В Великом посту,— пишет Святитель Димитрий в Диарии,— привезены ко мне из Гданска книги Болланда о житиях святых» (152). Это было знаменитое Антверпенское издание ученых иезуитов, высланное в Киев в количестве 18 томов за первые, начиная с января, пять месяцев года. Богатство заключающегося в Актах агиологического материала, основательные к житиям святых введения и комментарии, широкая начи-

танность издателей и их свобода от узкой вероисповедной точки зрения не могли не привлечь внимания Святителя Димитрия. Хотя вторая книга житий святых, как мы уже сказали, была совсем готова к печати, однако Святитель не захотел теперь выпускать ее и решил сначала дополнить новым материалом из только что присланного источника. Поступить так заставило его еще и то, что в новом источнике были два из тех трех месяцев, которые он готовил к печати.

Биографы Святителя Димитрия, ссылаясь на «Полный месяцеслов Востока» архиепископа Сергия, говорят, что во второй книге Четиих-Миней из Acta Sanctorum заимствованы жития: Петра, епископа Севастийского, 9 января, и преподобного Дорофея, Христины и дружины их, 6 февраля (153). Но это, очевидно, недоразумение. Архиепископ Сергий, изучавший месяцеслов Четиих-Миней, указал лишь те памяти святых, которые Святитель внес во вторую свою книгу из Acta Sanctorum (154), а биографы Святителя Димитрия памяти сочли за жития, и у них получилось, что всё влияние издания Болландистов на вторую книгу Четиих-Миней ограничилось внесением в нее двух житий указанных святых (155). В действительности это влияние было значительно шире и важнее. Ниже мы подробно укажем, что́ именно внесено Святителем во вторую книгу из Acta Sanctorum и какое оказали они на нее влияние. Здесь же только заметим, что из трех входящих в состав второй книги Четиих-Миней месяцев декабрь написан по старым источникам, и в нем нам не удалось найти ничего, что указывало бы на влияние Acta Sanctorum; что же касается января и февраля, то в этих месяцах имеется целый ряд житий и много заметок в месяцеслове, которые заимствованы из издания Болландистов. Вообще, Святитель широко использовал новый источник для второй части Четиих-Миней; этим только и можно объяснить ту продолжительную задержку в ее печатании, о которой мы станем сейчас говорить. Если бы влияние Acta Sanctorum на вторую книгу ограничивалось внесением в нее лишь тех двух житий, о которых говорят биографы Святителя Димитрия, тогда эта задержка была бы совсем непонятна.

«В том же году (т. е. 1693-м),— пишет Святитель в Диарии,— по воскресении Христовом выбираюсь из пу́стыни в Киев, в типографию. Боже, помози!» (156). Заметка написана 1 мая. Очевидно, как ни хотелось Святителю Димитрию подольше поработать над второю книгою с новым, только что полученным источником, долг перед Лаврой и обществом, которые давно уже ждали выхода из печати второй книги, заставил его покинуть свою тихую келью и ехать в Киев. 9 мая Святитель прибыл туда и представил лаврским властям свою работу. Вероятно, тогда же он объяснил, что ему необходимо дополнить ее по новому источнику, и просил на это время. В Лавре решили так: печатать пока жития за месяц декабрь, которые не могли быть исправлены по Acta Sanctorum, а остальные два месяца — январь и февраль — сдать Святителю Димитрию для дополнения и исправления. Святитель остался в Лавре и здесь продолжал свою работу, а месяц декабрь отправлен был на просмотр Варлааму Ясинскому, которому это дело поручено было патриархом Адрианом. Участвовали ли в просмотре новый архимандрит Лавры Мелетий Вуяхович и старшая братия — неизвестно, упоминания об этом мы нигде не встречаем. О цензуре же Варлаама Ясинского свидетельствует и сам он — в грамоте патриарху Адриану (157) и в «извещении о исправлении книжном», напечатанном при второй книге Четиих-Миней, и Святитель Димитрий в письме к тому же патриарху от 4 марта 1695 года (158). В «извещении» Варлаам говорит, что как первую книгу он внимательно прочитал «прежде типографскаго изображения и нашел в ней вся богоугодна и душеполезна, непротивна самой истине», так и теперь «с соизволения нынешнего архимандрита Лавры кир Мелетия с превеленными отцами соборными сис-

второкнижное исправление» тоже прочитал, хотя «местом и преселен из Лавры на Киевскую митрополию». Сообщая о том же и в письме к Адриану, Варлаам Ясинский прибавляет, что после прочтения второй книги Четиих-Миней он нашел «в ней ничтоже противно, но вся душеполезна».

Чтение Варлаамом Ясинским декабрьских житий святых и составление для второй книги предварительных статей заняло более месяца, так что Лаврская типография только с 10 июля могла приступить к ее набору и печатанию. «Июля 10-го,— отмечает Святитель в Диарии,— в день памяти Антония Печерского, начал печатать месяц декабрь» (159). Два другие месяца, очевидно, еще были у него на исправлении. Святитель не торопился отдавать их в типографию и, оставаясь в Лавре, продолжал дополнять и исправлять их по Acta Sanctorum. В этой работе прошел весь 1693 год. В начале следующего, 1694 года Святитель должен был на время оставить Четии-Минеи и выполнить поручение, данное ему патриархом Адрианом. Будучи еще митрополитом Казанским, Адриан, по поводу случившейся там повальной болезни, построил храм в честь девяти мучеников Кизических. Теперь он обратился к Святителю Димитрию с просьбой написать службу святым мученикам и составить их житие. Святитель исполнил желание патриарха и к марту месяцу 1694 года (160) составил и послал в Москву «Врачество безмездное святых девятичисленных, иже в Кизице, мученик». Это сочинение содержит: а) службу святым мученикам; б) описание страданий их; в) сказание о прославлении их в Казани и г) слово на день их памяти. Переписанная набело рукопись «Врачества» находилась в Московской Патриаршей библиотеке и имеет внизу надпись: «труды грешного иеромонаха Димитрия Савича животописателя». На полях ее немало ссылок на источники, и по ним мы можем судить, сколько труда и внимания уделил Святитель Димитрий этой работе (161). Впоследствии часть ее (житие мучеников) он внес в третью книгу своих Четиих-Миней под 29-м апреля.

Исполнив поручение патриарха, Святитель Димитрий опять занялся Четиими-Минеями. Окончательное исправление января и февраля завершено было им, вероятно, не ранее июня 1694 года. В этом месяце, именно «в Петров пост», он назначен был игуменом в Глуховский святых апостолов Петра и Павла монастырь и оставил Лавру. Таким образом, исправление и дополнение второй книги по Acta Sanctorum задержало окончание печатания книги почти на целый год. Оно началось, вероятно, вскоре после отъезда Святителя Димитрия в Глухов, а закончилось в начале 1695 года. «М-ца иануария,— пишет Святитель в Диарии,—совершися в типографии Печерской книга житий святых другая тримесячная: декеврии, иануарии и февруарии» (162). Итак, эта книга составлялась и печаталась в продолжение семи лет, на два года более первой книги. Причина этого лежала, однако, не в Святителе Димитрии; он и теперь работал с прежним усердием и самозабвением. Переселение в скит, затем в особую уединенную келью и, наконец, удаление от игуменства наглядно доказывают это. Задержали выход книги те неблагоприятные внешние обстоятельства, которые Святитель Димитрий пережил в начале работы над ней, да желание исправить и дополнить ее по новому источнику.

Тотчас же после выхода из типографии вторая книга Четиих-Миней послана была в Москву с нарочито отправленными туда печерскими иноками для подношения царям и патриарху Адриану. Кроме книги, лаврские иноки привезли патриарху письма от митрополита Варлаама Ясинского, от гетмана Ивана Мазепы и от архимандрита Лавры Мелетия Вуяховича с братнею. Все они, извещая о выходе книги, просили патриарха «милостивне, любовне и неотвратно» принять ее, «трудолюбивым исправлением и писанием пречестнаго отца Димитрия» состав-

ленную, благословить Лавру продавать ее, а «трудолюбивому отцу игумену Димитрию» преподать архипастырское благословение на продолжение труда и выслать ему «для вящшаго исправления» своих житий «на время три следующие книги Четиих-Миней блаженнаго митрополита Макария» (163).

Святитель Димитрий, как только получил вторую книгу Четиих-Миней из печати, тоже немедленно отправил ее, даже непереплетенную «за скорость времени», патриарху чрез «особыя своя посланшки». В письме, которое приложено было к книге, замечательна просьба Святителя Димитрия о том, чтобы патриарх особой грамотой поручил Варлааму Ясинскому прочитывать и исправлять составленные Димитрием Четии-Минеи. Видно, это участие митрополита Варлаама было ценно и необходимо для скромного и неуверенного в себе списателя житий святых. Недаром же Святитель Димитрий называл его «своим о Дусе Святом отцом и учителем» и впоследствии, уже будучи архиереем Ростовским, писал о нем своему другу Стефану Яворскому так: «Мне преосвященство ваше один вместо тысячи. Так бывало и блаженные памяти преосвященнейший отец наш Варлаам,— что́ он прочитает и утвердит, то несумненно в печать издаваемо было» (164). Из этих слов ясно, что руководство делом составления житий святых и их последняя редакция принадлежала Варлааму Ясинскому. Он давал Святителю Димитрию советы, как надо вести это дело, и затем указывал, какие следует сделать поправки и исправления в том, что Святителем Димитрием было уже написано. Но помощь Варлаама Ясинского простиралась и дальше. Как человек прекрасно образованный и побывавший за границей, он был необходимым дополнением к трудолюбивому, но, конечно, не так начитанному и знакомому с иностранной литературой Димитрию. По всей вероятности, от Варлаама Ясинского узнал Святитель Димитрий те сочинения, которыми надо было пользоваться при составлении Четиих-Миней; может быть, по совету того же Ясинского выписаны были из Данцига и книги Болланда. Замечательно, что о близком участии Варлаама Ясинского в составлении Четиих-Миней говорят и все другие лица, причастные к этому делу (165). Недаром, конечно, и патриарх Адриан постоянно просил Варлаама Ясинского не оставлять своим руководством Святителя Димитрия, называя первого «любопремудрым мужем, имущим верна и благочестива долгая обучения» (166). Из всего сказанного ясно, что не только в издании Четиих-Миней (участие здесь Варлаама Ясинского, думается, достаточно нами выяснено и ранее), но и в самом их написании Варлааму Ясинскому принадлежит значительная доля участия. И Русская Православная Церковь после смиренного труженика Димитрия, взявшего на себя всю тяжесть труда по написанию Четиих-Миней, за это «бессмертное» и полезнейшее издание должна прежде всего благодарить «ученейшего» Киевского митрополита; без него Святитель Димитрий едва ли бы решился на этот подвиг и затем придал своей работе такую широкую постановку.

Но перейдем к дальнейшей истории Четиих-Миней.

Получив письма киевлян и вторую тримесячную книгу Четиих-Миней, патриарх Адриан весьма милостиво принял последнюю и ответил всем писавшим ему особыми посланиями (167). В этих посланиях он благодарил за подношение, высказывал радость по поводу выхода книги и, извещая о высылке Макарьевских Четиих-Макарий, выражал надежду, что начатое в Киеве полезное для Церкви и народа дело благополучно закончится. Варлааму Ясинскому, кроме того, приносилась благодарность за то, что он сам вновь напечатанную книгу «искусосмотрительством благотщательне» рассмотрел, и прибавлялась просьба довести до конца сие дело, «умолив люботрудодельцев, их же Господь на то хотением избра, наипаче же особне... Петропавлов-

ского монастыря, иже в пределех града Глухова, игумена иеромонаха Димитрия, яко благ муж, исполнь разумения и люботрудия, в слове учения и делания киих Миней уже и за обычного ему потщательства» (168).

Внимание и доброжелательство патриарха, выразившиеся в присылке Святителю Димитрию не только благословения на продолжение дела, но и денежной награды за труд, без сомнения, сильно подняли дух смиренного «животописателя» и придали ему силы для работы. Способствовала этому и та общая любовь, какую видел Святитель Димитрий со стороны лиц, с которыми приходилось ему встречаться. Об этом свидетельствуют дневные записки самого Святителя (169). С годами развивавшаяся и под влиянием знакомства с житиями святых приобретавшая большую силу и глубину религиозность заставляла Святителя Димитрия смотреть на свой труд как на дело святое, как на средство к спасению и побуждала относиться к нему с особенным вниманием и любовью. При таких благоприятных внутренних переживаниях началась для Святителя Димитрия работа над третьей частью Четиих-Миней. При обилии материала она не представляла больших трудностей и скоро была бы окончена, если бы этому не помешали обстоятельства внешнего характера.

Мы уже говорили, что в июне 1694 года Святитель Димитрий назначен был игуменом в Глуховский Петропавловский монастырь. Дела по благоустройству монастыря требовали внимания и забот. Однако Святитель скоро привел всё в порядок и мог бы спокойно опять заняться своим трудом. Но не успел он привыкнуть к новому месту, как его переводят в Киевский Кирилловский монастырь, а потом — через пять месяцев — назначают настоятелем Елецкого Успенского монастыря в Чернигове и возводят в сан архимандрита. Управляя Елецким монастырем, Святитель Димитрий должен был заведовать и Глуховской обителью. Но и здесь прожил он недолго. Через два с небольшим года он переводится опять и получает в управление Спасский монастырь в Новгороде-Северском. Это последнее назначение состоялось 17 сентября 1699 года, и, следовательно, за пять лет Святитель Димитрий переменил четыре монастыря. Такие частые назначения и перемены места жительства, хотя и возвышали иерархическое положение Святителя Димитрия, но делу его оказывали немалую помеху и препятствие. Многоразличные, иногда связанные с неприятностями и волнениями хлопоты по монастырским делам, о чем подробно сообщают биографы Святителя Димитрия (170), еще более уменьшали продуктивность работы над Четиими-Минеями и замедляли выход третьей их части. Всё это не могло не беспокоить Святителя Димитрия. Повинуясь воле властей, он принимал назначения и не отказывался от них, но в душе считал себя недостойным повышений по службе и всё время думал о любимом, порученном ему деле. Всего лучше это видно из собственного письма Святителя Димитрия, которое он писал в Москву другу своему Феологу.

Как видно из письма, несмотря на все неблагоприятные внешние условия, Святитель Димитрий не оставлял работы и трудился над составлением третьей книги Четиих-Миней. В этом трудолюбии много помогали ему внимание и любовь патриарха Адриана. Последний помнил смиренного списателя житий святых и старался не только поддержать его, но и защищать от огорчений. Так, в начале 1696 года он, как бы в благодарность за присланную книгу Четиих-Миней, послал Димитрию в подарок отпечатанный в Москве «Катехизис» (171); 1 февраля того же года написал письмо начальнику Димитрия, Черниговскому епископу Иоанну Максимовичу, в котором говорил: «Известихомся, яко близь тебе ныне в Черниговском Елецком монастыре пречестный архимандрит Димитрий в церковном общеполезном книжном словоделии, жития святых пиша, труждается: просим твою любовь в потребах споможествуй ему трудити о Господе рукою твоею и любовь сотворяй во

благодушество и пользу Церкве» (172). Тогда же писал патриарх и самому Димитрию, желая ему, как «рабу Господню и Церкве святыя труднику и послушнику», здравия, спасения и благополучного пребывания. Одновременно с этим письмом патриарх вновь послал Святителю Димитрию денежную награду — «двадесять червонных» (173).

Но не один патриарх интересовался тем, как идет работа у Святителя Димитрия над Четиими-Минеями, и ждал выхода третьей их книги. Вся грамотная юго-западная Русь следила за этим, и, когда в начале 1700 года в Киево-Печерской Лавре была отпечатана мартовская четверть Четиих-Миней, южнорусский летописец занес это событие в свою летопись. «Року 1700-го,— читаем мы там,— в месяце генварю третяя книга житий святых, трудами богодухновеннаго мужа, иеромонаха Димитрия Савича Тупталенка составленная, на свет вышла и любопытствующих человек книжных духовною радостию сердцá наполнила» (174). Эта духовная радость людей книжных объяснялась, конечно, тем, что они понимали, какое великое дело и для Церкви Православной и для всего народа совершает Святитель Димитрий. К сожалению, мы не имеем более подробных сведений о написании и печатании третьей книги Четиих-Миней. Если она вышла из типографии в январе 1700 года, то, значит, Святитель Димитрий закончил ее приблизительно в начале 1699 года. Можно также предполагать, что прежде печатания и эта книга подвергалась рассмотрению, хотя Варлаам Ясинский был уже стар и слаб здоровьем. Не находим мы и при самóй книге никаких указаний и подробностей об ее печатании: кроме выходного листа, составленного по обычному образцу и извещающего о том, что книга «совершися в лето от написания в книзе плоти Слова Животодавца 1700, индикта 8-го, в месяцу Иануарию», в ней нет никаких вступительных статей и предисловий. Может быть, за печатанием книги следил тогдашний архимандрит Лавры Иоасаф Краковский. Сам Святитель Димитрий, по-видимому, не приезжал для этого в Лавру: он в то время, когда книга печаталась, сдавал Елецкий монастырь и потом тотчас же переехал на новое место служения — в Спасский Новгород-Северский монастырь, где сразу и поселился.

После выхода из печати третья книга Четиих-Миней, подобно первой и второй, была отправлена в Москву для подношения царю и патриарху. Возили ее киево-печерские соборные старцы, которых посылал архимандрит Лавры Иоасаф Краковский. Они прибыли в Москву 1 марта, но как их там приняли и чем ответили царь и патриарх на подношение,— мы не знаем: никаких письменных документов об этом не имеется. Патриарх Адриан в это время уже страдал предсмертною болезнью (он скончался 1 октября 1700 г.) и, может быть, совсем не писал в Киев. Впрочем, из одного письма Святителя Димитрия видно, что патриарх дозволил старцам взять из библиотеки Успенского собора Макарьевские Четии-Минеи за месяцы: июнь, июль и август (175). Эти книги они привезли с собою в Киев и потом передали Святителю Димитрию. Но если нам неизвестно, как отозвался патриарх на выход третьей книги Четиих-Миней, зато мы знаем, чем в этот раз почтила Святителя Димитрия дорогая для него Киево-Печерская Лавра. В лице своего настоятеля, архимандрита Иоасафа Краковского, и старшей братии она в конце 1700 года прислала в Новгород-Северский монастырь образ Божией Матери как выражение своей глубокой благодарности и молитвенного памятования о Святителе Димитрии за его великие труды (176). Что касается самого Святителя, то об его чувствах и переживаниях после окончания третьей книги всего яснее говорит письмо, посланное в Москву к Феологу. Оно — как бы благодарственная молитва усердного труженика к Богу за совершение третьей части своего труда и теплый привет другу за его молитвенную помóщь и братское сочувствие.

Окончив третью книгу Четиих-Миней и сдав ее в печать, Святитель Димитрий не сразу принялся за продолжение своего труда. Несмотря на то глубокое уважение, каким пользовались его Четии-Минеи среди ученых людей на юго-западе, Святитель понимал, что «послушание свое, врученное ему Малороссийской Церковью», он выполняет только отчасти. По его разумению, написанные им книги должны были быть народными книгами, т. е. их должен был ежедневно читать всякий желающий, не только свободный от тяжелого труда, но и занятый им, а этого-то как раз и не было. По своей обширности и дороговизне изданные Лаврой Четии-Минеи недоступны были для бедных поселян и неудобны для чтения людям, обремененным работою. Скорбя об этом и желая приблизить свой труд к простому народу, Святитель после окончания третьей части Четиих-Миней и задумал составить особую «книжицу, да и убогий удобнее может ю себе стяжати и житийскими попеченнями объятый без труда может коегождо дне настоящих святых прочести и уведати, которыми образы кий угодник Божий подвизался и благоугодил Господеви» (177). На эту мысль, вероятно, навело Святителя существование подобных кратких сборников житий святых у католиков. Один из них был и в библиотеке Святителя Димитрия (178). С другой стороны, побуждала к этому и та забота о духовном просвещении простого народа, которая так ярко сказалась впоследствии, в ростовский период жизни Святителя.

Новую работу Святитель Димитрий начал вскоре после переезда в Новгород-Северский монастырь. Она имеет такое заглавие: «Мартиролог, или мученикословие, жития святых по месяцех и числах вкратце собранныя в себе содержащее, во обители всемилостиваго Спаса Новгорода-Северскаго новонаписанное в лето 1700-е». Со второго листа рукописи начинается первое «предисловие», где Святитель говорит, как и кем составлялись в древности жития святых, и сообщает, что «и на славенский диалект от различных языков, а наипаче от греческаго тщанием древних благоверных князей Русских и преосвященных архиереев попечением немало бе переведено книг. Но многими временами и частыми браньми, а наипаче Батиевою бранию, иакоже Русскиа страны опустошишася, сице и книги оныа в языку словенском аще и невесма воничтожишася, обаче много умалишася». За первым предисловием следует второе, в котором Святитель объясняет, «чесо ради Христова Церковь узаконила есть коегождо дне почитание угодников Божиих... Да ово прославляем Бога в святых хвалимого, ово должную честь нашим к Богу ходатаем да воздаем, ово же да себе пользуем. В нашу бо пользу сиа напишася, во еже бы нам, почитающим святых памяти, воспоминати житиа их и ревновати добрым тех делом, ими же угодиша Богу, верующе в Него несумненно» (179). После предисловий в особой статье указываются причины, заставившие Святителя взяться за этот труд, а затем начинается уже и самое «Мученикословие» (180).

Святитель только начал новую работу: в рукописи имеются жития святых за один лишь месяц сентябрь. Продолжить и довести до конца «Мученикословие» Святитель Димитрий или не захотел, или не мог. Вероятнее — последнее, так как в жизни Святителя в скором времени произошли такие неожиданные и важные события, которые надолго отвлекли его не только от «Мученикословия», но и от всякой литературной работы. По указу царя Петра I Святитель Димитрий в 1701 году вызван был в Москву и 23 марта, в неделю Крестопоклонную, поставлен во архиереи в Сибирь (181). «Пресветлая звезда от Киева воссиявшая», по изволению Божию, потекла на Север, в великую Россию, чтобы засиять здесь светом новой плодотворнейшей деятельности. Но старое любимое дело списания житий святых не забыто было Святителем. Среди трудов архиерейского служения он закончил свои Четии-Минеи; эту историю их окончания мы и изложим в следующей главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Профессор И. А. Шляпкин в своем исследовании о Святителе Димитрии говорит, что жизнь его распадается на два периода — малороссийский и великорусский, или ростовский. В первом периоде личность Святителя не выделяется ничем особенным из среды других ученых украинцев конца XVII века; в ней те же черты и те же характерные особенности, которые свойственны всем южнорусским образованным людям этого времени. Второй — великорусский — период носит, напротив, более резкий личный характер (182). Нам думается, что не только жизнь Святителя Димитрия, но и его литературную деятельность можно подвергнуть такому же разделению. На севере России, в Ростове, она носила во многом иной характер, нежели на юге, на Украине. Это справедливо даже по отношению к Четиим-Минеям: после переселения на север в работе над ними у Святителя замечаются новые черты, и самый взгляд на задачи и цель своего труда несколько меняется. Приступая к изложению истории составления четвертой книги Четиих-Миней, мы прежде всего постараемся отметить эти особенности и укажем те причины, которыми они были вызваны.

Посвященный в Сибирские митрополиты 23 марта 1701 года, Святитель Димитрий не мог тотчас же отправиться к месту своего нового служения. Стояла ранняя весна, дороги для поездки были трудны, и добраться по ним до далекой Сибири не было никакой возможности. Приходилось дожидаться более удобного времени, и Святитель Димитрий остался в Москве. Он жил в Чудовом монастыре, где находилось Сибирское подворье, и, совершая очередное служение, неутомимо поучал народ. В конце апреля дороги просохли, и можно бы было отправиться в путь, но царь Петр не дал разрешения на выезд и приказал Святителю дожидаться, пока он, царь, находившийся тогда в Воронеже, возвратится в Москву. Отъезд в Сибирь опять был отложен, а летом Святитель Димитрий захворал. Во время болезни за ним ухаживали его московские друзья и знакомые, но болезнь плохо поддавалась лечению и уходу. Физическое недомогание осложнялось душевными волнениями, которые обусловливались предстоящей поездкой в Сибирь. Но не местность и не те великие апостольские труды, на которые посылали в Сибирь Святителя, устрашали его; он болел сердцем о своих любимых литературных занятиях, о неоконченных Четиих-Минеях, опасаясь, что при новых условиях жизни ему не удастся закончить их и выполнить сыновний долг перед родною Украинскою Церковью.

Опасения Святителя были справедливы и основательны. Окончание Четиих-Миней требовало не только известного времени и труда, но и необходимых для работы пособий. Далекая, глухая Сибирь не могла дать в этом отношении ничего, везти все книги с собой не представлялось возможным, о живых сношениях и переписке с Москвой нечего было и думать; тысячеверстное расстояние и тогдашние средства сообщения полагали этому непреодолимые препятствия и затруднения. Отсутствие друзей и руководителей, невозможность в минуты сомнений спросить их совета, в чем так нуждался неуверенный в себе смиренный труженик, еще более осложняли неблагоприятные условия для работы в Сибири. Святитель все это ясно понимал и не мог не тревожиться за судьбу своего великого труда.

Болезнь затянулась до осени. О ней доведено было до сведения царя, и, по одним источникам, Петр сам посетил недомогающего архиерея и в беседе с ним узнал главную причину болезни (183), по другим, Святитель представил царю письменное объяснение, что по слабости здоровья едва ли он пригоден для Тобольской епархии, да и

встретит там затруднения к окончанию своих Четиих-Миней (184). В результате этих сношений с царем Святителю дозволено было остаться в Москве, и он освобожден был от Сибирской епархии. Туда послали другого воспитанника Киевской коллегии — Филофея Лещинского, а Святителя Димитрия перевели в Ростов, на место умершего Ростовского митрополита Иоасафа Лазаревича. Постановление об этом сделано было 4 января 1702 года (185), а 1 марта того же года, в воскресенье третьей недели Великого поста, митрополит Димитрий уже прибыл в Ростов на свою епархию.

Итак, в этот раз Святитель прожил в Москве с 9 февраля 1701 года до марта 1702 года, т. е. больше года. В Москве была совсем иная, чем в Киеве, жизнь, иные были и нравы. Святителю, выросшему и жившему до сих пор в другой среде, приходилось теперь приспособляться к новым условиям жизни, входить в общение с новыми людьми. Он особенно близко сошелся со старым своим знакомым, иеромонахом Чудова монастыря Феологом, с Карионом Истоминым и с Феодором Поликарповым. Живя в Ростове, Святитель поддерживал с Феологом оживленную переписку и при каждом удобном случае посылал своим новым знакомым самые дружеские приветствия. Что же за люди были эти новые знакомые Святителя Димитрия?

Благодаря трудам С. Н. Браиловского (186) личности Феодора Поликарпова и Кариона Истомина нам хорошо известны. Нет специального исследования об иеромонахе Феологе, но по кратким заметкам о нем в работах Браиловского и в статьях других авторов (187) можно с уверенностью сказать, что по своим убеждениям Феолог принадлежал к тому же кругу московских ученых людей XVII века, что и Феодор Поликарпов и Карион Истомин. Все они были искренними приверженцами просвещения, все горячо любили книжное дело и хорошо знали его положение в тогдашней Москве. Феодор Поликарпов состоял директором Московского печатного двора, Феолог и Карион Истомин исполняли там же обязанности справщиков. Образование все трое получили греческое, у братьев Лихудов, и в свое время считались знатоками не только греческого, но и латинского языка. По убеждениям они принадлежали к сторонникам «восточной» партии, но не совсем чистого вида. С. Н. Браиловский Феодора Поликарпова и Кариона Истомина относит к разряду «пестрых». Во всяком случае все они были стойкими защитниками православной греческой веры и не разделяли крайностей «западников», людей «латинской части». На этой-то ревности о Православии и любви к книжным занятиям, вероятно, и основано было дружеское общение их со Святителем Димитрием. Последний, как видно из писем к Феологу, глубоко уважал Феодора Поликарпова и Кариона Истомина. Несмотря на то, что они были моложе его, Святитель спрашивал у них совета в своих научных занятиях и посылал на просмотр им свои работы (188). Феолога, кроме того, он любил как близкого по душе и искреннего друга.

Продолжительное общение с этими людьми, выросшими в совсем иных условиях и прошедшими другую школу, оказало сильное влияние на смиренного и всегда внимательного к чужим мнениям Святителя Димитрия. В беседах с московскими друзьями он проверял свои прежние взгляды и убеждения, вырабатывал иной, более правильный взгляд на вещи и освобождался от той односторонности, какая привита была ему на Украине. Вскоре это обнаружилось как во взглядах, так и в работах Святителя. Отметим прежде всего новое отношение его к греческому языку.

В Киевской коллегии, как нам известно, на первом месте стоял язык латинский, и Святитель Димитрий вынес оттуда лишь самые элементарные познания в греческом языке. Его значение он, конечно, признавал, но нигде об этом открыто не высказывался и мало интересовался

греческими книгами. После пребывания в Москве у Святителя появляется живой интерес к греческому языку, он явно отдает ему предпочтение пред латинским и старается ближе познакомиться с греческими книгами. Открывая в Ростове училище для приготовления пастырей, он называет его «греческим и латинским» и, хотя весь строй школьной жизни копирует с Киевской коллегии, но уроки греческого языка делает обязательными и поручает этот предмет особому учителю (189). В 1705 году Святитель стремится приобрести греческую Библию и в письме к Феологу сообщает, что присланную им Библию он просмотрел, но не купил, так как она не полная, да и запродана другому лицу (190). С интересом следит также Святитель за изданием греко-латино-славянского словаря, составленного Феодором Поликарповым, и просит друзей выслать ему словарь, а потом сердечно благодарит за исполнение просьбы (191). В письме к Новгородскому митрополиту Иову, написанном в 1706 году, Святитель называет греческий язык «началом и источником всему любомудрию» и говорит: «От того бо (греческого языка) вся премудрая учения во вся языки произыдоша» (192). В устах ученика Киевской коллегии такой отзыв оригинален.

Изменилось у Святителя Димитрия под влиянием новых знакомых и отношение к Москве, к ее историческому прошлому и святыням Московского края. Кроме друзей, здесь, можно думать, немалое значение имела и сама Москва с ее великими святынями и историческими преданиями. Как столица великого государства, как сокровищница, в которую русский народ собрал все ценное, чего он достиг в предыдущие периоды своей исторической жизни, Москва должна была произвести сильное впечатление на религиозного и любознательного Святителя Димитрия. Совершая богослужение в московских храмах и участвуя в религиозных торжествах, Святитель узнавал святыни Москвы, знакомился с ее церковной жизнью и понемногу усваивал взгляды, привычки и убеждения московского народа. Новые знакомые, конечно, тоже способствовали такому направлению в духовном развитии Святителя Димитрия. В результате всех этих влияний у последнего и образовался новый взгляд на цель и задачи своего труда.

Живя на юге, Святитель смотрел на составление Четиих-Миней как на «послушание, вверенное ему Малороссийскою Церковью», поэтому в первых книгах старался прежде всего удовлетворить нужды и запросы этой Церкви. Давая православному населению назидательное, чуждое инославных плевел чтение из жизни общехристианских святых, он помещал в Четии-Минеи жития только тех русских святых, которые были хорошо известны на юго-западе. О малоизвестных святых — а к таковым принадлежали почти все подвижники северо-восточного края — он делал лишь краткое упоминание в месяцеслове. Например, в первой книге Четиих-Миней за месяцы сентябрь, октябрь и ноябрь Святитель поместил только восемь житий великороссийских святых (193) и притом в кратких, проложных редакциях. О других воспоминаемых в эти месяцы великороссийских святых (194) мы находим лишь краткое упоминание в месяцеслове. Нельзя думать, чтобы жития всех этих святых были пропущены потому, что Святитель не мог найти материала для них. В Прологе за те же месяцы есть жития Ярославских князей Феодора, Давида и Константина (19 сентября) и преподобного Савватия Соловецкого (27 сентября), есть сказание о Казанской иконе Богоматери (22 октября), и, однако, мы не находим их в Четиих-Минеях. Между тем жития даже таких малоизвестных печерских угодников, как Дамиан Целебник, Матфей и Иеремия прозорливые, здесь помещены. Очевидно, причина невнесения лежала не в отсутствии материала — Святитель мог найти его в Прологе и Макарьевских Великих Четиих-Минеях, — а в том, что общерусского значения своему

труду он еще не придавал и считался с потребностями только местного, юго-западного края. Да, кроме того, в то время он, вероятно, был и мало знаком с великорусской агиографической литературой.

В Москве рано заметили эту особенность труда Святителя Димитрия и, может быть, еще в первый приезд его сюда вели с ним беседы по этому поводу. Между рукописями Святителя имеется житие преподобного Иосифа Волоцкого, на котором рукою Святителя сделана пометка: «прислано с Москвы от отца Кариона в лето 1699 марта 30-го» (195). Значит, московские книжники уже тогда старались ознакомить Святителя Димитрия с житиями великороссийских святых. Теперь, когда Святитель переехал на север, воздействие на него новых знакомых в этом направлении, без сомнения, увеличилось, да он и сам, ближе познакомившись с Москвой, ясно увидел, как далеки его Четии-Минеи от полноты, как много пропущено им житий святых, дорогих и близких сердцу великоросса. Как только этот недостаток был осознан, Святитель начал старательно собирать и списывать жития великороссийских святых, чтобы впоследствии дополнить ими свои Четии-Минеи.

Работа в этом направлении начата была, вероятно, в Москве, но с особенной энергией продолжалась в Ростове. Второй после Москвы по обилию святых город северо-восточного края, Ростов глубоко заинтересовал Святителя своей стариной и своими священноисторическими преданиями. Почивающие в нем святители Леонтий и Исаия, пришельцы с юга, должны были роднить Святителя Димитрия с новым местом его службы и указывать ему, что в древности не было деления России на великую и малую, а была одна русская народность, объединенная племенным сходством и великокняжескою властью. Вследствие этого московские впечатления в Ростове должны были еще более углубиться, и новое направление в работе приобрело бо́льшую прочность и сознательность. Из переписки Святителя Димитрия с Феологом и Новгородским митрополитом Иовом видно, как живо интересовался он ростовской стариной и как старательно собирал те памятники письменности, которые могли осветить для него минувшие судьбы северо-восточного края и в особенности труды и подвиги его духовных просветителей и подвижников.

Прося помощи у других, Святитель и сам разыскивал в своей епархии и собирал как жития святых, так и другие памятники древней письменности. В его рукописях есть, например, житие преподобного Аврамия Ростовского, списанное «с тетрадей дьячка Богоявленскаго монастыря» (196); в Угличе он нашел «книжицу» с житием святого царевича Димитрия и, дополнив ее сведениями, взятыми «у некоего хронографа», написал житие царевича для последней части Четиих-Миней (197); в Ярославле, в церкви Николая Надеинского, Святителю удалось найти какой-то сборник житий святых, который в своих черновых тетрадях он называет то «Ярославским Николы Надеина сборником», то «Ярославской Четьей» (198). Эти поиски памятников великороссийской агиографии не прекращались Святителем до самой его кончины. О результатах их мы будем говорить ниже, а теперь перейдем к истории составления четвертой, последней части Четиих-Миней.

Первоначальная работа над нею началась, вероятно, еще в Москве, но здесь сделано было немного. Можно думать, что к составлению житий Святитель здесь и не приступал. В письме к Феологу, которое хранится в ризнице Спасо-Иаковлевского монастыря и написано в ноябре 1702 года, Святитель сообщает о составлении им жития святого царевича Димитрия: «Аз прежде сего собрал с некоего хронографа и с углечской книжици и написал историю о св. царевиче Димитрии». В другой рукописи, находящейся в Московской Типографской библиотеке (199), есть житие святых бессребренников Космы и Дамиана с указанием, что оно составлено 14 сентября 1703 года. Так как житие

святого царевича Димитрия помещено в Четиих-Минеях под 3 июня, а житие святых Космы и Дамиана - под 1 июля, то, следовательно, в конце 1702 года Святитель только еще начинал четвертую книгу и над первым ее месяцем трудился до сентября следующего года. В Москве поэтому, может быть, выработан был только план и собраны необходимые материалы. Вся остальная работа выполнена была в Ростове среди многосложных и разнообразных дел по управлению обширною епархией. Нам нет нужды подробно описывать административную и просветительную деятельность Святителя Димитрия, но упомянуть о ней и об условиях его жизни в Ростове мы должны, чтобы знать, в какой обстановке приходилось Святителю работать над последней частью своего труда.

Святитель Димитрий весьма серьезно смотрел на сан епископа (200) и старался строго исполнять все связанные с ним обязанности. Прежде всего, он позаботился поднять нравственный уровень подведомственного ему духовенства, для чего часто объезжал епархию, посещал храмы, поучал священников и рассылал им особые увещательные грамоты. Сознавая, однако, что всего этого недостаточно, он, вскоре же по приезде в Ростов, открыл училище, для которого уступил часть своих покоев, и, выписав из Киева учителей, все руководство делами училища и всю воспитательную его часть взял в свои руки. Чтобы научить народ, Святитель часто служил и неустанно проповедовал. Дела по управлению епархией, заботы о хозяйстве архиерейского дома и частые сношения с светскими властями, которые отбирали тогда в казну все доходы с монастырских и архиерейских вотчин (201) и вмешивались даже в церковную жизнь и архиерейские распоряжения, также отнимали много времени и причиняли немало тревог и огорчений. Святитель болел душой, видя разорение прежде богатого архиерейского дома, сострадал бедствиям духовенства и народа и, сам терпя крайнюю скудость, должен был ограничивать себя во всем (202). Нельзя без глубокого волнения читать его письма, в которых он просит своих благодетелей прислать ему «чаю невеликое», потому что «в Ростове несть где взять, а надобно временем» (203), когда приглашает их в свою «келию на грибы» (204), когда сообщает: «Чуть не пешком брожу, — ни коня, ни всадника. Оскудеша овцы от пищи и лошадей нет» (205), или, получая от друзей приношения, отвечает: «Не имам, чим воздати, убог сый; молю богатаго в милости Христа Владыку нашего, да Он воздаст преосвященству вашему сторичне, за любовь Вашу отеческую, юже мне недостойному являете» (206). Но если бедность и огорчения угнетали душу, то сырой, нездоровый климат Ростова быстро разрушал тело. От природы некрепкое здоровье Святителя здесь еще более расстроилось: он начал часто прихварывать и в письмах к друзьям жаловался на свое «нездравое здравие» (207). Наконец, немало дорогого времени отнимали и поездки в Москву по вызову, на чреду служения. За семь лет жизни в Ростове Святитель Димитрий был в Москве три раза: в 1705, 1706 и 1707 годах, причем первое пребывание продолжалось более года.

В таких неблагоприятных, тяжелых условиях приходилось Святителю работать над последнею четвертью Четиих-Миней. Надо только удивляться, когда он находил время для этой работы. Но любовь и сознание долга превозмогли всё. Отрываясь от дел по управлению епархией и от приема разных должностных лиц, Святитель отдавал своему заветному труду каждый свободный день, каждый незанятый час. «Днем у тусклаго слюдоваго окна, а ночью при слабом свете сальной свечи» писал он последние месяцы Четиих-Миней, забывая о собственном отдыхе и покое. Что-то как будто побуждало его скорее окончить эту работу. Словно он сознавал, что жить ему осталось уже немного, а дел сделать нужно было еще порядочно. В письмах Свяги-

теля, написанных в это время, невольно отражается и чувствуется напряженность и спешность его работы. Спрашивая о чем-либо своих московских друзей, Святитель торопит их с ответом и дружески укоряет, если они медлят отвечать ему. Чаще и чаще встречаются в письмах просьбы о молитве, чтобы Господь дал «поспешество» труду Святителя и он мог поскорее его закончить. А дело, хотя и знакомое, требовало большого внимания и усердия. Нужно было собрать материал и дать достаточные чтения на каждый день месяца. Последнее затруднялось тем, что житий восточных святых за составляемые месяцы было мало и приходилось дополнять эту «скудость» житиями иных святых. Делая с этой целью поиски в различных источниках, Святитель вносил новых святых в Четии-Минеи с большой осторожностью. Прежде чем внести житие нового святого в Четии-Минеи, Святитель советовался с теми, кого считал «благоразумными», умоляя их прислать ему совет «здравый», т. е. основательный и продуманный.

Встречались затруднения и другого характера, происходившие от спутанности и неясности Пролога, этого главного пособия при установлении памяти святых. Но дело было уже близко к окончанию, — и 9 февраля 1705 года Святитель завершил свой бессмертный двадцатилетний труд.

Глубокая духовная радость переполняла сердце Святителя-труженика. Он спешит поделиться ею с любимым другом и вскоре после 9 февраля пишет Феологу: «Срадуйтеся мне духовне, яко споспешеством ваших молитв сподобил мне Господь августу месяцу написати аминь и совершити четвертую житий святых книгу, юже послах в Киев, в печать» (208).

Подвергалась ли эта четвертая книга Четиих-Миней рассмотрению и исправлению, — неизвестно. В ней самой нет об этом никаких сведений, так как, кроме обычного выходного листа, она не имеет ни предисловий, ни предварительных сообщений. Да некому было и просматривать ее в Киеве: Варлаам Ясинский в это время доживал уже последние годы своей жизни и был весьма слаб (209), а новый архимандрит Лавры Иоасаф Краковский едва ли бы согласился принять на одного себя такое ответственное дело. К тому же Святитель Димитрий пользовался тогда уже всеобщею известностью и уважением как «списатель житий святых», и сомневаться в достоинстве его труда не было никакого повода.

Зная, как интересовались выходом книги в Москве, Святитель писал туда об успехах печатания. Так, в письме из Ростова от 22 мая 1705 года он пишет отцу Феологу: «За дружелюбие вестно творю: месяц июнь, июль напечатаны и присланы ко мне с Киева; августа, чаю, ждет тамо Алекса» (210). Если в конце мая печатался уже август, то, следовательно, к июлю книга вышла из печати (211), и Святитель Димитрий получил возможность послать ее своим друзьям.

Но не одни друзья интересовались книгой. Можно сказать, что вся грамотная Россия с нетерпением ждала окончания Четиих-Миней, и Святитель начал получать просьбы о высылке четвертой книги тотчас же после выхода ее из печати. До нас сохранились некоторые из его ответов на эти просьбы. «Благодарю, — пишет он игумену Соловецкого монастыря Фирсу, — за рыбу, прияли от монаха Антония и вкушахом. И вам послахом жития святых четвертую часть года, три месяца» (212). На подобную же просьбу архимандрита Троице-Сергиевой Лавры о присылке Четиих-Миней Святитель отвечает: «Мы, смиренные, писание ваше чрез присланнаго от вас ризничаго, иеромонаха Моисея, приняли и любовно прочитали. А что благоволил преподобие ваше в том писании своем писать, чтобы мы во св. Лавру отпустили Минеи-Четии последних двух выпусков, то мы, смиренные, преподобию вашему с тем же преждеименованным ризничим книг оных последняго

выпуска три месяца — июнь, июль и август — из келлии нашей отпустили, а иных житий святых с марта по июнь у нас, смиренных, при келии нашей излишних не имеется, а есть таковыя книги во святой великой Лавре Киево-Печерской, и сие нам ведомо... Книгу одну безденежно отпустил преподобию твоему в келию; благоволи любовно принять. Благодарствую за хлеб и рыбу, кои из святой обители на благословение прислали. Челом бью» (213). Посылал Святитель Четии-Минеи и Новгородскому митрополиту Иову.

В 1707 году Святитель удостоился и более торжественного чествования за свой труд. В конце этого года в Ростов был послан из Московской академии префект и учитель философии Стефан Прибылович, который от лица Академии 26 декабря в Крестовой палате поднес Святителю «дедикованную конклюзию» и говорил похвальную речь. Эта конклюзия, весьма искусно написанная на куске атла́са, сохранялась в ризнице Спасо-Иаковлевского Ростовского монастыря. Она написана на латинском языке и украшена рисунками и фигурами, изображением Святого Духа в виде голубя, окруженного по сторонам ангелами и ликом святых угодников. Из этих рисунков и надписей видно, что конклюзия была выражением признательности за составление житий святых. Святитель называется здесь отцом, патроном и особенным благодетелем; четыре его книги житий святых уподобляются четырем Евангелиям и называются «святейшим книгостроением»; красноречивые похвалы адресуются Святителю и за то, что он в себе самом предложил ту же святую жизнь, какую изобразил пером на хартии (214). Последнюю мысль Прибылович довольно подробно развил и в своей приветственной речи, сказанной после поднесения конклюзии.

Вообще, в это время Святитель Димитрий, как составитель житий святых, пользовался широкой известностью. К нему очень часто обращались и духовные, и светские лица с просьбами написать акафист, канон или службу тому или другому святому (215). В 1705 году, 12 августа, Святителем Димитрием получен из Иерусалима «мандилион» — род полотенца, вытканного из бумаги, с красными и синими узорами, и И. А. Шляпкин полагает, что его прислал Иерусалимский патриарх как знак особого благоволения за составление житий святых (216). Наконец, о том, что Димитриевы Четии-Минеи пришлись по душе и всему грамотному русскому народу, свидетельствует факт их быстрой распродажи: вскоре после выхода из печати четвертой книги Киево-Печерская Лавра начала хлопоты о втором издании Четих-Миней, следовательно, первое их издание было уже распродано. Об этом втором издании или, точнее, о степени участия в нем Святителя Димитрия мы и должны теперь говорить. Это участие было последней данью великого Святителя своему любимому труду.

Прежде всего мы должны решить вопрос: когда возникла мысль о втором издании Четих-Миней? Составители биографии Святителя Димитрия отвечают на это неодинаково. Авторы книжки, вышедшей в 1849 году и редактированной А. В. Горским, говорят, что «еще в то время, когда Святитель занимался последними месяцами, архимандрит Печерский Иоасаф Краковский просил его о принятии на себя нового труда, именно, исправления первой тримесячной книги Четих-Миней для второго издания» (217). Профессор И. А. Шляпкин в одном месте своего исследования замечает, что «мысль заняться пересмотром первых томов «Четих-Миней» явилась у Святителя в 1704 году» (218), а в другом говорит, что у Святителя «снова (т. е. как бы в другой раз) является мысль о вторичном издании первых частей Четих-Миней», и приводит далее просьбу Иоасафа Краковского, относя эти события к весне 1705 года (219). Священник М. С. Попов, по обыкновению следует и в этом вопросе за профессором И. А. Шляпкиным, не давая

впрочем, никаких точных хронологических сведений, а относя только дело о новом издании Четиих-Миней ко времени после 1705 года. Каждое из этих мнений подтверждается у авторов выдержками из писем Святителя Димитрия.

Из анализа этих писем видно, что они относятся к началу 1706 года. В это же время, следовательно, получена была и просьба Иоасафа Краковского об исправлении Четиих-Миней.

Святитель Димитрий с готовностью принял предложение Краковского и намерен был исполнить его. «И паки триех великих Миней-Четиих от соборной Московской патриаршей церкви дадут ли?» — спрашивает он в конце письма к Феологу. Удалось ли Святителю получить эти Минеи — мы не знаем. Вероятно, нет, так как в последующих письмах к Феологу Святитель об этом не упоминает, а вместе с тем эти же письма свидетельствуют, что внимание Святителя вскоре заняли другие работы, которым он отдался с обычным для него интересом и прилежанием.

«Возжелах от скуки, аще Господь восхощет, сочинить летописец вкратце за келию» (220), — пишет Святитель Феологу в мае 1707 года. Очевидно, Макарьевские Четии-Минеи получены не были, и, не имея возможности без них пополнить свои книги, Святитель, чтобы не быть без дела, решает сочинить Летописец. В работе тотчас же встретились недоумения, и, желая разрешить их, Святитель собирает нужные для справок книги: пишет Г. Д. Строганову, умоляя его прислать в Ростов «на малое время книгу, глаголемую хронограф, иже и летописец» (221), просит о том же Феолога (222) и выписывает чрез Вандебурга, продавца иностранных книг в Москве, целый ряд латинских пособий по истории и хронологии (223). Новая работа пришлась по душе Святителю, и он ревностно трудится над ней. В ноябре 1707 года, закончив самую трудную главу летописи о хронологии, Святитель посылает написанное в Москву Стефану Яворскому для просмотра. «Преосвященный не охулил, — сообщает Святитель Феологу, — прочим же не понравилось» (224). Отвечая этим прочим на их замечания в письме к Стефану Яворскому от 4 декабря, Святитель тогда же доводит до сведения Яворского, что работа над Летописцем начата: «Возлагаяся на Бога и на святые ваши молитвы уповая, помалу касаюся дела, и уже будто бы есть и начало» (225). 11 декабря это начало посылается в Москву с Рафаилом Казановичем при особом письме. Хотя в этом письме продолжение своего труда Святитель ставит в зависимость от того отзыва, какой дадут о нем Стефан Яворский и «прочии благоразумныи особы» (226), однако работы не бросает. Та же работа над Летописцем занимает Святителя и в следующем, 1708 году. Это видно из писем к Стефану Яворскому от 8 января (227) и от 24 февраля к Феологу. Последнему Святитель писал два раза Великим постом (228) и однажды в сентябре, после возвращения из Москвы. В письмах встречаются жалобы на нездоровье, которое мешает писать.

Несмотря на недомогание, Святитель, насколько позволяли ему силы, продолжал трудиться над Летописцем.

В ноябре 1708 года Святитель Димитрий уехал в Ярославль по делам раскольников-старообрядцев. Во время бесед с ними он вывел заключение, что «словеса из уст болей идут на ветер, нежели в сердце слушающих», и поэтому, вернувшись в Ростов, оставил «предлежащее» ему «дело летописания» и взялся «писать особую книжицу против раскольнических учителей» (229). Этому новому труду Святитель отдался всей душой и работал с необыкновенным рвением. В Москву то и дело отправлял он письма с запросами к друзьям о разных пунктах раскольнических лжеучений, с просьбами — прислать ему ту или другую книгу, сделать справку и т. п. Письма большей частью коротенькие, спешные. «Простите, — пишет в одном из них Святитель Димит-

рий, — недосуг писать. Десница моя тростию пишущей аки копьем и мечем на раскольников вооружися» (230). В марте следующего 1709 года новое сочинение — «Розыск» — было закончено. Святитель отдал его переписывать своим писцам, а сам помышлял снова вернуться к Летописцу. «Уже бо и докучило писать противу раскольников, — полно уж, будет о том трудиться, пристал... — пишет он Феологу. — Помышляя возвратиться к Летописцу, аще Бог поможет моей немощи, молю, помолитесь о мне грешном» (231). Однако раскол еще некоторое время занимал Святителя, и он не раз посылал в Москву добавления к своей работе, прося друзей «прочитать и рассудить, гораздо ли так?» (232) На эти дополнения и поправки, вероятно, ушли вся весна и лето. А осенью нездоровье снова усилилось и приняло такой характер, что великому труженику было уже не до письма. «Вопрошаеши мя, возлюбленне, — писал в это время Святитель любимому другу, — о моем здравии; поистине возвещаю ти, яко немощствую; прежде бывало мое здравие пополам: полуздрав, полунедужен. А ныне недугование превозмогает и едва третия доля здравия остается, обаче будто мужаюся и держуся о Господе моем, в Его же руку живот мой; дела ныне никакого не делаю: до чего же примусь, все из рук падет; дни мне стали темны, очи мало видят, в нощи свет свечный мало способствует, паче же вредит, егда долго в письмо смотрюся, а недугование заставляет лежать и стонать. В таковом моем нездравом здравии не вем, что чаяти, живот или смерть, — в том воля Господня да будет» (233). Это письмо писано утром 27 октября 1709 года, а на другой день ближние Святителя нашли его в келье уже скончавшимся: он испустил дух во время молитвы, коленопреклоненный. Своей святой кончиной Святитель показал, как духовно близок он был к сонму святых, деяния и подвиги которых почти всю свою жизнь так старательно и любовно описывал.

Этот краткий очерк последних лет жизни Святителя Димитрия показывает, что мысль об исправлении и дополнении Четиих-Миней занимала его только в первое время после получения письма от Иоасафа Краковского. Затем внимание его привлекли другие литературные работы, и вновь вернуться к Четиим-Минеям ему уже не пришлось. Судя по тем письмам к Феологу, которые упомянуты были ранее, у Святителя было намерение довольно широко поставить дело исправления и дополнения своих книг. Он хотел приготовить их «ко вторичному печатанию полнее, неже первее, с приложением житий святых тех, иже преминушася» (234). Главным источником для этого должны были служить Макарьевские Великие Четии-Минеи, справка о которых два раза повторяется в письмах к Феологу. Эти Минеи в то время считались богатейшим собранием памятников русской агиографии. Можно поэтому думать, что Святитель Димитрий предполагал пополнить свои книги для второго издания прежде всего житиями великороссийских святых. К этому должен был побуждать его и тот новый взгляд на задачи и цель своего труда, какой образовался у Святителя в Москве и приобрел особенную прочность в Ростове. Мы уже знаем, что под влиянием его Святитель почти тотчас же после переселения в Ростов начал собирать отовсюду соответствующий материал и не прекращал делать это до самой своей кончины.

Часть собранного использована была для последней, четвертой книги Четиих-Миней. Написанная в Ростове, эта книга носит явные следы новых взглядов Святителя. Среди наполняющего ее агиологического материала мы находим не только значительное количество житий великороссийских святых, но и целый ряд повестей и сказаний, интересных и важных только для Москвы и для жителей северо-восточного края. Между житиями обращает на себя внимание повесть о святом царевиче Димитрии. Ей следовало бы быть в майской книге (память святого царевича 15 мая), но «у составителя, — замечает Святитель Димитрий,

когда он писал месяц май, — истории о убиении св. царевича не прилучися, ныне же та обретеся, убо в нынешний день (3 июня), в празднество перенесения честных мощей его и о убиении его зде история полагается» (235). Нам думается, что немалое значение при этом имели и новые взгляды Святителя. Из интересных и важных для Московского края повествований отметим сказания: об избавлении Москвы от Ордынского царя Ахмата (23 июня), о перенесении ризы Господней из Персиды в Москву (10 июля), о перенесении в Москву Владимирской иконы Божией Матери (26 августа) и описания почитаемых в великой России икон Богоматери: Тихвинской (26 июня), Казанской (8 июля) и Толгской (8 августа).

Этими житиями и сказаниями собранный в Ростове материал, конечно, не исчерпывался. Неиспользованная часть его и всё, что поступило после окончания Четиих-Миней, должны были храниться у Святителя в виде разнообразных рукописей и ждать удобного времени для обработки и помещения в Четии-Минеи. Часть этих рукописей известна и в наше время. Собранные самим Святителем в два сборника, они сохранялись в Московской Патриаршей и Московской Типографской библиотеках. Сборник Патриаршей библиотеки (№ 835-й) — довольно большая, более 200 листов, книга в четвертую долю листа, переплетенная в кожу и имеющая на обороте верхней доски следующую, сделанную самим Святителем Димитрием надпись: «Неисправленныя вещи различныя, собранныя в лето 1704-е в Ростове». В книге 13 написанных различными почерками рукописей, из которых только три не имеют отношения к агиологии. Две рукописи уже использованы: сказание о Толгской иконе Божией Матери (лл. 1—64) и повесть о убиении святого царевича Димитрия (лл. 199—221); остальные или оказались непригодными, или отложены до новых работ над Четиими-Минеями. Святитель сам написал оглавление книги и, очевидно, считал собранный в ней материал достойным сохранения. Кроме уже указанных повестей и сказаний, в сборнике имеются: «Слово о житии и чудесах св. мученика Иоанна Стратилата и воина (л. 64); тропарь, кондак и житие св. Феодосия (л. 88); месяца мая, в 29-й день, житие св. Иоанна Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца (л. 92); родословие князей Ростовских и Владимирских (л. 104); описание о соборной церкви Успения Божией Матери во граде Владимире и иже в ней мощей нетленных (л. 108); поставление епископов по градом (л. 111); сказание о убиении князей Ярославских Василия и Константина (л. 112) и их чудеса (л. 119); чудо Пресвятой Богородицы и свв. блаженных и Христа ради юродивых Прокопия и Иоанна Устюжских, о жене бесноватой именем Соломонии (л. 137); месяца июня 25 дня, повесть о житии свв. Петра и Февронии Муромских (л. 169); Иоанн власатый Ростовский, милостивый (л. 185) и память отцу духовному, како управляти ставленника (л. 221)».

Типографский сборник значительно больше синодального; в нем около 600 листов, содержащих до 50 разнообразных рукописей, не переплетенных, а только сброшюрованных в одну толстую, теперь уже порядочно обветшавшую книгу. Некоторые рукописи написаны самим Святителем Димитрием, но большая часть составлена и переписана другими людьми, предоставившими свой труд в его распоряжение. Лица, составлявшие опись оставшегося после Святителя Димитрия имущества, назвали этот сборник в реестре книг «Житиями святых, которыя не положены в Четиих-Минеях», и отметили, что эти жития «в тетрадях набело переписаны с намерением, чтобы в Четьих-Минеях на своих местах положены были и напечатаны» (236). С этим определением нельзя вполне согласиться: во-первых, в сборнике находятся далеко не одни жития святых; во-вторых, между находящимися там житиями есть такие, которые уже использованы и, следовательно, для

пополнения Четиих-Миней предназначаться не могли (237). Из остальных житий также лишь немногие можно считать вполне приготовленными для внесения в Четии-Минеи. Вообще, более близкое знакомство с сборником показывает, что в нем собраны не обработанные жития, а поступившие к Святителю в разное время материалы, которые в конце жизни (238) он соединил в одну книгу, предполагая некоторые из них использовать для дополнения Четиих-Миней при вторичном их издании.

Последнее подтверждается следующим: во-первых, все жития святых расположены в сборнике в порядке месяцеслова и, без сомнения, для того, чтобы удобнее было пользоваться ими при пополнении Четиих-Миней; во-вторых, почти на каждой рукописи имеются или заметки, или исправления, сделанные рукою Святителя, из которых некоторые категорически подтверждают нашу мысль (239). Например, на житии Григория Синаита Святитель написал: «сего святаго в месяцесловах нигде не положено. Положити убо его августа в 8 день, понеже в реестру проложном так положено»; на житии преподобной Фелонии: «выписано з великой Минеи Четье, не обретается же воспоминовение ея в месяцесловах, ни в прологах, токмо в Четии мая 28-го. Да положится убо где-либо». Поставленные на некоторых житиях числа месяцев также, по нашему мнению, указывают на намерение Святителя поместить эти жития в свои книги. Например, на житии святых Гурия и Варсонофия рукою Святителя написано: «Октября в 4 день», на житии святого Дионисия Александрийского — «Октовриа в 5 день», на житии преподобного Аполлона — «марта 31-го». Наконец, те отметки, исправления и замечания, которые сделаны Святителем в рукописях, что иное могут означать, как не его работу по приготовлению их к печати? Правда, довести эту работу до конца Святитель не успел, но что он ее начал, в этом, кажется, не может быть никакого сомнения.

Находящиеся в рукописях заметки интересны и в другом отношении. Благодаря им мы узнаем, когда и от кого поступили к Святителю некоторые из этих рукописей, знакомимся с их источниками и получаем представление о той обработке, какой подвергал Святитель Димитрий поступавший к нему материал прежде помещения его в свои Четии-Минеи. Так как все эти сведения очень важны для истории последних работ Святителя Димитрия над Четиими-Минеями, то мы постараемся разобрать и использовать их с возможной полнотой.

Определенные указания на время поступления имеются только на двух рукописях: на житии преподобного Иосифа Волоцкого, где Святитель внизу первого листа написал: «прислано с Москвы от отца Кариона, в лето 1699, марта 30-го», и на житии святой Марии Магдалины, которое на последней странице имеет пометку: «О ст. Марии Магдалине от преосв. Сиберскаго септемврия 28-го, 1706 года». На остальных агиографического содержания рукописях таких определенных указаний нет, но по другим имеющимся там надписям, принимая в соображение уже известную нам историю составления Четиих-Миней, можно вывести заключение, что одни из собранных в книге житий поступили к Святителю еще в то время, когда он работал над Четиими-Минеями, другие присланы ему в Ростов в последние годы жизни. Ко второму отделу мы причисляем все рукописи с житиями великороссийских святых, кроме жития преподобного Иосифа Волоцкого. Мы полагаем, что эти рукописи есть результат тех поисков в области великороссийской агиографии, которые предпринимал Святитель в Ростове. Между ними находится, например, житие преподобного Аврамия Ростовского, списанное «с тетрадей дьячка Богоявленского монастыря»; из двух других житий того же святого одно, по мнению И. А. Шляпкина (240), прислано Святителю митрополитом Новгородским Иовом, другое, вероятно, иеромонахом Феологом (241). От Иова же, можно думать, получено

житие Леонтия, Святителя Ростовского. Что касается остальных житий великороссийских святых (Гурия и Варсонофия Казанских, Григория Переяславского, Макария Белевского и Кассиана Учемского), то и они не могли быть присланы Святителю ранее переселения его на север. О последних трех святых мы не находим упоминания даже в месяцеслове Четиих-Миней, чего Святитель не допустил бы, если бы жития их были у него под руками во время работы над Четиими-Минеями. Святым Гурию и Варсонофию 4 октября, в день их праздника, положено краткое проложное сказание; такие же краткие сказания посвящены преподобному Аврамию (26 октября) и Святителю Леонтию (23 мая); очевидно, других, более полных житий этих святых у Святителя тогда не было. Да едва ли он и интересовался ими. Ведь только после переселения на север у него появился интерес к великорусской агиографии и, как мы видим из писем (242), Святитель стал разыскивать и просить своих друзей прислать ему полные жития этих святых. Труднее определить время поступления к Святителю находящихся в сборнике житий общехристианских святых. Вероятно, большинство из них получены Святителем еще в первый, украинский период его деятельности. Это безусловно справедливо относительно житий уже использованных. Неиспользованных житий сравнительно немного, и, на основании сделанных на них заметок, можно только предполагать, что они получались в то время, когда удобная для помещения их книга Четиих-Миней была уже закончена.

Источники собранных в сборнике житий довольно разнообразны. Некоторые заметки указывают их определенно и прямо. Например, на житии святого князя Вячеслава Чешского написано: «из великой Минеи Чет'е выписано, но неисправно»; на житии святого Мефодия, учителя словенского — «из великой Минеи Чет'е преписано»; на житии святого мученика Артемона — «из Чет'е великой». Ту же надпись читаем на житиях: святого мученика Христофора, святого мученика Еразма, преподобной Филофеи, мученика Феодорита и преподобного Исаакия Далматского. Итак, все эти жития заимствованы из Макарьевских Великих Четиих-Миней. Из тех же, вероятно, Миней взятых жития — святой Фотинии Самаряныни, мучеников Ионы и Варахасия, святого Стефана Римского, мучеников Фоки и Евсигнея, за что говорит буквальное сходство их редакций с житиями Макарьевских Четиих-Миней. То же можно бы сказать и о житиях Андрея, Христа ради юродивого, Кирилла, первоучителя словенского, Иосифа Волоцкого и Леонтия Ростовского, но на житии святого Кирилла указано, что оно «списано з библиотеки Хиляндарской лавры Сербской». Может быть, из других источников заимствованы и остальные жития, тем более что в некоторых местах их текст не вполне совпадает с четии-минейным. Встречаются в сборнике и переводные жития. Например, житие святого Дионисия Александрийского переведено «из Евсевия», житие святых Андрея Хиского и Георгия Трапезунтского — «з Лаврентия Сириа», житие преподобного Аполлона — из Vitae ss. patrum, первый очерк жития Иеронима — из «Маркиана Виктория», о преставлении Богоматери — из Мелита, епископа Сардийского, причем в сборнике находится не только перевод, но и латинский оригинал этого сказания.

Знакомясь с переводными житиями сборника, мы видим, что почти все они написаны не самим Святителем Димитрием. Об этом говорят не только язык и почерк их, но и некоторые заметки. Например, на житии святой мученицы Людмилы Чешской рукой Святителя сверху листа написано: «перевод п. Стефана Любинскаго»; переводчиком жития святого Дионисия Александрийского называется «Иоанн Христофорович»; о книге Мелита сказано, что она «перевод отца Антония Стаховскаго, казнодея Черниговскаго»... Эти заметки ставят перед нами очень важный вопрос — о сотрудниках Святителя Димитрия по

составлению Четиих-Миней. Что такие сотрудники у Святителя Димитрия были, в этом как будто нельзя и сомневаться. Из переписки с Феологом и другими лицами мы видим, что Святитель часто обращался к ним с просьбами найти и списать для него то или иное житие. Эти просьбы не оставались без ответа, и, как мы уже говорили, большая часть находящихся в разбираемых нами сборниках житий может считаться присланной Святителю его друзьями и доброжелателями. Нет сомнения, что и ранее Святитель имел таких сотрудников. В Московской Патриаршей библиотеке, в рукописи под № 146, есть житие Саввы, первого учителя Сербского, на котором положена такая надпись: «списано преп. Дометианом, иеромонахом монастыря Хиландары нарицаемого, а з него писал отец Филофей Лещинский сокращенне и не весьма рассмотрительне» (л. 257). И. А. Шляпкин предполагает (243), что эта надпись сделана не позже 1688 года. Тот же Филофей Лещинский в 1705 году 4 марта прислал Святителю «Лествицу», а в 1706 году — житие равноапостольной Марии Магдалины. В 1699 году, как мы уже не раз говорили, прислано Святителю Карионом Истоминым житие преподобного Иосифа Волоцкого. Вообще, таких друзей - сотрудников, списывавших для Святителя Димитрия с различных славянских источников жития святых, было, вероятно, немало как в ростовский, так и в украинский период его деятельности. Одни из этих сотрудников были простыми переписчиками рукописей, другие при списывании подвергали их некоторой переработке. Так, Филофей Лещинский писал житие Саввы «сокращенне»; в сборнике № 420, нами описанном, житие Андрея, Христа ради юродивого, написано тоже «сокращенне частию от простерших словес»...

Кроме сотрудников-переписчиков, были у Святителя и сотрудники-переводчики. При составлении Четиих-Миней Святитель Димитрий использовал не только славянские, но и многие иностранные источники. Последние надо было переводить; вот в этой-то работе и помогали ему сотрудники-переводчики. Имена трех из них (Стефана Любинского, Иоанна Христофоровича и Антония Стаховского) мы уже знаем. В принадлежавшем Святителю Прологе, во второй его части, где между листами 443 и 444 вклеен листок с житием преподобного Кассиана Римлянина, упомянуто имя еще одного сотрудника-переводчика, на верхней части листка рукой Святителя написано: «се творение небожчика Иосифа Конесскаго, уставщика Печерскаго» (244). В том же Прологе, в июньской его четверти, есть еще подобная вставка с житием святого Лазаря, князя Сербского, но имени переводчика здесь нет. Не встречали мы имен переводчиков и в рукописях, хотя по почерку, языку и разным другим признакам необходимо отнести эти рукописи к присланным сотрудниками Святителя Димитрия. В Типографском сборнике № 420 такими работами мы считаем: страдание святых мучеников Андрея Хиского и Георгия Трапезунтского, житие священномученика Ипатия Гангрского, житие преподобного Исаакия Далматского, житие блаженного Иеронима (черновая редакция), житие святого Григория Синаита и слово епископа Мелита о преставлении Богоматери. Вероятно, пользовался Святитель и другими подобными переводами. Некоторые из них, может быть, сделаны были еще во времена Петра Могилы и Иннокентия Гизеля и переданы Святителю вместе с другими материалами, когда он начал свою работу над Четиими-Минеями.

Отмечая эти факты, мы думаем, что приписывать всем таким сотрудникам какую-либо долю участия в составлении собственно Четиих-Миней едва ли возможно. Их работы были только сырым материалом, который, прежде чем войти в Четии-Минеи, нуждался в тщательном исправлении и переработке. Исполнение этой задачи всецело лежало на Святителе Димитрии, и он решал ее самостоятельно, без всякой посторонней помощи, обращаясь за советом к своим руководи-

телям и друзьям только тогда, когда в чем-либо сомневался и затруднялся. Собранные в Синодальном и Типографском сборниках рукописи доказывают это с полной несомненностью. Мы видим, что материалы первого сборника Святитель сам называет «неисправленными вещами», а во втором — подвергает рукописи строгой проверке и тщательной переработке. Так как характеристика литературной работы Святителя Димитрия над Четиими-Минеями составляет задачу последней главы нашего исследования, то здесь долго останавливаться на ней мы не будем. Скажем только, что все поступавшие к Святителю рукописи с житиями святых он сначала критически изучал, а затем принимался за их стилистическую обработку. Здесь собранные материалы служили уже только канвой, по которой вышивалась совершенно самостоятельная, далеко превосходящая изложение сотрудников работа. Каких трудов она стоила Святителю Димитрию, можно судить по находящимся в Типографском сборнике рукописям с житиями святых Ионы и Варахасия и блаженного Иеронима. Они переполнены исправлениями и переделками, так что когда мы сравним совершенно переработанное и приготовленное к печати житие блаженного Иеронима с тем, которое было прислано Святителю его сотрудником, то должны будем признать, что первое есть самостоятельная, носящая отпечаток авторской личности работа, для которой второе житие дало только факты, только сырой материал. Итак, в творческой работе над Четиими-Минеями сотрудники Святителя, по нашему мнению, никакого участия не принимали, поэтому слава составления Четиих-Миней в той прекрасной литературной форме, какую имеют наполняющие их жития святых, всецело принадлежит одному Святителю Димитрию.

Возвратимся теперь снова ко второму изданию Четиих-Миней. Знакомство с рукописями обоих сборников показывает, что Святитель не успел подвергнуть их полной и тщательной переработке. По-видимому, он ее только начал, поэтому ни одно из находящихся в сборниках житий, кроме использованных ранее, во второе издание Четиих-Миней не вошло. Правда, на выпускном листе первой книги второго издания значится, что в этот раз Четии-Минеи издаются «с поправкой и с придатком житий святых великороссийских отец», но это извещение в последней своей части не соответствует действительности. Ни одного нового жития, посвященного великороссийским святым, во втором издании нет. Здесь прибавлено только несколько житий общехристианских святых, главные же поправки и дополнения внесены в месяцеслов, но и то лишь за первые месяцы года. Так, в сентябре, 9 числа, прибавлено житие Никиты, тайного угодника, его же виде диакон Созонт; 10-го — повесть о трех женах, в горе обретенных; 16-го — сообщены довольно подробные сведения о пустыннике Дорофее. Исправления сделаны: в житии преподобного Симеона Столпника, 1 сентября, добавлено в конце, что частица мощей его была принесена к Даниилу Столпнику, и в сказании об иконе Божией Матери в Миасинской обители, это сказание переработано и дополнено. 20 сентября написано новое начало к житию святого Михаила, князя Черниговского. Кроме этого, несколько незначительных поправок и добавлений сделано в ссылках на источники житий. Например, добавлены новые источники (1 сентября), старые указания изменены (3 и 4 сентября), сделаны ссылки на источники там, где в первом издании их не было (2, 4, 7, 20 сентября; 4 октября) и, наоборот, в иных местах они опущены, хотя в первом издании были (9, 15, 17, 22 сентября, 24, 31 октября, 20 ноября). Опущены также выставленные в первом издании годы жизни некоторых святых (10, 16 сентября и др.). Выпущено во втором издании житие святого мученика Феодота, 13 сентября, на том основании, что «сей Феодот тойжде есть, иже и Феодор, архиепископ Александрийский, декабря в 3-й день поминаемый».

Но наиболее существенные поправки, как мы сказали, сделаны в месяцеслове. Здесь, в сентябре месяце, о всех святых, которые в первом издании только назывались по имени, даны иногда краткие, а иногда и довольно подробные сведения; во многих местах месяцеслов дополнен новыми именами святых, причем в большинстве случаев указаны и основания, по которым сделаны эти дополнения; некоторые памяти совсем опущены; в иных местах сделаны исправления в самих именах святых, а в иных добавлено указание, когда тот или иной святой воспоминается Церковью еще раз. Совсем переработан месяцеслов под 13-м сентября: во втором издании дан иной порядок значившимся там памятям и к некоторым именам добавлены особые замечания. Но о всех этих изменениях в месяцеслове у нас будет речь в следующей главе исследования и поэтому здесь мы не станем указывать их подробно.

Вот и все те более или менее значительные изменения и дополнения, которые Святитель Димитрий внес во второе издание Четиих-Миней.

Как видно из только что сказанного, эти следы переработки наблюдаются, главным образом, в первом месяце Четиих-Миней — сентябре. Следовательно, только над ним Святитель и успел серьезно поработать. Дальнейшие труды прервали сначала другие литературные занятия, а потом смерть, и Четии-Минеи не получили той окончательной, совершенной обработки, какую думал им дать их приснопамятный составитель.

* * *

Второе издание Четиих-Миней печаталось в типографии Киево-Печерской Лавры при архимандрите Афанасии Мирославском (1710—1714). Первая трехмесячная книга вышла в 1711 году, вторая — в 1714-м, третья — в 1716-м. В 1718 году приступлено к печатанию четвертой книги, но она не вышла в свет, потому что сгорела во время пожара, бывшего в этом году в Лавре. После этого прошло более двадцати лет, и нового издания Четиих-Миней за все это время не было. Вопрос об издании их поднят был только в 40-х годах, при архимандрите Лавры Тимофее Щербатском (с 14 апреля 1740 г.). Он обратился в Синод с просьбой разрешить Лавре напечатать Патерик и Жития святых, так как, заявлял он, «многие люди по своей горливости и усердию к Богу и святым угодникам Его для содержания и чтения в пользу душевную своего спасения желают их иметь, а таких книг за давностью времени, как печатались, везде уже сыскать невозможно». Синод на это прошение 10 июля 1741 года определил: «Книги Жития святых отец в Киево-Печерской типографии напечатать, точию оные книги прежде издания в печать архимандриту с другими учеными и в Священном Писании и в церковных историях искусными людьми со всяким опасным смотрением достоверно освидетельствовать и ежели что в них как Свящ. Писанию, Духовному Регламенту и указам 5 октября 1720 года и 6 ноября 1727 года противное сыщется, так и недостоверное, и церковными учительми и историками веры достойными подтвержденное, но весьма сумнительное окажется, то таковую сумнительную и вероятия недостойную историю отметить в конце жития святого, о котором идет история, или, ежели возможно будет, исправить; что же касается до просодий и наречия, в том во всем согласить с великороссийскими книгами непременно; также и каталог, или собрание по алфавиту житий святых по именам, и дел их, и прочих вещей, к ведению достойных, сочинить и при конце всякия книги напечатать».

Тимофей Щербатский в своем ответе на этот указ 10 июня 1742 года доносил Синоду, что «при неоднократном прочитывании с соборною братиею и прочею из ученых в книгах житий свв. отец противного

Свящ. Писанию и прочим указам не взыскуется, ибо оные книги с древних книг богодухновенных отец, учителей, списателей, историков и повествователей, числом до 60, при предисловии в книге житий святых декабрьской четверти имянно изображенных, составлены». На основании этого архимандрит просил у Синода разрешения «к безсумнительному оных книг житий святых отец печатанию». Что же касается просодии и наречия, то он обещал, что «в том во всем и в прочем с великороссийскими книгами согласно учинено будет».

Из этого ответа видно, что Тимофей Щербатский уклонялся от той проверки Четиих-Миней, какую предлагал ему сделать Синод в своем указе от 10 июля 1741 года. Он обещал только согласовать их язык и изложение с великороссийскими книгами. Но, очевидно, для членов Синода такое исправление было недостаточно и, получив из Синода указ от 27 сентября 1742 года, разрешающий печатать Четии-Минеи, Тимофей Щербатский не приступил тотчас же к печатанию их, а занялся собиранием нужных для их исправления книг. Это собирание затянулось на несколько лет. 10 марта 1748 года Тимофей был возведен в Киевские митрополиты и только в 1752 году донес Синоду, что им собраны для исправления Четиих-Миней нужные книги и им самим и другими приставленными к этому делу лицами с этими книгами жития святых сносятся и сверяются. Через два года, именно 27 сентября 1754 года, Синод запросил митрополита, кому именно поручено дело проверки Четиих-Миней и далско ли «оное свидетельствование доведено и найдено ли что примечания достойное». Тимофей Щербатский почему-то на этот запрос сразу не ответил, так что Синод еще два раза — 7 февраля и 24 мая 1755 года — повторил его. Ответ Синоду Щербатский написал только 11 июля 1755 года. В нем он прежде всего говорит о причинах замедления своего ответа, затем указывает, какие еще книги нужны ему для свидетельствования Четиих-Миней, и, наконец, доносит, что дело проверки их поручено им архидиакону Манассии и проповеднику иеромонаху Фоме. Эти лица, сообщает далее Щербатский, просмотрели некоторые находящиеся в Четиих-Минеях жития, сделали отметки в сходствах и несходствах их с древними книгами, «такожде и о некоторых противностях» написали, но только «для единой пробации». Сделать большее указанные лица не могли, так как заняты были и другими делами, а кроме того, один из справщиков (Фома) переведен из Киева в Троице-Сергиеву Лавру. Сказав далее, что иных способных для этого дела людей у него нет, митрополит пишет, что свидетельствование и исправление Четиих-Миней — дело очень трудное, требующее довольного числа ученых людей; кроме того, в Киеве нет и всех нужных для этого книг, а писатель Четиих-Миней Святитель Димитрий при составлении их пользовался не только печатными книгами, но и рукописями, которых «имянно не означил», что, наконец, нет единства и согласия и между теми историками, на которых он ссылается. Приведя в подтверждение своих слов несколько примеров, Тимофей Щербатский просит Синод снять с него, часто недомогающего и занятого делами по управлению епархией, обязанность по исправлению Четиих-Миней и поручить это дело особой комиссии «на коште Лавры». При этом ответе приложены были и те замечания, которые сделали киевские справщики относительно просмотренных ими житий святых.

Эти замечания очень интересны. Они были первой попыткой критически отнестись к работе Святителя Димитрия, проверить и исправить ее, если это окажется необходимым. В основу этой проверки киевские справщики положили указ Синода от 10 июля 1741 года. В нем, как мы говорили, требовалось, с одной стороны, рассмотреть, не найдется ли в Четиих-Минеях чего-либо противного Священному Писанию, Духовному Регламенту и указам Синода от 1720 и 1727 годов, с дру-

гой, — недостоверного, не утвержденного достойными доверия церковными учителями и историками и «сумнительного». В этих требованиях, как видим, нет единства и определенности; киевские справщики, руководствуясь ими, должны были проверять жития с точки зрения их достоверности и искать, нет ли в них чего противного Духовному Регламенту и указам Синода. Задача была довольно сложная и трудная: нужно было все жития прочитать, сравнить с достойными доверия источниками и сделать в них те или другие исправления и выпуски. Исполнить такую работу над всеми житиями в Четиих-Минеях киевские справщики не смогли, и поэтому они разобрали только 12 житий, произвели, как говорит Тимофей Щербатский, лишь пробу подобной критики. Но и эти 12 житий разобраны ими далеко не с исчерпывающей полнотой. В тех случаях, когда у них недоставало нужных книг, они прямо отказывались от разбора. Например, изложив кратко содержание некоторых отделов жития преподобного Макария Египетского (19 января), они пишут, что содержащихся в них «повестей и историй не можно было свидетельствовать затем, что не сыскалось тех книг, с коих наипаче житие прп. Макария списано». А дальше в том же отзыве говорят: «Другие истории с историками Созоменом, Сократом, Феодоритом, Никифором-Каллистом сношены и явились сходны, а вышеписанных историй и повестей в прописанных историках не сыскалось».

Из второй половины приведенной заметки видно, что вместо того, чтобы искать, нет ли чего в житиях святых недостоверного и сомнительного, киевские справщики решили проверить самого их составителя, т. е. выяснить, насколько правильно и верно передал он те источники, которыми пользовался и которые указал в Четиих-Минеях. Действительных источников житий святых они не искали, а просто взяли те указатели учителей, списателей, историков и повествователей, какие помещены при первой и второй книгах Четиих-Миней, и старались собрать те сочинения, какие этими писателями были написаны. Не найдя всех нужных книг в Киеве, они через Тимофея Щербатского спрашивали их у Синода. Но, конечно, и Синод не мог удовлетворить их просьбы, и, думается, вся эта история с требованием книг была только лишним поводом, чтобы отказаться от работы, которая оказалась непосильной.

Заметок, в которых справщики проверяют и оценивают работу Святителя Димитрия, довольно много, и некоторые из них носят неблагоприятный для составителя Четиих-Миней характер. Например, выписав из жития священномученика Вавилы (4 сентября) слова святого, которые говорит он допрашивавшему его царю: «похотением аз телесным до сего времени не искусихся», справщики замечают: «сие писатель перевел и худо, и слову Божию противно» и, сославшись на слово апостола Павла в послании к Римлянам (7 гл., стихи 14—25), доказывают, что от плотских искушений не свободен никто из людей, а, следовательно, и святой Вавила. Обвиняя Святителя в неправильности перевода, киевляне не приводят этого места жития из источника, по которому написано житие, и поэтому обвинение их является голословным. В действительности в подлинном житии, которое Святитель заимствовал из Макарьевских Четиих-Миней, совсем нет этих слов; Святитель вставил их от себя, но, конечно, он не придавал им того значения, какое приписали им киевские справщики.

Разбирая краткое сказание о святом мученике Агапии (19 августа), справщики находят сообщение Святителя о том, что святой был съеден зверями, несогласным с историком Евсевием, который в книге о палестинских мучениках, в главе 6-й пишет, что святой Агапий скончался не от зверей, но был поражен медведицей и, «жив еще сущи», ввержен в темницу, а потом тело его через день выброшено было в море.

В Четиих-Минеях о святом мученике Агапии говорится вместе с мучениками Тимофеем и Феклой, и Святитель о всех их сказал, что они «зверем дани в снедь, скончашася». Кроме того, у Евсевия Кесарийского говорится о двух мучениках Агапиях (2 т., с. 9 и 17 по русскому переводу), из которых один был осужден на съедение зверям, а другой брошен в море. Это отмечает и Святитель в своем Прологе. Следовательно, ошибся здесь не он, а справщики, которые не потрудились внимательнее изучить заметку Святителя в Четиих-Минеях.

Такая критика Четиих-Миней, собственно, их составителя, не могла дать значительных результатов. Странно было подозревать в произвольном искажении или в неправильном переводе того, кто девизом своей работы поставил слова «не буди ми еже лгати на святаго», и которого проверяли в Киеве такие знатоки западной агиологической литературы, как Варлаам Ясинский.

Если в Четиих-Минеях и можно было найти подобного рода ошибки, то они происходили не от небрежности составителя, а от несогласия тех источников, которыми он пользовался. Не могли не заметить этого и киевские справщики. В заметке по поводу сказания о перенесении мощей архидиакона Стефана (2 августа) они сами указывают на такое несогласие. Многие замечания киевских справщиков были вызваны желанием угодить Духовному Регламенту, так или иначе приложить его требования к великому творению Святителя Димитрия. Влияние Регламента сказалось, например, в отзыве киевлян о заочном посвящении в епископы Григория чудотворца, требования Духовного Регламента ярко сказываются во многих отзывах киевских ученых, и им они, главным образом, руководствовались при своей работе.

В их замечаниях мы видим, например, несколько попыток найти в житиях противоречия и несогласия со Священным Писанием. Разбирая житие Марии-Голиндухи (12 июля) и приведя из него то место, где говорится, что Мария после крещения не желала иметь общения со своим мужем-язычником, киевские справщики, сославшись на 5-й стих 7-й главы Первого послания к Коринфянам, пишут, что это место, как «Божию противное слову и дабы в пример невеждам не пошло бы и не соблазнило, лучше бы в свет не пущать».

В заметке на житие преподобного Ефрема Сирина (28 января), сказав, как преподобный, когда хотели посвятить его в епископы, убегая этого, «юродство себе притворил», справщики видят в этом поступке преподобного порицание епископства «как худого дела» и, приведя 1-й стих из 3-й главы Первого послания к Тимофею, берут на себя неблагодарную задачу доказать, что святому Ефрему нужно было не убегать, а «смотря нужду и требу церковную», принять епископство. Правда, киевляне стараются приписать это известие Святителю Димитрию, как писателю жития, т. е. что он от себя сочинил это, но справка с историками (Никифором-Каллистом и Созоменом) показала, что то же о святом Ефреме говорят и они, и киевским справщикам приходится докончить свою критику такими словами: «Хочай сие обретается в Никифоре-Каллисте и Созомене, однако лучше бы сего печати не предавать, яко хульное на дело самим Богом учрежденное и многих простаков соблазнить могущее». Как видим, всё свелось к преувеличенной боязни соблазна простаков.

В замечании на житие преподобного Павла Фивейского (15 января), приведя рассказ преподобного Антония Великого о том, как он нашел преподобного Павла умершим в молитвенном положении — «колене преклонша и руце в высоту воздевша, и главу просто имуща» — и понял, что «тело святого Богови, Ему же вся жива суть, и по смерти должное воздает поклонение», киевские критики видят в этой «грубой повести» нечто неприемлемое для мужа премудрого и здравого рассуждения и, сказав, что по христианскому богословию поклонение Богу

происходит от сердца, верного упования, надежды, любви, страха, покаяния, терпения и благодарения душевного, а не от тела бездушна, и сославшись, что ни у Никифора, ни у Созомена «сего не сыскалось», заявляют, что «сие риторике прочитать должно», и в конце заметки опять пишут, что лучше бы «сию повесть оставить, дабы в простом народе не сделалось забобонства».

Тот же характер носят и заметки на житие преподобного Симеона Столпника (1 сентября). Здесь киевляне считают «сумнительными и несходными со Священным Писанием» повести о том, как преподобный Симеон, умыслив искусить себя постом, молил епископа Вассоса заградить камнями его келью на 40 дней и как он не захотел принять своей матери, пришедшей навестить его. В первой повести справщики видят противоречие Священному Писанию (Мф. 6, 16; Ис. 58, 5; Зах. 7, 5 и др.), где говорится, что пост должен быть тайным, нелицемерным, и считают «сумнительным», что Преподобный именно так поступил, как сказано в житии, и упрекают Святителя Димитрия, что он не указал в житии, «откуду такой порок святому приписал, когда другие и меньшей важности действа святого, откуду взял, на брегах из древних писателей отметил». Святитель взял это сообщение у блаженного Феодорита (см. с. 203—208 русского перевода книги Боголюбивых), и справщикам следовало бы сначала справиться с этим источником жития, который указан и Святителем Димитрием, а потом уже и обвинять последнего.

Отказ преподобного Симеона принять мать и недопущение к себе женщин кажутся киевлянам оскорбительными для женского пола и «противными» Священному Писанию, именно 5-й заповеди десятословия. После пространных рассуждений о том, что в христианстве мужеский и женский пол равны, и о том, как должна исполняться 5-я заповедь закона Божия, киевские справщики, сославшись на то, что историк Евагрий о факте неприема преподобным Симеоном матери не упоминает, делают такое заключение: «Сия гистория понеже противна Духовному Регламенту, в прибавлении к коему на л. 28 под № 6 написано: без воли родителей и проч., и потому печататься той гистории не должно».

Вполне удовлетворило киевских справщиков житие Антония Великого (17 января). «Житие сие понеже Афанасием Великим списанное, в тых же днех жившим, и знаемость со святым имевшим, и довольно о житии святого ведавшим, к тому ж Григорию Назианзину, Никифору-Каллисту, Ефрему Сирину и Созомену (хотя некоторые из них нечто и опустили) согласное есть, чтения и всякого приятия достойное, и буде либо всех святых жития так были списаны, мощно бы сверх догматической, моральной и экземплярную иметь христианскую богословию». «Всякого приятия и веры достойным» признают справщики и «житие Илариона Великого (21 октября), святым Иеронимом списанное и с протчиими, которые сыскались, церковными писателями сведенное и сходное».

Положительный отзыв об этих житиях, по нашему мнению, объясняется тем, что киевские справщики не нашли в них ничего, к чему бы они могли приложить те требования, которые внушены были им Духовным Регламентом, или, может быть, этому помешал авторитет таких писателей, как Афанасий Великий и блаженный Иероним. В других случаях, как мы видели, они не стеснялись и самоуверенно критиковали и исправляли составленные Святителем жития. В некоторых случаях они были и справедливы. Например, в повести о святых мощах первомученика Стефана, Никодима, Гамалиила и Авива. О беседе Гамалиила с Лукианом они говорят, что это «басня и в ней нет ничего правдоподобного» и что такую историю, как хулу на святых, печатать грешно; в житии первомученицы Феклы история Фалкониллы идоло-

поклонницы «показуется противной слову Божию»; недостойной веры кажется киевлянам и повесть о сатире в житии преподобного Павла Фивейского. С основаниями, которые приводят справщики при разборе этих повестей, можно вполне согласиться, но Святителю Димитрию, взявшему эти повести из тех источников, по которым писал упомянутые жития, можно было поставить в вину разве только то, что он вполне доверял этим источникам и без надлежащей критики принимал сообщаемые ими сведения.

Вообще же проделанную киевскими справщиками критику Четиих-Миней едва ли можно признать удачной. У них не было определенного, строго выработанного для этого метода, и в большинстве случаев их работа свелась к стремлению исправить живые, интересные не только в литературном, но и в историческом отношении рассказы из жизни святых по сухим, часто казуистическим требованиям Духовного Регламента. Недаром Синод не обратил внимания на эти замечания киевских справщиков и поручил дело просмотра Четиих-Миней новым лицам — новгородскому ректору Иоасафу Маткевичу и петербургскому ректору Никодиму, обязав их каждый месяц представлять в Синод свои замечания.

В мае 1756 года эти лица окончили просмотр первых шести месяцев, а к октябрю просмотрели и вторую половину, и в 1757 году Четии-Минеи были изданы сначала в Киеве, а потом, в 1759 году, в Москве.

В этом новом издании никаких существенных изменений в содержании Четиих-Миней не наблюдается. Петербургские справщики исправили только язык Четиих-Миней, заменив в них украинские и устаревшие слова и словосочетания другими, более понятными и современными.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

(1) И. А. Шляпкин. Святитель Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891.

(2) Руинарт. Акты мучеников подлинные и избранные. Изд. 1689 г., с. 68.

(3) Деяния святых (Acta sanctorum), ноябрь, т. 2, с. 32.

(4) Назван так потому, что вторым его издателем был иезуит Егидий Бухерий.

(5) Архиепископ Сергий (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. I. Изд. 2-е. Владимир, 1903, с. 10.

(6) Там же, с. 40—47.

(7) Там же, с. 75—85.

(8) Там же, с. 57, 58.

(9) Проконсульские акты о святых мучениках собраны бенедиктинцем Руинартом и изданы им в 1689 г. в его книге «Акты мучеников подлинные и избранные». Проконсульских актов в книге Руинарта не более 18, остальное содержание книги составляют послания Церквей, повествования самих мучеников, записки очевидцев и краткие упоминания о мучениках в сочинениях различных древних писателей.

(10) См. предисловие к книге Руинарта.

(11) «Словарь христианской археологии и литургики» Каброля, с. 377. Находя, однако, весьма трудным выразить точно различие между этими двумя формами христианской агиографии, Леклерк предлагает сравнить акты и passio по источникам и приводит отрывки из актов священномученика Киприана, епископа Карфагенского, и его же «Жизнь и страдание», написанные диаконом Понтием. См. Руинарт. Указ. соч., с. 252—264. С фактической стороны рассказ Понтия вполне совпадает с актами, но в передаче, в выражениях большая разница: Понтий не только рассказывает, но и восхваляет священномученика, у него уже видны следы ученой обработки и ораторского стиля.

(12) Примером ἐγκώμιον могут служить похвальные слова святых Василия Великого и Иоанна Златоуста в честь мучеников.

(13) Архиепископ Сергий. Цит. соч., с. 236.

(14) Минея, по-гречески μηναῖον, — прилагательное к существительному βιβλίον и значит «месячная книга». В приложении к житиям святых Минеями называются такие сборники последних, в которых жития собраны по месяцам и расположены по дням месяца. Минеи, содержащие жития святых, называются Четиими, т. е. назначенными для чтения, в отличие от Миней богослужебных (Е. Е. Голубинский. История Русской Церкви, т. I, 1 пол., 2 изд., с. 906).

(15) См., например, кн. 4, гл. 15, или кн. 5, гл. 15.

(16) См. «Историю русской литературы». Изд. Академии наук СССР, 1941, т. I, с. 88.

(17) Таким опытом считается житие преподобного Антония Великого, написанное Святителем Афанасием Великим, архиепископом Александрийским.

(18) Таковы жития, составленные Кириллом Скифопольским (преподобных Евфимия Великого, Иоанна Молчальника, Кириака Отшельника, Саввы Освященного и др.) и некоторыми другими агиографами.

(19) Это доказывается, например, книгой А. П. Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии». М., 1917.

(20) Вопрос о том, что́ раньше появилось — сборники кратких сказаний о святых или Четии-Минеи, в науке пока не выяснен. В «Полном месяцеслове Востока» архиепископа Сергия приводятся слова из предисловия к мартирологу Адона, где сказано, что составители сборников кратких сказаний о святых «имели целью оказать услугу слабым, не могущим много читать братиям, чтобы они в малой книге имели то, что другие с большим трудом почерпают из многих кодексов» (т. I, с. 68). Из этих слов как будто следует, что сборники полных житий — Четии-Минеи — появились ранее Синаксарей — сборников кратких сказаний о святых. Того же мнения держится, по-видимому, и Е. Е. Голубинский. Объясняя слово «пролог» в смысле «сокращения, сокращенной передачи», он говорит, что «Прологи представляют собою сокращение по отношению к Четиим-Минеям» (История Русской Церкви, т. I, 1 пол., с. 915, прим. 1-е). Вероятно, те и другие повествования о святых собирались постепенно и потом уже соединены были в сборники, обнимающие все дни года. Возможно, что сборник кратких сказаний собран был ранее, чем Четии-Минеи.

(21) Творения преподобного Феодора. Т. 2. Изд. Петербургской духовной академии, 1908, с. 204.

(22) Архиепископ С е р г и й. Цит. соч., с. 238—242.

(23) Там же, с. 253.

(24) Слова грузинского писателя Ефрема Малого из статьи протоиерея К. С. Кекелидзе «Симеон Метафраст по грузинским источникам». ТКДА, 1910, февраль, с. 188.

(25) См. об этом там же, с. 189.

(26) Архиепископ С е р г и й. Цит. соч., с. 34.

(27) О том, сколько и какие именно жития составлены Симеоном Метафрастом, см. в кн. В. В. Латышева «Византийская царская Минея», Пгр., 1915, с. 79—99.

(28) В. В. Л а т ы ш е в. Указ. соч., с. 99.

(29) Список отдельных житий, которые существовали на Руси в домонгольский период, дан Е. Е. Голубинским в его «Истории Русской Церкви» (т. I, 1-я пол., с. 208—210, приложение). Из этого списка мы видим, что Русь имела тогда следующие жития: Антония Великого, Евстафия Плакиды, Евфимия Великого, Илариона Великого, Иоанна Златоуста, мученика Кодрата, преподобного Нифонта Кипрского, священномученика Панкратия, преподобного Романа Сладкопевца, преподобного Саввы Освященного, великомученицы Феклы и преподобного Феодосия Великого. Проф. Голубинский точно указывает, где, в каких рукописях и памятниках письменности каждое из этих житий упоминается.

Составители «Истории русской литературы», изданной Академией наук СССР, указав некоторые из этих же житий, говорят, что в тот же домонгольский период у нас существовали еще жития Андрея Юродивого и Феодора Студита, и затем пишут: «Нет сомнения, что в русской литературе этого времени были и другие жития: Василия Нового, Георгия Победоносца, Феодора Тирона... Алексия, человека Божия» (т. I, с. 90), но не приводят оснований, почему они это предполагают.

(30) Об этом говорят и составители «Истории русской литературы», изданной Академией наук (т. I, с. 100), и ранее их академик А. И. Соболевский в его книге «Жития святых в древнем переводе на церковнославянский язык» (СПб., 1904). К таким житиям относятся жития: Бенедикта Нурсийского, священномученика Вита, Аполлинария Равенского, мучеников Анастасии и Хрисогона. В книге Соболевского приведены и лингвистические основания, почему он относит эти жития к переведенным с латинского, и приложены славянские тексты житий.

(31) Житие князя Вячеслава послужило образцом для наших княжеских житий. О нем см. в «Истории русской литературы». Изд. Академии наук, 1941, т. I, с. 101.

(32) Почему греческие Синаксари получили у нас название Прологов, см. у Е. Е. Голубинского в его «Истории Русской Церкви», 2 изд., т. I, 1-я пол., с. 914 и 915.

(33) Подробное оглавление Четиих-Миней находится в «Полном месяцеслове Востока» архиепископа Сергия, в I томе. Супрасльская рукопись описана Востоковым, а издана сначала Миклошичем в 1851 г., а потом — Северьяновым в 1904 г.

(34) Успенская рукопись описана Поповым в «Чтениях ОИДР» за 1879 г., кн. 1-я; издана только первая половина ее Шахматовым и Орловым (см. те же «Чтения» за 1899 г.). Подробное оглавление — в I томе «Полного месяцеслова Востока» архиепископа Сергия.

(35) История Русской Церкви. Изд. 2-е. I т., 1-я пол., с. 906.

(36) И. И. Срезневский утверждает это на основании изучения и сличения языка домонгольских Четиих-Миней с Четиими-Минеями позднейшими. См. его «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках». Вып. 64, т. 2, с. 390. М. Н. Сперанский — на основании исследования состава древних домакарьевских Че-

тиих-Миней. См. статью «Сентябрьская Минея домонгольского состава» в «Известиях Отделения русского языка и словесности» за 1896 г., т. I, кн. 2, с. 235—257.

(37) Житие преподобного Феодосия по списку XII века, изданное Обществом истории и древностей Российских. М., 1913, л. 1 об.

(38) История Русской Церкви. Изд. 2-е. Т. I, 1-я пол., с. 912—914.

(39) История русской литературы. Изд. Академии наук СССР, т. I. М.—Л., 1941, с. 210—212. О беседах папы Григория упоминает и Голубинский, но ранее. См. его «Историю», с. 891—892.

(40) В. С. Иконников в своей книге «Максим Грек и его время» (изд. 2-е, Киев, 1915) приводит следующие творения Симеона Метафраста, переведенные Максимом Греком: Житие Богородицы, Слово о чуде Михаила архангела, Об апостоле Фоме и Житие Диониcия Ареопагита (с. 175 и 176).

А. И. Соболевский в сочинении «Переводная литература Московской Руси XIV—XV вв.» (СПб., 1907), в 3-й главе, кроме указанных у Иконникова, относит к переведенным Максимом Греком еще следующие жития, составленные Симеоном Метафрастом: Мучение Никиты, Песнь на Успение Богоматери, Слово об Иоанне Богослове, Слово Василия Великого о том же апостоле, Слово о житии апостола Матфия, Мучение св. Григория, просветителя Армении, Слово о Варлааме и Иоасафе, Повесть Константина Порфирогенета о Нерукотворенном образе Спасителя (с. 265).

Е. Е. Голубинский в «Истории Русской Церкви» (т. II, 2-я пол., с. 234, 262 и 263, приложение) указывает только три произведения Симеона Метафраста, переведенные Максимом: Житие Богоматери, Чудо архистратига Михаила и Повесть Порфирогенета.

(41) Вот приблизительный список их, составленный на основании каталогов и описаний бывших библиотек: от XV века — месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь и май — в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры, №№ 666 и 669; месяц август — в собрании Ундольского, № 232; месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь — в библиотеке Московской духовной академии, №№ 192—194. От XV и XVI веков — месяцы: декабрь, январь, февраль, март и апрель — в той же библиотеке, №№ 195—198. От XVI века — месяцы: май, июнь, июль и август — там же, №№ 199—200; месяцы: сентябрь, октябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель, май и июль — в библиотеке Московской духовной академии, по описанию архимандрита Леонида, с. 16 и далее; месяцы: ноябрь и декабрь, март и январь, июль — в библиотеке А. С. Уварова, по описанию архимандрита Леонида, т. 2, №№ 1034—1038; месяцы: сентябрь, ноябрь, июнь и август — в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры, №№ 668, 670, 679 и 680; месяцы: декабрь и январь — в библиотеке Ундольского, №№ 230 и 231; месяц январь — в библиотеке ОЛДП — по описанию Хр. Лопарева, № 7, с. 9—58; месяц март — в Московской Патриаршей библиотеке (Новоспасское собрание), по описанию Н. П. Попова, № 12, с. 80—96; Четия-Минея написана в 1553 г. в Москве; месяцы: сентябрь, октябрь, апрель и июнь, по указателю архимандрита Саввы, №№ 169, 170, 91 и 89, с. 209.

(42) М. Н. Сперанский. История русской литературы. М., 1914, с. 510. В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых. М., 1871, с. 221.

(43) См. об этом в «Полном месяцеслове Востока» архиепископа Сергия, т. I, с. 266—270.

(44) Внесенные митрополитом Макарием в его Четии-Минеи жития русских святых по месяцам все перечислены в сочинении архиепископа Филарета «Обзор русской духовной литературы», под № 132, с. 152—153 3-го издания. Здесь же под № 133 (с. 153—195) указаны и имена тех агиографов, которые трудились в то время над составлением житий.

(45) Четии-Минеи митрополита Макария сохранились до нашего времени в трех списках или, лучше сказать, «изводах», так как все три экземпляра в некоторых местах различаются и по составу, и по редакциям. Первым по времени написания был список Софийский, затем Успенский—Синодальный и, наконец, Царский. Софийский список — неполный, часть его — месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь, февраль, май, июнь и июль — находилась ранее в библиотеке Петроградской духовной академии и описана Абрамовичем (Описание, в. 2, № 1317, с. 1—154), а часть — месяц август — в Архиве Министерства иностранных дел, в собрании Оболенского; остальные месяцы утеряны. Софийский список написан еще в то время, когда Макарий был митрополитом Новгородским (1532—1542). Второй список — Успенский. Он полный, написан тогда, когда Макарий переселился в Москву, и вложен им в Московский Успенский собор в 1552 году, как видно из вкладной записи. В 1856 году этот список передан был в Синодальную библиотеку, посему и носит название Успенского—Синодального. Архимандрит Иосиф, составивший подробное описание этого списка, называет его почему-то «царским». «Царским» списком называется третий и в хронологическом порядке самый поздний список, написанный по повелению царя Ивана Васильевича Грозного около 1553 года. Он хранился в той же Синодальной библиотеке (по указателю архимандрита Саввы №№ 174—183, с. 21а) и не имеет двух месяцев — марта и апреля. Есть предположение, что они и совсем не были написаны. Успенский список — не простая копия с Софийского, а другая, более полная и обработанная редакция; в ней иной порядок статей и много новых житий, преимущественно русских святых. Успенский список написан средним полууставом, Софийский — полууставом малым, а Царский написан почерком крупным и более тщательно, чем два первые списка. Местом написания

всех списков были Новгород и Псков, где во дни митрополита Макария была целая корпорация писцов, в Царском списке указаны в разных местах и имена их.

(46) По книге В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых», с. 352.

(47) Проф. И. А. Шляпкин. Лекции. Юго-западная Русь XVI и XVII века. СПб., 1911, с. 102.

(48) Проф. А. С. Архангельский. Очерки из истории западнорусской литературы XVI и XVII в. М., 1888, прилож., с. 13.

(49) Там же, с. 42, 37 и 35, примеч. 97, 78 и 72.

(50) И. А. Шляпкин. Лекции..., с. 87.

(51) Рукопись б. Московской Патриаршей библиотеки № 811, л. 6 об.

(52) *Из письма В. Ясинского к патриарху Иоакиму.* Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 277 и 278.

(53) См. о них: Проф. С. Т. Голубев. Заметки о старопечатных и славянских книгах. Киев, 1876.

(54) Проф. С. Т. Голубев. Петр Могила, т. I, с. 410. Срав. Каратаев. Описание старопечатных книг, вып. 1, № 321.

(55) Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском Патерике. СПб., 1902, с. 96 и 97.

(56) Редакций Печерского Патерика было несколько, митрополит Макарий насчитывает их до десяти; самой распространенной была 2-я, Кассиановская, составленная в 1462 г., «повелением смиренного Кассиана, уставника Печерского»; из других редакций известна еще Арсениевская, сделанная в 1406 г. епископом Тверским Арсением.

(57) Эта служба много раз издавалась и в Москве, например, в 1640, 1641, 1643, 1662 и других годах; в издании 1640 года житие помещено после службы (лл. 1—50).

(58) О Патерике и Тератургиме см. подробные и обстоятельные сведения у С. Т. Голубева. *Петр Могила*, т. I, гл. III, с. 268—293.

(59) Д. И. Абрамович. Цит. соч., с. 108.

(60) См. Описание книг библиотеки Хлудова, № 241.

(61) Что касается Москвы, то здесь, кроме жития Святителя Николая Чудотворца, в XVII веке были изданы: 1) жития преподобных Сергия и Никона при службах, в 1646 году; 2) житие преподобного Саввы Сторожевского при службе, в 1646 году и 3) «Анфологион» — сборник житий и слов, переведенных с «еллиногреческого языка на словенский Арсением Греком», изданный в 1660 году; здесь находятся: житие святой великомученицы Екатерины, мучение святого великомученика Феодора Стратилата, житие преподобного Алексия, человека Божия, вопросы и ответы Иустина Философа и другие выдержки из творений святых отцов.

(62) *Письмо напечатано* в «Архиве Юго-западной России», т. 5, ч. 1, с. 277—278.

(63) Проф. И. А. Шляпкин. Лекции по истории юго-западной литературы XVII в., с. 219.

(64) См. Н. И. Петров. Описание рукописей Киева, вып. 3, № 281.

(65) Рукопись б. Московской Типографской библиотеки, № 420.

(66) См. Описание рукописей Виленской библиотеки Ф. Добрянского, №№ 80, 81 и 82.

(67) См. Описание рукописей Киева, вып. 2-й, предисловие и № 370. «Печерскою Четьей» пользовался и Святитель Димитрий.

(68) Например, сборник житий XVII в. на белорусском наречии — в Виленской библиотеке, № 107; сборник житий — там же, № 106, из Заблудова; Патерик скитский и жития, *написанные при Зосиме Прокоповиче, епископе Черниговском*, — в Киево-Печерской Лавре, № 270; там же сборник патериков из Межигорского монастыря, № 272; *сборник житий святых, большею частью кратких, на все месяцы, но не все дни*, на белорусском языке XVII в.— в Московской Патриаршей библиотеке, № 752 и др.

(69) *Предисловие к читателю благочестивому при первой книге Димитриевых Четиих-Миней.*

(70) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 277—278.

(71) И. А. Шляпкин. Святитель Димитрий и его время, с. 38, прим. 5.

(72) См. его «диарий» при исследовании проф. И. А. Шляпкина «Святитель Димитрий и его время». СПб., 1891, прилож. 1-е, с. 5.

(73) Диарий при сочинениях Святителя, изд. 1824 г., ч. 1, с. 326.

(74) Там же, письмо к Стефану Яворскому.

(75) Там же, под 1685-м годом, с. 321.

(76) Н. И. Петров. История Киевской духовной академии, с. 47.

(77) Образцов. Киевские ученые в Великороссии.

(78) *Митрополит Макарий.* История Русской Церкви, т. XI, с. 490.

(79) Издана в 1635 г., отрывки из нее у митрополита Макария в «Истории Русской Церкви», т. XI, с. 490—492, и в его же «Истории Академии», с. 76.

(80) Н. И. Петров. Цит. соч., с. 79.

(81) Митрополит Макарий (Булгаков). История Академии, с. 77.

(82) Там же и Н. И. Петров. Цит. соч., с. 79.

(83) С. Т. Голубев. Киевская Академия в конце XVII в., с. 50, примеч. 16.

(84) «Остен», цитата по исследованию И. А. Шляпкина, с. 137.

(85) Митрополит Макарий (Булгаков). История Киевской академии, с. 87 и далее.

(86) И. Ф. Сумцов. Иоанникий Голятовский. «Киевская старина» за 1884 г., т. I, с. 6 и 7.

(87) И. Я. Порфирьев. История русской словесности. Казань, 1886, т. I, с. 603.

(88) Так думают авторы книги «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский» (с. 4), И. А. Шляпкин (цит. соч., с. 6), священник М. С. Попов, считающий причиной прекращения занятий в школе нашествие Выговского (с. 12), и митрополит Макарий (Булгаков) (цит. соч., с. 47).

(89) Эйнгорн. Очерки по истории Малороссии XVII в., с. 325, прим. 315.

(90) Акты Юго-западной России, т. VI, № 37, с. 93.

(91) Проф.-прот. Ф. И. Титов. Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Киев, 1908, с. 5—6.

(92) Рукопись б. Московской Патриаршей библиотеки, № 139, л. 196 и об.

(93) Там же, л. 13.

(94) Пролог — в библиотеке Московской духовной академии, № 8/500.

(95) Житие Святителя Димитрия при его сочинениях, ч. 1, с. 1.

(96) История Академии, с. 31, примеч.

(97) Житие при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 2 и 3.

(98) Сочинения Святителя, ч. 1, с. 348.

(99) Письмо к Феологу 15-е. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 269.

(100) См. ранее, с. 89.

(101) Об этом говорит и составитель жития Святителя Димитрия, сообщающий, что он согласился писать Четии-Минеи «по долгом отрицании». См. сочинения Святителя, ч. 1, с. 5.

(102) Там же.

(103) «Диарий» при исследовании И. А. Шляпкина, прилож. 1, с. 8, и рукопись б. Московской Патриаршей библиотеки, № 146, с. 143.

(104) Житие Святителя при его сочинениях, ч. 1, с. 5.

(105) Там же и Диарий при сочинениях, под 1689 г., с. 324.

(106) Приложение 1-е, с. 8.

(107) Часть 1-я, с. 320.

(108) См. письмо Святителя к Феодору Поликарпову при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 348.

(109) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 322, 323 и далее.

(110) Сочинения Святителя, ч. 1, с. 321 и 322.

(111) Письмо патриарха Иоакима к Варлааму Ясинскому. Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 281.

(112) По исследованию И. А. Шляпкина, с. 46, примеч.

(113) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 281.

(114) Письмо 11-е. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 267.

(115) Письмо 18-е. Там же, с. 280.

(116) См. рукопись б. Московской Типографской библиотеки, № 420, лл. 454 и далее. Необходимо добавить, что архимандрит Иосиф, который составил указатель к Макарьевским Четиим-Минеям, сделал в них свои отметки листов — цифрами, которые с Евфимиевым счетом, а, следовательно, и с указаниями Святителя Димитрия, не сходятся.

(117) Например, в июле, в житии св. Аполлинария в Макарьевских Четиих-Минеях читаем: «Руф же патрокл бояся Бога» — Святитель на поле: «кесаря» (л. 385 об. а); в Четиих-Минеях: «четыри дни» — Святитель: «лета» (л. 387 об. а); в житии Евпраксии девы: «сирским мечтом» — Святитель «ми» (т. е. мирским, л. 419 об. б); «горнец с землею» — Святитель: «с зелием» (л. 420 об. б. и 421 а). См. также в июне житие Паисия Великого, в августе — Адриана и Наталии и др.

(118) Исследование, с. 47. Нам думается, что тут простая опечатка, ибо ранее И. А. Шляпкин называет Минеи «Великими» и далее «Макарьевскими».

(119) Святитель Димитрий и его труды, с. 66.

(120) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 323.

(121) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 280.

(122) Там же, с. 279.

(123) Рукопись Киево-Печерской Лавры, № 161.

(124) Письмо Варлаама Ясинского к патриарху Иоакиму. Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 279—280.

(125) Письмо Святителя Димитрия к патриарху Иоакиму при Диарии. Сочинения, ч. 1, с. 324.

(126) Проф.-прот. Ф. И. Титов. Русская Православная Церковь в польско-литовском государстве, т. II, 1 пол., с. 34 и 35.

(127) Там же, с. 286—289.

(128) И. А. Шляпкин. Святитель Димитрий и его время, с. 136.

(129) Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII в., с. 54.

(130) См. об этом статью Н. И. Петрова «О влиянии западноевропейской литературы на русскую» в «Трудах КДА» за 1872 г., т. 2, особенно с. 463 и далее, или книгу М. Сменцовского «Братья Лихуды». СПб., 1899, особенно гл. 2.

(131) Синодальная рукопись № 146, л. 191 и 192.

(132) Письмо Варлаама Ясинского к гетману И. Мазепе, писанное рукою Святителя Димитрия. Исследование И. А. Шляпкина, с. 184.

(133) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., прилож. 1, с. 8.

(134) Сочинения Святителя, ч. 1, с. 324.

(135) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 278—280.

(136) Там же, с. 280.

(137) Евгений, митрополит. Описание Киево-Печерской Лавры, прилож., с. 84: «и тоя разумом или мудрством и книги в типографии да издаются».

(138) Святитель Димитрий и его время, с. 193.

(139) Рукопись Московской Синодальной библиотеки, № 146:

а) выписка из сочинения братьев Лихудов о пресуществлении, л. 191;

б) выписка из «Маины» Сильвестра Медведева, л. 192.

Рукопись № 147:

а) 12 статей, уверяющих сумнящихся в пресуществлении Св. Таин, л. 268;

б) свидетельства об Иерониме и Августине из Макарьевских Четих-Миней, л. 238;

в) свидетельство святых отец на гл. 88 толкования Божественныя литургия блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского: «Показание от писаний свв. отец на неправоглаголющих, яко бы в Божественней литургии пресуществлятися хлебу и вину в Тело и Кровь Христову словесы токмо Христовыми: «примите, ядите...» Это — обстоятельнейшее доказательство православного мнения о пресуществлении, лл. 274—284.

(140) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 327.

(141) Там же, с. 328.

(142) См. грамоту митрополита Гедеона к патриарху Иоакиму от 22 августа. Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 288—289.

(143) По исследованию И. А. Шляпкина, с. 238.

(144) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 328.

(145) Там же, с. 331.

(146) Исследование И. А. Шляпкина, с. 278.

(147) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 328—329.

(148) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 416.

(149) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 330—332.

(150) Там же, с. 333.

(151) Там же.

(152) Там же, с. 334.

(153) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 247, и свящ. М. Попов. Цит. соч., с. 103.

(154) Архиепископ Сергий. Полный месяцеслов Востока, т. I, с. 271.

(155) Жития св. Петра, епископа Севастийского, в наших Четих-Минеях совсем нет, и под 9 января указана только его память.

(156) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 334.

(157) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 415—417.

(158) Там же, с. 420—423.

(159) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 334.

(160) Диарий при исследовании И. А. Шляпкина, прилож. 1, с. 9.

(161) Рукопись № 146, лл. 292, 304, 311 и 316.

(162) Исследование И. А. Шляпкина, прилож. 1, с. 9.

(163) Письма в Архиве Юго-западной России, т. 5, ч. 1, лл. 415, 417 и 419.

(164) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 346.

(165) Например, гетман Самойлович в грамоте Голицыну в книге И. А. Шляпкина, с. 47, патриарх Иоаким в грамоте 1684 г. Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 280.

(166) Письмо патриарха Адриана Святителю Димитрию — в Архиве Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 434. Вот слова из письма Адриана к самому Ясинскому: «Явленно бо твое преосвященство в сицевых Богу и человеком, яко безсмертныя памяти труды твоя в словоучительстве и прилежнотщании в книгоминиях четиим шестомесяцов — сентемврием начало до мартовы луны смотрительством на кровех проповедаются». Там же, с. 429.

(167) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 428, 430 и 431.

(168) Там же, с. 430.

(169) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 332—336.

(170) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 256—264; свящ. М. Попов. Цит. соч., с. 110—115.

(171) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 256.

(172) Там же, с. 260.

(173) Там же, с. 260—261.

(174) Летопись Величка, III, 551, в исследовании И. А. Шляпкина, с. 265.

(175) 11-е письмо к Феологу. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 год, с. 267.

(176) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 335.

(177) Рукопись Московской Патриаршей библиотеки № 811, л. 6-й, предисловие к Мученикословию.

(178) Это небольшая, в одну четверть, книжка на польском языке, называющаяся Martyrologium и находившаяся в б. Московской Типографской библиотеке, № 4161.

(179) Рукопись б. Московской Патриаршей библиотеки, № 811, лл. 2 и 4.

(180) Что представляют из себя помещенные там жития — см. в книге «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский», изд. 1849 г., с. 227—228.

(181) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 336.

(182) Цит. исслед., с. VI.

(183) Житие при сочинениях Святителя, с. 17.

(184) К. В. Харлампович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, с. 509.

(185) К. В. Харлампович предполагает, что постановление состоялось ранее. Цит. соч., с. 509.

(186) Статья «Феодор Поликарпович Орлов, директор Московской типографии» в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1894 г., №№ 9, 10 и 11, и книга «Один из пестрых» (Карион Истомин), СПб., 1902.

(187) Например, у архиепископа Филарета Черниговского «Обзор русской духовной литературы», СПб., 1884, с. 268.

(188) Святитель называет Карпона Истомина и Феодора Поликарпова в письмах «благоразумными, пречестнейшими» (письмо 4-е в «Ярославских епархиальных ведомостях»), «смиренно бьет им челом» (письмо 9-е), просит Феолога сообщить им об окончании Четиих-Миней (письмо 7-е), благодарит «их милость за чтение его сочинений» (письмо 14-е), доверяет им читать и то, что еще не совсем готово к печати (письмо от января 1708 г. к Стефану Яворскому в Диарии), однажды именует Кариона Истомина «возлюбленнейшим другом» (письмо 23-е), а Феодора Поликарпова посвящает в свои литературные планы и намерения (Диарий).

(189) Указ Воейкову о Ростовской школе. И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 328.

(190) Там же, с. 374.

(191) Письмо 9-е в «Ярославских епархиальных ведомостях» и 16-е в Румянцевском сборнике.

(192) «Ярославские епархиальные ведомости», 1888 г., с. 395.

(193) Именно: Иоанна Новгородского, Сергия Радонежского, Григория Пельшемского, Гурия и Варсонофия Казанских, Аврамия Ростовского, Ионы Новгородского, Варлаама Хутынского и Никона Радонежского.

(194) Например: Иосифа Волоцкого, Сергия и Германа Валаамских, Никандра Псковского, Евфросинии Суздальской, Михаила Тверского, Александра Невского и др.

(195) Рукопись б. Московской Типографской библиотеки № 420, л. 44.

(196) Там же, л. 120.

(197) Письмо в ризнице Спасо-Яковлевского монастыря.

(198) Рукопись б. Московской Типографской библиотеки, № 420, лл. 459 и 462.

(199) № 672, л. 445.

(200) Об этом, кроме известных из биографии фактов, свидетельствуют принадлежащий Святителю Пролог и рукописи. В Прологе рукою Святителя на обороте переплета выписаны все статьи, в которых говорится об архиерейском служении. Здесь, например, есть такие заметки: «Хиротония страшна...», «Черничество вещи — огнь суть...», «За епископство лишен славы большия на оном свете...», «Слово Златоуста о избрании епископов...», «Един епископ связа, другий да не разрешает...», «Епископ непекущийся людьми — что есть?», «Большее дело есть проповедь слова Божьяго, неже мертваго воскресити» и т. п. Пролог, 10 октября, 29 ноября и далее.

(201) См. письмо к Новгородскому митрополиту Иову в «Трудах Киевской духовной академии» за 1860 г., ч. II, с. 282—285.

(202) Письма 12-е и 13-е. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 267 и след.

(203) Письмо 26-е. Там же, с. 276.

(204) Письмо 14-е. Там же, с. 268.

(205) Письмо 13-е. Там же.

(206) Письмо к Иову, митрополиту Новгородскому. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1888 г., № 29, с. 450.

(207) Последнее письмо к Феологу — в исследовании И. А. Шляпкина, с. 455.

(208) Письмо 7-е. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 260. Исправления сделаны по Румянцевскому сборнику, письмо 17-е.

(209) Он скончался 22 августа 1707 г. См. Диарий при исследовании И. А. Шляпкина, прилож., с. 11.

(210) Письмо 8-е. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 260.

(211) На последнем листе 4-й книги, в извещении, сообщается, что она вышла 13 июля.

(212) «Душеполезное чтение» за 1864 г., № 2, с. 122.

(213) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 337.

(214) Конклюзия перепечатана с исследования И. А. Шляпкина, прилож. IV, с. 42 и далее.

(215) См. у И. А. Шляпкина, с. 365 и 435, и в книге «Святитель Димитрий», 1849, с. 55.

(216) Исследование, с. 378, прим. 2.

(217) «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский», с. 51.

(218) Исследование, с. 368.

(219) Там же, с. 376. Мысль о пересмотре и пополнении первых томов Четиих-Миней, по нашему мнению, возникла у Святителя вскоре после переселения его на север. Она обязана своим возникновением влиянию московских друзей и личным переживаниям Святителя. Об этом мы уже говорили и приводили отрывки из писем, свидетельствующие, что Святитель Димитрий вскоре после переселения начал интересоваться московской агиографией и собирать жития великороссийских святых. Здесь нами решается более частный вопрос: когда получил Святитель из Киева предложение исправить Четии-Минеи для второго издания?

(220) Письмо 12-е от 19 мая 1707 г. «Ярославские епархиальные ведомости», с. 267.

(221) Исследование И. А. Шляпкина, с. 415—416.

(222) Письмо 12-е. «Ярославские епархиальные ведомости», с. 267.

(223) Письма в «Епистоляре» (рукопись б. Московской Патриаршей библиотеки № 81), русский перевод в «Душеполезном чтении» за 1864 г., II, 4.

(224) Письмо 13-е. «Ярославские епархиальные ведомости».

(225) Письмо в Диарии при сочинениях Святителя, ч. I, с. 500; срав. исследование И. А. Шляпкина, с. 415—416.

(226) Тот же Диарий и исследование И. А. Шляпкина, с. 420.

(227) Письмо в Диарии при сочинениях Святителя, ч. I, с. 504 и 506.

(228) Письмо 14-е. «Ярославские епархиальные ведомости», с. 268. По начальным фразам письма видно, что оно писано в Москве: «Прошу пожалуй: сыщи мне совершенное толкование с греческого Одигитрии и утро рано, аще Господь восхощет, привези сам...» Но разве Великим постом 1706 г. Святитель был в Москве? Нам думается, что в этом письме смешаны два: одно краткое, оно написано было в Москве, другое прислано из Ростова. Второе письмо начинается тотчас же после слов «прошу на св. литургию в церковь и в келию на грибы»: «Пречестному господину Феологу благословение и челом. Здравствуй... начен св. четыредесятницу» и т. д. (Текст исправлен по Румянцевскому списку.) Если не разделить текст на два письма, тогда в одном письме будут два обращения к Феологу и придется признать, что Великим постом 1706 г. Святитель был в Москве. Второе письмо — в «Вестнике Европы» за 1826 г., № 8, с. 272.

(229) Письмо 15-е к Феологу. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 269.

(230) Там же.

(231) Письмо 24-е. Там же, л. 275.

(232) Письмо 27-е. Там же. Так как Летописец прерывается на шестом столетии четвертой тысячи, то и над ним Святителю удалось в это время поработать очень немного.

(233) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 455.

(234) Письмо 10-е. «Ярославские епархиальные ведомости», с. 261.

(235) Четии-Минеи, ч. IV, под 3 июня.

(236) См. опись книг при Летописце о Ростовских архиереях. Изд. ОЛДП. СПб., 1890, с. 43. Срав. И. А. Шляпкин. Цит. соч., с. 58, прилож.

(237) Сюда относятся: житие Андрея, Христа ради юродивого (сборник, л. 29; срав. Четии-Минеи, 2 октября), житие Ипатия, епископа Гангрского (лл. 145 и 245; Четии-Минеи, 31 марта), житие Кирилла и Мефодия, словенских первоучителей (лл. 195 и 266; Четии-Минеи, 11 мая), страдание мученика Артемона (л. 280; Четии-Минеи, 13 апреля), житие преподобного Исаакия Далматского (л. 263; Четии-Минеи, 30 мая), страдание мученика Феодорита (л. 365 об.; Четии-Минеи, 8 марта) и страдание мученика Евсигния (л. 415; Четии-Минеи, 5 августа).

(238) К этому времени мы относим составление сборника потому, что в нем есть житие, полученное Святителем в 1706 году (см. л. 407 об.).

(239) Вот подробное оглавление сборника с указанием всех более или менее важных заметок. Начинается сборник грамотой патриарха Адриана Варлааму Ясинскому от 25 марта 1695 года; далее идет «календарь еллино-римский»,— это, по-видимому, одни из начальных страниц Летописца «с черновыми, сильно исправленными заметками о греко-римском календаре под заглавием «Краткое о календаре и попах и идах извещение». На лл. 18—24 написан рукою Святителя месяцеслов, о котором подробно будет сказано во второй части сочинения. Затем листы в сборнике перепутаны: сначала идет 29-й лист и дальнейшие, потом 25-й. Мы будем держаться порядка.

Л. 25-й. «М-ца Септеврия в 16 день, житие и страдание св. м. Людмилы, бабы святаго Вячеслава, князя Чешскаго»,— начало: «Блаженная Людмила бяше от земли Сербские, благородных родителей Славивора и Лидославы дщерь...» Вверху рукописи заметка рукою Святителя: «перевод п. Стефана Любинского». В тексте есть исправления.

Л. 29-й. «М-ца Октовриа в 8 день, житие святаго Андрея Христа ради юродиваго, описанное духовным отцем его Никифором, пресвитером великиа Константинопольские церкве святыа Софии». Заметка: «Сокращенно частию от простерших словес. Acta ss. May t. 6 при концу». Начало: «Богоугодное житие и жизнь непорочну мужа добродетельна...» (срав. Великие Четии-Минеи митрополита Макария, 2 окт., л. 40 об.). Там, где в тексте сказано: «Царствующу в грецех Христолюбивому царю Льву Великому»,— на поле рукою Святителя: «in Actis sanctorum Leo Philosophus putatur et confirmatur»; ниже еще заметка: «Сар. 4»; в одном месте, где сказано: «сице весь день молившуся

Андрею, постиже паки нощь», Святитель прибавил: «и успувшу ему мало», в другом — к фразе «Кидониату даде ему», — на поле сделано примечание: «Cydoniati forma veterens - некий плод древеси дивияго» (л. 33-й).

Л. 44-й. «Житие и пребывание вкратце пр. отца нашего игумена Иосифа града Вольска Ламскаго. Септевриа в 9 день». Начало: «Весь бе не от славных...» (срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 9 сент., л. 215). Внизу первого листа заметка: «Прислано с Москвы от отца Карпона в лето 1699, марта 30-го».

Л. 67-й. «Житие и жизнь иже во святых отец наших Гуриа перваго архиепископа новопросвященнаго града Казани и Варсонофиа епископа Тверскаго, Казанских чудотворцев, списано Ермогеном, митрополитом Казанским». Пометка: «Октября в 4 день». Начало: «Повесть полезна иако близ очима зрится...»

Л. 107-й. «О святом Дионесте епископе Александрийском з церковной истории Евсевиа... Иоанна Христофоровича... епископа». Пометка: «Октевриа в 5 день». Начало: «За панованя Филиппа юж рок третий минул...»

Л. 114-й. «М-ца Октиабря в 29 день преставление преподобнаго и богоноснаго отца нашего Аврамия архимандрита Богоявленскаго, Ростовскаго чудотворца». Начало: «Еже удивитися святых трудом». Заметка вверху листа: «Иный образец несогласный первому».

Л. 120-й. «Житие и подвиги и чудотворение и преставление преподобнаго и богоноснаго отца нашего Аврамия, архимандрита Ростовскаго». Начало то же, вверху листа заметка: «Списано с тетрадей дьячка Богоявленскаго монастыря».

Л. 134-й. Снова житие преп. Аврамия, имеющее то же начало; в тексте есть исправления и заметки. Например: «Были ли тогда церкви в Новгороде?» — где сказано, что, придя в Новгород, святый увидел там «украшение церковное». По-видимому, это и есть та первая редакция, с которой сравнивалось житие на л. 114.

Л. 145-й. «М-ца Ноевриа в 14 день житие и мучение стаго священномученика Ипатиа еппа бывшаго во граде Гагре». Начало: «Во оно время царствующу Деклиану (sic!) в Византии».

Л. 157-й. «Страдание св. Андрея Хискаго и Георгия Трапезунскаго в Риме списанный вскоре по совершению вещи з Лаврентиа Суриа». Начало: «Егда уже трилетное от Криту в Царьград соверших плавание...» В житии отмечены главы подлинника.

Л. 163-й. «Мца Иануариа в 2 день житие и подвизи блаженнаго оца Григориа архимандрита бывша обители прпднаго Даниила Переславскаго». Начало: «Се о нем же нам предложит слово...» В житии есть поправки — вставлены новые слова, фразы и т. п.

Л. 191-й. «Записка преставлению и чюдесам преп. Макария Белевскаго». Начало: «В лето 7148 града Белева житель именем Феодор...» Излагаются одни только чудеса святого; в тексте некоторые слова подчеркнуты.

Л. 195-й. «Память и житие блаженнаго учителя нашего Константина-Кирилла Философа, перваго наставника роду Российскому и всему языку — словенскому. Списано з библиотеки Хиляндарской лавры Сербской». «Мца февраля в 14 день». Начало: «Бог, милостив и щедр, ожидаяй покаяния человеческаго». (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 14 февраля, л. 455-й об.). Заметки на полях: «Лев драгун воинска чина, в Прологу окт. 14-го — сотник...» «Константин малейший сын» ... «Дитина Кирилл или Константин не ссет цицки чужой кроме матернеи». «Сон Кирилла» — и т. п. заметки по тексту жития.

Л. 211-й. «Мца марта в 4 день стреть стыя мученицы и равноаплнна Фотинии Самаронын, с нею же беседова Хртос на студенце и иже с нею мучившихся». Начало: «Во дни Перона, царя Римскаго»... (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 20 марта, л. 550-й).

Л. 217-й. «В той же день житие блженнаго князя Вячеслава Чешскаго». Заметки — вверху: «Септ. 28», сбоку: «из великой Минеи-Чет'е выписано, но неисправно». Начало: «Се ныне сбытса пророческое слово»... (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, сентябрь, л. 944-й).

Л. 221-й. «Skarga marti, folio 258, марта 28 (Sic у Пролозе, at у Чет'е 29). Мучение стых Ионы и Варахасна и дружины их в Персиде». Справа заметка: «Acta ss., marti t. 3, f. 776». Начало: «В лето осмоенадесять царя Перскаго Савориа...» (срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 23 марта, л. 912-й). В средине жития находится черновой набросок того же жития, написанный и во многих местах исправленный рукою Святителя.

Л. 235-й. О черноризце Аполлоне. Начало: «Видехом другого мужа свята именем Аполлона»... Заметка: «марта 31».

Л. 245-й. «Мца марта в 30 день (на л. 244: «марта 31») житие и подвиги и чудес сказание стого сщенномученика Ипатиа, еппа Гагранскаго». Начало: «Прииде нам днесь иже добрых виновник»...

Л. 256-й. «Марта 31-го. Vita ss. pp. f. 460 et 747. Acta ss. jann. tomo 2, die 25, fol. 623». Начало жития: «Бе некий муж праведен сый и преподобен, именем Аполлоний от града Θевсаиды»...

Л. 264-й. «О лете скончаниа преп. Марии Египетской рассмотрение».

Л. 266-й. «Мца Апреля в 6 день память и житие блаженнаго оца нашего и оучителя Мефодия Архиепископа Моравска». Начало: «Бог всемогый и благий». Заметки — сверху листа: «Из великой Минеи Чет'е преписано» (Макарьевские Великие Четии-Минеи, апрель, л. 93-й); на поле: «Мая 11-го».

Л. 273-й. «Слово похвальное Кириллу и Мефодию» (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, ib., л. 97).

Л. 280-й. «Марта 24-го». «Мца того же в 24. Страсть священномученика Артемона». Начало: «В лето двадесять четвертое царя Диоклитиана мятеж бысть»... Заметка: «Из Чет'е великой» (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи марта, л. 579-й)... «Апреля 13-го». В тексте есть незначительные исправления.

Л. 284-й. «Служба, житие и чудеса преподобнаго Кассиана Римлянина грека Учемскиа пустыни, Углецкаго новаго чудотворца». Начало жития: «Православнии слушателие, отцы и братия» ... После жития (л. 301 и далее) находится 18 чудес.

Л. 313-й. «Мца мая в 9 день. Мучние свтого мучнка Христофора». Начало: «Лето второепадесят царствующу Декию». Заметки: «В великой Минеи Чет'е л. ХЧ» (По указ. арх. Иосифа, май, л. 348).

Л. 313-й. «Мца мая в 10 день. Страдание стаго мученика Еразма». Начало: «В Антиохийском граде бысть смущение христианом». Заметки, справа: «В Прологу и в наших книгах мая 4-го; в Великой Минеи Чет'е лист ѡ ме»; «Знову в Чет'е июня 10-го, лист 300-й» (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, май, л. 240 — проложное сказание и июнь, л. 158 об.— житие).

Л. 325-й. «Мца Маиа в 23 день, иже в святых отца нашего Леонтия епископа Ростовскаго чудотворца». Начало: «Иже во святых отец наш великий Леонтий рождься в Константине граде» (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 23 мая, л. 626 об.). В тексте жития многие слова подчеркнуты, а в одном месте, где указан год пожара в Ростове, «6668-й», внизу листа заметка: «Сице и в летописцу полудестовом в лето ≠ SXS̄H пожар бе в Ростове, а в Троицком Сергиевском летопису в лето ≠ ȘXO (6670)». После жития — похвальное слово, поучение и чудеса.

Л. 344-й. «Мца мая в 28 день Житие преподобныя матере нашеа Фелофия». Списано патриархом Терновским Еуфимием». Начало: «Иже к добродетели ведущий путь»... Заметка справа: «NB. Выписано з великой Минеи Чет'е. Не обретается же воспомяновение ея в месяцесловах, ни в прологах, токмо в Чет'е мая 28. Да положится убо где-либо» (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, май, л. 766-й).— «Мая 30. NB. Августа 3 зри nonne idem Jgacy. Мца тогож [т. е. марта] в 21 день житие преподобнаго отца нашего Исаакия монастыря Далматскаго. Skarga fol. 225. В Чет'е марта 21, лист 1097». Начало: «По поклонении пртаго и поклоняемаго Крта Гда Бга и Спса нашего Ис Ха кумиpослужению уж отвержену бывшю»... (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 21 марта, л. 555-й).

Л. 363-й. «Марта 27. Мая 30. Августа 3. Житие блаженнаго Исаакиа пресвитера и архимандрита Далматскаго». Начало: «По царствии Константина великаго царя»... Это иная, нежели ранее, редакция, исправленная Святителем. Так, например, в начале он приписал: «По обретении честнаго креста Господа нашего Иисуса Христа».

Л. 365-й об. «Марта 28. Мучение ст. Феодорита пресвитера в Антиохии при Иулиане царе отступнику». Начало: «Доблю и боголюбному изволению блаженнаго мученика Феодорита не точию есть дивитися»... Заметки: «Той же се, иже и марта 8-го и 3-го, в Чет'е великой, л. 1597-й. (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, март, л. 804-й); нет взменки о нем в Прологу, ниже мы в нашем писании его воспомянухом. Да положится убо где-либо». Затем это зачеркнуто и написано другое: «Положи... его марта 8-го але сокращенне».

Лл. 370-й и 389-й. Житие прп. Иеронима, разбитое,— начало на л. 389-м, продолжение на 370-м. Это черновая рукопись, написанная не Святителем, но им тщательно особенно в начале, исправленная.

Л. 390-й. «Мца Июня в 15 день. Житие прбнаго (отца нашего) Иеронима (учителя церковнаго) от книг его собранное вкратце (Маркианом Викторием) иже поживе лета от Рождества Хва ТПИ. Начало: «Иероним преподобный бе от града Стридона»... Это исправленный и совсем готовый к печати список жития.

Л. 397-й. Рукою Святителя написано: «Camputatio annorum ex sacra scriptura», но никакого расчета лет далее не имеется.

Л. 398-й. «Июля 22. Житие св. равноапостольныя Марии Магдалины, списанное неким Илиею мнихом и пустыножителем ... из разных книг харатейных и достоверных свидетелей собранное».— Начало: «Св. Мария Магдалина родися от родителей честных и благородных, ибо отец Магдалины бе князь в Сирии, яже есть при мори. Сего жена именем Евхария роди три чада: сию св. Марию, Марфу и Лазаря». Рукопись прислана Святителю из Сибири Филофеем Лещинским, что свидетельствуется надписями в конце «Великому господину Митрополиту» — это, вероятно, адрес; ниже — «О ст. Жарии Магдалине от преосщ. Сиберскаго септемврия 28-го, 1706 г.»,— заметка самого Святителя.

Л. 415-й. «Мца августа в 5 день. Мучение святаго Евсегниа». Начало: «Иулиан царь отвергся Христа»... (Ср. Макарьевские Великие Четии-Минеи, августа 5, л. 81).

Л. 420-й. «Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Григория Синаита. Списано

Протоиерей Александр ДЕРЖАВИН,
магистр богословия

ЧЕТИИ-МИНЕИ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКОГО, КАК ЦЕРКОВНОИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Характеристику Четиих-Миней, как памятника литературного, всего удобнее начать с рассмотрения их состава. В первой главе первой части мы говорили, что во времена древнехристианские в Четии-Минеи входил только агиологический материал, то есть жития святых, и лишь впоследствии он начал дополняться произведениями дидактического и повествовательного характера. Такие произведения сначала помещались в конце книг, в виде приложения, а затем стали переноситься в отдел житий и располагаться вместе с последними под числами месяца. Митрополит Макарий особенно расширил состав Четиих-Миней: в его Минеи вошли почти все «чтомыя на Руси книги». После митрополита Макария состав Четиих-Миней опять начинает упрощаться; Милютинские и Тулуповские Четии-Минеи уже не только не стремятся быть энциклопедией славянской письменности своего времени, но сокращают и дидактический элемент, принимая его в очень ограниченном количестве.

Святитель Димитрий не внес чего-либо нового в эту область своей работой. Его Четии-Минеи, как и Минеи послемакарьевские, содержат и дидактический и повествовательный материал, но по количеству статей он значительно меньше агиологического. В четырех тримесячных книгах насчитывается до 664 житий святых, тогда как слов, сказаний и повестей только 67. По времени и месту подвижничества святых — жития разделяются на четыре группы: первая (24 жития) обнимает жизнь и подвиги святых ветхозаветных, вторая (571 житие) — общехристианских, третья (65 житий) — русских и четвертая (4 жития) — южнославянских.

Из произведений дидактического и нравоучительного характера в Четии-Минеи внесены: 22 слова, посвященные истории и прославлению важнейших христианских праздников и некоторых святых; 22 сказания о различных воспоминаемых Церковью священных событиях и чудесных проявлениях милости Божией к человеческому роду; 6 заимствованных из Богослужебных книг, синаксарей и 7 назидательных повестей, взятых из второй части Пролога. Как агиологический, так и

---

* *Окончание.* Начало в сборнике 15.

дидактический материал расположен в Четиих-Минеях в порядке месяцеслова и составляет их основное, главное содержание.

Второй, дополнительной частью содержания Четиих-Миней являются авторские заметки, которые печатаются обыкновенно в конце каждого дня и составляют особенность рассматриваемого нами памятника. В эти заметки Святитель Димитрий, во-первых, вносит месяцеслов, то есть имена всех тех святых, которым не посвящено отдельных житий, но память которых празднуется Церковью в тот же день года. В сентябре этот месяцеслов состоит из одного только перечня святых, а затем содержание его расширяется и углубляется; к именам святых присоединяются иногда краткие, иногда довольно подробные сведения об их жизни и подвигах, так что в большинстве случаев этот месяцеслов напоминает так называемые святцы с летописью, то есть с краткими сказаниями о святых. Во-вторых, в тех же заметках Святитель Димитрий нередко разрешает различные недоумения, могущие возникнуть у читателей во время чтения житий; исправляет ошибки и противоречия своих источников и предлагает разнообразные, находящиеся в той или иной связи с житиями сведения по истории, географии и церковной жизни.

Если, помещая месяцеслов, Святитель Димитрий старался придать своим Четиим-Минеям характер весьма нужной справочной книги по общехристианской и русской агиологии, то заметками на этот месяцеслов он оказал большую услугу своим преемникам по разработке агиологического материала. Для нас эти заметки важны еще и потому, что в некоторых случаях они знакомят нас с той сложной работой, какую пришлось выполнить Святителю Димитрию при составлении Четиих-Миней, и свидетельствуют о нем, как ученом писателе. В дальнейшем многими из этих заметок мы воспользуемся.

Работой над месяцесловом Святитель Димитрий, по всей вероятности, начинал каждую книгу Четиих-Миней. В подтверждение этого можно привести и априорные соображения и фактические данные. Не распределив памятей святых по дням годам и не изучив их основательно, едва ли можно было и приступать к составлению житий. Из истории написания Четиих-Миней мы отчасти знаем, как много затруднений доставляли Святителю Димитрию запутанность и разногласия наших месяцесловов и как еще в самом начале работы он старался преодолеть их. Составление в 1687 г. «Ономастикона» было первым плодом этих усилий и ярким фактом, свидетельствующим о серьезных занятиях Святителя над месяцесловом. Оставшиеся после Святителя рукописи еще сильнее подтверждают нашу мысль. В одной из них — б. Типографской (№ 420) находятся два месяцеслова: один — краткий, имеющий по одной, по две памяти на каждый день целого года (лл. 12--24), другой на три месяца, июнь, июль и август, но зато более полный и богатый памятями (л. 457 и д.). Время составления первого месяцеслова не обозначено, но, по всей вероятности, он написан был очень рано, может быть в первые дни работы над Четиими-Минеями; второй имеет хронологическую дату в начале июля — «Апп. 1703—7bris», т. е. месяцеслов на июль составлялся в сентябре 1703 г., а это как раз было время, когда святитель приступал к написанию июльской книги житий святых.

Несомненно, составление и других книг предварялось такой же работой над месяцесловом. Это обязывает и нас начать свой разбор Четиих-Миней также с месяцеслова, как естественного их плана и первого основания. Итак, какими же источниками воспользовался Святитель Димитрий при составлении месяцеслова Четиих-Миней и в чем состояла над ним его работа?

В первой главе первой части мы привели список тех церковно-богослужебных книг, при которых печатались месяцесловы, и сказали

несколько слов об их отдельных изданиях. Из четии-минейных заметок и рукописей видно, что Святитель Димитрий воспользовался почти всеми этими книгами и изданиями. В Четиих-Минеях мы встречаем ссылки на месяцесловы: Московский[1], Киевский[2], Львовский[3] и Виленский[4], один раз упоминается «великий месяцеслов» и несколько раз вообще «месяцесловы», без обозначения места их составления и издания[5].

Рукописи дополняют этот список и дают ему бо́льшую определенность. В Московской Синодальной типографии, в рукописи № 420, на 264 л. есть статья Святителя Димитрия, посвященная вопросу «о лете скончания преподобной Марии Египетской»; в ней упоминаются месяцесловы: «великий Московский», напечатанный в 1684 г.[6], другой Московский: «аки бы исправнейший», изданный в 1689 г., затем месяцесловы: Киевский, Львовский, Виленский и Черниговский, но годы их издания не указаны[7]. В другой рукописи, хранившейся в Московской Патриаршей библиотеке (№ 139), в «каталоге епископов и патриархов Византийских» (лл. 124—160), делаются ссылки на месяцесловы украинские: Львовский, Киевский, изданный в 1691 г.[8], Виленский и Черниговский, которым противополагаются московские месяцесловы и прологи; здесь же упоминается «большой Киево-Печерский месяцеслов за архимандрита Иннокентия Гизеля в лето 1682 напечатанный»[9].

В заметках Четиих-Миней и в том Прологе, которым пользовался Святитель Димитрий, также приводятся сведения и указываются ссылки на месяцесловы при Полууставе[10], Трефологионе[11], месячных Минеях[12] и Минеях митрополита Макария[13]. При полууставах почти всегда печатался отдельный месяцеслов[14]; что касается остальных книг, то они важны были тем, что в служебных Минеях и Трефологионах находились службы святым, а иногда краткие о них сведения[15]; а в Четиих-Минеях Макарьевских, в их житиях, прологах и патериках, давался такой богатейший материал по христианской агиологии, какого в других славянских книгах не было. Однако чаще всего в заметках Святителя Димитрия в Четиих-Минеях ссылки сделаны не на эти книги, а на Пролог, который упоминается здесь иногда по нескольку раз в день. Очевидно, с этой книгой особенно часто справлялся Святитель, составляя свой месяцеслов. Не встречаются в Четиих-Минеях ссылки на месяцесловы при Евангелиях, Апостолах, Следованной Псалтири, Часословах, Требниках и Служебниках, но эти книги так были употребительны, что Святитель Димитрий всегда имел возможность ими пользоваться. Если он не упоминает их, то, вероятно, потому, что не нашел в них чего-либо оригинального и достойного замечания. Из всего нами сказанного видно, что Святитель Димитрий, работая над месяцесловом, имел очень много источников. Что же из себя представляли эти источники? Как мы должны охарактеризовать находящиеся в них месяцесловы?

Известный исследователь христианского месяцеслова архиепископ Сергий в своем труде «Полный месяцеслов Востока» подробно описывает много рукописных месяцесловов, находящихся как при Богослужебных книгах, так и в специально посвященных им сборниках; печатным изданиям он уделяет сравнительно мало внимания. Это объясняется тем, что ко времени появления на Руси книгопечатания в нашей церковной практике получил преобладание так называемый Иерусалимский устав, и издатели различных Богослужебных книг старались согласовать месяцесловы их с месяцесловом этого устава. Поэтому особенно крупных, интересных для архиепископа Сергия разностей между ними не было, но из этого не следует, что месяцесловы эти были между собою вполне согласованы. Печатаемые с рукописей лицами малоопытными и недостаточно подготовленными, месяцесло-

вы эти имели массу ошибок, повторений и противоречий частного характера, и вот эти-то их особенности сильно затруднили работу Святителя Димитрия. Так как в заметках Святителя чаще всего встречаются ссылки на месяцесловы при Полууставе, Прологе и в отдельных специальных изданиях, то эти книги мы и подвергнем более детальному анализу.

Первое печатное издание Святцев вышло в Москве в 1628 г. О последующих изданиях 1639, 1646, 1659, 1662 гг. архиепископ Сергий говорит, что одни из них подобны (например, изд. 1639 и 1646 гг.), другие имеют немало особенностей и дополнений. Дополнения относятся, главным образом, к празднованиям русским святым, особенности заключаются в приурочении памятей святых к тем или иным дням года. Киевские святцы, которыми чаще пользовался Святитель Димитрий, хотя и имели одинаковую с Московскими основу, однако во многом от них и разнились. Это произошло от того, что составители Киевских святцев внесли в них некоторые памяти святых из рукописных стишных Прологов. Пролог первый раз напечатан в 1641 г. Несмотря на то, что издатели стремились согласовать его месяцеслов с месяцесловом Иерусалимского устава, совершенного подобия между ними нет, а в последующих изданиях количество этих разногласий еще более увеличивается. Нет поэтому сходства и между отдельными изданиями Пролога. Преосвященный Сергий в особом приложении к своему исследованию подробно перечисляет все те разности, какие существуют в этих изданиях, и указывает причины их. Из его работы видно, что таких разностей было довольно много. Уставы и полууставы, хотя и были скопированы с Иерусалимского, однако имели несколько редакций, и месяцесловы их также разнились один от другого. Кроме того, по словам архиепископа Сергия, во дни Святителя Димитрия в некоторых южнорусских монастырях применялся еще Студийский устав, месяцеслов которого имел значительные разности в сравнении с уставом Иерусалимским. Преосвященный Сергий говорит, что они замечены им в 144 случаях и состоят в прибавлении или отсутствии памятей святых в одном уставе сравнительно с другим и в различном времени их празднования [16].

Из этой краткой характеристики месяцесловов видно, что даже в различных изданиях одной и той же книги они имели немало особенностей. Если же мы станем сравнивать месяцесловы различных книг, тогда количество этих особенностей еще более увеличится. Поэтому, чтобы составить свой месяцеслов по указанным источникам, Святителю Димитрию необходимо было так или иначе примирить эти разности. Здесь возможны были два пути: можно было из всех имеющихся под руками месяцесловов выбрать какой-либо один и без изменений перенести его в Четии-Минеи; но можно было ко всем этим месяцесловам отнестись критически и на их основе выработать свой, исправленный и проверенный. Святитель сначала выбрал первый путь,— он взял месяцеслов Пролога и в сентябре буквально повторил его в своих Четиих-Минеях, но потом, пользуясь тем же Прологом, стал относиться к нему критически и внес в его месяцеслов много поправок, изменений и дополнений.

В пользу того, что именно Пролог был положен Святителем Димитрием в основу месяцеслова Четиих-Миней, можно привести и внешние и внутренние доказательства. Об этом свидетельствует, например, такой опытный отечественный агиолог, как Преосвященный Сергий. В своем исследовании он прямо говорит, что «основой памятей святых служил Святителю Димитрию славянский печатный Пролог» [17]. По Прологу в 1687 г. составил Святитель свой «Ономастикон». В сентябрьской Минее, как мы говорили, месяцеслов представляет буквальное повторение святцев Пролога, а в дальнейшем, хотя такого пол-

ного сходства и нет, однако ссылки на Пролог делаются почти ежедневно, причем некоторые из них прямо отсылают к Прологу, как руководству и источнику сведений о святых. Мы приведем здесь из этих заметок те, где эта руководящая роль Пролога особенно ярко сказывается. Так, 17 июля, после жития святого мученика Серапиона, Святитель пишет в своем месяцеслове: «В месяцесловах Киевском, Львовском и Виленском в сей день положена память святого Иосифа исповедника, епископа Фессалонитского... а в Прологу память его иануария в 26 день, тамо и мы его воспомянухом»[18]. Подобная же заметка встречается 7 августа: «В месяцесловах Киевском и Львовском в сей день положена память святой царицы Пульхерии, мы же тоя житие положихом сентября в 10 день», опять следуя Прологу, где под этим числом воспоминается святая[19]. Иногда эта верность Прологу сохраняется даже тогда, когда исторические данные указывали другой день памяти святого. В этом отношении характерны следующие замечания: «О святой праведной Марфе, матери Симеона Дивногорца, ведати буди, яко преставися в пятый день сего месяца. А понеже во Минеи служба ей в сей день четвертый положена, такожде и в Прологу синаксарий сего дня чтется, убо и мы житие ея в сем же четвертом дни полагаем»[20]. Здесь, как видим, поместить житие преподобной Марфы 4 июля заставили Святителя Димитрия, кроме Пролога, и месячные Минеи. А вот другой пример, где та же самая роль принадлежит уже одному Прологу: после жития святого мученика Саввы Готфского, 15 апреля, Святитель замечает: «Утоплен бысть святый апреля в 12 день, иже бе пятый день по Пасце и приличнее в той бяше день памяти его совершатися, но понеже в Прологу под сим 15 числом память его положена, убо и зде страдание его такожде полагается»[21]. 12 апреля, после жития преподобной Афанасии, Святитель говорит, что он положил ее память под этим числом на основании Пролога и Четиих-Миней митрополита Макария, хотя «сея преподобныя Афанасии память почитати приличнее есть августа в 14 день, в навечерие Успения Пресвятыя Богородицы, когда та святая преставися»[22].

Какое же издание Пролога было в руках Святителя Димитрия? Этот вопрос легко разрешается, потому что тот экземпляр Пролога, которым пользовался Святитель, сохранился до нашего времени и прежде находился в библиотеке Московской духовной академии. Этот экземпляр, состоящий из 4 книг, изданных в Москве в 1685 г., на обратной стороне переплета всех четырех частей имеет следующую, сделанную рукою Святителя Димитрия, надпись: «От книг иерея Василия Батуринского замковаго бе, ныне же есть иеромонаха Димитрия Савича житии святых списателя». Профессор И. А. Шляпкин разъясняет нам эту надпись. В своем исследовании о Святителе Димитрии он приводит одну надпись, снятую им с экземпляра старинного Пролога, пожертвованного И. П. Филатовым в Ростовский Спасо-Иаковлевский монастырь: «Я иеромонах Димитрий Савич игумен святого Николы Крупицкого Батуринского сию книгу мне из обители Печерской данную даю взамену за ново выданныи Прологи честному господину отцу Василию пресвитерови церкви Воздвижения Креста Господня в замку Батуринском. Року 1688-го февраля 25-го»[23]. Экземпляр Пролога, хранившийся в Спасо-Иаковлевском монастыре, издан в 1675—77 гг. Следовательно, до 25 февраля 1688 г. Святитель Димитрий пользовался Прологом, изданным в 1675—77 гг., а в этот день променял его на новый, изданный в 1685 г., получив его от батуринского священника о. Василия.

Пролог, хранившийся в библиотеке Московской духовной академии, весьма интересен и важен для нас: на полях его книг, на отдельных приклеенных к листам бумажках и в тексте имеется множество надписей и пометок, сделанных рукою неутомимого труженика Святителя Димитрия. Эти надписи и заметки всего лучше показывают, что Про-

лог был для Святителя настольной, необходимой книгой и, действительно, послужил основой для месяцеслова Четиих-Миней. С другой стороны, из тех же заметок мы видим, как постепенно всё шире и шире разрасталась критическая работа Святителя над месяцесловом Пролога, как всё с большею и большею самостоятельностью он относился к нему и, на основе его, создавал свой исправленный и проверенный месяцеслов. Заметки в Прологе являются наглядным доказательством этого и, благодаря им, вся сложная и трудная работа Святителя Димитрия при составлении месяцеслова Четиих-Миней представляется нам в значительной ясности и полноте.

Методы источниковедческого анализа Святителя

Нам думается, к этой работе побудил великого труженика прежде всего сам Пролог своими повторениями, неясностями, а иногда и прямо ошибками. Особенно частые недоумения должны были вызывать у Святителя памяти тех святых, о которых не сообщалось в Прологе никаких других сведений, кроме наименования: «святой», «мученик», «преподобный». А таких памятей было очень много, и они представляли из себя целое море имен, весьма часто подобных одно другому и одинаковых.

Случались странности и в синаксарях: иногда одному и тому же святому написаны были различные синаксари, иногда — наоборот — один и тот же синаксарь сопровождал памяти разных святых. Чтобы разобраться во всех этих рано замеченных неправильностях и ориентироваться в огромном количестве имен, Святитель и составил по Прологи «Ономастикон». Но «Ономастикон» не устранил, да и не мог устранить всех затруднений, так как составлен был по одному Прологу.

Обращение к другим славянским месяцесловам не только не разъясняло, а порою лишь запутывало дело, потому что новые сведения там редко удавалось найти, а недоумения с именами и празднованиями они только увеличивали. Чтобы выйти из затруднений и составить правильный, строго проверенный месяцеслов, оставался только один путь: нужно было ясно определить, кто разумеется под тем или другим именем в месяцеслове — какая личность, какие ее труды и подвиги, нужно было, как выражается Святитель Димитрий, узнать «чин жития святого и образ его смерти»[24]. По этому пути он и пошел. Прежде всего Святитель подверг месяцеслов Пролога внимательнейшему, детальному рассмотрению. Об этой его работе свидетельствуют те многочисленные, занесенные им на поля книг заметки, в которых он указывает, когда повторяется в Прологе память того или иного святого и встречается еще раз его имя. Перечислить все подобного рода заметки невозможно, — ими пестрят листы Пролога (...). Некоторые из них носят утвердительный характер, а некоторые лишь предположения, — Святитель еще не уверился, он только «мнит», догадывается. Очевидно, заметки эти делались во время самой работы, при внимательном сравнении синаксарей. Но не только месяцеслов и синаксари подверг Святитель Димитрий такому рассмотрению, он, как видно из его Пролога, не пропускал там ни одной статьи и везде отмечал встречающиеся имена, чтобы потом сравнить их со сказаниями синаксарей и таким образом лучше определить личность святого. Так, например, читая 3 июня «слово от патерика о некоем пустыннице, иже согрешив покаяся», Святитель подчеркивает слова: «видех раба Божия нага» и на поле делает заметку: «сей июня 12-го, в житии преподобного Онуфрия, Тимофеем именуется»[25]; октября 10-го, в слове о поставлении епископов упоминается папа Лев, Святитель на поле замечает: «сей февраля 18-го»[26]; мая 5-го, в слове от патерика упоминается Виссарион, — на поле: «память его июня 6-го и мая 23-го о нем слово»[27].

Но и такое тщательное изучение Пролога не разрешало всех недоумений. Чтобы достигнуть намеченной цели и хорошо уяснить себе лич-

ность святых, упоминаемых в месяцеслове, Святитель Димитрий обратился к другим источникам, не только славянским, но и иностранным. Из первых в заметках Пролога наиболее часто упоминаются Четии-Минеи митрополита Макария, несомненно, потому, что вместе с памятями святых они давали и полные жития их. Особенно много ссылок на Великие Четии-Минеи в Мартовской четверти Пролога. Из иностранных изданий Святитель Димитрий ссылается на сочинение Лаврентия Сурия, на Vitae Sanctorum Patrum, на историков Евсевия, Созомена, Никифора Каллиста и Феодорита, на Martyrologium Romanum, а чаще всего на Acta Sanctorum Болландистов (...) [28]. В стремлении определить личность святого Святитель Димитрий не ограничивался одним каким-либо источником, а изучал его житие по нескольким книгам. Особенно большую помощь оказали ему в этой работе Acta Sanctorum,— по ним проверено большинство памятей святых, находящихся в Прологе. Даже в первых трех месяцах мы встречаем ссылки на Acta Sanctorum; очевидно, Святитель сделал их тогда, когда готовил Четии-Минеи ко второму изданию. Кроме Acta Sanctorum, Святитель довольно часто обращался еще к Римскому Мартирологу. Правда, в Прологе на него не много указаний, но зато в том списке святых, который составлен Святителем на месяцы июнь, июль и август, это издание упоминается почти ежедневно [29]. Очевидно, и эта книга была постоянным справочным пособием при работе Святителя Димитрия над месяцесловом.

Но иногда все поиски оставались тщетными, и Святителю не удавалось точно определить личность святых. Например, 27 марта страдания святых мучеников Мануила и Феодосия. Синаксарь в Прологе написан в самых общих чертах. Святитель долго старался более точно определить, кто были эти святые, когда и от кого они пострадали, но, не найдя ничего, написал на поле в Прологе: «нет сих нигде» [30]; апреля 19-го память преподобного Никифора игумена,— «о сих не обретох» [31].

Из приведенных выдержек, думается, можно понять, каких великих трудов стоило Святителю Димитрию составление месяцеслова. Сколько книг должен был он просмотреть, сколько потратить времени на сравнение и изучение различных сведений, чтобы иметь возможность написать те замечания, которые так часто встречаются в месяцеслове Четиих-Миней. Такая тщательная работа не должна была пропасть даром: благодаря ей Святитель точно установил памяти многих святых и хорошо познакомился с их личностью. Это тотчас же сказалось на его работе.

Сознавая по собственному опыту, как важно для разумного пользования месяцесловом знакомство с личностью святых, Святитель решил не ограничиваться в Четиих-Минеях одним перечислением их памятей и с октября месяца стал присоединять к памятям краткие биографические сведения о святых. Для сентябрьских памятей то же самое он сделал, приготовляя Четии-Минеи для второго издания. Большею частью эти сведения заимствованы из изученного и проверенного теперь Пролога, но в тех случаях, когда Пролог не давал ничего, кроме имен святых, или сообщал о них неверные сведения, Святитель обращался и к другим, как славянским, так и иностранным источникам и по ним дополнял Пролог и исправлял его ошибки. По объему все заметки о святых в месяцеслове Четиих-Миней можно разделить на полные и краткие. В первых сообщаются довольно подробные сведения о святых, так что эти заметки можно считать как бы дополнением к Четиим-Минеям. Некоторые из них писались не только для справок, но и для назидательного чтения и по размерам значительно превосходят пространные синаксари. Краткие заметки указывают только «чин жития и образ смерти» святого, то есть ограничиваются самыми необходимыми сведениями о нем. Таких заметок большинство. На основании некото-

рых из них мы можем судить, как дорожил Святитель всем, что удавалось ему узнать о святом. Например, 6 апреля, указывая память святой мученицы Платониды, он выписывает о ней стихи из Пролога Макарьевских Четиих-Миней, очевидно, никаких других сведений о святой Святителю не удалось найти[32]. В других случаях, приводя о святом те сведения, какие давали источники, Святитель пишет, что большего ничего он не мог найти, и этим как бы извиняется за скудость сообщаемых сведений. Так, 12 августа, сказав о святых мучениках Памфиле и Капитоне, что они «мечем скончашася», Святитель далее прибавляет: «о них же более обрести ничего не возмогохом»[33], или 2 августа о святом Василии юродивом Московском Святитель пишет: «зри о нем в Прологу, а в Великой Минее-Четии ничтоже о нем обретохом»[34]. В последнем случае, как видим, не сообщая ничего о святом, Святитель отсылает читателя к Прологу. Подобные заметки встречаются в месяцеслове Четиих-Миней также довольно часто, причем, кроме Пролога, указываются и другие, большею частью славянские же источники. Не знакомя с личностью святых, эти ссылки всё же давали возможность любознательному читателю получить сведения о них из других книг и таким образом выполняли ту цель, которая поставлена была Святителем для месяцеслова Четиих-Миней. Только под некоторыми, сравнительно очень редкими числами, Святитель приводил памяти святых без всяких ссылок и биографических данных. В таких случаях он обыкновенно указывал, что полагает эти памяти потому, что они есть в Прологе, или высказывал предположение, не допущена ли здесь Прологом ошибка. Например, 8 марта Святитель пишет: «в той же день - - еще имать Пролог - - прп. Дометий в мире скончася, его же жития не возмогохом обрести. Есть августа месяца в 7 день прп. мученик Дометий, но той мученический конец прият»[35]. Или - 9 марта: «еще Пролог зде воспоминает св. Тарасия, но не известует коего, ибо в месяцеслове обретается Тарасий св. разве един, иже февраля 25-го, патриарх Цареградский»[36]. Августа 18-го положена в Прологе память патриархов Цареградских Иоанна и Георгия, но «без синаксаря, самыи токмо имена. Неведомо убо, которого Иоанна и которого Георгия, понеже мнози в патриарсех Иоанны бяху, такожде и Георгий не един бе»[37].

Основательно изучив упоминаемых в Прологе святых, Святитель Димитрий выяснил для себя и то, когда здесь повторяется память святого и по какому поводу. Этим результатом своих трудов он также поделился с читателями Четиих-Миней, отметив в месяцеслове весьма многие из таких повторений. Большая часть относящихся сюда заметок перенесена в Четии-Минеи со страниц Пролога, но здесь они получили совсем иной смысл и характер. В Прологе эти отметки делались во время работы по ознакомлению с личностями святых, поэтому некоторые из них выражены в предположительной форме, а иные потом и совсем зачеркнуты, как ошибочные. Заметки в Четиих-Минеях — результат уже законченной работы; в большинстве случаев они вполне определенны и правильны. По характеру и способу выражения их можно разделить на три группы: в одних случаях повторения памятей святых признаются Святителем законными, и поэтому в заметках просто отмечается, когда еще раз воспоминается память того же святого. Например, 6 сентября после памяти святого Кирилла Гортинского Святитель пишет: «сей же св. Кирилл и вторицею в Прологе воспоминается июня 14-го». В других заметках память святого как бы переносится на другое число, и поэтому они имеют иную формулировку. Например, 7 сентября, по поводу памяти святого Стефана, папы Римского, Святитель замечает: «в Прологе положена память Стефана, папы Римского, но та будет августа месяца во 2 день». Заметки третьего рода носят условный характер: в некоторых случаях Святитель не мог достигнуть положительного

результата и поэтому, отмечая в Четиих-Минеях повторение памяти святого, высказывался нерешительно, в форме личного мнения или предположения. Например, 13 сентября, по поводу памяти преподобного Петра, Святитель пишет: «сей же мнится быти, иже и выше, сего же месяца в 5 день, иже в Афире», или под тем же числом немного ниже: «зде же воспоминает Пролог св. м. Стратоника, но той един мнится быти, иже и выше бе, в 9 день сего месяца»[38]. Июля 3-го: «Пролог полагает Феодота, Феодотии и иже с ними, но от тех Феодот и Феодотия мнятся тии, иже будут утро, о прочих же ничесого обрести возмогохом»[39].

Подобного рода отметками устанавливалась в Прологе масса таких повторений памятей святых, которые перенесены были сюда из разных месяцесловов и не вызывались какими-либо событиями в жизни или в истории прославления святого. Поэтому Святитель некоторые из этих повторений и совсем опускал, не делая об этом никаких отметок в Четиих-Минеях. Но зато Пролог Святителя своими заметками на полях объясняет нам многие из этих пропусков. Из сделанных нами и находящихся в Прологе объяснений видно, что пропуски памятей святых вызывались, главным образом, их повторениями; приведя эти памяти в одном месте, Святитель считал, что в другом месте он может и не упоминать о них. Почему в этих случаях он поступил именно так, то есть пропустил памяти, а не внес их в месяцеслов с указанием когда им приличнее быть, как делал в других подобных случаях, — неизвестно. У самого Святителя нет на это никаких указаний, а делать по этому поводу какие-либо свои предположения едва ли уместно. Ясно только одно, что в начале занятий над Четиими-Минеями у Святителя не было определенного решения относительно их месяцеслова, и поэтому, во время работы, под влиянием тех или других источников, приемы составления его подвергались различным изменениям.

Изучение месяцеслова Пролога дало и еще один положительный результат, — оно помогло Святителю Димитрию установить различие между одноименными святыми, нередко встречающимися в Прологе, и эти новые сведения он также занес в заметки Четиих-Миней. Устанавливая различение, Святитель указал и те основания, которые приводили к этому, а в некоторых случаях «ведения ради разнствия, да всякому оно яве будет», поместил в Четиих-Минеях и полные жития святых, носящих одинаковые имена. Такие случаи довольно часто встречаются в последней четверти Четиих-Миней; в первых книгах их мало, да и, вообще, нужда в работе подобного рода сознана была Святителем Димитрием довольно поздно.

Первую заметку с таким содержанием мы встречаем в месяцеслове под первым числом января, где различаются два Василия Анкирских. Как видно из надписей в Прологе[40], различие сделано здесь на основании Acta Sanctorum, и нам думается, что этот источник навел Святителя на мысль вносить подобные замечания в Четии-Минеи.

Вот, например, заметка 4 апреля после жития преподобного Иосифа, творца канонов: «Ведати подобает, яко два в святых обретаются Иосифа песнописца. Первый Иосиф брат родной преподобного Феодора Студита, епископ Селунский, его-же память Иануария 26-го. Другий же Иосиф сей преподобный, сосудохранитель великие Церкве бывый, а творенные ими каноны познаваются сице: идеже в начале канона написано: творение кир Иосифа, разумей быти первого Иосифа святого, брата Студитова, епископа Селунского; то бо слово «кир» знаменем есть великого сана и власти, якоже епископства. А идеже написано просто, без приложения «кир», творение Иосифово, разумей быти сего второго Иосифа преподобного, иже не бе епископ, но точию иеромонах и игумен и сосудохранитель великие Константинопольские

церкве»[41]. Различие сделано на основании Acta Sanctorum, где в апреле есть житие преподобного Иосифа песнописца[42].

На основании тех же книг 24 марта различаются Артемон, епископ Селевкий Писидийских, и апостол Артема. «Ведати потребно, — пишет Святитель после жития епископа Артемона, — яко ни есть св. Артема, един от 70 апостолов, св. апостолом Павлом в послании к Титу, в главе 3-ей воспоминовенный, епископ в Листре бывый, а ин есть сей святый Артемон, не от числа 70-ти апостолов и не в Листре, а в Селевкии Писидийстей первый бывый епископ»[43]. Насколько серьезны бывали иногда подобные заметки, видно из того, что, например, 13 июня, различая святых Пафнутиев, Святитель приводит восемь лиц, причем ссылается на различные источники[44]. А сколько труда требовали они от него, доказывается, например, тем, что для различения двух пророков Михеев (14 августа) Святитель посылал письмо в Москву к Феологу и просил его сделать необходимые для работы справки[45]. Но любовь к делу и стремление дать в своем труде проверенные, точные сведения превозмогали всё, и Святитель не останавливался ни пред какими трудностями.

Старательное изучение Пролога и сравнение его с другими пособиями дало не одни только указанные нами результаты, - оно открыло еще много погрешностей Пролога, и Святителю Димитрию пришлось исправлять их.

Значительное влияние на работу над месяцесловом оказывали прежде всего Четии-Минеи митрополита Московского Макария. Из заметок видно, что Святитель по этим Минеям постоянно проверял месяцеслов Пролога.

Значительно большее влияние на переработку месяцеслова Пролога оказывали служебные Минеи. Святитель весьма усердно пользовался ими при своей работе. Можно даже сказать, что в некоторых случаях он смотрел на Минеи, как на руководство. К последнему побуждала Святителя задача его великого труда. Эта задача состояла в том, чтобы дать «украинскому» народу назидательные чтения из житий святых на каждый день года. Так как предполагалось, что эти чтения будут иметь не только домашнее, но и церковное употребление, то желательно было, чтобы они согласовались с содержанием дневных церковных служб, то есть были посвящены тем же святым, которых воспоминала и прославляла в этот день святая Церковь. Для достижения этой цели естественнее всего было следовать в распределении памятей святых по дням года служебным Минеям, — и влияние их, действительно, сильно сказывается на порядке и расположении житий святых, а следовательно, и памятей их в Четиих-Минеях. Мы видим, что на первом месте стоят здесь всегда памяти и жития тех святых, которым есть служба в Минее. Святитель не отступает от этого правила даже тогда, когда для жития воспоминаемого Церковью святого у него не находится материала. В таких случаях он обыкновенно излагает о святом только те сведения, какие можно было почерпнуть из Миней. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть Четии-Минеи хотя бы за следующие числа: 15 октября, 8 января и 23 августа. Здесь порядок дня начинается с небольших житий: Евфимия Нового, Георгия Хозевита и мученика Луппа, которые составлены исключительно по служебным Минеям. После жития Евфимия Нового находится даже следующее замечание Святителя: «жития сего преп. Евфимия Нового не обретохом более нигде же, точию еже от службы в Минеи ему положенной уведети возмогохом, сие зде положихом»[46].

Далее, если в Минее полагалась служба такому святому, житие которого было дано уже ранее, Святитель Димитрий никогда не пропускал его памяти в Четиих-Минеях, а всегда ставил на своем месте,

указывая, где надо искать житие святого. Так, 2 мая Святитель, начиная день, заносит память Святителя Афанасия Великого, но не дает его жития, а замечает: «житие его зри иануария в 18 день»[47]. Или 25 мая — третье обретение главы святого Иоанна Предтечи, — Святитель, указывая празднование, отмечает, что о всех обретениях «пространно писася февруария в 24 день»[48].

Подобные же указания памятей без житий можно видеть под 25 июля и 13 августа.

Сказалось такое отношение к служебным Минеям и на пользовании месяцесловом Пролога. Если там памяти святых перечислялись в другом порядке и не соответствовали служебным Минеям, Святитель восстановлял этот порядок и сначала помещал памяти тех святых, которые имели службу.

Те же Минеи помогали Святителю Димитрию определять личность святого и открывать ошибки Пролога. Так, о преподобном Харимоне (16 августа) Святитель замечает, что он упоминается в Лавсанке, Азбучном Патерике и в Постной Триоди, в Сырную субботу на 6 песни канона, указывая этим те источники, по которым он знакомился со святым. А 14 августа, из заметки о пророке Михее, мы видим, что поводом к различению его от другого Михея и исправлению ошибки Пролога послужила и минейная служба[49]. Из сказанного видно, что в работе Святителя над месяцесловом служебные Минеи имели большое значение.

Меньшее влияние оказали здесь различные как великорусские, так и украинские месяцесловы, хотя Святитель усердно просматривал и их, делая, где нужно, ссылки на эти книги в заметках. Одни из этих заметок направлены против месяцесловов, — Святитель указывает их ошибки и объясняет, почему им не следует. Так, например, 18 июня он пишет, что в Львовском Трефологионе и в месяцеслове в сей день положена память мучеников Исавра, Василия, Иннокентия, Ермия, Феликса и Перегрина (в Киевском месяцеслове — одного Иннокентия), но «тыи вси будут июля 6-го», как в Прологе[50]. Или 13 июля: «в Киевских месяцесловах положена еще память Иосифа исповедника, епископа Фессалоникийского, а в Прологу память его иануария в 26 день, тамо и мы его воспомянухом».

В других случаях Святитель только упоминает, когда память святого почитается месяцесловами, не высказывая никаких суждений.

Но иногда указания месяцесловов получали в глазах Святителя и большее значение, так что он под влиянием их переносил памяти святых с одного числа на другое. Например, помещая память святого Ионы Саввантского 22 сентября вместо 21-го, где ее полагает Пролог, Святитель во 2-м издании Четиих-Миней 21 сентября делает заметку: «в месяцеслове память его утро» и, следовательно, предпочитает Прологу месяцеслов[51]. Но подобные последним примеры сравнительно очень редки, и поэтому можно утверждать, что различные сборники памятей святых оказывали небольшое влияние на работу над месяцесловом.

Немалое значение здесь имели и иностранные, именно — латинские источники. Святитель Димитрий очень скоро оценил их высокое научное достоинство и не боялся пользоваться ими. По некоторым из этих источников, как мы видели, он проверил почти все памяти святых в Прологе и во многих местах исправил его ошибки. Эти исправления в одних случаях касались наименования святых и времени празднования их памятей, в других относились к тем историческим сведениям, какие давались о святых в синаксарях Пролога.

Самую существенную особенность месяцеслова Четиих-Миней сравнительно с месяцесловом Пролога составляют, однако, не эти исправления и изменения, а те дополнения памятей святых, которые Святитель Димитрий внес сюда из разных источников. Сделать эти допол-

нения Святителя побудила, с одной стороны, та задача, какая была поставлена перед его трудом, с другой, — несомненное влияние на это оказали и находящиеся под руками Святителя различные месяцесловы. Исполняя желание родной — Украинской Церкви, Святитель должен был дать в Четиих-Минеях назидательные и достаточные чтения из жизни святых на каждый день года. А так как некоторые дни церковного года были бедны памятями святых, или хотя и имели их, но такие, для которых не находилось нигде материала и полных сведений, то Святителю Димитрию поневоле приходилось дополнять эти дни новыми памятями, чтобы дневное чтение не оказалось скудным. Наиболее веское подтверждение этого мы имеем в рукописях Святителя, именно — в том месяцеслове на месяцы июнь, июль и август, который являлся как бы планом, распределяющим памяти и жития по дням этих месяцев. В этом месяцеслове нас прежде всего поражает то, что Святитель Димитрий, указывая материал для составления житий, всегда обозначает, сколько будет его количеством. Например, «1-го июня, св. Иустин Философ. Surius, t. 2, f. 703 лист с лишком»; 2-го числа — св. Никифора, — «у Чете нет. Зри Surius, t. 2, f. 262 листа два с трошкой»; 3-го числа — св. Лукиана, — «Только взменка в Прологе» и т. д.[52] На первый взгляд эти добавления кажутся ненужными и лишними, но для Святителя они имели важное значение, — по ним он судил, достаточно или мало будет имеющегося у него материала для заполнения дня.

Замечательно, что и другой подобный месяцеслов, составленный в начале работы, имеет такие же отметки[53]. Просматривая эти месяцесловы, мы еще более убеждаемся в справедливости сделанного нами предположения. О чем, например, свидетельствуют встречающиеся там такие замечания: «в сем дню (13 июля) только трудности много, а писать мало что, потребно будет чим-нибудь наполнити»[54] или 28 июля: «сей день наполнити треба чим?»[55] Без сомнения, эти замечания свидетельствуют о том, что Святитель находил собранный им материал недостаточным для дневного чтения и делал для себя отметки, чтобы потом дополнить такие дни новыми жизнеописаниями. По первому месяцеслову мы можем проследить и дальнейшую работу Святителя в этом направлении. Например, 4 июня, указав, что для жития Святителя Митрофана, патриарха Цареградского, нет нигде никаких сведений, кроме Пролога, Святитель ищет материал для жития воспоминаемого в этот же день мученика Астия в мартирологе. О Прологе он пишет: «взменка о нем в сей книге (Прологе) июля 7-го», но, видя, что материала мало и жития по нему не составишь, решается внести в этот день памяти новых святых и в рукописи отмечает: «Hic Concordio et Frontasio». В Четиих-Минеях 4 июня мы, действительно, и находим житие святых мучеников Конкордия и Фронтасия, памятей которых в Прологе нет[56].

5 июня, отметив, что о святом Дорофее Тирском «несть ничого, только взменка о нем in Niciphore et Cornelio a Lapide», что также нет сведений о святом мученике Маркиане и иже с ним, а о Феодоре чудотворце лишь «трошечки in Vitis Sanctorum Patrum», Святитель помещает здесь еще память святого князя Игоря Ольговича, о котором в Прологе «лист», и, сознавая, что материала всё же недостаточно, пишет далее под тем же числом: «в Четье взменкуется преп. Ануфа чудотворец et in Vitis ss. pp. est quidam Anups (f. 469 et 476). De illo vide ibi, et hic pone illius пред Игорем, может быть с пол листа»[57]. В Четиих-Минеях и внесена под 5 июня память святого Ануфия исповедника с житием, заимствованным из Vitis ss. pp.

Иногда Святитель намечал внесение новой памяти, но потом менял свое решение. Например, не найдя ничего для жития св. Тихона Амафунтского (16 июня) и отметив, что о святом Тихоне Луховском в

Прологе лишь «трохи», Святитель Димитрий пишет: «Hic ponendus Левкий. Acta SS. янв. I, 667 и 669, гл. 4). Но жития святителя Левкия под 16 июня нет, здесь вместо него дано жизнеописание священномученика Тигрия пресвитера и мученика Евтропия чтеца, взятое из тех же Актов. А святитель Левкий помещен под 20-м числом того же месяца, где также было мало материала, и Святитель искал, чем бы его дополнить. Так, сначала он отметил: «Hic ergo ponendus est s. m. Marcellinus (?) a s. Grigorio Dialog. Act. SS. янв. I, 590», затем: «et Anastasis (л. 701 о сем св. Григорий) et Arcadius л. 721»... Но, очевидно, все эти жития не удовлетворили его, и он решил перенести сюда Левкия. Об этом свидетельствует последняя пометка за этот день: «зде Левкий»[58]. Или — 22 июня Святитель решает: «Hic ponendus s. m. Пофит», но потом зачеркивает эту надпись и после приписывает: «июля 1-го positus»[59].

В том случае, если предположения о недостатке материала не оправдывались, Святитель и совсем опускал те памяти, которые он предполагал было внести. Например, 9 июня Святитель пишет: «после Кирилла Аттика бы воспомянути, qui янв. I, 473» (очевидно, Acta SS.), но так как помещенные под этим числом жития святителя Кирилла Александрийского и преподобного Кирилла Белоозерского оказались довольно большими, то память и житие Аттика были опущены[60].

Укажем еще на дополнения, сделанные в те дни, о которых Святитель лишь делал отметку, что их «треба дополнить», но не определял — чем. Такие отметки, кроме указанных выше, встречаются июля 30, августа 17, 22, 24, 25 и 31-го. В Четиих-Минеях 13 июля внесена память и житие Святителя Иулиана, епископа Кеноманийского, 28-го память и житие святого мученика Иулиана, 30-го — священномученика Уалентина епископа и мученика Полихрония; августа 17-го — святого мученика Патрокла, 22-го — святой мученицы Евлалии девы, 24-го — святой мученицы Сиры, 25-го — святых мучеников в Едессе пострадавших и 31-го — Святителя Геннадия, патриарха Цареградского, и Святителя Киприана, епископа Карфагенского. Все эти дополнения вызывались, по словам Святителя Димитрия, «скудостью житий восточных святых отец»[61].

Вынужденный делать подобные дополнения, Святитель, конечно, мог воспользоваться и теми месяцесловами, которые были полнее Пролога памятями святых. Но, давая новые памяти, они не давали житий, и, таким образом, пользуясь ими, нельзя было восполнить недостаток дневного чтения. Святитель должен был искать других пособий. Макарьевские Великие Четии-Минеи давали в этом отношении богатейший и вполне надежный материал. Однако Святитель Димитрий обратился не к ним, а к изданию Болландистов — Acta Sanctorum и оттуда, главным образом, дополнил свои Четии-Минеи новыми житиями и памятями. Это издание, после первого же знакомства, произвело сильное впечатление на Святителя Димитрия; он внимательно читал и изучал его и, найдя здесь много житий таких святых, которые в старину почитались и прославлялись, а потом были забыты и исключены из календарей, решил воспользоваться ими для пополнения своих Четиих-Миней. Для этого он составил по Актам особый список таких житий, находящийся в той же (№ 420) рукописи Московской Типографской библиотеки. Список имеет такое заглавие: «Ex Sanctorum actis. Собрание некиих святых древних, невоспомяновенных в месяцеслови словенском, ихже житиями возможно будет наполнити дни оскуденныи от жития настоящих святых людей». Сам по себе этот список представляет разграфленную таблицу, где, после указания месяца и тома издания Болландистов, в первой графе отмечены дни месяца, под которыми следует искать нужные жития святых, во второй – страницы книг, в третьей — имена святых и в четвертой — время их жизни. Например, вот

несколько заметок из второго январского тома Актов: «die 27, folio 761, св. Иулиан, епископ Кеноманийский, во времена апостольская пожывый; 31, f. 1125, святой Афанасий, епископ Пелопонийский»...

Таким образом в списке процитированы почти все бывшие у Святителя тома Acta Sanctorum, причем во многих местах сделаны отметки о помещении памяти и жития в Четих-Минеях. Например, к имени Иулиана Кеноманийского — «положихом июля 13-го», к имени святого мученика Патрокла (ASS, янв. II, d. 21, f. 342) — «написахом 17-го августа» и т. д. Иногда встречаются здесь отметки и о достоинстве житий. Так, отмечая из второго январского тома житие Афанасия Пелопонийского, Святитель снизу приписывает: «много слов, дела мало», или, из третьего февральского тома выписав целый ряд имен, Святитель против каждого имени замечает: «нечого писать»... [62]

Внося новые памяти и жития, Святитель только в редких случаях указывал те основания, по которым делал это. Содержание жития, передающее историю жизни и славных подвигов святого, служило достаточным поводом для такого внесения. Что же касается тех мотивов, которые приводятся иногда в Четих-Минеях, то они имеют косвенный и чисто случайный характер. Святитель, например, сообщает, что житие и память нового святого вносятся для того, чтобы лучше различить двух одноименных святых. «Вестно буди, — читаем мы 9 июля, после жития преподобных Патермуфия и Коприя, — яко во отечниках и иные суть теми именами нарицающиися отцы преподобнии Патермуфий и Коприй, в тех же Египетских пустынях жительствовавшии, о их же разстоянии да всякому яве будет, судихом и тех жития зде же воспомянути» [63]. В других случаях Святитель объясняет внесение жития и памяти тем, что имя нового святого упоминается в житии предыдущем. Например, 7 июня имеется такая заметка: «понеже в начале сея о св. Маркелле истории воспомянуся пред ним бывый св. Маркеллин папа, не безместно убо есть о том зде же нечто положити, ово пользы ради, ово же ведения ради разстояния между Маркеллом и Маркеллином» [64].

Однако такие объяснения, и то далеко не всегда, встречаются лишь там, где вносятся в Четии-Минеи жития новых святых. В тех же случаях, когда прибавляется одна память, без жития, Святитель не дает обыкновенно никаких объяснений, и мы только из его заметок в рукописях и Прологе можем узнать те мотивы, которые побуждали Святителя к этим добавлениям. Собранные нами данные свидетельствуют, что, кроме Acta Sanctorum, источниками для пополнения месяцеслова Пролога служили: Макарьевские Великие Четии-Минеи, Минеи служебные, Печерский Патерик и различные святцы и месяцесловы, как славянские, так и западные. Преосвященный Сергий в своем труде о месяцеслове святых, говоря о тех заимствованиях, которые внес Святитель Димитрий в свой месяцеслов из латинских источников, добавляет, что этим он как бы заплатил дань кардиналу Баронию, внесшему в Римский мартиролог целые сотни памятей святых из месяцесловов греческих. Нам в этом поступке Святителя Димитрия хотелось бы видеть более глубокую цель и значение. Заимствуя памяти святых из западных источников и пополняя ими православный месяцеслов, Святитель прежде всего показал, как далек он был от тех узких, враждебных к римско-католической Церкви взглядов, которые господствовали в то время в Московской Руси. Сам будучи одним из лучших борцов за Православие в юго-западном крае, Святитель, как видно из его трудов над месяцесловом Четих-Миней, умел отделить ложь римской Церкви от сохраняемой ею истины. Твердо помня, что обе эти Церкви — Православная и Католическая — составляли в глубокой древности единую нераздельную Церковь, он учил русских православных людей не всё в латинстве считать ересью и заблуждением и при-

зывал их к знакомству и изучению западной науки. Такой взгляд свидетельствует о широком умственном кругозоре смиренного «списателя житий святых» и ставит его в ряды лучших, просвещеннейших людей своего времени.

Та же работа над месяцесловом показывает, что Святитель Димитрий был и патриотом, глубоко чувствующим родство и единство разных русских народностей. Как мы видели, он соединил в своем месяцеслове всех русских святых — и южных и северных. До него в Москве не знали и не почитали почти всех чудотворцев печерских, а на Украине мало известны были святые великороссийские. Во время Святителя Димитрия произошло, как мы знаем, административное и церковное объединение этих доселе разделенных и обособленных областей Русского государства. Но на первых порах объединение носило чисто внешний характер и совершалось не без недоверия с обеих сторон. Чтобы уничтожить это недоверие, нужно было слить обе разрозненные области и духовно; нужно было и украинцам и великороссам показать, что они — родные братья, члены одного, в древности неделимого русского племени. Это, нам думается, и было отчасти сделано Святителем Димитрием. Соединяя в своем великом труде святых великороссийских и южнорусских и, особенно в последнее время, с одинаковою ревностью собирая их жизнеописания, он как бы сливал небесных покровителей Московского и Киевского краев в единое духовное небо, в одну святую семью, — и тем учил великороссов и украинцев чуждаться разделения и смотреть друг на друга, как на братьев, как на людей, имеющих одних и тех же небесных покровителей. Такая работа имела громадное значение для своего времени, и тот, кому дорого единство Православной Церкви и русского народа, не может не благоговеть перед священною памятью великого Ростовского Святителя.

Какое же мнение должны мы в заключение высказать о всей работе Святителя Димитрия над месяцесловом, — была ли она шагом вперед, или составленный им месяцеслов являлся только новым видоизменением тех святцев и месяцесловов, которых немало существовало в то время? Раньше мы говорили, что у Святителя было, по-видимому, намерение составить полный, строго проверенный месяцеслов. Он собрал для этого многочисленные источники и старательно изучал их. Но, с одной стороны, противоречия между источниками, а с другой — трудность проверить их, не дали Святителю возможности осуществить свое намерение, и он ограничился только проверкой месяцеслова Пролога, положив его в основание своей работы. В этот месяцеслов он внес много ценных исправлений, которыми воспользовались последующие составители месяцесловов, и дополнил его многими новыми памятями, хотя эти дополнения вызваны были в большинстве случаев сторонними причинами, а не желанием дать полный месяцеслов святых. Насколько высоко ценилась эта работа Святителя Димитрия, видно из того, что в последующее время все составители месяцесловов, по словам архиепископа Сергия[65], «следовали уже всегда его Минеям». Нельзя сказать, чтобы эта проверка Пролога всегда была безошибочна. В своем исследовании мы старались указать, по возможности, все ошибки, которые допустил Святитель Димитрий. Но, несмотря на эти ошибки, в этой-то проверке Пролога мы и видим главную заслугу Святителя.

Прежде всего, важно весьма уже и то, как Святитель поставил эту проверку. Мы говорили, что он не ограничился здесь одними славянскими источниками, а привлек и издания западные, латинские. Это был новый и весьма важный прием работы для того времени. Далее, мы указывали, что Святитель проверил по иностранным источникам почти все памяти святых в Прологе и поставил соответствующие заметки в своем экземпляре этой книги и в рукописях. Это была кропот-

ливая и труднейшая работа, имеющая громадную научную ценность, но, к сожалению, она до последнего времени оставалась неизвестною. Святитель Димитрий в своих Четиих-Минеях ее не привел, да и не мог привести, — московские охранители Православия тогда окончательно обвинили бы его в латинстве, — и все эти заметки остались в черновых рукописях да на листах Пролога, как ненужные ни для кого, кроме самого списателя житий. Между тем, если бы составленный Святителем месяцеслов был издан со всеми ссылками на иностранные источники, русская агиография уже в XVII в. имела бы такую работу, которая появилась только в 1858 г., в труде протоиерея Д. Вершинского «Месяцеслов кафолической восточной Церкви». Архиепископ Сергий называет этот труд «достойным уважения» и говорит[66], что в основание его положены Acta Sanctorum.

Насколько же большего уважения и преклонения заслуживает труд великого труженика Святителя Димитрия, который в то время, когда научная разработка агиографического материала еще и не начиналась в России, в тиши своей рабочей кельи исполнил то же самое, и не только по деяниям святых, но и по другим латинским изданиям проверил весь славянский месяцеслов. И не его вина, что этот труд остался никому не известным и поэтому безрезультатным. Это вина наша, которые так мало ценим рукописи, оставшиеся после наших трудолюбивых предков, и неохотно беремся за изучение их.

Глава вторая

Литература в пределах юго-западной России в XVI и XVII вв. жила и развивалась под воздействием трех влияний. Наиболее сильным и преобладающим из них было влияние западное — латинское и польское. Объяснялось это тем, что русские области на Юго-Западе находились под властью Польши и последняя стремилась их ассимилировать, т. е. слить с собой в отношении культуры, религии и языка. Чтобы отстоять свою национальную независимость, русским деятелям той эпохи приходилось применять в борьбе с поляками те же приемы и средства, какие употребляли и они. А поляки в то время уже хорошо усвоили западную латинскую литературу и широко пользовались ею при борьбе с православными. Не удивительно поэтому, что и русские люди стали обращаться к этой же литературе и старались наносить удары своим врагам их же оружием.

Мы говорили, как братства отправляли тогда на Запад способных молодых людей для получения там образования и как митрополит Петр Могила преобразовал Киевскую братскую школу в коллегию по типу иезуитских высших школ, сделав главным предметом в ней язык латинский. Всё это лишь способствовало западному влиянию, и не удивительно поэтому, что по силе и значению оно было первым и наиболее глубоким.

Кроме западного, юго-западная литература знала еще влияния — южное, византийское и славянское, и северо-восточное, или московское. Отстаивая от поляков свою веру и народность, Юго-Западная Русь не могла обойтись одними собственными средствами. Враг был силен и хорошо подготовлен, поэтому русские деятели юго-западного края искали себе поддержки и обращались за помощью туда, где надеялись найти ее. Такими местами были Византия и Москва. От первой Украина зависела в церковном отношении, потому что после разделения русской митрополии на две — Московскую и Киевскую — последняя встала в непосредственную зависимость от константинопольского патриарха и у него, не подчиненного Польше, искала себе опоры и поддержки в борьбе с католичеством. С другой стороны, и византийские патриархи не оставались глухи к этому призыву едино-

верной с ними народности и принимали живое участие в ее судьбе. На этой почве между Юго-Западной Россией и Константинополем возникли и велись самые живые сношения, обусловливавшие греческое и юго-славянское влияния на юго-западную литературу.

Самым слабым было влияние московское. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что до XVII в. Московская Русь не обладала самостоятельными источниками просвещения, с другой — и сношения с Москвой в XV и XVI вв. у Юго-Западной России были не такими живыми, как с Западом и Византией. Москва для Юго-Запада имела тогда значение, главным образом, как защитница Православия, как хранительница тех книжных сокровищ, которые передала ей седая старина и которых так мало осталось на Юго-Западе после пережитых им превратностей исторической судьбы. Такие выходцы из Москвы, как князь А. М. Курбский и старец Артемий, могли только поддерживать на Юго-Западе этот взгляд на Москву, и поэтому юго-западная литература не пренебрегала, а с интересом следила и пользовалась всем, что могла дать и давала ей московская печать и письменность.

Исходя из этих общих положений, мы уже заранее, до разбора того или иного произведения юго-западной литературы XVI и XVII вв., можем сказать, что на нем должны отразиться, если не все, то непременно которое-нибудь из трех указанных нами влияний. В первой главе нашего исследования мы говорили[67], что западное — латинско-польское влияние всего раньше и сильнее сказалось на литературе полемической. В изданиях же и сочинениях основоположительного характера дольше держалось и никогда не теряло значения влияние греческое. Мы уже знаем, что, например, знаменитая Острожская Библия была проверена и отчасти переведена с источников греческих, что «фундатор» ее князь К. К. Острожский «посланьми и писаньми своими, много стран далеких вселенные проходя, якоже римские пределы, тако и Кандийские островы, паче же много монастырей грецких, сербских и болгарских, даже и до самого апостолом наместника и всея Церкве восточные строению чиноначальника, пречестного Иеремии архиепископа Константина града, нового Рима... доидох, требуя со тщанием и моленем прилежным тако людей, наказанных в писаниях святых, еллинских и словенских, якоже и зводов добре исправленных и порока всякого кроме свидетельствованных»[68]. Примеру князя Острожского следовали и другие издатели книг основоположительного характера, поэтому, выпуская их в свет, старались сравнить и исправить их по греческим оригиналам. Особенно это надо сказать о книгах Богослужебных. Издатели их в «предмовах» и послесловиях почти всегда указывают, что прежде печатания они проверили книгу по греческим текстам[69]. «Аще бо не от того диалекту... исправляти будем», пишут, например, издатели Киевского служебника 1629 г., «то не вемы откуду»... И затем добавляют: «но аще, якоже глаголют, еллинские книги, изряднее же церковнии, и в Венетии изобразуются, ничтоже се по них есть, косяждо бо книги готовыя и исправленныя от патриарх святейших зводы тамо даются, и паки приемлются; а еже верх, митрополит тамо православный жительствует, нареченный Филадельфийский, иже типографию тую в одержании имать»...

Отсюда мы видим, что греческими оригиналами для южнорусских издателей и ученых служили книги, напечатанные в Венеции. Необходимо, впрочем, добавить, что, как ни старались юго-западные защитники Православия, при издании книг основоположительного характера, избегать источников латинских и польских, достигнуть этого вполне они не могли, и западное влияние сначала в незначительном количестве, а потом всё сильнее и сильнее стало сказываться и на этих книгах. Уже в Острожской Библии, в тех чисто научных приемах, какие применял издатель при ее составлении, сказывается влияние За-

пада; несвободны от него совсем и некоторые Богослужебные книги. Научный анализ их показывает, что издатели кое-что вносили в них и из латинских источников, причем это латинское влияние особенно сильно стало сказываться со времени митрополита Петра Могилы.

Четии-Минеи Святителя Димитрия принадлежат к разряду книг основоположного характера. Из печати они вышли в после-Могилянскую эпоху, — и поэтому с полною уверенностью можно предполагать, что на них отразятся все указанные нами влияния — латинское, греческое и московское. При этом последнее должно было получить в Четиих-Минеях бо́льшую, сравнительно с ранее вышедшими изданиями, силу, так как Святитель составлял свои книги в то время, когда Украина была присоединена к России и между нею и Москвой завязались самые живые и постоянные сношения.

Приступая в настоящей главе к рассмотрению вопроса об источниках Четиих-Миней Святителя Димитрия, мы уже сейчас, на основании только что сказанного, можем утверждать, что эти источники Святитель должен был получать из Греции, с Запада и из Москвы.

Но прежде чем проверить это утверждение, необходимо разрешить один весьма важный для нас вопрос: да нужна ли такая работа, нужно ли специальное исследование об источниках житий святых в Четиих-Минеях? Составитель их, Святитель Димитрий, не скрыл своих источников, а по примеру других юго-западных писателей подробно и тщательно отметил их в своем великом труде. Он, во-первых, в начале первой и второй тримесячных книг Четиих-Миней поместил обширные списки «учителей, списателей, историков и повествователей, от них же книги эти составлены»; во-вторых, в начале и тексте большинства житий сделал указания, у какого агиографа и из каких книг заимствовано то или другое житие или отдельный эпизод его. Эти цитаты и указания нередко отличаются большою точностью в выражении. Святитель, например, пишет: «отсюду начинается списание от Метафраста»[70] или: «до зде Метафраст», «до зде Кедрин»[71]; или: «сие вне писания Метафрастова»[72] и т. п. Казалось бы, при такой постановке дела у самого Святителя нет необходимости в особом исследовании и изыскании источников Четиих-Миней. На бесплодность такой работы, по-видимому, намекает и известный биограф Святителя Димитрия профессор И. А. Шляпкин. «Сличение русских житий нами оставлено в стороне, - говорит он в своем исследовании, — да и вряд ли оно даст какие-либо важные результаты, так как источники, какими пользовался Святитель, нам вполне известны из описи его библиотеки»[73]. Такое замечание нам кажется, однако, слишком поспешным и не вполне справедливым, и вот по каким основаниям.

Во-первых, хотя Святитель и указывает источники составленных им житий святых, но делает это не для всех житий и не всегда определенно. В четырех тримесячных книгах Четиих-Миней можно указать несколько сотен таких житий, при которых нет никаких указаний на источники. Наша задача здесь будет состоять в том, чтобы дополнить опущенное Святителем Димитрием — найти источники этих житий. В некоторых и также довольно многочисленных случаях Святитель, указывая источники, выражается так: «от греческих рукописцев»[74], «от различных писателей»[75], «от древних мартирологов»[76], «от иных историков достоверных»[77], «от Четиих-Миней»[78]... Все эти указания в высшей степени неопределенные, и в таких случаях нам придется выяснить эту неопределенность и дать точные сведения о том, что́ разумел Святитель Димитрий под «греческими рукописцами», какими пользовался он «древними мартирологами», каких церковных писателей и агиографов обозначил под именем «прочих различных, иных и достоверных». При некоторых житиях Святителем указано несколько источников, и детального распределения приведенного материала между

ними нет. Здесь необходимо решить, по всем ли указанным агиографам составлены данные жития, или же Святитель воспользовался которым-либо одним из них, а остальных привел только как свидетелей, как лиц, подтверждающих сообщаемые в житии сведения? Но даже и там, где ссылки Святителя вполне ясны и определенны и где нет обилия источников, работа по изучению их не кажется нам ненужной и бесплодной. Святитель, например, указывает, что взял житие «от Метафраста»... Интересно определить, в подлиннике или в переводе пользовался он жизнеописаниями святых этого знаменитого греческого агиографа? Мы знаем, что во время Святителя Димитрия многие жития Симеона Метафраста были переведены на славянский язык. Оказали ли эти переводы какое-либо влияние на труд Святителя, или он совершенно не пользовался ими? Всё это вопросы, по нашему мнению, непраздные и для истории литературы небезынтересные. А без детального разбора житий и рассмотрения их источников на такие вопросы ответа дать нельзя.

Во-вторых, та опись оставшихся после Святителя Димитрия книг, на которую указывает И. Л. Шляпкин и которая, по его мнению, разрешает вопрос об источниках Четиих-Миней, на первый взгляд только запутывает дело. Если взять эту опись и сравнить с теми ссылками, которые приводит Святитель в Четиих-Минеях, то результат получится далеко не утешительный. В Четиих-Минеях мы найдем очень мало книг, которые значатся в описи, и наоборот. Ввиду этого, если взять за руководство опись, придется подвергнуть сомнению показания Святителя Димитрия и в каждом отдельном случае решать, действительно ли он пользовался теми агиографическими сочинениями, которые указал в своих книгах, и если не ими, то какими же, и что побудило его скрыть настоящие источники и показать вместо них другие?

Всё только что сказанное убеждает нас в необходимости предпринятой нами работы. Вернемся поэтому к высказанному нами предположению и постараемся подробно рассмотреть вопрос об источниках Четиих-Миней.

Мы сказали, что эти источники Святитель должен был получать из Греции, с Запада и из Москвы. Посмотрим прежде всего, что́ говорит нам об этом сам Святитель Димитрий. В двух списках «учителей, списателей, историков и повествователей», находящихся при сентябрьской и декабрьской книгах Четиих-Миней, а также в тех ссылках, какие находятся в начале каждого жития, на полях и в тексте, он указывает множество агиографов и их сочинений, которых можно разбить также на три группы — греческую, латинскую и славянскую. Самая обширная из них — греческая. Святитель называет более 60 представителей греческой богословской литературы, в разное время трудившихся на поприще агиографии. Между ними мы встречаем и таких знаменитых агиографов, как Кирилл Скифопольский, Симеон Метафраст, и других — менее известных и даровитых. Кроме агиографов, в тех же ссылках указываются почти все, в разное время появившиеся греческие патерики и неоднократно упоминаются византийские церковные историки, начиная с Евсевия Кесарийского и кончая Никифором Каллистом. Как же должны мы отнестись к этим сообщаемым в Четиих-Минеях сведениям? Следует ли думать, что греческая агиографическая литература в подлиннике была использована Святителем Димитрием или, может быть, он брал ее в переводах, и тогда — в каких: латинских или славянских?

Чтобы ответить на этот вопрос, возьмем одного из указываемых Святителем греческих писателей, именно Симеона Метафраста, и разрешим поставленные вопросы сначала в отношении к нему. Симеона Метафраста мы выбираем потому, что на его труды чаще всего ссыла-

ется Святитель Димитрий и о нем мы располагаем бо́льшими по количеству сведениями. Итак, в подлиннике или в переводе пользовался Святитель агиографическими трудами знаменитого Симеона Логофета?

История появления Четиих-Миней на Юго-Западе и сами они, в предваряющих жития святых статьях и обращениях к читателю, дают на это ясный и определенный ответ. Из истории возникновения Четиих-Миней мы знаем, что еще митрополит Петр Могила «испросил» у Святой Горы Афонской «рукописные греческим диалектом» книги Симеона Метафраста и «усердствоваше» перевести и издать их. Правда, мы сделали предположение об утрате ко времени Святителя Димитрия полученных Петром Могилою греческих рукописей, но Варлаам Ясинский в «предисловии к читателю благочестивому», напечатанном при первой четверти Четиих-Миней, упомянув о том же факте получения Петром Могилою греческих рукописей, — далее замечает, что составитель житий святых почерпнул сообщаемые в них сведения «от самих источников», между которыми «первейший и в неложной истории изобильнейший» был Симеон Метафраст. Этим он как бы утверждает факт пользования Святителем Димитрием греческими рукописями с творениями Симеона Метафраста. Ссылки на источники житий, находящиеся в Четиих-Минеях, дают на интересующий нас вопрос определенный ответ. С одной стороны, они как будто подтверждают сообщение Варлаама Ясинского, — мы встречаем в них нередко упоминание о «рукописцах» или рукописях «греческих», которые называются часто «древними», а в одном месте и прямо «Метафрастовыми»[79]. С другой стороны, прямые ссылки на Метафраста не благоприятствуют этому: чаще всего Святитель пишет, что он заимствовал житие «от Метафраста», не прибавляя — «из рукописей», а один раз, именно 7 января, источником сказания о крестившей Господа руке святого Иоанна Предтечи он называет «книги» Метафраста — «от Метафраста книг изъятое». Остановимся на всех этих показаниях Четиих-Миней.

Прежде всего, никак нельзя под «греческими рукописцами» разуметь рукописи с творениями Метафраста. Потому, во-первых, что есть жития, где указаны оба эти источника. Например, 24 января, пред житием преп. Евсевии-Ксении Святитель пишет: «из древних рукописцев греческих и из Метафраста исследованное»[80]. Если бы «рукописцы греческие» означали творения Метафраста, тогда подобная формулировка ссылки была бы невозможна. Во-вторых, бо́льшая часть ссылок на «рукописцев греческих» находится при таких житиях, которые никогда и никем не приписывались Симеону Метафрасту. Мы, например, встречаем их: 7 февраля пред житием святого Луки Елладского, 20-го пред житием святого Льва Катанского, 6 марта пред житием святых Кононов отца и сына, 7-го при описании страданий святых мучеников Ефрема, Василия, Евгения и иже с ними и т. д. Особенно много таких ссылок в мае, — здесь они указаны при девяти житиях и притом таких святых, памяти которых, как мы определили в главе о месяцеслове, заимствованы Святителем из западных источников, именно из Acta Sanctorum. О Метафрасте известно, что свой минологий он составил, главным образом, на первые месяцы года — сентябрь — февраль, — и никто из собирателей его творений не приписывал ему тех житий святых, которые мы перечисляли и при которых в Четиих-Минеях стоят ссылки: «от рукописцев греческих». Под этой ссылкой, как увидим впоследствии, Святитель скрыл знаменитое издание Болландистов, обозначив его так потому, что указанные жития действительно были заимствованы Болландистами из разных найденных ими греческих рукописей. Что касается ссылки 5 апреля, пред житием святых мучеников Агафопода диакона и Феодула чтеца, — «от рукописцев... Метафрастовых», то формулировка ее объясняется тем, что в «Acta Sanctorum» (apr. t. I, f. 321) помещено житие этих святых в редакции Симеона Метафраста.

Знакомясь с прямыми ссылками на Метафраста, мы убеждаемся, что тот сборник, из которого черпал Святитель Димитрий жития этого греческого агиографа, был довольно разнообразен по содержанию. Кроме житий Метафрастовых, в нем были жития, составленные и другими агиографами, а также слова и поучения на разные праздники. Это видно из следующих ссылок: 7 февраля житие святого Парфения Лампсакийского, «списанное Криспином, учеником его, и у Метафраста положенное»; 17 февраля — житие великомученика Феодора Тирона, «писание от очевистного писателя, смотревшего на страдание святого, у Метафраста обретается»; 25 февраля — житие Святителя Тарасия, патриарха Цареградского, «списанное учеником его Игнатием, епископом Никейским, и у Метафраста обретающееся»; 25 марта — слово на праздник Благовещения Божией Матери Святителя Иоанна Златоуста, «обретается у Метафраста»; 21 ноября — слово на праздник Введения во храм Божией Матери Георгия, епископа Никомидийского, «обретается у Метафраста»[81] и т. д.

Собственно. Метафрастовых житий в сборнике было более 150, Святитель Димитрий делает ссылки на них в своих Четиих-Минеях 163 раза. Отсюда мы видим, что сборник этот был очень значителен по размерам: Симеону Метафрасту в нем приписывалось гораздо большее число житий, чем, например, в Патрологии Миня. Что же это был за сборник?

На этот вопрос помогают нам ответить рукописи Святителя Димитрия. Мы уже говорили, что в Типографском сборнике (№ 420) есть два месяцеслова,— один на весь год, другой — на три летние месяца — июнь, июль и август, с отметками источников, из которых Святитель намерен был заимствовать материал для житий святых. При решении вопроса о Метафрасте особенно важен первый месяцеслов. Он написан на шести листах (18—23) и содержит на каждый месяц — числа дней, памяти святых и ссылки на томы и листы в источниках, нередко с указанием количества заключающегося там материала.

Подобным образом процитированы и все следующие месяцы. Характер ссылок дает основание предполагать, что все они сделаны по какому-то одному агиологическому сборнику, состоявшему из семи томов. А так как в самом начале месяцеслова стоит крупными буквами сделанная надпись «SURIUS», то можно с полною уверенностью утверждать, что все эти отметки сделаны по сочинению латинского аббата Лаврентия Сурия: «Vitae Sanctorum orientis et occidentis», вышедшему в первый раз в 1569—75 годах и имевшему несколько изданий. Святитель, как видно по бывшему у него в руках экземпляру Сурия и сохранявшемуся в Московской Типографской библиотеке (№ 3261), пользовался вторым изданием этого сборника, напечатанным в 1573—86 гг.[82] Судя по имеющимся на корешках томов надписям, книги сначала находились в Виленском Свято-Духовском монастыре, затем чрез Кирилла Филимоновича переданы были в монастырь Печерский и отсюда поступили к Святителю Димитрию. Седьмой том имеет надпись: «ex libris Варлаама Ясинского» и, по-видимому, принадлежал знаменитому Киевскому митрополиту.

Аббат Лаврентий Сурий составил свой сборник из разных источников. Главным из них были Vitae Sanctorum Моисея Липомана, содержащие переведенные на латинский язык жития святых в редакции Симеона Метафраста. Святитель Димитрий придал этому обстоятельству особое значение: в том экземпляре Сурия, который был у него в руках, слова Сурия — «totum fere Metaphrastem in meos tomos transtuli» он подчеркнул красными чернилами[83]. Знакомясь с книгами Сурия, мы, действительно, находим в них очень много Метафрастовых житий. К ним-то преимущественно и относятся ссылки Святителя Димитрия в

Типографской рукописи. Теперь, если мы, пользуясь этими ссылками, станем сравнивать книги Сурия с Четиими-Минеями, то у нас получится знаменательное совпадение. Мы увидим, что те жития святых, которые отмечаются в Четиих-Минеях, как заимствованные «от Метафраста», то же самое указание имеют и в сборнике Сурия. Например, 2 сентября в Четиих-Минеях житие святого мученика Маманта — «от Метафраста», у Сурия (т. IV, с. 754) «martyrium того же святого auctore S. Metaphraste»; 6 сентября житие святых мучеников Ромила и Евдоксия — «от Метафраста», у Сурия (т. V, с. 111) — «martyrium auctore Metaphraste» и т. д. По руководству рукописи подобную параллель можно провести почти чрез все Четии-Минеи, и уже один этот факт невольно наводит на мысль, да не пользовался ли Святитель Димитрий Метафрастом в латинском переводе Липомана из сборника Сурия?

Продолжая сравнение, мы еще более укрепляемся в этой мысли. Книги Сурия не только подтверждают все ясные и определенные ссылки на Метафраста, но и объясняют невольно вызываемые некоторыми из них недоумения. Например, о слове Святителя Иоанна Златоуста на Благовещение Святитель говорит, что оно «обретается у Метафраста». У Сурия находится латинский перевод того же слова с заметкой в начале «est in Metaphraste»[84]. 25 февраля о житии Святителя Тарасия, патриарха Цареградского, Святитель говорит, что оно списано учеником его Игнатием и обретается у Метафраста. У Сурия о житии Святителя Тарасия также сказано, что оно — труд ученика Святителя Тарасия монаха Игнатия и имеется у Метафраста.

Разрешаются Сурием и другие, более серьезные недоумения, на которые могут навести ссылки Святителя Димитрия в Четиих-Минеях. Например, в первом их издании, 4 сентября, о житии священномученика Вавилы, епископа Никомидийского, Святитель пишет, что оно взято «от Метафраста, в житии святого Артемия, 20-го октября»[85]. Почему так выразился Святитель? Агиологи, занимавшиеся вопросом о творениях Симеона Метафраста, свидетельствуют, что им составлено было особое, самостоятельное житие священномученика Вавилы[86], но, очевидно, в том сборнике, каким пользовался Святитель Димитрий, его не было. Обращаясь к Сурию, мы действительно не находим у него особого, составленного Метафрастом жития священномученика Вавилы, здесь находится только похвальное ему слово, а Артемиево житие в Метафрастовой редакции у Сурия есть и в нем имеются довольно полные сведения о святом Вавиле[87].

Знакомясь с житием святой первомученицы Феклы (24 сентября), мы убеждаемся, что в основании его лежит Метафрастова редакция жития этой святой, но Святитель почему-то не сделал ссылки на Метафраста и указал другие источники, которыми находящийся в житии материал не исчерпывается. Откуда же взял Святитель Метафрастово житие святой Феклы? Очевидно, не из того сборника, который давал ему Метафрастовы жития святых и где были определенные указания на этого автора. Действительно, Святитель воспользовался житием святой первомученицы из Великих Четиих-Миней митрополита Макария, где оно не имеет имени автора, а у Сурия нет полного жития святой Феклы, а приведено только краткое сказание о ней из мартиролога Адона да отрывок из книги о девстве Святителя Амвросия Медиоланского[88]. 11 апреля, помещая в Четиих-Минеях житие священномученика Антипы, Святитель пишет, что заимствует его «от Метафраста, греческих рукописцев и Великия Четии-Минеи». Под «греческими рукописцами», как мы говорили, надо разуметь изданные Болландистами Acta Sanctorum,— здесь помещены акты святого Антипы, написанные, как видно из шестого параграфа их, кем-то из пергамских христиан, очевидцев мучений и смерти святого священномученика. Болландисты поэтому автора актов не указывают, а Святитель Димитрий, который

пользовался теми же актами, но из сборника Сурия, приписывает их Метафрасту, потому что и Сурий усвояет их этому автору[89]. Подобное повторяется и 28 апреля, с житием святых мучеников Максима, Дады и Квинтилиана. Болландисты об их актах прямо говорят, что они не Метафрастовы и что Липоман и Сурий ошибочно приписали их этому автору. Святитель Димитрий, пользовавшийся теми же актами, называет своим источником Метафраста и, следовательно, повторяет ошибку Липомана и Сурия. Почему? Потому, конечно, что он заимствовал акты у Сурия, где они усвояются Метафрасту[90]. Вообще, если мы признáем издание Сурия тем сборником, из которого Святитель Димитрий брал Метафрастовы жития святых, тогда для нас разрешатся многие недоумения, на которые наводят ссылки в наших Четиих-Минеях, и вопрос о том, почему то или иное житие отмечается заимствованным из Метафраста,— получит удовлетворительное разрешение.

Впрочем, необходимо заметить, что между показаниями рукописи, Сурием и Четиими-Минеями не всегда наблюдается полное и безусловное тождество. Сурий в своих ссылках на Метафраста допускает неодинаковые выражения: об одних житиях он пишет, что они принадлежат Метафрасту, как автору; о других, что они взяты из Метафраста (ex Metaphraste); о третьих, что они имеются у Метафраста (habetur in Metaphraste). Так как два последние вида ссылок обычно находятся у житий, которые Метафрасту не принадлежат, то можно думать, что такое видоизменение имело у Сурия смысл, и если ссылки первого рода говорили о Метафрасте, как составителе жития, то вторые и третьи только указывали на присутствие отмеченных ими житий в Минологии Метафраста. Святитель Димитрий дал особую фразировку только ссылкам третьего рода: слова и жития не Метафраста, а других указанных у Сурия авторов он также отмечал как «обретающиеся у Метафраста»; о большинстве же других подобного рода житий он просто писал, что они взяты «от Метафраста». Кроме того, в иных случаях Святитель и совсем опускал в Четиих-Минеях имя Метафраста, хотя у Сурия оно и было. Правда, в большинстве случаев Святитель поступал так потому, что, составляя житие, пользовался не Сурием, а другими источниками, но в Четиих-Минеях встречаются и такие жития, сравнительный анализ которых устанавливает несомненное заимствование их у Сурия, между тем, в то время как последний усваивает их Метафрасту, Святитель Димитрий такого указания в своих Четиих-Минеях не делает. Полагаем, однако, что факты подобного рода не колеблют высказанного нами предположения о том, что источником Метафрастовых житий был для Святителя сборник Сурия. Они указывают только на то, что Святитель Димитрий не всегда буквально повторял Сурия и, вообще, не имел в своей цитации какого-либо одного, раз принятого порядка.

В большее затруднение ставят нас следующие четыре случая: 1 сентября Святитель, указывая источники для жития преподобного Симеона Столпника, упоминает и Симеона Метафраста, между тем у Сурия жития этого святого в редакции Метафраста нет. То же самое приходится сказать и о житиях святых апостолов Евода и Онисифора — 7 сентября, Ксенофонта и Марии — 26 января и святого мученика Харалампия — 10 февраля. Если Святитель брал Метафрастовы жития у Сурия, то как объяснить его ссылки на Метафраста при этих житиях, у Сурия подобных ссылок не имеющих?

Относительно жития святых Ксенофонта и Марии мы можем с определенностью сказать, что в этом случае Святитель указал Метафраста не по Сурию, а по Acta Sanctorum,— там находится житие этих святых в редакции Метафраста[91], которое и послужило источником для Святителя. О житиях преподобного Симеона Столпника и апостолов Евода и Онисифора надо заметить, что ссылки на Метафраста при них указаны только во втором издании Четиих-Миней и анализ первого жития

показывает, что, при составлении его, Метафрастовой редакции у Святителя не было: те события, которые подробно передаются Метафрастом, на полях означаются заимствованными из других источников, а тех новых фактов, которые сообщает Метафраст, в житии Святителя совсем нет[92]. Мы поэтому полагаем, что Метафраст указан здесь только как свидетель, а не как источник; о том, что и он описал жизнь Симеона Столпника, Святитель мог узнать или из истории Никифора Каллиста[93], или из книги Петра Скарги — Żywoty Swętych[94], где Метафраст упоминается как описатель жизни и подвигов этого святого. Что касается жития святых апостолов Евода и Онисифора, то, по нашему мнению, ссылка на Метафраста здесь — простая ошибка типографии: никто никогда не усвоял Метафрасту жития этих святых, и те сведения, какие сообщает о них Святитель Димитрий, вполне исчерпываются историей Никифора Каллиста и Римским мартирологом[95]. Нет возможности дать такое же определенное суждение о житии священномученика Харалампия. Как показывает сравнительный анализ, оно заимствовано из Acta Sanctorum и представляет весьма близкую, почти буквальную передачу этого источника. Но Болландисты усвояют житие «неизвестному автору»[96]; почему Святитель приписал его Метафрасту, — не можем объяснить; может быть, и здесь типографией допущена ошибка.

Приведенных фактов, полагаем, вполне достаточно для подтверждения высказанного нами ранее предположения, и поэтому теперь мы с уверенностью можем сказать, что творениями святого Метафраста Святитель Димитрий пользовался не в подлиннике, а в латинском переводе из сборника Сурия.

В Четиих-Минеях, как мы сказали, ссылки на Метафраста встречаются 163 раза. Это, однако, не значит, что во всех этих случаях Метафраст был действительным источником житий. У Святителя было обыкновение — пользуясь при составлении жития одним источником, в ссылках, кроме него, указывать и другие сочинения, где находились те же или подобные сведения о святом. Делал так Святитель Димитрий для того, чтобы несколькими авторитетами сильнее подтвердить правдивость своего повествования. Поставив девизом своей работы: «не будет ми еже лгати на святого» — и помня Евангельское изречение, что «при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол» (Мф. 18, 16), Святитель, вообще, не ленился находить и подтверждать свои жизнеописания теми источниками, какие были у него под руками, хотя бы ничего из них и не заимствовал. То же наблюдается и с Метафрастом. Некоторые ссылки указывают на него не как на действительный источник, а как на свидетеля, передающего в своих метафразах те же самые сведения о святом. Вообще, говоря о житиях, составленных Святителем Димитрием по Метафрасту, мы находим необходимым разделить их на три группы. К первой относятся жизнеописания, для которых Метафраст послужил главным, а иногда и единственным источником; ко второй — жития, где Метафраст был только одним из нескольких источников, где он дал только часть материала, и, наконец, к третьей — такие жития, при которых Метафраст указан только как свидетель и где его труд не оказал никакого влияния на работу Святителя Димитрия.

Итак, Святитель Димитрий пользовался Метафрастом не в подлиннике, а в латинском переводе из сборника Сурия. Но если мы доказали это по отношению к Метафрасту, то нельзя ли подобное предполагать и о других, указываемых Святителем греческих агиографах? Не заимствованы ли и они из какого-либо латинского сборника, подобного Суриеву, или, может быть, из того же Сурия? Рукописи Святителя дают основание для такого предположения. Просматривая по цитатам в месяцеслове книги Сурия, мы видим, что Святителя интересовали и отмечались здесь не только Метафрастовы жития. Нпраимер, первая же

ссылка, о Симеоне Столпнике, отмечает находящиеся у Сурия (I, 120) 26-ю главу из книги Боголюбивых Феодорита и 13 и 14 главы из первой книги историка Евагрия; ссылка 5 сентября отмечает жизнь святого пророка Захарии, написанную Епифанием Кипрским (Сурий, т. VII, 224) и так далее. Среди этого нового, выбранного у Сурия материала первую и самую значительную группу составляют жития святых, написанные различными агиографами и помещенные Сурием вместе с Метафрастовыми житиями в свой сборник. Во вторую, также довольно большую группу входят отрывки агиографического характера из сочинений различных греческих церковных писателей и историков. К третьей принадлежат слова святых отцов на великие христианские праздники и дни особенно чтимых святых. Последние две группы мы рассмотрим ниже, когда будем говорить о дидактическом элементе в наших Четиих-Минеях и о влиянии на работу Святителя сочинений исторических. Там, в соответствующих местах, мы процитируем и Сурия, который в одних случаях облегчал труд Святителя по приисканию нужного материала в первоисточниках, а в других, может быть, и заменял их. Здесь, в примечании мы даем список только тех житий, которые вместе с Метафрастовыми отмечены были Святителем в книгах Сурия и послужили источником житий в наших Четиих-Минеях [96].

Пользуясь сборником Сурия, Святитель Димитрий делал в своих Четиих-Минеях самые разнообразные отметки о заимствованных оттуда житиях. Одни он означал именами их авторов, если они указаны были Сурием, причем агиографов латинских, Православной Церкви неизвестных, Святитель обыкновенно не называл; другие относил к первоисточникам — древним мартирологам и рукописям, а если перевод или близкая редакция жития имелись в Макарьевских Минеях, тогда, как на источник своего труда, ссылается на эти Минеи; о третьих говорил сокровенно, как взятых у «достоверных», у «прочих» писателей, или, наконец, совсем не указывал для жития никаких источников. Жизнеописаний, составленных греческими агиографами, Сурий всё же дал не особенно много,— список последних, приведенный в наших Четиих-Минеях, его сборником далеко не исчерпывается, и поэтому вопрос о том, пользовался ли Святитель подлинными греческими источниками, при помощи одного только Сурия разрешить нельзя.

Но, кроме Сурия, у Святителя Димитрия были и другие латинские сборники житий святых. Из истории написания Четиих-Миней нам известно, что с весны 1693 г. Святитель получил возможность пользоваться знаменитым изданием Болландистов — Acta Sanctorum. Оно выслано было ему из Данцига в количестве 18-ти томов, с января по май включительно. В Четиих-Минеях мы напрасно стали бы искать ссылок на это издание; как и другие латинские источники, Acta Sanctorum там замолчены или скрыты под другими названиями. Определить, для каких житий в Четиих-Минеях издание Болландистов послужило источником, возможно только путем анализа житий и сравнения их с Актами. Громадную помощь при этом оказывают рукописи Святителя и принадлежавший ему Пролог. В последнем ссылки на Акты встречаются чуть не на каждом листе, причем очень многие из них относятся к памятям тех святых, которым в Четиих-Минеях посвящены особые жития. Немало ссылок на Acta Sanctorum находится и во втором месяцеслове святых, на месяцы июнь, июль и август, находившемся в сборнике Московской Типографской библиотеки.

В Прологе ссылки на Acta Sanctorum встречаются уже в первой его части, но это, как мы говорили, работа позднейшая, произведенная Святителем во время приготовления своего труда ко второму изданию. Влияние Актов на первое издание Четиих-Миней могло сказаться только со второй их части, с месяцев декабря, января и февраля. В декабре ссылки на Акты встречаем 15-го числа — память святого мученика

Елевферия (апрель, т. II, л. 528) и 21-го — память святой мученицы Иулиании (февраль, т. II, л. 868). Но житие Елевферия написано по Метафрасту и Великим Четиим-Минеям, и влияния Актов, где находится иная сравнительно с этими источниками редакция жития, на труде Святителя Димитрия незаметно; в житии святой мученицы Иулиании по Актам назван только отец мученицы — Африкан, имени которого ни у Метафраста, ни в Макарьевских Четиих-Минеях нет, в остальном содержание жития всецело исчерпывается Метафрастом, служебной Минеей и Трефологом.

В январе ссылок на Acta Sanctorum больше; но особенно много их в марте и апреле, в последнем они встречаются в Прологе почти каждый день. Правда, не все эти ссылки указывают на непременное заимствование житий из Актов,— с другой стороны, нам придется указать немало и таких заимствований, для которых нет соответствующих отметок в Прологе,— но всё же эти отметки значительно облегчают нашу работу. Какие же жития заимствованы Святителем из Acta Sanctorum и под какими наименованиями отмечены последние в Четиих-Минеях?

Об одном из таких наименований мы уже говорили,— это «от греческих рукописцев». Оно встречается в Четиих-Минеях 26 раз, и некоторые из заметок в Прологе и месяцеслове ясно показывают, что под этим названием Святитель действительно разумел издание Болландистов. Например, 31 января, пред житием святых бессребреников Кира и Иоанна — Святитель пишет: «от древних греческих рукописцев», — в Прологе имеется ссылка — «Acta SS. январь, т. 2, л. 1084»,— и анализ жития подтверждает, что оно заимствовано из этого источника [97]. Подобные же примеры встречаются: 22 марта, жития священномученика Василия, пресвитера Анкирского,— в Четиих-Минеях — «от рукописцев греческих сокращенно», в Прологе: «Acta SS. март, т. III, л. 378, fuse et pulchre; 4 апреля, житие святой мученицы Фервуфы,— «от рукописцев греческих и от великия Минеи-Четьи»,— Acta SS. апрель, т. III, л. 19, 21», из Макарьевских Миней (апрель, об. 50 л. и д.) [98] взято начало жития и некоторые подробности, остальное заимствовано из Актов; 7 апреля, житие святой мученицы Каллиопии,— «от греческих рукописцев и от великие Минеи-Четьи»,- «Acta SS. апрель, т. I, л. 659, Четья, л. 197»,— в Макарьевских Минеях (апрель, л. 105) перевод тех же Актов, которые и у Болландистов, Святитель руководствовался латинским текстом, о чем свидетельствуют имена и названия, более правильные у него, нежели в Минеях.

Наконец, мысль о тождестве «рукописцев греческих» с Acta Sanctorum подтверждает и сравнительный анализ житий. Все жития, имеющие в Четиих-Минеях эту пометку, вполне согласны с соответствующими житиями в Acta Sanctorum не только в фактах, но иногда и в изложении. Некоторое сомнение возбуждает только страдание святых семи Херсонских епископов (7 марта), так как составленное Святителем повествование имеет существенные различия с латинским текстом. Во-первых, у Святителя вся история излагается подробнее, нежели в Актах. Во-вторых, в Актах преемники епископа Василия скончались «sexto die marti», у Святителя: «в седьмой день»; кончина епископа Еферия в Актах описывается так: «oppressus ab implis, inqua flumen Danaprin projectus, ita martyrii cursum peregit sexto marti», у Святителя святой Еферий «впаде в недуг и по случаю в остров Аас приплыв, временному житию своему конец, вечныя же жизни прият начало». Напротив, последний из епископов Капитон в Актах «beate ferminavit vitam 22 декабря», а у Святителя — «прибитый в устье Днепра, потоплен неверными 21 декабря» [99]. Очевидно, здесь на содержание оказал влияние другой источник, не указанный Святителем. Предполагаем, что это Макарьевские Четьи-Минеи, где под 7 марта имеется житие святых епископов-мучеников.

Ссылкою «от греческих рукописцев» отмечается лишь одна, сравнительно небольшая часть житий, заимствованных Святителем Димитрием из Acta Sanctorum. Остальные взятые оттуда же жития или имеют ссылки на имена тех греческих агиографов, которыми впервые они были составлены, или не имеют никаких указаний на источники. Определить те и другие помогают нам, с одной стороны, цитаты и ссылки в Прологе и рукописях, с другой — сравнительный анализ житий.

В трех рассмотренных нами группах указаны все жития, для которых главнейшим, а в некоторых случаях и единственным источником были Acta Sanctorum. Нельзя, однако, думать, что влияние их на наши Четии-Минеи только этими заимствованиями и ограничивалось. Влияние Актов сказалось в частностях, в незначительных прибавлениях или в поправках других источников.

И в книгах Сурия, и в Acta Sanctorum нет еще многих указываемых Святителем в Четиих-Минеях агиографов и многих произведений греческой агиографической литературы. Сюда относятся, например, все в разное время появившиеся греческие патерики и почти все их авторы. В своих ссылках при житиях Святитель Димитрий довольно часто упоминает Палладия Еленопольского и его книгу «Лавсаик», Иоанна Москха и его «Лимонарь, или Луг духовный», «Историю Боголюбивых» блаженного Феодорита, епископа Кирского, Руфина, Иеронима и просто патерики — «Скитский», «Синайский», «Азбучный», или «Алфавитный». Откуда их брал Святитель?

Acta Sanctorum и Surius давали иногда отрывки из этих книг, но отрывки случайные и далеко не исчерпывающие того, что указывает Святитель в Четиих-Минеях.

В первой главе исследования мы говорили, что в 1628 г. в Киеве был издан С. Соболем в славянском переводе «Лимонарь, сиречь Цветник», но изданий других греческих патериков ни в Москве, ни на юго-западе России не было. Макарьевские Четии-Минеи давали полное собрание этих патериков, но они не всегда находились в руках Святителя Димитрия, и пользоваться патериками из этих Миней во всякое время он не мог. Можно далее предположить, что у Святителя были рукописи со славянскими переводами патериков; в описи оставшихся после него книг мы встречаем «Патерик Скитский» и «Патерик Алфавитный»[100], но других, упоминаемых Святителем, патериков там нет,— очевидно, он имел их в каком-то особом издании, которое прямо не называет.

Пролог и рукописи Святителя снова помогают нам определить это издание; в них иногда встречаются ссылки на книгу «Vitae Sanctorum Patrum»[101]; часть этих ссылок мы уже приводили, разбирая месяцеслов Четиих-Миней. Теперь обратим внимание на те из них, которые относятся не к памятям, а к житиям святых. Но прежде всего скажем несколько слов о составе и содержании названной книги. Под именем Vitae ss. patrum в библиографии известно собрание сочинений агиографического характера, составленное Гербером Росвейдом и изданное впервые, как свидетельствует архиепископ Сергий[102], в 1615 г. Сборник Росвейда состоит из 10 книг; в первой, auctore Jeronimo et aliis variis, собраны жития: Павла Препростого и Иларнона Великого, написанные блаженным Иеронимом, затем — Фабиолы, Павла, что в Риме, Антония Великого — Афанасиево, Онуфрия Великого — Пафнутиево, Авраамия и Марии — Ефремово, Василия Великого — Амфилохиево, Симеона Столпника — Антониево, Иоанна Милостивого — Леонтиево, Варлаама и Иоасафа — Дамаскиново, святой мученицы Пелагии — Иакова, диакона Ефесского, Марии Египетской — Софрониево и 12 житий, принадлежащих неизвестным авторам[103]. Вторую книгу составляет «жизнь пустынных отцев», или история монахов, приписываемая обыкновенно Руфину Аквилейскому[104]. Третья книга, озаглавливаемая «Verba seniorum», со-

держит различные отрывочные сведения об отшельниках и приписывается тому же Руфину, но, по словам профессора В. Г. Васильевского [105], ему не принадлежит. Профессор Васильевский полагает, что эта книга есть извлечение из так называемого «Великого Лимонаря», где были собраны различные рассказы о святых отцах, современных Антонию Великому и живших после него [106]. В четвертой книге, составленной из сочинений Сульпиция Севера и Иоанна Кассиана, содержатся отрывочные сказания о святых отцах и о монастырских уставах. В книгах 5, 6 и 7-й, имеющих одинаковое заглавие — «Verba seniorum» и принадлежащих неизвестному автору-греку, собраны изречения святых отцов, разделенные: на 18 частей — в пятой книге, на 4 — в шестой и на 43 главы — в седьмой. Восьмая книга содержит Лавсаик Палладия Еленопольского, где с буквальною точностью повторены почти все рассказы Руфина [107]. В девятой книге приведена «История Боголюбивых», составленная Феодоритом [108], а в десятой — «Лимонарь, или Луг духовный» блаженного Иоанна Мосха [109]. Заканчивается сборник особым приложением — appendix, где помещен «Paradisus Geraclidi» — Гераклидов Рай, содержащий краткие сказания о святых отцах, и Палладиев Лавсаик в новой редакции [110]. Все эти сочинения приведены в сборнике Росвейда в латинском переводе. Таким образом, и здесь мы будем иметь дело с латинским источником, который в Четиих-Минеях цитируется не прямо, а по вошедшим в его состав первоисточникам.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить хотя бы некоторые из ссылок, находящихся в Четиих-Минеях, с указаниями источников житий в Прологе и во втором месяцеслове Типографской рукописи. Например, 13 января о житии преподобного Иакова Низибийского Святитель в Четиих-Минеях пишет, что оно заимствовано из «Истории Боголюбивых» Феодорита, а в Прологе против памяти этого же святого на поле ссылка: «in Vitis Sanctorum Patrum vide» [111]; 26 марта житие преподобного Малха — «из Иеронима сокращенне», а в Прологе — «hinc integra vita in Vitis ss. pp., л. 93» [112]; 14 июля житие преподобного Еллия монаха, в Четиих-Минеях: «Руфин, гл. XI, Палладий в Лавсаике гл. 59-я», а в месяцеслове: «de illo vide in Vitis ss. pp. и в житии св. м. Евгении» [113]; 3 августа житие Космы, сконца-отшельника, в Четиих-Минеях: «Лимонарь, гл. 40-я», в месяцеслове: «Vitae ss. pp., лл. 872 и 843» [114] и т. д. Надо, впрочем, заметить, что ссылок на Vitae Patrum в Прологе и рукописях не особенно много, так что подобную приведенной нами параллель можно провести далеко не во всех тех случаях, где Святитель ссылается на Патерики или на их авторов. Но так как каждый из этих авторов, хотя бы один раз, цитируется в Прологе и рукописях по Vitae Patrum, то мы решаемся утверждать, что и во всех других случаях, когда Святитель ссылается на составителей Патериков, он пользовался ими из сборника Росвейда [115].

В Четиих-Минеях сборник этот отмечается неодинаково. Первые двенадцать житий, составители которых известны, имеют ссылку на первоисточники, то есть на имена трудившихся над ними агиографов.

Из житий, написанных неизвестными авторами, Святитель берет только шесть, причем довольно оригинально цитирует некоторые из них. Именно, жития: преподобной Евфросинии (25 сентября) — «от Иеронима и Метафраста»,— ЖССОт, кн. I, с. 363—368; Таисии, бывшей блудницы (8 октября),— «от Иеронима», там же с. 374; преподобномученицы Евгении (24 декабря),— «от Иеронима и Метафраста», с. 340—349 и преподобного Пахомия Великого (15 мая),— «от Метафраста и Иеронима, и Великие Минеи-Четьи», там же, с. 112—138, он, как видим, усваивает блаженному Иерониму, хотя в латинском оригинале этому учителю Церкви они не приписываются. Предполагаем, что первые жития этой книги, написанные действительно блаженным Иеронимом, дали повод Святителю распространить авторство его и на все вышеука-

занные жития. Житие преподобного Ефрема Сирина, взятое из ЖССОт, кн. I, с. 167—169, Святитель отмечает, как заимствованное «от различных писателей» (28 января), а для жития преподобномученика Епиктета пресвитера и Астиона монаха (7 июля) — ЖССОт, кн. I, с. 211 — не указывает в Четиих-Минеях никаких источников.

Остальной агиографический материал, заимствованный Святителем из того же сборника Vitae ss. pp., в Четиих-Минеях отмечается или по тем патерикам, которые собраны у Росвейда, или по их авторам. В тех случаях, когда в различных патериках сообщаются одни и те же сведения о святых, Святитель почти всегда указывает оба такие источника. Так, с Руфином, автором «Жизни пустынных отцов», у него цитируется и Лавсаик Палладия Еленопольского. Книгу Руфина Святитель иногда называет «Египетским патериком». Например, 5 июня, пред житием святого Апувия исповедника, он говорит, что об этом святом пишет «Руфин в патерику Египетском». Но в других случаях, упоминая о том же Египетском патерике, Святитель имя Руфина к нему не присоединяет, и в «Жизни пустынных отцов» таких житий мы большею частию не находим [116]. Очевидно, под «Египетским патериком» Святитель разумел нечто большее, чем «Жизнь пустынных отцов». А так как с именем Руфина у Святителя (18 июля, жизнь преподобного Памвы) связываются «провещания отеческие», взятые из третьей книги Росвейда, то, следовательно, и эту книгу Святитель усвояет тому же Руфину. Автор «Луга духовного» Иоанн Мосх только раз упоминается в ссылках Четиих-Миней — 6 сентября, пред житием святого Давида, «иже прежде бе разбойник»; в остальных случаях цитируется одно его сочинение, без имени автора [117].

Количество житий, составленных Святителем по патерикам, довольно значительно.

Из остальных книг Vitae Patrum, где находились разрозненные, отрывочные сведения о святых, Святитель взял немногое. Он дополнил отсюда жития святых, написанные по другим отделам того же источника; самостоятельных, особых житий по 3, 4, 5, 6 и 7 книгам Vitae Patrum написано только **три:** 6 июня, преподобного Виссариона,— «от Патерика Египетского и великие Минеи Четьи». ЖССОт, кн. III, в ВЧМ (июнь, л. 109—111) сказание, во многом отличающееся от того, которое в наших Четиих-Минеях; 6 июля, преподобного Сисоя Великого,— «от отечников», а во втором месяцеслове: «quare in indice in Vitis ss. pp. Довольно будет. О преставлении его декабря 11-го» — ЖССОт, в разных местах [118]. 27 августа, преподобного Пимена Великого,— «от Патерика Египетского и Алфавитного собрано сокращенно»; во втором месяцеслове: «In Vitis ss. pp. vide idem Paemen et Pastor» — кн. III, §§ 4, 5, 8, 11, 12, 14, 16, 27, 31, 35, 36, 37, 60, 64, 76, 144, 146, 147, 177, 180 и 183 [119]. Однако, если мы станем детально сравнивать эти жития с указанным источником, то едва ли нам удастся найти здесь все сообщаемые в них сведения. Особенно это надо сказать о житии преподобного Пимена. Но есть в Четиих-Минеях и такие жития, для которых в ЖССОт мы не могли найти соответствующего материала. Между тем, Святитель указывает, что они взяты также из Патериков. Таковы: житие святой мученицы Фомаиды (апреля 13), в Четиих-Минеях: «от Патерика Скитского»; блаженной Таисии (мая 10),— «от Алфавитного Патерика, знаменне і»; преподобного Дулы страстотерпца (июня 15),— «от Патерика азбучного, лит. 4-я» и сведения о рождении и отроческих годах преподобного Онуфрия Великого, сообщаемые Святителем 12 июня, после жития преподобного, с пометкой: «от отечников». Очевидно, между патериками и отечниками у Святителя были и такие, которых в ЖССОт нет. Мы, однако, не думаем, чтобы это были греческие патерики. Вероятнее разуметь здесь славянские переводы их, богатое собрание которых давали, например, Великие Макарьевские Четии-Ми-

неи. Здесь как раз находим мы и сведения о всех тех святых [120], каких не удалось нам найти в ЖССОт. Поэтому источниками этих житий скорее надо считать Великие Четии-Минеи или те патерики — Скитский и Азбучный,— о которых есть упоминание в описи оставшихся после Святителя книг.

К патерикам необходимо отнести и книгу Святителя Григория Двуслова, папы Римского,— «Диалоги о жизни Италийских Отцев». Без сомнения, и этой книгой Святитель Димитрий пользовался в латинском оригинале, а не в славянском переводе. За это говорит, во-первых, то, что Диалоги папы Григория в Макарьевских Четиих-Минеях находятся в марте месяце, под 11 числом, а этот месяц лишь временно находился в пользовании Святителя; во-вторых, в описи оставшихся после него книг есть и Диалоги в отдельном издании [121].

В латинском переводе пользовался Святитель Димитрий и теми греческими историками, которые указываются в ссылках при житиях. Здесь упоминаются отец церковной истории Евсевий Кесарийский и его преемники — Сократ схоластик, Созомен, Феодорит, епископ Кирский, Евагрий, Феодор чтец и более поздние — Никифор Каллист и Георгий Кедрин, причем последний цитируется как автор «Церковных и гражданских деяний» и «Синопсиса». Что все они были у Святителя, действительно, в латинском переводе, а не в оригинале, об этом свидетельствуют, во-первых, опись оставшихся после Святителя Димитрия книг, во-вторых, рукописи. В описи упоминаются только латинские издания историков [122], в рукописях отрывки, выписанные из них, приводятся всегда на латинском языке [123].

Святитель Димитрий имел склонность к историческим занятиям. Об этом, кроме известных уже нам фактов его биографии и составленных им исторических трудов, свидетельствуют и Четии-Минеи. В месяцеслове их мы нередко встречаем заметки исторического характера, не имеющие прямого и непосредственного отношения к агиографии. Так, например, 17 декабря, после жития святого пророка Даниила, Святитель дает довольно обширное исследование о вавилонских и персидских царях; 11 мая, после жития святых Кирилла и Мефодия, помещает свою интересную догадку «о козарех»; 11 июля решает вопрос о том, когда и при каком Константинопольском патриархе крестилась благоверная княгиня Ольга; 15-го старается определить год кончины святого равноапостольного князя Владимира и так далее. Попадаются вставки исторического характера и в житиях. Наконец, самое количество ссылок на историков — а они встречаются в Четиих-Минеях чуть ли не под каждым числом — свидетельствует о том же и указывает, как внимательно Святитель просматривал эти книги и данными истории проверял сказания и повести агиографии.

Особенным уважением и доверием среди историков пользовался у Святителя Димитрия Никифор Каллист. Святитель и в Четиих-Минеях, и в рукописях неоднократно называет его «премудрым», «достовернейшим» и его свидетельством особенно дорожит [124]. Может быть, это зависело от того, что Никифор Каллист более, чем другие историки, уделял внимания жизнеописаниям святых, а может быть, тут просто сказался дух времени, усвоенная от наставников и других южнорусских писателей традиция [125]. Вместе с Никифором довольно часто упоминается в Четиих-Минеях и Георгий Кедрин.

Какое же значение для Четиих-Миней имели исследования историков? Давали ли они Святителю Димитрию новый материал для жизнеописаний святых или только подтверждали и своим авторитетом свидетельствовали то, что сообщали другие источники? Уже на основании разбора рассмотренных нами житий на этот вопрос можно сказать, что историки имели для составления Четиих-Миней двоякое значение.

В одних случаях они дополняли те источники, по которым Святитель составлял жития святых, в других — он приводил и указывал их только как свидетелей, как лиц, сообщающих те же сведения, о которых шла речь в книгах и сборниках агиографических.

Ссылки на греческих историков носят в Четиих-Минеях характер определенный и большею частью точный. Но у Святителя Димитрия был еще источник исторического содержания, о котором упоминания в Четиих-Минеях нет. Это римский кардинал Бароний, автор знаменитых «Церковных летописей» (Annales ecclesiastici) в 12 томах и не менее известного Римского мученикословия или мартирология (Martyrologium Romanum). О том, что Святитель пользовался сочинениями этого ученого, свидетельствуют рукописи и отметки в Прологе. В рукописях ссылки на Барония встречаются довольно часто и в самых различных статьях, в Прологе их меньше, но зато они здесь имеют отношение к житиям святых и дают нам понять, какое значение имел Бароний, как источник при составлении Четиих-Миней. Из этих ссылок видно, что, кроме полного латинского издания «Церковных летописей», у Святителя была и польская переработка их, сделанная иезуитом Петром Скаргой. Но так как эта переработка не имела никакого влияния на Четии-Минеи, то о ней говорить мы не станем и займемся исключительно латинским изданием Летописей и Мартирологом.

Annales ecclesiastici — огромное, выдающееся историческое сочинение, излагающее события церковной истории с первых дней христианства. Бароний, описывая эти события, держится строго хронологического порядка, поэтому в его книгах нет связного и непрерывного описания жизни того или иного церковноисторического деятеля, а излагается она отрывками, среди других историй и событий, под соответствующими годами; только деяния мучеников да сказания о христианских праздниках не имеют такого отрывочного характера и передаются большею частью в одном месте и под одним годом. Описывая историю христианской Церкви, Бароний редко говорит своими словами, обыкновенно он приводит выдержки из различных памятников христианской письменности, и поэтому его сборник имеет большую ценность даже в настоящее время. В XVII в. он, без сомнения, имел еще большее значение, следовательно, нет ничего удивительного, что Святитель Димитрий пользовался им при составлении своих Четиих-Миней.

Святитель извлек из Анналов Барония прежде всего хронологические даты событий. В первом издании Четиих-Миней при некоторых житиях на полях встречаются указания, когда жил и подвизался тот или иной угодник Божий. Все эти указания извлечены из книг Барония, которого Святитель считал авторитетом в этом отношении и по которому проверял данные, сообщаемые другими источниками. В подтверждение этого можно указать на следующие факты: в каталоге митрополитов и патриархов Цареградских, определяя время мученической кончины святого апостола Андрея Первозванного — «по брату его, св. Петру, верховному апостолу», Святитель на поле пишет: «ut patet ex 1 tomo Baroni f. 734, ann. 69, n. 34» [126]; в том же каталоге, определяя год смерти Святителя Тарасия, патриарха Цареградского, Святитель в виде основания говорит: «sic Baronius» [127], а несколько выше, исправив по истории Никифора Каллиста свидетельство других историков, Святитель замечает: «и достоверно есть сие (то есть мнение Никифора) понеже и инии историографы сему согласуют, ut patet Baronius Ann. 488» [128].

Больше значения имели книги Барония, как сборник разнообразных и большею частью весьма ценных отрывков из различных памятников древнехристианской письменности. Святитель воспользовался многими из этих отрывков и, по принятому обычаю, в своем труде указал первоисточники, а не Барония, у которого их заимствовал. Мы сначала при-

ведем в подтверждение этого несколько интересных фактов из рукописей. Здесь очень часто, при ссылках на того или другого учителя Церкви или церковного историка, можно видеть, что свидетельства их берутся из Барония. Например, в том же каталоге митрополитов и патриархов Цареградских по Баронию цитируются: Свида, Палладий, Феодор чтец, Феофан Куропалатес, Никита Хониат [129]. В статье, посвященной рассмотрению сказания преподобного Дорофея о избрании 70-ти апостолов, также по Баронию цитируется Михаил Гликас [130].

В Четиих-Минеях подобных примеров мы, конечно, не найдем,— здесь Бароний совершенно замолчен, но сравнительный анализ его сборника и некоторых житий свидетельствует о том же. Например, 16 декабря, пред житием святой царицы Феофании, «супружницы бывшие царя Льва премудрого», Святитель Димитрий говорит: «о сей святой писаху Куропалатес, Гликас, Зонара». Из рукописей мы уже знаем, что Гликас и Куропалатес цитировались Святителем по Баронию. Обращаясь к последнему, мы находим в Анналах, в истории царя Льва и его супруги Феофании, буквальные выписки из тех же историков, которые указаны и Святителем. Именно из Гликаса Бароний привел свидетельство о том, чья дочь была царица Феофания и кто были ее родители; из Зонары — рассказ о гневе императора Василия на своего сына Льва; из Куропалатеса — примирение отца с сыном и стремление последнего еще при жизни Феофании поставить храм ее имени [131]. Нет сомнения, что Святитель, у которого есть все эти сведения, при составлении жития пользовался Баронием и на основании его указал на Куропалатеса, Гликаса и Зонару, как источники своей работы [132].

21 января, помещая в Четиих-Минеях житие преподобного Максима исповедника, Святитель говорит: «Анастасий апокрисиарий, ученик его, писал пространно, мы же из него и из иных вкратце зде собрахом». У Сурия жития преподобного Максима исповедника нет; нет его и в тех томах Acta Sanctorum, которыми пользовался Святитель; в Макарьевских Четиих-Минеях (январь, л. 726) помещено одно проложное сказание о святом. 13 августа, когда празднуется перенесение мощей преподобного Максима, в Святителевом Прологе встречаем такую заметку: «сего прп. Максима диспут с Пирром vide Baronium, т. VIII, л. 755». Обращаясь к Баронию, находим у него не только диспут с Пирром, но и все житие преподобного, изложенное по частям, под различными годами, с указанием, что писал его Анастасий библиотекарь [133].

О житии преподобного Феодора Студита, 11 ноября, Святитель в Четиих-Минеях замечает, что взял его «от ученика святого Михаила монаха». У Сурия жития Феодора Студита нет, в Макарьевских Четиих-Минеях оно есть (ноябрь в. 1, стлб. 335—440), но именем монаха Михаила не надписывается. Опять источником для жития послужил Бароний, у которого Михаил монах не только неоднократно называется автором жития преподобного Феодора, но и приводятся многочисленные выдержки из его труда [134]. Правда, близкое сходство текста в наших и Макарьевских Четиих-Минеях заставляет предполагать, что Святитель руководствовался последним, но есть факты, указывающие и на то, что он обращался и к латинскому тексту. Например, Святитель говорит, что преподобного Феодора, сильно заболевшего после бичевания, ученик его Николай питал ячменной водою: «воду убо ячмену, глаголемую птизану испросив»... В Великих Минеях: «иачну воду испросив, еже наречется хулос»... А у Барония: «ac ptisanae aliquantulum deposcens». Название воды ясно указывает на влияние Барония [135].

Но жития святых дают нам очень мало примеров подобного рода. Такие богатые агиографическим материалом сборники, как Сурий и особенно Acta Sanctorum, могли прекрасно заменять Барония, а пользоваться ими было гораздо удобнее. Поэтому, как мы видели, к Аннанам Святитель обращался только тогда, когда в указанных источниках

не находилось нужного материала или когда этот материал требовал проверки и дополнения. Влияние Барония сильнее наблюдается в тех сказаниях, которыми Святитель заполнил в Четиих-Минеях дни, посвященные воспоминанию великих христианских праздников. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что в других бывших у Святителя источниках исторического материала на эти дни было мало, а Бароний, напротив, очень подробно говорит о всех относящихся сюда евангельских событиях и сообщает о них из различных источников много новых и интересных подробностей. Святитель дорожил этими подробностями и любил помещать их в Четиих-Минеях. Вот почему так часто и обращался он к Баронию при составлении своих сказаний.

Разберем с этой стороны одно из них, написанное на праздник Рождества Христова. У Барония этому событию посвящена целая глава в несколько отделов. В первом из них идет речь о Вифлееме, об его местоположении, о вертепе; во втором приводятся места из Евангелий, передающие событие рождения Господа Иисуса Христа; в третьем сообщается о воле́ и осле, находившихся в вертепе в ночь Рождества Христова, и приводится выдержка из сочинений блаженного Иеронима в подтверждение этого; в четвертом передается чудо истечения в вертепе источника воды, подтверждаемое свидетельством Беды; в шестом, седьмом и восьмом идет речь о приснодевстве Богоматери, которое доказывается выдержками из творений святых Епифания Кипрского, Киприана Карфагенского и Зинона Веронского; в 9—13 отделах передаются и разбираются различные апокрифические сказания, связанные с событием Рождества Христова, а в 14-м говорится о пастырях и опять приводится свидетельство о них блаженного Иеронима и Беды.

Если мы сравним с этим повествованием сказание, находящееся под 25 декабря в наших Четиих-Минеях, то, при всей самостоятельности и особенностях последнего, найдем в нем много общего с тем, что сообщает Бароний. Например, мы встречаем у Святителя ту же выдержку из творений Киприана Карфагенского, тот же рассказ Зинона Веронского, те же почти апокрифические сказания и чудеса, то же свидетельство блаженного Иеронима о вифлеемских пастырях и столпе Адере, даже время Рождества Христова определяется Святителем так же, как и у Барония [136].

Много заимствований из Барония можно указать и в других праздничных сказаниях. Так, в сказании о поклонении волхвов (25 декабря) по Баронию указываются мнения различных святых отцов о том, кто были волхвы и из какой страны они пришли [137]; в сказании о бегстве Божественного Младенца и Его Матери в Египет — все передаваемые Святителем апокрифические подробности этого события [138]; в слове на Сретение Господне (2 февраля) и в житии святого Симеона Богоприимца — свидетельство Тимофея, пресвитера Иерусалимского, о том, как старец Симеон узнал Богоматерь среди других женщин, так же, как и она, пришедших принять молитву очищения [139], — и т. д.

Впрочем, не надо думать, что при составлении этих и им подобных сказаний Святитель пользовался исключительно одним Баронием. Мы хотим только сказать, что некоторые места в этих сказаниях, особенно те, где приводятся свидетельства различных древнехристианских писателей, заимствованы Святителем у Барония. Следовательно, Бароний был новым и опять латинским источником, из которого Святитель брал и по которому цитировал греческих отцов Церкви и агиографов.

Но Бароний давал не одни только отрывки или разбитые по различным годам сказания о святых. У него можно было встретить и полные, в одном месте изложенные рассказы о святых, особенно о святых мучениках. Некоторыми из них Святитель также воспользовался,— например, актами святых мучеников Тараха, Прова и Андроника. Здесь находятся и акты святых мучеников и послание об их смерти Макария,

Феликса и Верия. Святитель и тем и другим пользовался, несомненно, отсюда.

Об этом свидетельствуют следующие факты: у Барония приведены акты неполные, второй допрос мучеников в них почти весь выпущен, кратко передается он и Святителем; у Барония послание трех христиан является самостоятельным, отдельным сочинением, положенным после актов,— такое же положение занимает оно и в сказании Святителя; у Барония на первом допросе святой Тарах говорит, что он рожден in Claudiopoli civitate Syriae,— Сирским городом называет Клавдиополь и Святитель Димитрий, между тем как в подлинных актах он именуется Исаврийским; у Святителя, как и у Барония, святому Тараху 65 лет от рождения, в подлиннике ему 60 лет, и т. д.[140]

Перейдем к другому сочинению Барония — к Римскому мученикословию, или Мартирологу. Святитель не только ссылается на него в Четиих-Минеях[141], но даже указывает в тех списках своих источников, которые напечатаны при первой и второй книгах Четиих-Миней. Довольно часто попадаются ссылки на Мартиролог и в рукописях, особенно во втором месяцеслове Типографского сборника[142]. Однако сильного влияния на работу святителя Мартиролог Барония оказать не мог. В нем собраны краткие сказания о святых, передающие лишь важнейшие факты их жизни. Для Святителя Димитрия, стремившегося дать по возможности полные жизнеописания, такой источник был недостаточен, поэтому мы нашли в Четиих-Минеях только одно житие, всецело заимствованное из римского Мартиролога. Это житие Иринея, епископа Лионского (23 августа), но и в нем некоторые факты, например, то, что святый «мечем скончася», надо относить к влиянию Пролога[143]. Мартиролог для Святителя был скорее справочной книгой, по которой он проверял и изредка дополнял, главным образом, синаксари нашего славянского Пролога. Из таких поправок и добавлений для примера укажем следующие: 1 сентября, давая в месяцеслове сведения о 40 девах-постницах, Святитель по Мартирологу говорит, что они пострадали «в царство Лукиниево»[144], тогда же, в заметке о святой мученице Каллисте и братьях ее, Святитель по Мартирологу указывает место их страдания — «Никомидию»[145]; 3 сентября, в житии святой мученицы Василиссы из Мартиролога взят ее возраст «девять лет»[146]; 2 декабря в житии святой мученицы Миропии — имя ее мучителя «Нумериан»[147]; 19 декабря, в житии святого мученика Вонифатия — отечество его «область Туссийская»[148] и т. д.

Указанными сочинениями, по нашему мнению, исчерпываются основные и важнейшие латинские источники Четиих-Миней[149]. Мы могли бы теперь перейти к славянским книгам, из которых Святитель заимствовал также много материала для своей работы. Но давно поставленный и до настоящего времени не решенный окончательно вопрос о влиянии на работу Святителя Димитрия житий святых, составленных польским иезуитом Петром Скаргой, заставляет нас внимательно рассмотреть и этот вопрос. Еще Франко в 41 томе Энциклопедии Брокгауза высказал мысль, что основным источником для Святителя Димитрия в его работе над Четиими-Минеями были «Żywoty Swętych» Скарги. В недавнее время то же мнение поддерживает профессор Львовского университета Пачовский. В своей статье, напечатанной на польском языке, «Жития святых Димитрия Тупталенко», в третьей главе, где определяются источники житий в Четиих-Минеях, он говорит, что предисловие Варлаама Ясинского к первой книге Четиих-Миней и списки учителей, писателей, историков и повествователей, напечатанные в начале первой и второй книг, а также те заметки, которые автор помещает на полях отдельных житий, дают достаточную информацию об источниках Четиих-Миней. Но и Варлаам Ясинский и Димитрий сообщают здесь сведения, главным образом, об источниках восточных; что же касается источни-

ков западных, то в списках названы только некоторые из таких агиографов, но сочинения их не указаны.

Определить западные источники помогает отчасти каталог книг, которые находились в библиотеке Димитрия. Из этого каталога видно, что из западных агиографических сборников Димитрий пользовался трудами Сурия и Acta SS Болландистов. Ссылаясь на вышедшую в 1848 г. книгу «Димитрий, митрополит Ростовский», приписываемую Нечаеву, профессор Пачовский говорит, что из этих латинских сборников Димитрий заимствовал много — не менее 200 житий, но к этим выводам Нечаева нужно относиться с оговоркою, потому что некоторые из этих житий взяты Димитрием не прямо из Сурия и Болландистов, а путем **посредника. Таким посредствующим звеном и были, по мнению** профессора Пачовского, «Żywoty Swętych» Петра Скарги.

Указав далее, что Димитрий еще в Чернигове познакомился с сборником Скарги, профессор Пачовский утверждает, что, принявшись за составление Четиих-Миней, Димитрий прямо брал у Скарги уже готовые жития и давал в своих Четиих-Минеях перевод их. Чтобы подтвердить это положение, профессор Пачовский приводит четыре небольших отрывка из 1-й, 2-й и 3-й книг Четиих-Миней на славянском, польском и латинском языках, где славянский текст действительно близок к польскому. На основании такого сравнения, продолжает Пачовский, удалось отыскать немало житий, которые имеют близкое родство с текстом польским. Это родство, впрочем, не везде одинаково. Имеется целый ряд житий, которые всецело заимствованы у Скарги, и есть жития, в которых из польского источника взяты лишь некоторые отдельные части. Впрочем, оговаривается профессор, таких ярко выраженных заимствований не очень много, потому что Димитрий большею частью не следовал за подлинником, как невольник, а стремился к ясности и держался в изложении раз принятого им стиля.

В некоторые, заимствованные у Скарги, жития Димитрий вносил дополнения из других источников. Такие дополнения иногда были очень обширны, и проследить здесь родство с польским оригиналом возможно только путем тщательного сравнения текстов. В подобных житиях дословно переводились, главным образом, монологи и диалоги, в описаниях же и рассказах видна у Димитрия свобода, хотя и здесь зависимость от Скарги обнаруживается часто в одинаковых выражениях и словах.

После этих общих рассуждений профессор Пачовский говорит, что в большей или меньшей зависимости от Скарги имеется в Четиих-Минеях около 40 житий, и в «додатках» к своей статье указывает, какие именно это жития. Но так как в Четиих-Минеях Димитрия, продолжает Пачовский, находится всего до 900 житий, то приходится признать, что «Żywoty Swętych» Петра Скарги играли в работе Димитрия роль только эпизодическую и он обращался к ним тогда, когда у него не было будто бы времени и возможности пользоваться основными западными источниками — Сурием и Acta SS.

Этот вывод весьма важен. Он показывает, что и тщательное сравнение житий святых в Четиих-Минеях и в труде П. Скарги не дало оснований для того, чтобы ставить работу Святителя Димитрия в близкую зависимость от книг Скарги. Поэтому высказанное Франко мнение приходится считать поспешным и неправильным. Профессор Пачовский, заканчивая свою статью, говорит, что всё им изложенное не исчерпывает всецело вопроса об источниках Четиих-Миней и что задача эта требует обстоятельного исследования каждого жития в отдельности. Петр Скарга впервые издал «Żywoty Swętych» в Вильно, в 1579 г. Выдающиеся литературные достоинства этого труда и то высокое религиозное воодушевление, какое вложил в него автор, скоро сделали книгу Скарги одною из самых популярных, и поэтому она много раз переиздавалась.

Употреблялись «Żywoty Swętych» и среди русского населения юго-западного края. В первой главе сочинения мы уже отчасти и отмечали, как отражалось их влияние на южнорусской литературе и в церковной жизни. Напечатанная в Киевских Университетских известиях в 1916 г. статья профессора Н. К. Гудзия: «Переводы «Żywoty Swętych» Петра Скарги в юго-западной Руси» указывает, что это влияние было очень значительным [150]. Из сообщаемых в статье сведений видно, что сборник Скарги был широко распространен среди православного населения на Юго-Западе и пользовался здесь большим уважением. Святитель Димитрий еще в Чернигове познакомился с ним и, когда ему поручено было от собора Киево-Печерской Лавры писать жития святых, конечно, не мог не принять во внимание такой всем известный и ценный источник.

Что Святитель пользовался «Żywoty Swętych» П. Скарги — в этом не может быть никакого сомнения. Среди оставшихся после Святителя книг мы находим даже два экземпляра этого сборника,— один 1619 г., изданный в Кракове, другой 1700 г.[151]; на обоих есть надпись, что они принадлежали «Ростовскому Архиерею Димитрию»; в рукописях и Прологе нередко встречаются ссылки на Петра Скаргу.

Но как должны мы смотреть на эти ссылки? Указывают ли они на книгу Скарги, как на действительный источник того или иного жития, или это только отметки трудолюбивого «списателя житий», внимательно просматривавшего всё, что могло дать ему материал для работы? Из всего ранее нами сказанного мы уже знаем, что ссылка в рукописях или в Прологе далеко не всегда указывает на действительный источник жития. Точно установить такой источник можно только путем сравнительного анализа житий. Попробуем же сравнить хотя бы только некоторые из тех житий, которые в Прологе или в рукописи имеют ссылки на «Żywoty Swętych», с соответствующими житиями в этой книге.

11 июня, память святых апостолов Варфоломея и Варнавы,— в Четиих-Минеях: «от св. Иосифа песнописца и от Мартиролога; Никифор к. II, 39, от Евсевия V, 10 и прочих» пред житием Варфоломея,— и «от Деяний апост. и от Александра монаха, и от Метафраста сокращение» пред житием Варнавы, но в рукописи указан «Скарга л. 753 и л. 505». Обращаясь к нему, находим у него небольшое сказание об апостоле Варфоломее похвального характера, очень бедное историческими фактами. Святитель мог взять отсюда разве лишь то, что святой Варфоломей из Индии ходил в Армению и обратил здесь в христианство царя Полимния (у Скарги Palemon'a), а также факт смерти апостола в г. Альване. Но это лишь незначительная часть жития. Ясно, что у Святителя были другие источники, более богатые содержанием, чем Скарга [152]. То же почти приходится сказать и о житии святого Варнавы. Скарга указывает те же источники, какие и Святитель, и при сравнении в обоих житиях много общего, но Святитель опять сообщает новые факты, которых у Скарги нет (например, сведения о Марии, сестре святого Варнавы), и дает иные имена некоторым лицам. Например, имя Кипрского епископа у Скарги «Антонин», а у Святителя — «Анфимий». Следовательно, и здесь приходится искать другие источники [153].

14 июня, в житии святого пророка Елисея, несмотря на ссылку на Скаргу, имеющуюся в рукописи, мы находим с польским житием еще менее сходства, чем в житиях, только что разобранных. Скарга, например, сообщает совсем иное чудо из детских лет пророка, нежели Святитель Димитрий,— и составленное последним житие, как показывает его анализ, всё исчерпывается двумя источниками — Священным Писанием (3 и 4 кн. Царств) и Макарьевскими Четьими-Минеями [154], на которые также есть ссылка в месяцеслове.

8 июля, память святого великомученика Прокопия,— в Четиих-Минеях: «от Метафраста и от великие Минеи-Четьи», но во втором меся-

цеслове, кроме ссылок на Сурия (IV, 116) и Чет'ю (л. 9) есть ссылка и на Скаргу (л. 590). У Скарги сокращенный пересказ того же сказания, которое находится у Сурия под именем Метафрастова. Сравнивая с этим пересказом житие наших Четиих-Миней, находим в последнем много новых фактов и подробностей, которые заимствованы не только у Сурия, но и из Макарьевских Миней, где иная редакция жития. Таковы, например, рассказ о явлении святому Прокопию 12 дев и об их мученической кончине; подробности спора Прокопия с Флавианом префектом и т. д.[155] Опять, следовательно, считать Скаргу источником нельзя, хотя в начале оба жития по изложению очень сходны.

17 июля, память святой великомученицы Марины; в Четиих-Минеях: «от Метафраста сокращение», в Прологе: Malgorata Skarga июля 20, л. 638, та же, бе яже и Марина»; в первом месяцеслове: «у Межигорской от Серафиона... глав, на листу начисто... переписано» и опять ссылка на Скаргу; во втором месяцеслове: «eade, quae Malgorata, в Чет'е л. 386, листов 6; Скарга, л. 638, Mart. Romanum июля 20». Сурий хотя и не указан, но там (IV, 274) есть житие Марины с пометкою, что оно «habetur in Metaphraste». Сравнивая с последним источником Святителево житие, находим, при общем фактическом сходстве, некоторые особенности, которых у Сурия нет. Одни из них, как оказывается, взяты у Скарги; таковы, например, начало жития, описание встречи святой Марины с Олимврием, слова народа святой мученице...[156]

Но других и более значительных особенностей мы напрасно стали бы искать у Скарги. Он писал свой пересказ по тому же Сурию и, значительно сократив его, внес лишь кое-где небольшие видоизменения, которыми Святитель и воспользовался. У последнего житие богаче по содержанию не только жития, составленного Скаргою, но и Суриева. Так, ни у Сурия, ни у Скарги мы не находим молитвы мученицы, когда ее вел Олимврий в город, ответа ее на лукавый совет народа подчиниться мучителю (л. 464), молитвы ее во время мучений («обыдоша мя врази мои...»), обращения к ней епарха и ее ответа ему («о, мерзкий пёс») и т. д. Все эти и некоторые другие подробности заимствованы Святителем из «мучения св. Марины», находящегося в Макарьевских Минеях[157], которые и были вторым главным источником жития.

Продолжать разбор других житий мы не станем. Думается, что уже и сказанного достаточно для того, чтобы видеть, какое значение занимали «Żywoty Swętych» Скарги в работе Святителя Димитрия. Они не были здесь главным, руководящим пособием. Для Святителя, который имел Сурия, Acta Sanctorum, Vitae Patrum и, наконец, Макарьевские Великие Минеи, сокращенный пересказ житий, большею частью заимствованных Скаргой у того же Сурия, большого значения иметь не мог. Святитель пользовался им или только как справочником, или как полезным для литературной обработки жития пособием, из которого можно было взять изложение некоторых отделов главного, если он был общим, источника. Поэтому действительным источником для Четиих-Миней сборник Скарги был только тогда, когда он сообщал новые факты, каких не было в других, имеющихся у Святителя, источниках. Но таких случаев, без сомнения, было очень мало.

Укажем некоторые из них: 11 ноября о житии святого мученика Викентия диакона Святитель в Четиих-Минеях пишет, что взял его «от Метафраста»; в первом месяцеслове есть ссылка на Сурия (I, 523), где мучение из Симеона Метафраста. Но если мы станем сравнивать с ним житие, написанное Святителем, то встретим в последнем много новых фактов. Так, Метафраст совершенно не говорит о воспитании Викентия у блаженного Уалерия, о проповедании им слова Божия, по поручению Уалерия. Согласие с Метафрастом начинается лишь с описания гонения на христиан (§ 2 по Метафрасту), но в конце опять встречаются особенности. Метафраст не говорит, что Датиан «повеле дски

железные разжещи и приложити к бокам его (Викентия), таже на железной решетке раскаленной положи святого и огнь велик подлагающе, аки снедное мясо печаше мученика». Эти новые факты, равно как и начало жития, взяты из «Żywoty Swętych» Скарги, где житие святого Викентия составлено на основании Метафраста и Августина. Но, кроме этого, рассказ Святителя здесь и в других местах носит следы влияния Скарги, так что только речь, сказанная Викентием Датиану в ответ на его вопрос: «что ныне глаголеши, Викентие? Не видиши-ли, каковыми ранами уязвлено и растерзано ти есть тело?»,— которого у Скарги нет, свидетельствует, что Святитель обращался и к Сурию [158].

23 января о житии святого Павлина Милостивого, епископа Нолан-ского, Святитель замечает: «о сем святом пишет св. Григорий Двоеслов (III, 1) и Августин и Ураний священник»; ссылка на святого Григория есть и в Прологе. Но в «Собеседованиях» Григория находится только вторая часть жития, передающая рассказ святого Павлина о продаже себя в рабство [159]. Первой части там нет. Сообщаемые в ней сведения о милосердии святого, об отношении его к своей супруге Тарасии и об удалении в город Нолу, без сомнения, заимствованы у блаженного Августина и священника Урания, которые вместе с Григорием Двоесловом указаны в ссылке при житии. Однако Святитель обращался к ним не непосредственно. В Прологе вместе с «Собеседованиями» святого Григория упоминается еще Скарга (января 22-го). В его книге, под 22 января (стр. 420), также помещено житие Павлина Нолан-ского и указаны те же, что и у Святителя, источники. Сравнивая оба жития, находим их весьма подобными не только в фактах, но и в изложении. Очевидно, Святитель воспользовался здесь работой Скарги и дал в своих Четиих-Минеях простой перевод на славянский язык не только ее начала, но и всего дальнейшего содержания [160].

Из разобранных нами житий видно, как мало нового материала давали Святителю Димитрию «Żywoty Swętych» Петра Скарги. Он не удовлетворялся ими и предпочитал обращаться к другим, более полным агиологическим сборникам и по ним составлял свои жития, хотя в рукописях отмечал и книгу Скарги. Не удовлетворяла эта книга и руководителей Святителя Димитрия, хотя бы того же Варлаама Ясин-ского. Иначе было бы непонятно, почему они, имея в руках такой выдающийся и популярный источник, как книги Скарги, всё время старались достать другие агиографические сборники, как западные, так и славянские. Мне думается, что, поручая Святителю Димитрию составление славянских Четиих-Миней, Варлаам Ясинский поставил ему задачей дать не подобный книге Скарги сборник житий, а труд самостоятельный, составленный по всем доступным в то время источникам и более совершенный чем труд Скарги. Святитель Димитрий, по нашему мнению, с успехом выполнил эту задачу,— его Четии-Минеи по богатству содержания гораздо ценнее и шире «Żywoty Swętych» Скарги и не уступают им ни в изяществе изложения, ни в религиозном воодушевлении и теплоте.

Обратимся теперь к славянским источникам Четиих-Миней. Их было больше, нежели иностранных. По одним только ссылкам в Минеях видно, что в руках у Святителя находились почти все существовавшие в его время на Юго-Западе и в Москве печатные агиологические издания и немалое количество рукописей. Между последними важнейшее место занимают Великие Четии-Минеи Московского митрополита Макария. Мы знаем, что Святитель имел возможность пользоваться всеми книгами этого замечательного собрания, и поэтому влияние Макарьевских Миней должно было сказаться на всех частях его труда. Находящиеся при житиях ссылки на источники подтверждают это. Макарьевские Четии-Минеи встречаются здесь почти в каждом месяце,

а при первой и второй книгах имя митрополита Макария, как составителя Великих Четиих-Миней, указывается и в списках тех учителей, списателей, историков и повествователей, по которым Святитель Димитрий составлял свои жития.

Но в тех же списках, кроме Макарьевских Четиих-Миней, упоминаются и другие «рукописные Четьи». Заканчивая перечисление агиологов, Святитель говорит, что «достоверному списанию житий пособствоваху еще и инии многие книги», между прочим и Четьи рукописные, «возмогшие в сия времена у нас обрестися»[161]. На вопрос о том, что это были за рукописные Четьи? — более определенные, хотя далеко не полные сведения дают рукописи. Там приводятся названия этих Четей и указываются те жития, которыми Святитель намерен был из них воспользоваться. Например, в первом месяцеслове Типографского сборника (№ 420), отметив 23 ноября память святого Григория Акрагантийского, Святитель далее пишет: «у Четьи Межигорской л. 211». Ссылки на ту же Межигорскую Четью встречаются в месяцеслове еще восемь раз. Судя по ним, этот сборник, получивший наименование, вероятно, от Межигорского, вблизи Киева, монастыря, был довольно значителен по размерам, и находящийся в нем агиологический материал обнимал несколько месяцев. Кроме «Межигорской», в том же месяцеслове встречаются еще ссылки на «Четью Печерскую», которая называется также «нашей». Например, 28 декабря, память о святых 20 000 мучениках Никомидийских, после ссылки на Сурия, Святитель отмечает: «и у Четьи Печерской, л. 218 с Златоустого»; 23 января, память святого мученика Неофита: «есть у Четьи нашей»; 3 мая, вероятно, эта же Четья-Минея называется — «уставною»: «свв. мм. Тимофея и Мавры у Четей наших уставных барзо хорошо». Если все эти ссылки действительно относятся к одному сборнику, тогда его также надо считать довольно обширным. 19 июля, в том же первом месяцеслове о житии преподобного Дия — Святитель говорит: «с Четьи Новодевичой преписав... гляди в тетрадках» и таким образом дает нам сведения еще о новом рукописном сборнике — о Четьи-Минее Новодевичьей. Эта Четья, по всей вероятности, была не южного, а московского происхождения[162].

В первой части своего исследования мы говорили, что после переселения на север Святитель усердно занялся собиранием рукописей агиологического содержания, и упоминали о «тетрадках дьячка Богоявленского монастыря» и о «Четии-Минее Ярославской Николо-Надеинской». На «Четейку Богоявленскую» ссылается Святитель и во втором месяцеслове Типографского сборника. Отметив здесь 26 июня празднование в честь Тихвинской иконы Божией Матери, он говорит: «зри в Четейке Богоявленской», а о празднике в честь иконы «Одигитрия» пишет: «О Одигитрии в другой Четье Богоявленской». Очевидно, у него было два сборника, полученные из Ростовского Богоявленского монастыря. На «Ярославскую Николо-Надеинскую Четью» Святитель в том же месяцеслове ссылается: 9 августа, память святого апостола Матфия — «в Ярославской лист», 18-го — святых мучеников Флора и Лавра и 19-го — святого мученика Андрея Стратилата — «в Ярославской Николо-Надеинской, л. 9-й»[163].

Если от этих заметок в рукописях мы обратимся к книгам Святителя и посмотрим, на какие источники ссылается он здесь, при житиях перечисленных нами святых, то увидим следующее: в одних случаях Святитель не указывает никаких источников[164], в других ссылается на Великие Четии-Минеи[165], в третьих выражается неопределенно или перечисляет несколько источников[166]. Очевидно, ссылки в месяцесловах на различные рукописные Четии-Минеи не всегда приводят нас к действительным источникам житий. Указывая, где был материал, они не дают права утверждать, что Святитель отсюда его заимство-

вал. И мы, вообще, полагаем, что Святитель Димитрий обращался к этим Четиим только тогда, когда в других, более авторитетных источниках нужного материала не находилось. Таких случаев едва ли было много. Мы можем указать только два. Из «четейки Богоявленской» заимствовано сказание о Тихвинской иконе Божией Матери (26 июня), имеющее в Четиих-Минеях отметку: «от различных рукописцев», да из Ярославской Николо-Надеинской Четьи взято не имеющее никаких указаний на источники житие преподобного Макария Желтоводского (25 июля), так как в Макарьевских Великих Четиих-Минеях ни жития этого святого, ни сказания о Тихвинской иконе Богоматери нет, а во втором месяцеслове Святитель пишет — о первом: «в сборнику Николо-Надеинском Ярославском довольно» и о втором: «из четейки Богоявленской»[167]. Что касается остальных праздников и святых, при которых в месяцесловах есть ссылки на рукописные Четии-Минеи, то все относящиеся к ним сказания и жития имеются и в других источниках, главным образом в Макарьевских Четиих-Минеях.

Но при решении вопроса о влиянии рукописных Четий на работу Святителя Димитрия не надо забывать, что Макарьевские Минеи не всегда находились у Святителя. До 1691 г. он подолгу работал без них и, может быть, в это время, не находя нужного материала в других источниках, обращался к местным рукописным сборникам. Некоторые, правда, очень незначительные, данные в пользу этого можно указать и в Четиих-Минеях. Делая здесь ссылки на Минеи как источник житий, Святитель выражается неодинаково: в одних местах он определенно говорит, что взял житие «от Четьи блаж. Макария митрополита Московского», или — от «от великия Минеи-Четьи», в других пишет кратко: «от Четьи» или «от Минеи-Четьи». Часть кратких ссылок относится к житиям тех святых, которые в месяцесловах имеют ссылки на рукописные Четьи. Например: 23 ноября,— святого Григория Акрагантийского,— в Четьи-Минее: «списанное Леонтием пресвитером монастыря св. Саввы, иже в Риме, и Симеоном Метафрастом, тоже и Чет'я, мы же сокращенно собрахом», в месяцеслове: «Том 6, л. 562 (по Сурию, где житие Симеона Метафраста) и у Четей Межигорских, л. 211-й». Невольно является вопрос: не хотел ли Святитель краткою формулировкою ссылки в Четиих-Минеях показать, что эти жития он написал не по Макарьевским Великим Четиим-Минеям, а по тем рукописным сборникам, которые отмечены в месяцеслове? Анализ житий обнаруживает факты, дающие основание для утвердительного ответа на этот вопрос.

Если мы станем сравнивать написанное Святителем житие святого Григория Акрагантийского с Леонтиевым житием этого святого, находящимся в Великих Четиих-Минеях (ноябрь, л. 1087 об.) и с Метафрастовой переделкой его, приведенной у Сурия, то найдем небольшие, но существенные разности. Святитель пишет о святом: «бывшу ему двадесяти и двух лет, восхоте ити во Иерусалим», в Макарьевских Минеях (л. 1089, а) и у Метафраста (§ 3) сказано, что святому было восемнадцать лет, когда у него возникло намерение посетить Иерусалим[168]. Рассказывая о пребывании святого в Царьграде, Святитель называет патриарха Цареградского «Евтихием», говорит, что святой Григорий присутствовал на «пятом» Вселенском соборе; в Макарьевских Минеях и у Метафраста имени патриарха нет и о том, на котором Вселенском Соборе был святой Григорий, оба эти источника не говорят, но так как еретиками, вызвавшими созыв собора, они называют Кира, Сергия и Павла (Метафраст, § 24, ВЧМ, л. 1097, б), а Метафраст и ересь именует «монофелитскою», то, очевидно, они разумеют шестой Вселенский Собор, и Святитель снова делает от них существенное отступление. Эти отступления мы склонны приписывать

влиянию Межигорского сборника, на который есть ссылка в месяцеслове.

Заимствованными из рукописных Четий можно считать и те жития, которые не имеют в Четиих-Минеях никаких указаний на источники, а в рукописях относительно их сделаны ссылки на рукописные Четьи. Например, 14 января повесть монаха Аммония об избиении святых отцов в Синае и Раифе не сопровождается в Четии-Минее никакими ссылками на источники, а в первом месяцеслове Святитель пишет: «у Межигоре сей отдел прекрасно». Правда, повесть Аммония есть и в Великих Четиих-Минеях (январь, л. 501) и повествование Святителя с нею вполне согласно, но, с одной стороны, отсутствие ссылки на Минеи при житии, с другой — одобрительная пометка в месяцеслове дают основание предполагать, что эта повесть заимствована не из Великих Четиих-Миней, а из Четьи Межигорской.

Выясняя влияние рукописных Четий на работу Святителя, мы до сих пор приводили только те жития святых, относительно которых на этот предмет есть определенные указания в рукописях. Но анализ житий дает право значительно расширить это влияние. Он устанавливает несколько таких случаев, где рассказ Святителя существенно расходится со всеми известными нам источниками, где он сообщает новые, не находящиеся там сведения и факты. Мы думаем, что эти отступления и особенности также заимствованы из рукописных Четиих-Миней, потому что приписывать их фантазии Святителя Димитрия нет никаких оснований.

Разберем для примера некоторые из подобных житий. 9 сентября, в житии святых Богоотцев Иоакима и Анны, Святитель на полях указывает несколько источников [169], но Четиих-Миней между ними не называет. Анализ жития дает основание предполагать, что первая его часть, где дается родословие святых Иоакима и Анны и сообщается об их бесчадстве, богатстве и щедрости, заимствована из Маргарита [170], или из Макарьевских Четиих-Миней, где есть слово святого Епифания на Рождество Пресвятыя Богородицы (т. 1-й, стлб. 363 и т. д.), в котором сообщаются эти сведения. Вторая часть, имеющая характер похвалы Богоотцам, составлена, по нашему мнению, Святителем самостоятельно. Третья часть, где передаются обстоятельства, предшествовавшие рождению святой Девы Марии, имеет своим источником апокрифическое Евангелие апостола Иакова. Под именем «Сло́ва на Рождество Пресвятыя Богородицы» оно помещено в Макарьевских Минеях (там же, стлб. 352 и д.). Но когда мы станем сравнивать это слово с рассказом Святителя, то встретим значительные разности: у Святителя праведного Иоакима в храме встречает архиерей Иссахар, он первый и поносит святого старца, а затем уже и «другий еврей некий», именем Рувим,— в Макарьевских Минеях идет речь только об одном Рувиме (стлб. 352); у Святителя оскорбленный и опечаленный этими порицаниями святой Иоаким идет «в пустыню, к пастырем стад своих»,— в Минеях этой подробности нет; у Святителя Архангел, явившийся святой Анне, говорит, что она родит «Дщерь благословенную», которой «наречется имя Мария»,— в Минеях Ангел сообщает праведной старице только о том, что она имеет «зачати» и «родити», но кого — не указывает, и поэтому после рождения Анна спрашивает у бабки: «что́ родих?» (стлб. 353 и 354); у Святителя после благовестия Архангела святая Анна тотчас же идет в Иерусалим, и Иоаким здесь встречает ее «у златых врат»,— в Минеях встреча святых Богоотцев происходит в доме Иоакима, а не в храме... Нет сомнения, что Святитель сделал все эти отступления не по своему усмотрению, а под влиянием какого-то источника. Мы таким источником считаем рукописные Четии-Минеи.

19 ноября, о страдании святых мучеников Романа и Варула Свя-

титель говорит, что взял это сказание от Евсевия (кн. VIII, гл. 12) [171], а в месяцеслове делает ссылку на Сурия (т. VI, л. 422), где приведены отрывок из истории Евсевия и слово о мучениках святого Иоанна Златоуста. То же слово в славянском переводе находится и в Четиих-Минеях митрополита Макария (ноябрь, л. 1020). Сравнивая рассказ Святителя с этими источниками, находим в нем много новых сведений. Они касаются, главным образом, истории святого отрока Варула. Святитель подробно передает допрос Варула у мучителя Асклипиада, описывает страдания отрока и его смерть, рассказывает, как мать поддерживала мужество Варула во время мучений и как увещевала его безбоязненно умереть за Христа. Ни у Евсевия, ни у Златоуста этих подробностей нет, они и не упоминают об отроке. Проложное сказание дает о нем краткие сведения, но по имени не называет. Ясно, что Святитель при составлении этого жития пользовался еще каким-то источником, где были полные акты святых Романа и Варула,— какой же это был источник? Полные акты страдания указанных мучеников находятся в сборнике Момбриция [172]. Но у нас нет никаких данных для того, чтобы предполагать пользование Святителем Димитрием этим источником, в рукописях о нем нет нигде и упоминания. Поэтому мы думаем, что Святитель составил житие святых Романа и Варула по славянской рукописной Четии-Минее, содержащей полные акты этих святых в редакции, близкой к той, которая имеется у Момбриция.

Перейдем теперь к главному славянскому источнику Четиих-Миней Святителя Димитрия — к Великим Минеям Московского митрополита Макария. Уже одно только количество ссылок на этот источник в Четиих-Минеях показывает, какое сильное и глубокое влияние оказали Макарьевские Минеи на работу Святителя. Одних только определенных указаний на них насчитывается более ста. Правда, ссылки в Четиих-Минеях не всегда указывают действительные источники житий. На предыдущих страницах мы не раз уже говорили об этом и, определяя источники житий, указывали те случаи, когда Святитель отмечал Великие Четии-Минеи в числе источников, но на деле ничего из них не заимствовал. Но там же приходилось нам встречаться с фактами и иного характера, когда Макарьевские Минеи влияли на работу Святителя, когда по ним видоизменялся и исправлялся материал, взятый из других источников, между тем как в ссылках они не упоминались. Приводить эти факты здесь мы не станем и укажем только те жития, для которых Макарьевские Минеи были главным, а иногда и единственным источником.

В Четиих-Минеях эти жития не всегда имеют ссылку на Великие Четии-Минеи. Святитель Димитрий в тех случаях, когда в славянском переводе имелись указания на авторов и составителей житий, большею частью ссылался прямо на первоисточник, или, называя его, говорил и от Четиих-Минеях, из которых он этот первоисточник заимствовал. Иногда, передавая житие по Четиим-Минеям, он в своей работе совсем не указывал никакого источника. В этих случаях заметки в Прологе и месяцесловах дополняют Четии-Минеи, в них нередко делаются определенные указания, что такие жития заимствованы из Великих Четиих-Миней. В большинстве случаев, однако, Святитель ссылался на эти Минеи прямо и определенно.

Житиями влияние Четиих-Миней митрополита Макария на работу Святителя Димитрия далеко не ограничивается. Из того же источника Святитель взял много и другого материала,— например, слов, отрывков из творений святых отцов и т. п.

Нам надо определить, какие еще рукописи, кроме указанных, служили для Святителя Димитрия источниками при составлении житий святых. При решении этого вопроса мы можем основываться отчасти на свидетельстве Четиих-Миней, отчасти на указаниях рукописей. Так,

31 марта, помещая житие священномученика Ипатия, епископа Гангрского, Святитель в Четии-Минее не указывает для него никаких источников, но в первом месяцеслове пишет: «зри в книзе Лествичниковой на концу привязано (?), уставом писаное с житием Златоустого и житие Ипатиево, перш Ипатиево, потом Златоустого». Так как помещенное в Четии-Минее житие полнее проложного сказания, то источником его, кроме служебной Минеи, на которую есть ссылка на поле (стихиры на вечерне и 3 п. канона), приходится признать и ту рукопись, о которой говорит Святитель в месяцеслове [173].

11 мая о житии святых Кирилла и Мефодия Святитель говорит, что оно взято «от различных харатейных Четей сокращенне»; в Прологе и первом месяцеслове есть ссылка на Акты святых (март II, 12),— там находится итальянская легенда о Константине, взятая из известий современника епископа Говдерика, жизнь Кирилла и Мефодия чешско-моравского происхождения и чтения о святых братьях из древних Миней. Сравнительно с этими источниками житие Святителя имеет значительные особенности. Оно, например, весьма подробно передает оба миссионерские путешествия святого Кирилла к хозарам и сарацинам и с особенным вниманием останавливается на спорах, которые вел там святой Кирилл. В Актах этих сведений нет. Они находятся в так называемых Паннонских житиях святых братьев. А так как житие святого Кирилла Паннонской редакции есть в сборнике Типографской библиотеки (№ 420, л. 195), в рукописи, списанной «с библиотеки Хиландарской Лавры Сербской», и имеет отметки, сделанные рукою Святителя, то эту рукопись мы и считаем источником разбираемого жития; Святитель сделал к ней лишь некоторые добавления из Пролога. 3 июня, житие святого царевича Димитрия Угличского; составлено по найденной Святителем, вероятно, в Угличе, рукописной «книжице» и какому-то, конечно, тоже рукописному хронографу [174].

По рукописям составлены также сказания о Донской (19 августа) и Толгской (8 августа) иконах Божией Матери, потому что в ВЧМ и в других известных нам источниках этих сказаний нет [175]. Вероятно, главным образом, по рукописям составлял Святитель Димитрий и те жития святых, которые имеют связь с русскими летописями. К таким житиям относятся: 2 мая, сказание о убиении святых братьев Бориса и Глеба, источник ни в Четии-Минее, ни в рукописях не указан; 5 июня, сказание о убиении святого князя Игоря Ольговича и повесть дивна и ужасна о смерти блаженного Константина, митрополита Киевского,— «от летописца Печерского»; 11 июля, житие св. благоверной княгини Ольги,— «от рукописных древних Четей и летописов различных», в Прологе: «житие ее в летописцу», во втором месяцеслове: «в Несторовой летописи при концу, л. 11-й»; 12-го житие святых мучеников Феодора варяга и сына его Иоанна,— «от преп. Нестора, летописца Печерского» и 15 июля, житие святого равноапостольного князя Владимира,— «из летописца русского, преп. Нестора Печерского и от иных книг русских и прочих».

Для большей части этих житий, как мы видим, Святитель Димитрий источником указывает Печерский летописец, который называет «русским, преподобного Нестора». Если под Печерским летописцем разуметь «Повесть временных лет», какою она сохранилась в Лаврентьевской летописи, то придется сказать, что Святитель во многом дополнил ее новыми сведениями, которые заимствовал из других источников, или что тот Летописец, на который ссылается Святитель, был полнее Повести временных лет и не соответствовал летописцу преп. Нестора. Чтобы выяснить это, проанализируем некоторые из этих житий, сравнив их с Повестью временных лет [176].

Возьмем страдание новоявленных мучеников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Феодора (20 сентября). Святитель указы-

вает в Четии-Минее два источника Великие Минеи митрополита Макария и летописец Печерский. В Макарьевских Четиих-Минеях находится: а) «страсть» святых мучеников, б) слово о убиении злочестивого царя Батыя и в) слово похвальное (по изд. Археогр. Комиссии стлб. 1298, 1305 и 1308). Н. Серебрянский в своем сочинении «Древнерусские княжеские жития» говорит, что в Макарьевских Четиих-Минеях находится житие этих святых, написанное Пахомием — сербом [177]. Сравнивая с этим житием составленное Святителем Димитрием житие, встречаем в последнем ряд фактов, которых в Пахомиевом житии нет. Так, например, нет родословия князя Михаила и характеристики его, как христианина; не сказано, что послы Батыя пришли «соглядати Киев» и что воинство татарское состояло из шестисот тысяч человек; описание разорения Киева татарами в Макарьевских Минеях более кратко; не говорится здесь и о том, что князь Михаил горько плакал, видя разорение своего стольного города, и т. п. Источником этих добавлений, вероятно, был Печерский летописец, а так как в Повести временных лет нет рассказа о нашествии на Русь Батыя (она оканчивается 1117 годом), то, следовательно, Печерский летописец был полнее ее, в нем излагались и дальнейшие события истории Русской земли.

Житие святых мучеников Феодора варяга и сына его Иоанна, заимствованное тоже из «Летописца Печерского преп. Нестора», более других житий соответствует Повести временных лет, собственно, представляет почти буквальную из нее выдержку (ср. Четии-Минеи, июль, лл. 434 и 435 и Повесть временных лет под 983 г., с. 58 и 59). На основании этого можно заключить, что хотя Летописец Печерский и был полнее Повести временных лет, но списан был с нее и до 1117 г. являлся ее копией. Это будет для нас еще яснее, когда мы рассмотрим другие жития, имеющие ссылку на Летописец.

Житие княгини Ольги, как указывает Святитель, заимствовано им «от рукописных древних Четей и летописов различных». Печерский летописец здесь не указан, но, несомненно, под «различными летописцами» разумеется и он. Сравнивая составленное Святителем житие княгини Ольги с теми сведениями, которые сообщаются о ней в Повести временных лет, видим, что целые отделы из Повести буквально повторяются и в житии. Таковыми являются рассказы о мести Ольги древлянам за убийство ее мужа Игоря,—о путешествии ее в Царьград и крещении там, о смерти Святослава (Четии-Минеи, л. 420 об. и далее и Повесть под 945, 946, 955, 972 гг., с. 40—45 и 53). Но, кроме этих рассказов, в составленном Святителем житии имеется много других сведений, которые собраны из других источников — «из рукописных Ч.-Миней и летописцев». Мы, конечно, не можем сейчас определить, какие это были летописцы и Четии-Минеи, но из работы Серебрянского, где разобраны все древние сказания и жития княгини Ольги [178], видим, что в свое повествование Святитель внес сведения, которые находятся в проложных синаксарях и житиях Ольги в Ипатиевской летописи, в Псковских сказаниях, в Степенной книге и в других древних памятниках. Думаю, что Святитель не пользовался всеми этими памятниками непосредственно, а нашел их в разных рукописях, которые были у него под руками.

То же можно сказать и о житии равноапостольного князя Владимира, которое составлено по «летописцу русскому преп. Нестора и по иным русским книгам».

Сравнивая содержание его с Повестью временных лет, видим, что в основной своей части, в рассказах о событиях, предшествовавших крещению Владимира, о его крещении и приведении к вере всей Русской земли, оно вполне соответствует Повести (ср. Четии-Минеи 15 июля, лл. 448—456 и Повесть, с. 59—90). О дохристианском периоде

жизни Владимира Святитель хотя следует тоже Повести, но рассказывает сокращенно, заканчивая этот отдел жития такими словами: «о всем житии Владимировом, бывшем в неведении Бога и в нечестии, о братоубийстве и кровопролитиях, о храбрости и многих бранех, о богослужительстве и женонеистовствах его пишется пространно в летописцу св. Нестора Печерского и в иных многих рукописных летописаниях русских и в печатном Синопсисе Печерском». Из этих рукописных летописей и из Синопсиса Святитель внес лично некоторые небольшие добавления как в первую, так и во вторую часть своего жития. Следовательно, и это житие подтверждает наше предположение о тождестве Печерского летописца в начальных историях с Повестью временных лет. Ее поэтому можно считать главным источником трех последних житий.

Что касается жития благоверных князей Бориса и Глеба, которое мы не разбирали, то оно составлено по «Сказанию» неизвестного автора и по «Чтению о жизни и погублении» из Нестора, а не по Печерскому летописцу; Святитель в Четии-Минее совсем не указал его источников.

Печатные славянские издания, которыми пользовался Святитель Димитрий, работая над Четиими-Минеями, были многочисленны. В ссылках на источники и в примечаниях к житиям встречаются указания на самые разнообразные книги, обращавшиеся в Москве и на Юго-Западе в то время. Мы рассмотрим из них только те, которые дали или все, или основную, важнейшую часть содержания житий.

Из таких книг, прежде всего, заслуживает внимания славянский печатный Пролог. Он был, как мы уже знаем, руководственною книгою для Святителя при установлении дней празднования памятей святых, он же сообщал о последних и первоначальные сведения. Святитель Димитрий дорожил этими сведениями,— и в тех случаях, когда Пролог сообщал что-либо новое, сравнительно с другими источниками, не забывал вносить эти факты в свое повествование, а иногда даже целые отделы житий излагал словами Пролога. Заимствованные из Пролога жития можно разделить на три группы, сообразно с тем характером, какой носит это заимствование. Именно,— к первой группе относятся жития, которые представляют из себя близкую, иногда даже буквальную передачу проложных синаксарей, без всяких более или менее существенных изменений и дополнений; ко второй — жития, дополненные материалом из других источников; к третьей — те, содержание и изложение которых исправлено Святителем Димитрием на том или ином основании. Особенно важными и интересными являются жития последней группы. Они говорят о критическом отношении Святителя к Прологу и свидететельствуют, что эта книга не всегда для него была непререкаемым авторитетом.

Эти исправления носят двоякий характер: в одних случаях Святитель Димитрий перерабатывает Пролог в стилистическом отношении, изменяя план, или давая совершенно самостоятельное изложение, в других — он касается содержания и сообщает новые, несогласные с Прологом факты.

Особенно много исправлений и изменений внесено Святителем в синаксарь Пролога о святых 70-ти апостолах (4 января). В Четии-Минее, после своего сказания, Святитель делает примечание об этом и указывает те основания, которые побудили его переработать проложный синаксарь. Но значительно полнее и обстоятельнее о том же Святитель говорит в одной рукописи, сохранившейся в его черновых тетрадях[179]. Здесь не только указываются все поправки, внесенные в «избрание» Дорофея, но цитируются и те источники, на основании которых они сделаны. Из рукописи мы узнаем, что Святитель пользовался не одним славянским, а и латинским переводом «избрания»[180],

что свое сказание он составил по руководству многочисленных источников. В «рассмотрении» сделаны ссылки на историков — Евсевия, Никифора Каллиста, Георгия Кедрина, Барония; приведены выдержки из творений Святителя Иоанна Златоуста, Феодорита, Феофилакта Болгарского, несколько раз упомянуты: латинский экзегет Корнелий a Lapide, Acta Sanctorum, Сурий; текст Священного Писания сравнен по Библиям — Острожской, Московской и греческой, а в одном месте указана какая-то польская книжка и «книжица посланий св. Игнатия Богоносца», присланная в 1693 г. Варлааму Ясинскому Досифеем, митрополитом Сагавским, и им же «переведенная с еллино-греческого на славянский язык». Руководствуясь этими источниками, Святитель вскрыл в «избрании» Дорофея многочисленные ошибки и пришел к тому убеждению, что «избрание оно несть истое того св. Дорофея, но иного некоего и весьма недостоверно»; составитель его неправильно определил места деятельности и кончины некоторых святых апостолов, допустил много погрешностей против свидетельства Священного Писания, включил в список апостолов четырех явных еретиков, различных лиц смешал в одно, а одних и тех же повторил несколько раз, как различных. В рукописи каждая из этих ошибок подробно разбирается, о каждом апостоле даются проверенные сведения, исключенные лица заменяются новыми, а в Четии-Минее, кроме того, число апостолов увеличивается до 72, так как в «ином евангельском своде» сказано, что Господь избрал их не 70, а 72. В примечании к сказанию этот список дополняется сведениями еще о новых 16 лицах, которые также трудились в благовестии Христовом и «достойны апостольского имени», но о которых в Прологе под этим числом нет и упоминания. В общем сказание Святителя представляет из себя работу во многом совершенно новую, составленную на основании внимательного и осторожного изучения разнообразных источников.

Вторым печатным изданием, имевшим большое значение при составлении Четиих-Миней, следует считать Киево-Печерский Патерик. До Святителя Димитрия жития киево-печерских угодников редко вносились в Четии-Минеи. Святитель не последовал этому обычаю и внес в свои книги 35 житий и сказаний, связанных с Печерскою обителью, но воспользовался для этого не рукописными патериками, которые без сомнения были в Киево-Печерской Лавре, а позднейшей их переделкою — Патериком печатным, изданным впервые в 1661 г., а в 1678 г. вышедшим вторым изданием. Это второе издание и было в руках у Святителя Димитрия, причем он, заимствуя отсюда жития, не подвергал их никакой переработке, а большею частью буквально переписывал в свои Четии-Минеи. Все эти жития, кроме жития Никона Печерского[181], 23 марта, отмечены в Четиих-Минеях, как взятые из Печерского Патерика, а в Прологе Святителя и в рукописях нередко проставлены и те листы, на которых нужно искать их в печатном издании этой книги. По этим-то отметкам и можно заключать, что Святитель пользовался вторым изданием Патерика.

По Библии Святитель описал жизнь святого пророка Моисея, пророка Ионы, святого апостола Филиппа (из Деяний апостолов), пророка Даниила, святого Иова Многострадального, Иосифа Прекрасного и ряда других библейских лиц.

При составлении указанных житий Библия была главным, основным источником, но к ней же обращался Святитель и тогда, когда ему приходилось описывать жизнь всех вообще упоминаемых в Библии ветхозаветных и новозаветных святых. В таких случаях он не любил пользоваться библейскими сведениями из вторых рук, а обращался к ним непосредственно и передавал самостоятельно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить любое из относящихся сюда житий с указанными в Четии-Минее или рукописях источниками. Там, где в этих

житиях передаются сведения из Библии, мы всегда встречаем у Святителя то, чего нет в других источниках и что нашел или собрал он сам, после внимательного чтения и изучения Слова Божия. Пользуясь Священным Писанием, Святитель не избегал и его толкований,— в житиях и особенно в сказаниях довольно часто встречаются выдержки из Амвросия Медиоланского, Григория Нисского, Ефрема Сирина, Иеронима, Иоанна Златоуста и Феофилакта, причем к последним двум толковникам Святитель относится с особенной любовью и почтением. Из латинских экзегетов он пользовался сочинениями Корнелия а Лапиде, которые в количестве 10 томов имелись в его библиотеке [182]; отсюда Святитель брал сведения о жизни ветхозаветных и новозаветных библейских писателей, а иногда и иной материал. В большинстве случаев Святитель довольствовался славянским переводом Библии, по Острожскому изданию, но изредка ему приходилось обращаться и к переводам иностранным. Мы уже говорили, что в «рассмотрении избрания свв. 70 апостолов» Святитель приводит два места — из Деяний и Посланий Апостольских по-гречески: 8 ноября, в слове на собор святого Архистратига Михаила, он выписывает стих из книги пророка Захарии по Иеронимову переводу; тот же Иеронимов перевод упоминается 6 января, в слове на Богоявление Господне; там же есть ссылка на перевод Симмаха, а в сказании о Рождестве Христовом, 25 декабря, изъясняя 18 стих первой главы Евангелия от Матфея, Святитель говорит, как читается это место в переводе Сирском [183]. Ссылки на Симмаха и Сирский перевод, по всей вероятности, сделаны по руководству какого-нибудь пособия, но латинским переводом Святитель мог пользоваться и непосредственно.

Богослужебные книги также служили Святителю Димитрию источниками при составлении житий святых. С особенным вниманием Святитель относился к месячным Минеям. Описывая жизнь и подвиги того или иного святого, он всегда просматривал и службу ему, причем всё, что находил там фактически нового и важного, непременно вносил в свое повествование. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на Служебные Минеи, встречающиеся в Четиих-Минеях. Но эти Минеи служили Святителю не только источником новых сведений о святых,— он брал из них и чисто литературный материал, рассказывая о деяниях святых словами церковных гимнов и песнопений. Иногда песнопения даже прямо вписывались в Четии-Минеи. Например, в сказании о бегстве Пресвятой Богородицы в Египет (26 декабря) Святитель выписывает всю вторую стихиру на стиховне из службы святому Иакову, брату Господню (23 октября).

Некоторые жития написаны исключительно по служебным Минеям.

Из других Богослужебных книг Святитель всего чаще ссылается на Трефологион (или Анфологион), т. е. на Праздничную Минею. В первой главе сочинения мы говорили, что в Трефологионах, кроме службы, помещался и агиологический материал — краткие, а иногда и довольно обстоятельные жития великих святых. Вот этими-то житиями и пользовался Святитель. Мы сравнивали его Четии-Минеи с Львовским изданием Трефологиона, вышедшим в 1651 г. [184], и нашли, что во многих местах Святитель делает буквальные заимствования из этой книги.

Из Постной Триоди Святитель заимствовал: житие Святителя Григория Паламы, 14 ноября, «списанное от святейшего Филофея, патриарха Цареградского, в Триоди Постной в неделю вторую положенное»; житие есть близкое переложение [185] синаксаря на вторую неделю Великого поста; 17 февраля, сказание о чудеси святого великомученика Феодора,— «от синаксаря первой субботы Великого поста». Пользовался Святитель Триодью и при составлении житий святого Иоанна

Лествичника (30 марта) и преподобной Марии Египетской (1 апреля), но она была здесь не главным источником, а только пособием.

Цветная Триодь имела меньше значения для Святителя; нельзя указать ни одного жития, которое бы составлено было только по ней. Но, описывая жизнь мироносиц (например, Марии Магдалины) и некоторых других святых (например, царицы Феофании — 16 декабря, Иосифа Обручника — 26 декабря), Святитель справлялся с Триодью и кое-что брал из ее синаксарей. 30 июня сказание о святых 12 апостолах имеет в основе подобное же сказание, приписываемое святому Епифанию, епископу Кипрскому; оно взято из Богослужебного Апостола, о чем свидетельствует ссылка в месяцеслове [186]; здесь же Святитель указывает Корнелия а Лапиде и предисловие к посланиям апостола Павла в «Библии польской», эти книги также дали материал для рассматриваемого сказания.

Наконец, Святитель пользовался и предисловиями к Богослужебному Евангелию, где помещаются краткие сведения об евангелистах. Ссылка на такое предисловие сделана, например, 18 октября, в житии святого евангелиста Луки, и 16 ноября, в житии святого евангелиста Матфея.

Из существовавших во время деятельности Святителя Димитрия различных агиологических изданий, некоторые также упоминаются в Четиих-Минеях. Так, 25 сентября, день памяти преподобного Сергия Радонежского, Святитель в примечании к его житию ссылается на книгу жития преподобного, в Москве изданную, из которой и заимствует содержание примечания; 6 декабря в примечании к житию Святителя Николая чудотворца упоминается «Книжица о чудесах его, в Печерской обители в 1680 г. изданная». 26 июня, пред сказанием об иконах Богоматери «Одигитрия» и «Римляныня», Святитель пишет, что заимствовал их «от сборника печатного Московского», и указывает даже листы: для первого сказания — 340 и 366, для второго — 341 и 367. Мы просматривали Сборник, изданный в Москве в 1647 г., но там нашли только второе сказание «о чудесах Пресвятой Богородицы от иконы Ея Римляныни» (л. 338 об.). Так как в Четиих-Минеях сказание об Одигитрии, кроме ссылки на Сборник, имеет еще ссылку на Никифора Каллиста (XIV, 2 ч.), Небо новое (л. 82) и Великие Четии-Минеи (августа 1-го, л. 11) и в последних есть подобное же сказание об этой иконе, то не эти ли Минеи служили здесь источником для Святителя? Из Никифора Каллиста и книги Иоанникия Голятовского он дополнил рассказ Великих Четиих-Миней. Небо новое и еще несколько раз упоминается в Четиих-Минеях (1 сентября, 26 декабря, 8 августа), но самостоятельного значения эта книга не имела, и Святитель пользовался ею только как пособием, внося отсюда отдельные эпизоды в свой рассказ, составляемый по другим источникам.

Использовал Святитель, работая над Четиими-Минеями, и агиологический сборник Анфологион, изданный в Москве в 1660 г. Из него он взял житие святой великомученицы Екатерины, 24 ноября, и составил по нему не только первую часть своего жития, где сделана ссылка на Анфологион, но и вторую, которая отмечена Метафрастом. Правда, Метафрастово житие в латинском переводе было у Святителя в сборнике Сурия и на последнего в первом месяцеслове есть ссылка (VII т., 624 с., ср. Пар. гр. 116 т., 275 с.), но в Анфологионе вторая половина жития святой Екатерины представляет из себя почти буквальный перевод той же Метафрастовой редакции, и Святитель, вместо того, чтобы самому переводить латинский текст, воспользовался здесь готовым славянским переводом. Кроме жития святой Екатерины, Святитель более на Анфологион не ссылается. Но там имеются еще жития святого мученика Феодора Стратилата (память 8 февраля) и святого блаженного Алексия, человека Божия (память 17 марта). Сравнение

этих житий с находящимися в наших Четиих-Минеях дает основание предполагать, что Святитель и здесь пользовался Анфологионом. В житии святого Феодора Стратилата, главным источником которого было Метафрастово житие из сборника Сурия, некоторые отступления от Метафраста находят себе оправдание в Анфологионе. Например, Метафраст пишет, что число обратившихся ко Христу с святым Феодором воинов было «octoginta», у Святителя, как и в Анфологионе — 72; у Метафраста нищий нес «manum» (руку) богини Артемиды,— в Анфологионе и у Святителя — «главу»... Из Анфологиона же взяты и те дополнения, которыми Святитель в некоторых местах расширяет повествование Метафраста.

Еще ощутительнее влияние Анфологиона сказывается на житии святого Алексия, человека Божия. В Четии-Минее сказано, что это житие заимствовано «от Метафраста и Четии-Минеи». Житие Метафрастово находится в сборнике Сурия (т. IV, с. 221), который процитирован в месяцеслове. Но и у Сурия, и в Великих Четиих-Минеях (март, л. 395), и в Анфологионе, по-видимому, одна и та же, так называемая «греко-латинская» [187] редакция жития, имеющая, впрочем, в каждом из этих сборников некоторые, иногда и существенные особенности. При сравнении труд Святителя во многих местах очень сходен с житием в Анфологионе как в фактах, так и в изложении, но имеет и особенности. У Святителя есть имя халтулария (Аэтий), читавшего царю, папе и народу грамоту, написанную блаженным Алексием перед кончиной,— в Анфологионе его имени нет; Святитель пишет, что святость и благочестие преподобного открыты были в видении пономарю того храма, у врат которого святой Алексий просил милостыню,— в Анфологионе о пономаре нет и упоминания; в ином порядке и пространнее переведены в Анфологионе и те сетования, какими выражают свое горе отец, мать и жена блаженного после его ухода и смерти. Можно поэтому думать, что при составлении разбираемого жития, кроме Анфологиона, Святитель пользовался еще Сурием и Великими Четиими-Минеями, где и имя халтулария, и эпизод о пономаре имеются.

Мы указали все важнейшие источники житий святых в Четиих-Минеях Святителя Димитрия и указали те жития, содержание которых не отличается в этом отношении особенною сложностью. Жития, при составлении которых Святитель обращался к нескольким источникам и где каждый из этих источников оказывал важное, существенное влияние на работу Святителя Димитрия, мы решили выделить в особую группу. Таких житий довольно много, и их анализ показывает, какую большую работу пришлось провести Святителю, собирая по крохам материал из разных известных ему источников, на которые он и указывает.

Таким же путем составлены рассказы о христианских праздниках и событиях из жизни Божией Матери и Христа Спасителя. Святитель собрал здесь все сведения, какие сохранились в Священном Писании, Священном Предании и древней христианской письменности, и изложил их в виде связных, истолковательного характера бесед и рассказов, стараясь не только в полноте передать все подробности воспоминаемого Церковью священного события, но и раскрыть его смысл, его значение для христианина.

Однородность предметов содержания и одинаковая литературная форма обусловливают общность и источников для этих повествований. В них очень часто приходится встречать выдержки из одних и тех же произведений святоотеческой литературы, ссылки на одни и те же сочинения, даже одни и те же факты [188]. Чтобы определить основные, главнейшие их источники, возьмем как пример сказание о Рождестве Господа Иисуса Христа. Оно написано в форме беседы на второе зачало евангелия Матфея и шестое Луки и, соответственно этому, де-

лится на две части. В первой, где передаются события, предшествовавшие рождению Спасителя, обращается особое внимание на те чувства, которые переживал старец Иосиф, увидя святую Деву непраздною, и на доказательства, свидетельствующие о приснодевстве Марии. Чтобы изобразить волновавшие праведного старца чувства, Святитель пользуется творениями святых отцов и церковными песнопениями на праздник Рождества Христова и приводит из них обильные выдержки, точно указывая на полях и в тексте, откуда заимствована выдержка и далеко ли она простирается. Чтобы доказать приснодевство Богоматери, Святитель подробно разбирает 20—25 ст. 1-й главы от Матфея, приводя также свидетельства святых отцов Церкви и толкователей Священного Писания. Первая часть заканчивается апокрифическим рассказом о том, как по донесению книжника Аннина испытана была непорочность и чистота Девы Марии чрез питие клятвенной воды.

Вторая часть начинается географическим описанием Вифлеема, а затем передается и совершившееся здесь, в убогом вертепе, рождение Господа Иисуса Христа с сопровождавшими его чудесными событиями. Рассказывая об этом, Святитель снова обращает внимание на то, что Пресвятая Дева родила Господа без повреждения девства и безболезненно, приводя опять выдержки из творений святых отцов, церковных песнопений и апокрифов. Пользуясь выражениями церковных песней, он описывает далее поведение и чувства Богоматери в это время, упоминает об окружавших убогие ясли ангелах, говорит об осле и воле, согревавших Божественного Младенца своим дыханием, и о том, как вел себя тогда и что переживал праведный старец Иосиф. В конце второй части указывается время, когда совершилось Рождество Господа Спасителя и перечисляются сопровождавшие его чудеса. Время определяется на основании свидетельства отцов шестого Вселенского Собора, а из чудес, кроме описанного в Евангелии явления ангела пастырям Вифлеемским, упоминаются и некоторые другие, заимствованные из апокрифов. С разобранным сказанием однородны другие рождественские сказания (о поклонении волхвов, о бегстве в Египет), слова на Сретение Господне, Благовещение, Преображение и синаксари.

В тех случаях, когда не было Евангельских сведений, Святитель обращался к преданию, заимствуя его у церковных историков (главным образом, у Георгия Кедрина и Никифора Каллиста), в творениях отцов и учителей Церкви, в Прологе и Богослужебных книгах. В этом отношении особенно интересно сказание о Успении Богоматери. Оно состоит из двух частей,— в первой передается история, собственно, успения и погребения и описываются, на основании свидетельств Амвросия Медиоланского (de virginibus, II, 2) и Никифора Каллиста (II, 23), нравственный характер и физические черты Богоматери,— во второй излагается ее жизнь и деятельность после вознесения на небо Господа Спасителя. В первой части нет выдержек из источников, но пометка в начале сказания: «собрано от свв. Отцев и достоверных писателей» — показывает, что сообщаемые здесь сведения также заимствованы у различных отцов и учителей Церкви [189], но только изложены Святителем в виде связного и последовательного рассказа, а не в подлинных отрывках и выдержках. Во второй части, напротив, преобладают подлинные выписки из Игнатия Богоносца (послание к апостолу Иоанну), Стефана Святогорца, Иоанна Солунского и др., причем все они точно указаны в тексте сказания. Повествованию о успении подобны сказания: о введении Богоматери во храм и об убиении младенцев.

Разобранные нами повествования о Рождестве Христовом и Успении показывают, что главными источниками для Святителя были Священное Писание (Евангелия и кн. Деяний) и творения святых отцов и учителей Церкви, Богослужебные книги и апокрифы. Остановимся

прежде всего на последних. В повествованиях Святителя имеются сведения, впервые появившиеся в «Первоевангелии апостола Иакова», в «истории детства Иисуса Христа», в «истории Иосифа», в «Евангелии о рождении Марии» и других апокрифических сочинениях. Где взял их Святитель Димитрий? Известно, что древнеславянская литература была богата апокрифами. Некоторые из них попали даже в Четьи-Минеи митрополита Макария (например, Первоевангелие под именем «Слова на Рождество Пресвятой Богородицы апостола Иакова», сент. в. 1, 352 с. и многие другие). Встречались апокрифы и в старопечатных книгах. Святитель не раз, например, ссылается на Маргарит, где находится пространное слово на Рождество Богоматери, полное апокрифических сведений о Ее жизни. Но нам думается, что апокрифический элемент Святитель черпал, главным образом, из западных — латинских и польских изданий, у историков Георгия Кедрина и Никифора Каллиста и из южнорусских сочинений XVII в. Много апокрифического материала дал Святителю Бароний. Сравнение повествования о Рождестве Богоматери в ВЧМ показывает, что и Первоевангелие Иакова было у Святителя в иной — неславянской редакции. В описи оставшихся после Святителя книг значатся польские издания: «Житие Пресвятой Девы Марии» и «Житие прехвальной Марии», изданное в 1648 г. в Кракове [190]. Может быть, они и были здесь источниками для Святителя. Много апокрифических сведений дала и книжка И. Голятовского «Небо новое», на которую Святитель ссылается в Четиих-Минеях несколько раз и, между прочим, 26 декабря, в сказании о бегстве в Египет. Необходимо, однако, заметить, что, пользуясь апокрифами, Святитель относился к ним с осторожностью и брал из них в Четии-Минеи только то, что носило характер естественности, полезно было для назидания и не противоречило чувству православного христианина.

Гораздо шире и глубже использовал Святитель при составлении праздничных слов и сказаний святоотеческую литературу. Знакомясь с Четиими-Минеями, приходится поражаться той начитанности, какою обладал Святитель в этом отношении. В праздничных словах и сказаниях выдержки из творений святых отцов следуют иногда непрерывно, одна за другой, и представляют как бы златую цепь, сотканную в честь праздника трудолюбивым списателем житий.

Сильное влияние на праздничные слова и сказания оказали и составленные в честь праздников церковные песнопения. Святитель с удивительной любовью изучал их, выбирая всё, что давало фактический материал или способствовало живости и назидательности рассказа. В его изложении мы встречаем не только отрывки из песнопений праздника, его предпразднства и попразднства, но и целые сцены, составленные на основании службы или по ее примеру. Так, в слове на Благовещение приводится беседа Архангела Гавриила с Пресвятою Девой, написанная по примеру и под сильным влиянием канона на этот праздник; 23 сентября, в слове на зачатие святого Иоанна Предтечи, между Архангелом и Захариею ведется диалог, подобный диалогу в стихирах на Господи, воззвах, на стиховне и некоторых песнях канона в службе на этот день. Праздничная Минея, вообще, имела высокое достоинство в глазах Святителя, он старался как можно теснее связать с нею свои повествования и всё, что сообщала она, считал за непререкаемую истину.

Как ни обильны были источники праздничных слов и сказаний, всё же многое в них мы должны отнести и к творчеству самого Святителя Димитрия. Движимый глубоким религиозным чувством, он, чтобы сильнее подействовать и растрогать сердце своих читателей, вкладывал в уста описываемых лиц свои речи, старался изобразить их душевное состояние, в восклицаниях и отступлениях выражал свой вос-

торг, свое умиление по поводу описываемого и вносил в рассказ сердечность и теплоту своей смиренной, с детства преданной Богу души. Оттого все эти сказания проникнуты одним духом, одним настроением и могут считаться прекрасными и самостоятельными творениями Святителя Димитрия.

Слов с чисто гомилетическим содержанием в Четиих-Минеях немного. Из них одни составлены великими отцами Церкви и взяты Святителем или у Сурия, или в иных сборниках [191], другие не имеют указаний на их авторов и, вероятно, написаны или самим Святителем, или кем-либо из южнорусских проповедников того времени. Об этом свидетельствуют их содержание и характер. Все они отличаются искусственностью построения и аллегоризмом; на всех сказывается сильное влияние юго-западной теории гомилетики, составленной Иоанникием Голятовским; во всех, несмотря на их высокое витийство и многоученость, мало назидательного и близкого сердцу, а поэтому в Четиих-Минеях они являются наименее ценным материалом [192]. Более понятны и важны в этом отделе слова на день святого Архистратига Михаила (8 ноября) и на начало индикта (1 сентября); в первом, на основании Библии и книги «О небесной иерархии», приписываемой Дионисию Ареопагиту, даются сведения об ангельских чинах и их служении роду человеческому [193], во втором объясняется повод и смысл установления празднования новому лету 1 сентября.

Мы разобрали все агиологические и дидактические произведения, входящие в состав Четиих-Миней, и указали их источники. Произведенная нами работа с достаточною ясностью показывает, что между действительными источниками Четиих-Миней и теми, которые показал Святитель Димитрий в своих книгах, нет полного соответствия. В частности, подлинных греческих источников он совсем не имел, а пользовался латинскими переводами их из различных западных агиологических изданий. Почему в Четиих-Минеях он указал первоисточники, а не эти издания,— на это ясный ответ дает уже изложенная нами в первой главе исследования история составления Четиих-Миней и их печатания. Великий труд Святителя Димитрия появился на свет в то время, когда Украина была присоединена к Москве и когда патриарх Московский простирал уже свою властную руку на Киевскую митрополию. Имея в лице патриарха Иоакима сторонника Московской антилатинской партии, подозрительно относящегося к юго-западным ученым и сурово карающего их даже за невинные симпатии к Западу, в Киеве поневоле должны были скрывать эти симпатии и не обнаруживать ту тесную связь, которая существовала тогда между Западной Европой и Украиной. То же приходилось делать и Святителю Димитрию. Работая над Четиими-Минеями, главным образом, по латинским источникам, и он, вероятно, по совету своего руководителя, осторожного митрополита Варлаама Ясинского, не показал их в своих книгах, а сослался на первоисточник, на тех греческих агиографов и церковных писателей, к которым в Москве не могло быть никакого недоверия. Эта уступка обстоятельствам времени была тем более невинна, что была обычным явлением в то время, а кроме того, и латинские издания представляли из себя большею частью буквальный перевод тех же греческих писателей и агиографов.

Разбор житий святых со стороны их источников показал нам и другую особенность ссылок Святителя Димитрия. Мы установили, что некоторые авторы указывались Святителем в цитатах только как свидетели, как лица, писавшие о тех же людях и событиях. В следующей главе нам придется подробно говорить о значении этого факта, а теперь отметим только то, что он, равно как и вся работа по собиранию материала для житий, обрисовывает нам Святителя Димитрия, как замечательного книжника-трудолюбца. Сколько книг собрал он

для своего любимого труда! Сколько изучил и просмотрел капитальных агиографических и церковноисторических изданий! Сколько внимания и прилежания проявил при составлении каждого, даже самого малого жития и сказания! Правда, любовь к книгам и обширная начитанность являются обычными чертами, характеризующими юго-западных ученых XVII в. Но у Святителя Димитрия эти качества были особенно изумительны. С точки зрения полноты использованной им агиологической литературы, мы не можем сделать Святителю ни одного упрека,— он привлек всё, что могла она дать ему в то время, и изучил собранный материал внимательно и добросовестно. Недаром, по выходе из печати, его Четии-Минеи отмечены были в украинской летописи как выдающееся историческое событие и, встреченные похвалами современников, до сих пор остаются незаменимыми и самыми полными пособиями по агиографии в нашей Церкви.

Глава третья

В последней главе нашей работы мы намерены охарактеризовать Святителя Димитрия как писателя-агиографа и выяснить те правила, которыми он руководствовался, составляя жития святых для Четиих-Миней. Христианская агиография до Святителя Димитрия пережила и в Греции и на Руси долгую историю. Она, как мы говорили [194], скопила большое количество агиологического материала и выработала несколько форм для описания жизни и подвигов святых. На юго-западе России, где Святитель Димитрий начал свой труд составления Четиих-Миней, без сомнения, знали эти формы по тем переводам греческих житий и тем оригинальным житиям, которые находились в различных рукописных сборниках и печатных книгах, существовавших на Юго-Западе и проникавших сюда из России. Святитель Димитрий, конечно, знаком был с этой агиографической литературой и, приступая к составлению Четиих-Миней, не мог быть совершенно свободным от тех традиций, которые приняты были тогда в агиографии. Кроме того, нельзя забывать, что составленные Святителем жития не являются в строгом смысле самостоятельными произведениями, написанными на основании критического изучения различных источников, а в громадном большинстве представляют из себя переложения житий, ранее составленных различными агиографами. Вполне естественно, что, делая эти переложения, Святитель Димитрий удержал в своей работе многие черты тех оригиналов, которые пересказывал. Это сказалось, например, в тех названиях, какие дает Святитель своим переложениям. Следуя выработанным в агиографии формам, он одни из этих переложений называет «житиями» или «житием и страданием», другие — только «страданием», третьи — «памятью», при этом если термин «житие» более или менее точно соответствовал греческой форме βίος, то «страдание» отвечало тому виду повествования о святых мучениках, какой утвердился в Греции после реформы Симеона Метафраста: это было описание не только тех мучений, какие перенес святой мученик, но, по возможности, и рассказ о всей его жизни. «Памятью» называл Святитель те свои переложения, которые брал из Пролога и других подобных агиографических сборников, где не было полных сведений о жизни и подвигах святых.

Влияние старых традиций сказалось далее и в самом взгляде Святителя Димитрия на Четии-Минеи, как сборник житий святых. Из слов Святителя видно, что по его понятию Четии-Минеи не историческое сочинение, цель и назначение их состоят не в том, чтобы сообщить точные и строго проверенные факты из жизни того или другого прославленного Церковью угодника Божия, а в том, чтобы преподать читателю назидательное, душеполезное чтение, чтобы возбудить в нем

преклонение пред добродетелью и пред тем, кто был ее носителем на земле. Напрасно мы стали бы думать, что Святитель Димитрий не знал или не понимал характера строго исторического сочинения. Для него, так хорошо знакомого со всеми греческими и многими латинскими историками и так любившего историю, без сомнения, хорошо были известны те требования, которые предъявляются к строго историческому сочинению. «Вем,— пишет он митрополиту Стефану Яворскому в письме от 11 декабря 1707 г.,— в книгописательстве иное есть быти историком, иное толкователем, иное правоучителем» [195]. И действительно, если сравнить чисто исторические труды Святителя с его Четиими-Минеями, то там и здесь мы увидим совершенно разные приемы и цели работы. Особенно интересно просмотреть для этого такие, например, работы Святителя, как «Рассмотрение и исследование лет Рождества Христова» [196], или «Рассмотрение о лете скончания преподобной Марии Египетской» [197]. Святитель здесь ищет истины, изучает и сравнивает источники, опровергает и доказывает. В Четиих-Минеях тот же элемент хотя и присутствует, но в очень слабой степени; повествования о жизни святых здесь составляются и собираются не для удовлетворения научной любознательности, а для того, «да возмогут нас пользовати и наставляти на вся добрая дела, и приводити ко пристанищу спасения, аще точию нелепостно я по вся дни и внимательно прочитовати будем» [198]. О духовной пользе, о назидании, как цели своих трудов по составлению житий святых, Святитель много раз говорит и в Четиих-Минеях. А такой взгляд выработался, как известно, в Греции и, перенесенный оттуда в Россию, утвердился здесь и получил почти обязательную силу в эпоху Московского митрополита Макария.

Влияние принятых в агиографии традиций сказалось и в некоторых приемах работы Святителя Димитрия. Всякий, кто принимался за составление жизнеописания святого угодника Божия, считал необходимым изложить непременно всю его жизнь, с детства до кончины, и где не хватало фактического материала, заменял его привычными, выработанными в агиографии фразами и предложениями. Тот же прием можно находить и в труде Святителя Димитрия. Правда, он не применяется здесь с безусловною необходимостью, но всё же у составителя есть стремление описать непременно всю жизнь святого и, где мало материала, он прибегает к подобному же способу изложения. Из относящихся сюда примеров приведем следующие [199]. 9 апреля Святитель поместил в Четиих-Минеях житие святого мученика Евпсихия. Источником для него служили Acta SS. (апрель I, 822), где в историческом комментарии собраны сведения о святом из истории Созомена, Минология императора Василия и западных мартирологов. Эти сведения передают лишь отдельные факты из жизни святого мученика и характера связного изложения не имеют.

Святитель составляет для Четиих-Миней полное житие и, за недостатком фактов, так, например, характеризует поведение святого в юности: «св. мч. Евпсихий рожден и воспитан бе от честного патрикийского благородия и провождаше непорочно в целомудрии христианстем лета юности своея, седину имуще разум и возраст старости житие нескверное» [200]. 12 мая, описывая на основании материала, собранного в тех же Актах (май III, 155), жизнь Святителя Германа, архиепископа Константинопольского, Святитель дает такую характеристику его подвижничества: «живяше св. Герман, яко ангел Божий, от всякого земного пристрастия и мирские суеты удален, весь же ум к Богу вперен имеяй, и всегда хвалу Господню во устех носяй, и прилежа чтению книг Божественных во дни и в нощи, откуду и премудрости глубину исследова и почерпе животных Богодухновенных учений воды» [201]... Интересно в этом отношении также житие святых девяти мучеников кизических, составленное Святителем по просьбе пат-

риарха Адриана. Цветистый язык этого жития и многие фразы и предложения носят явные следы влияния тех требований, которые предъявлялись в то время к житию московскими книжниками[202]. Вообще, черты сродства с господствовавшей в то время и у нас, и в Греции агиографической школой у Святителя Димитрия, несомненно, есть, но всё же его никак нельзя причислить только к талантливым последователям этой школы,— в его работе так много нового, своеобразного и оригинального.

Чем же обусловливались эти новые черты в творчестве Святителя Димитрия?

Одной из причин было влияние такого опытного и умелого агиографа, как Петр Скарга, книга которого, как указывалось выше, отличалась высокими художественными достоинствами и была очень популярна в Южной Руси.

Когда киевские ревнители Православия получили, наконец, возможность приняться за составление своих Четиих-Миней, им, чтобы парализовать влияние «Żywoty» Скарги, нужно было создать книгу, не только обладающую всеми достоинствами этого сочинения, но и превосходящую его. Ввиду этого всякий, кто брался за составление Четиих-Миней, едва ли мог совершенно игнорировать сборник Скарги. Пусть он написан был иезуитом и преследовал задачи ненавистной православным унии, его положительных сторон и достоинств нельзя было отрицать,— и молодому, начинающему агиографу многому можно было поучиться у опытного и искушенного в литературе Скарги. Не отстранил от себя книгу Скарги и смиренный иеромонах Димитрий, которому поручено было написать славянские жития святых. Как можно судить по одному экземпляру «Żywoty» Скарги, сохранившемуся в оставшейся после Святителя библиотеке[203], он внимательно читал эту книгу и часто справлялся с нею во время своей работы. То и дело встречающиеся на полях и в тексте подчерки служат явными показателями этого. При таких условиях довольно трудно было остаться совершенно независимым,— и влияние Скарги действительно сказывается на работе Святителя Димитрия.

Чтобы убедиться в этом, достаточно даже беглого, поверхностного сравнения наших Четиих-Миней с «Żywoty» Скарги. Черты сходства видны здесь и в общей структуре житий и в приемах пользования источниками. Так, Скарга берет материал у Липомана и Сурия, а ссылается на Метафраста и другие первоисточники. Не то же ли самое делает и Святитель Димитрий? И странно было бы укорять Святителя за то, что он не показал в Четиих-Минеях своих действительных источников. Этого он не мог сделать не только из-за строгости московской цензуры, но и потому, что с латинскими источниками книги его не имели бы успеха и на Юго-Западе, где никто почти не знал Сурия и Липомана и где даже писатель-католик не счел удобным и выгодным сослаться на них. Скарга собирает разнообразные источники и свободно оперирует с ними. Множество источников собирает и Святитель Димитрий и при этом не только равняется с Скаргой, но и значительно превосходит его. Что касается пользования источниками, то ниже мы увидим, как много свободы и самостоятельности проявил тут Святитель Димитрий и как близки в этом отношении его жития к житиям Скарги. Скарга, наконец, внес в рассказы о святых много личного элемента, изложил их образным, изящным языком, оживил художественными описаниями... Те же черты найдем мы и у Святителя Димитрия.

Но, отмечая это сходство и устанавливая несомненное влияние Петра Скарги на Святителя, как писателя житий, мы всё же должны сказать, что Святитель Димитрий — не простой подражатель и тем более не переводчик Скарги. Он многому научился у знаменитого польского агиографа, многое у него заимствовал, что и сделало его Четии-

Минеи так мало похожими на древнеславянские и московские сборники житий,— но эти уроки и заимствования он претворил в свои личные качества и окрасил чертами своего природного ума и писательского таланта.

Положение Святителя Димитрия, как православного агиографа, как противника унии и католичества, побуждало его не столько подражать Скарге, сколько искать своих путей и разрабатывать собранный материал самостоятельно. Вот почему и в подборе источников, и в способе изложения мы, и после сравнения с Скаргой, находим у Святителя Димитрия так много самостоятельного, что должны приписать уже его собственному искусству и темпераменту. Эти-то своеобразные черты мы, главным образом, и постараемся выяснить в нашем дальнейшем изложении.

Чтобы составить Четии-Минеи, Святителю Димитрию необходимо было написать на каждый день года или одно, или несколько житий прежде всего общехристианских святых. Древнерусский агиограф, когда ему предстояла та же задача, легко справлялся с нею. Он брал для этого из богатой греческой сокровищницы нужное ему житие и буквально, слово за словом, переводил его. Если имелось несколько редакций одного и того же жития, русские книжники переводили их все, а разбирать, переделывать и по-своему комбинировать имеющийся у них материал не решались. Самым ярким доказательством в пользу сказанного могут служить Четии-Минеи Московского митрополита Макария. Этот замечательный любитель агиологии собрал в свои книги множество славянских переводов с греческого и часто под одним числом помещал несколько редакций одного и того же жития. Никаких переделок или переработок житий, кроме словесного исправления, он, по-видимому, не допускал. Святитель Димитрий, разрешавший подобную Макарьевской задачу, поступил не так. Он дал не переводы, а пересказы житий, и притом не по одному источнику, а по нескольким. Этим способом работы Святитель, полагаем, обязан Скарге, который также, после внимательного изучения источников, дал в своей книге пересказы житий, полные индивидуального почина.

Мы не знаем, как велико было количество использованных Скаргою источников, но, по-видимому, он не ограничивался Липоманом и Сурием, а обращался и к другим, существовавшим тогда на Западе агиологическим сборникам. Святитель Димитрий поставил то же дело значительно шире: он, как мы видели, собрал для своего труда всё более или менее выдающееся, что существовало и можно было достать из области агиологии в его время. Чтобы не оказаться слабее своего противника, Святитель не погнушался и западной литературой,— напротив, ее-то он, воспитанный в школе юго-западных православных писателей, и поставил в своих занятиях во главу угла.

Наученные долгой борьбой с иноверием, юго-западные поборники Православия чужды были московских косности и фанатизма. Они не считали у латынян всё ложным и еретическим. Старательно изучая своих противников, они охотно заимствовали у них то, что считали полезным для защиты православной веры, и на западноевропейской основе возводили здание своей национальной литературы. По той же дороге шел и Святитель Димитрий. Он не только не находил ничего опасного в том, чтобы пользоваться трудами латинских агиологов, но и выражал им явно внимание и уважение. Он, например, внес в списки учителей, писателей, историков и повествователей, по которым составлял свои Четии-Минеи, блаженного Иеронима, отца римско-католической науки, и стойко отстоял уместность этого против возражений патриарха Иоакима[204]. Как на источник своих житий, он там же сослался на «Римское мученикословие» и несколько раз процитировал его при житиях святых[205]. 29 мая, в житии святой мученицы

Феодосии, девицы Тирския, Святитель привел целый эпизод из «римского повествования» и, не скрывая, отметил это в житии. Во многих местах Четиих-Миней он изложил латинские, несогласные с православным пониманием мнения о лицах и событиях и в одних случаях спокойно опроверг их[206], в других передал, как достойные внимания и вероятия[207].

Но, отдавая дань уважения латинским агиографам и обильно черпая у них материал для Четиих-Миней, Святитель Димитрий не оставил без внимания и славянскую агиографическую литературу. Как мы видели, он собрал значительное количество и печатных и рукописных славянских сборников и затратил на это немало энергии и труда. Особенно поучительна в этом отношении история получения из Москвы Великих Макарьевских Четиих-Миней. Мы знаем, что, начиная с Иннокентия Гизеля, киевские ревнители Православия, задумав издать славянские Четии-Минеи, усиленно добиваются этих замечательных книг. Неоднократно пишет патриархам о присылке их и Святитель Димитрий. Для него, имеющего в руках такие богатые агиографическим материалом латинские сборники, как книги Сурия, Росвейда и Acta Sanctorum, особой нужды в новых источниках, по-видимому, не должно было и быть. Эти издания могли дать материал вполне достаточный для полного круга Четиих-Миней. Почему же Святитель Димитрий не ограничивается ими? Почему, вслед за своими руководителями, он усердно просит Макарьевских Четиих-Миней и старательно собирает славянскую агиографическую литературу?

В славянских сборниках, особенно в Великих Четиих-Минеях, Святитель мог найти много нового материала, в латинских и польских источниках отсутствующего. Прежде всего это необходимо сказать о житиях русских святых. И в литературе распространено мнение, что славянские Четии-Минеи нужны были Святителю для описания жизни и подвигов отечественных святых[208]. Однако такое мнение нельзя признать вполне удовлетворительным. Мы уже говорили[209], что до переселения на север Святитель очень мало интересовался великороссийской агиологией. Его более занимали жития киево-печерских угодников Божиих, но для них прекрасным пособием был уже существующий в печати Печерский Патерик. В первую книгу Четиих-Миней Святитель внес только девять житий великороссийских святых, но и из них по Великим Четиим-Минеям написаны лишь три, остальные взяты из Пролога и других источников. В следующих книгах таких житий значительно больше, но источниками для них опять служат не Макарьевские Минеи, а Пролог, Анфологион и различные рукописные сборники. Вообще, из общего количества находящихся в Четиих-Минеях житий русских святых по Великим Четиим-Минеям написаны только 16, и поэтому едва ли правильно утверждать, что эти Минеи нужны были Святителю Димитрию только как пособие при работе по русской агиографии. Святитель использовал Макарьевские Минеи и в этом отношении, но значение их для его труда этим далеко не ограничивалось.

В Великих Четиих-Минеях и в некоторых славянских рукописях можно было, далее, найти немало нового материала и по общехристианской агиографии. Здесь довольно часто встречались новые редакции житий, а иногда и совершенно неизвестные западным агиографам жития, не попавшие в их сборники. Особенно обильны были таким новым материалом Макарьевские Четии-Минеи,—и Святитель Димитрий довольно часто им пользовался. Однако опять нельзя сказать, чтобы потребность в Великих Четиих-Минеях вызвана была этим, что они нужны были Святителю только как дополнение, как сборник нового агиографического материала при изданиях латинских. Если бы это было справедливо, тогда бы мы нашли в Четиих-Минеях Святителя Димитрия значительно большее количество подобных житий и он не

стал бы так часто пропускать их, оставляя без внимания. Наконец, и ссылки на Великие Четии-Минеи и другие славянские источники мы встречаем у Святителя Димитрия чаще всего при тех житиях, обильный материал для которых давали источники иностранные. Очевидно, нужда в Великих Четиих-Минеях указанными потребностями не ограничивалась и в Киеве руководились другими побуждениями, когда так усердно просили их у Москвы.

Нам думается, что при всем уважении к западной науке и при всех заимствованиях из нее и Святитель Димитрий, и его предшественники и руководители никогда не забывали, что это наука католическая, что в ней проводятся мнения и взгляды уклонившегося от правой веры римского Костела. Поэтому пользоваться этой наукой надо осторожно, и не худо сочинения латинских и польских писателей проверять если не по греческим, то хотя бы по славянским печатным изданиям и рукописям. Для проверки иностранных источников нужны были киевлянам и Великие Четии-Минеи. В этом богатейшем и единственном по полноте славянском сборнике христианской агиографии они надеялись найти всё, что располагали поместить в свои Четии-Минеи и чем намерены были воспользоваться из источников иностранных. В этом слиянии славянских и латинских источников киевляне выполняли свою определенную историей национальную задачу, и это, главным образом, придавало агиографической деятельности Святителя Димитрия ту своеобразную особенность, которая резко отличала его от польского агиографа Скарги.

Достоверность высказанного нами мнения имеет не только априорные основания. Об этом свидетельствуют и сам Святитель Димитрий, и его руководители и покровители. Обращаясь к патриарху Адриану с просьбой о присылке Четиих-Миней, Святитель говорит, что они нужны ему «согласия ради пишемых им житий святых»[210]. Гетман Самойлович в письме к князю В. В. Голицыну выражается, что Четии-Минеи митрополита Макария нужны киевским ученым при составлении житий святых «для лучшего о всем исследования»[211]; митрополит Варлаам Ясинский в предисловии к читателю благочестивому при первой книге житий святых также утверждает, что они написаны «по зводу с великих Миней-Четиих» и что эти Минеи присланы были патриархом Иоакимом в Киев «согласия ради пишемых здесь житий святых». Наконец, в этом убеждает нас и анализ составленных Святителем Димитрием житий.

Однако, прежде чем давать такой анализ, постараемся охарактеризовать отношение Святителя к источникам иностранным и определить, какое значение имели они в его глазах. Это, с одной стороны, даст нам некоторые новые черты для характеристики Святителя Димитрия, как писателя-агиографа, с другой — лучше оттенит и влияние на его работу славянских источников, в особенности Великих Макарьевских Четиих-Миней.

Дать один общий строго определенный ответ на поставленный вопрос довольно трудно. Отношение Святителя Димитрия к источникам определялось не только его вкусом и склонностями, но и условиями работы. В первые годы занятий над Четиими-Минеями Святитель, как известно, испытывал некоторый недостаток в источниках. Ни Acta Sanctorum, ни Великих Четиих-Миней у него не было, и дело приходилось вести только при пособии Сурия, Vitae Patrum Росвейда и разных других сборников агиологического и исторического содержания. Самым полным и солидным из этих пособий был сборник Сурия. Он давал расположенный по месяцеслову агиологический материал на весь год и, — что особенно было важно, — многие из находящихся в нем житий были в редакции Симеона Метафраста, следовать которому побуждали Святителя и завет приснопамятного митрополита Петра Мо-

гилы и пример Скарги. Не удивительно поэтому, что в первое время Сурий и занял главное положение в работе, стал основным, наиболее влиятельным источником Четиих-Миней. По Сурию, как мы знаем, Святитель составил и свой первый месяцеслов, в котором отметил весь материал, годный к помещению в Четиих-Минеях из этого сборника. Просматривая месяцеслов, мы видим, что Сурий мог служить пособием для составления житий почти на каждый день года, особенно обильны ссылки на него в первые шесть месяцев (сентябрь — февраль), здесь очень редко встречаются дни без цитат и ссылок на Сурия.

Однако, если мы станем сравнивать эти цитаты с самим сборником Сурия, то увидим, что Святитель Димитрий отмечал далеко не весь находящийся у Сурия агиологический материал, а подвергал его тщательному разбору. Как мы уже указывали, наибольшее количество занесенных в месяцеслов цитат относится к житиям, приписанным Сурием Симеону Метафрасту. Из других житий отмечаются лишь те, которые составлены греческими же агиографами, или заимствованы Сурием из различных древних кодексов и мартирологов. Житий, принадлежащих перу латинских агиографов, отмечено в месяцеслове не более трех, но и они передают сведения о жизни тех святых, которые искони почитались в Православной Церкви и были поборниками и защитниками правой веры [212].

Но тщательная осторожность Святителя этим не ограничивалась. Указав в месяцеслове годный для использования материал по книгам Сурия, Святитель во время работы подверг его новому пересмотру и многие из отмеченных житий и сказаний оставил, заменив их заимствованными из других источников. Думается, что в некоторых случаях причиной отстранения Сурия было не только нахождение других, более удовлетворивших Святителя источников, но и сомнение в чистоте и правильности сообщаемых Сурием сведений. Так, 4 и 24 сентября, 9, 25 и 26 декабря, 1 января и т. д. в месяцеслове есть ссылки на Сурия [213], но в Четиих-Минеях помещенные под этими числами жития и сказания написаны не по Сурию, а по другим источникам. Сделанное 26 декабря, после жития святого Иосифа Обручника, замечание дает нам право предполагать, что в этом случае, а может быть, и во всех только что нами указанных, Сурий отложен был потому, что его сказание проводило католические взгляды и тенденции и не согласовалось с традицией православной. Согласие с этой традицией являлось, следовательно, главным критерием при выборе и оценке заимствуемого у Сурия агиологического материала. Что хотя бы в незначительной степени уклонялось от нее, Святитель отвергал, строго охраняя чистоту и неповрежденность предания Православной Церкви.

Эта черта, характеризующая отношение Святителя Димитрия к Сурию, может быть распространена и на другие иностранные источники Четиих-Миней. Как бы основательны и авторитетны они ни были, Святитель никогда всецело не подчинялся им и, как строгий ревнитель Православия, всегда умел постоять за его правду и самостоятельность. В этом отношении Святитель Димитрий принадлежит к числу тех лучших представителей юго-западной православной литературы, которые заимствовали с Запада только то, что находили согласным с преданием греческой Православной Церкви и что, способствуя развитию самобытной русской литературы, не обезличивало ее и не ставило в рабскую зависимость от литературы иностранной. Из многих, подтверждающих сказанное нами, примеров укажем хотя бы некоторые: 22 июля, для жития святой Марии Магдалины, Святитель во втором месяцеслове указывает несколько источников — Сурия, Барония, Acta Sanctorum, книгу Петра Скарги и проповеди Млодзяновского [214]. Однако в своем житии не следует ни одному из этих источников, а описывает жизнь равноапостольной мироносицы по Евангелию, Прологу, истории Ники-

фора Каллиста и его же синаксарю на неделю жен-мироносиц. Кроме того, после жития Святитель помещает примечание, в котором опровергает западных агиографов, считающих святую Марию за одно лицо с сестрой четверодневного Лазаря — Марией [215]. 26 декабря, сказав, что о святом Иосифе «западнии глаголют, яко девственник бе даже до кончины своея, отнюдь не познав супружества, восточнии же глаголют, яко жену име и чаде роди», Святитель далее приводит свидетельства различных церковных писателей, преимущественно историков, и заключает, что «сие несомненно известно, яко св. Иосиф женат бе, сыны же и дщери родил» и, таким образом, решительно отвергает латинское мнение [216].

Но возвратимся к Сурию. Мы сказали, что с особенной охотой Святитель заимствовал у него жития, приписываемые Симеону Метафрасту. В двух первых книгах Четиих-Миней он поместил более 80 таких житий, и поэтому митрополит Варлаам Ясинский был вполне прав, когда в предисловии к читателю благочестивому, при первой книге житий святых, говорил, что для списателя их Симеон Метафраст был «самым первым и в неложной истории изобильнейшим источником». Это особенное внимание к Метафрасту, кроме указанных выше причин, обусловливалось, может быть, и глубоким уважением к нему самого Святителя Димитрия. В Четиих-Минеях он несколько раз называет Метафраста «святым» [217] и делает ссылки на него даже там, где за отсутствием Метафрастовой редакции составляет житие по другим источникам [218]. Полагаем, что Святитель поступал так с тою целью, чтобы авторитетом знаменитого греческого агиографа подтвердить истинность своего повествования. Обращаясь к другим источникам, например, Acta SS., Святитель и из них брал Метафрастовы жития святых, предпочитая их другим [219]. В некоторых случаях, приводя новые, не имеющиеся у Метафраста сведения о каком-либо святом, Святитель отмечает, что Метафраст об этом не говорит, и так как составитель жития в своем труде следовал Метафрасту, то его и держится, а сообщаемые другими факты оставляет и в текст жития не вносит [220]. Если же такие сведения вносились в житие, то почти всегда — или указывался их источник, или на поле делалась отметка: «сего у Метафраста несть» [221]. Факты эти, хотя и немногочисленные, свидетельствуют, что сведениям, сообщаемым Метафрастом, Святитель придавал особенную цену и как бы выделял их из прочего агиологического материала, взятого из других источников.

Впрочем, нельзя сказать, что Святитель всегда удовлетворялся Метафрастом и, имея составленное им житие, других источников уже не искал. В Четиих-Минеях имеется немало фактов, доказывающих совершенно обратное. Сейчас мы приведем из них только два, находящиеся в первой книге Четиих-Миней. 29 сентября, составляя житие преподобного Кириака отшельника, Святитель хотя и пользуется Метафрастом, однако довольно часто и отступает от него, обращаясь к житию первого биографа преподобного Кириака — инока Кирилла Скифопольского [222]. 12 октября житие святых мучеников Тараха, Прова и Андроника Святитель передает по Баронию, у которого помещены подлинные, нотариями записанные акты названных мучеников, а не по Метафрасту, который самостоятельно переделал их [223]. В обоих этих случаях, как видим, предпочтение пред Метафрастом отдано первоисточникам. Очевидно, Святитель понимал высокую научную ценность их и считал, что читателям его Четиих-Миней полезнее знакомиться с такими памятниками древнехристианской письменности, нежели с позднейшей, хотя в стилистическом отношении и более обработанной переделкой их [224].

Такое же предпочтение первоисточника переработкам его наблюдается и там, где с книгами Сурия входит в соотношение сборник Рос-

вейда Vitae Patrum. Значительная часть заключающегося здесь агиологического материала имеется и у Сурия, причем одни жития даются им в буквальных выдержках[225], другие исправлены и переделаны Метафрастом. Святитель в последних случаях всегда предпочитал Vitae Patrum Сурию и свое житие составлял по первоисточнику, а не по Метафрастовой переработке его. К Метафрасту при таких совпадениях он обращался только тогда, когда греческий агиограф сообщал новые факты из жизни святых[226] или когда он подробнее и ярче описывал их подвиги и добродетели. Первый случай, когда пересказ Метафраста встретился с текстом книги Росвейда, наблюдается 25 сентября. Помещенное под этим числом житие преподобной Евфросинии представляет буквальный, точный перевод из Vitae pp., и влияние Метафраста сказалось здесь только в одном месте. Именно, по его пересказу передано увещание Евфросинией своего отца, когда он пришел в монастырь и, по совету игумена, поселился у Измарагда, под именем которого преподобная скрывалась в обители[227]. 12 ноября житие Святителя Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского, излагается Святителем также по Vitae pp., но так как в этом источнике сведения о святом переданы не в связном повествовании, а состоят из отдельных, отрывочных рассказов и бесед, то Святитель Димитрий сначала следует Метафрасту, у которого последовательное, в хронологическом порядке изложенное житие, и только потом, приступая к рассказу о подвигах милосердия преподобного Иоанна, переходит к Vitae pp. и держится их до конца, давая опять почти буквальный перевод этого источника[228]. Житие преподобномученицы Евгении, 24 декабря, представляет в этом отношении некоторую особенность. Имея опять два источника, Vitae pp. и Метафраста, сходных по содержанию, но различных по изложению, Святитель в своем пересказе держится то одного, то другого. Именно, начало жития он заимствует у Метафраста, но со слов — «бе же Евгения красна лицем» — дает точный перевод Vitae pp., причем из нового источника не выпускает и того, что уже отмечено было в начале по первому,— о красоте Евгении сказано было ранее («бе благолепна плотию»). Со слов: «искаху же и инии обручити ю себе» опять начинается перевод Метафрастова жития, но встреча святой Евгении с епископом Елием и следующие за нею события до места, где на поле сделана ссылка на Метафраста, снова написаны по Vitae pp. и т. д. Подобная смена одного источника другим наблюдается на протяжении всего жития[229], причем Святитель брал из каждого то, что более отвечало его цели и вкусу.

Такое же внимательное отношение к Vitae pp. наблюдается и при совпадении их с другими иностранными источниками Четих-Миней. Так, 10 мая, составляя житие преподобной Исидоры и имея материал для него в Acta SS. (май, I, 49) и Vitae pp. (VIII, 738), Святитель обращается к последнему источнику и по нему передает свое повествование. Об этом свидетельствует, например, такая частность: авва Питирим (в Acta SS. «Proterius»), кланяясь преподобной Исидоре, говорит ей: «благослови мя, Амма». Такого обращения в Acta SS. нет, между тем в Vitae pp. такая фраза — «benedie, Amma!» — имеется[230].

Приведенные нами факты показывают, что Vitae pp. имели высокое достоинство в глазах Святителя Димитрия. Об этом же свидетельствует и та тщательность, с какою Святитель использовал заключающийся в Vitae pp. материал. Он взял отсюда не только полные, систематически изложенные жития, но и отрывочные заметки о святых. Последними обыкновенно дополнялись другие источники. Книги Иоанна Мосха, Палладия Еленопольского, Руфина и блаженного Феодорита почти в полном объеме перенесены Святителем в Четии-Минеи и переданы здесь чаще всего без всяких изменений, в буквальном переводе с латинского. Много материала взял Святитель и в той части этого источника, где

собраны изречения старцев; просматривал он и приложение к Vitae pp., так называемый «Рай Гераклида». Так что если сборник Росвейда, ввиду сравнительно небольшого количества заключающегося в нем материала, и нельзя назвать главным иностранным источником Четиих-Миней, то любимым и наиболее удовлетворявшим Святителя считать его можно. Чувствуется, что простые, правдивые рассказы патериков отвечали литературным вкусам Святителя Димитрия и глубоко трогали его сердце.

В 1693 г. Великим постом Святитель получил из Данцига книги Болланда Acta Sanctorum. К старым латинским источникам прибавился, таким образом, новый, хотя и не обнимающий целого года, но зато на первые пять месяцев дающий материал обильный, критически проверенный и основательный. Святитель Димитрий с глубоким вниманием отнесся к новому источнику. Он задержал из-за него печатание двух последних месяцев второй своей книги почти на год[231] и постарался взять для нее из Acta SS. всё, что считал наиболее нужным и что дозволяла сравнительная краткость времени. В Acta SS. Святитель нашел разнообразный материал. С одной стороны, здесь были те же редакции житий, которые находились и в старых иностранных источниках, с другой — Acta давали материал совершенно новый, у Сурия и в Vitae pp. не имеющийся. Особенное внимание Святителя привлекли в Acta SS. те жития, которые передавали сведения о святых, в восточных месяцесловах не встречающихся. Святитель составил список таких житий и широко использовал их при дальнейшей работе над Четиими-Минеями.

Первый случай внесения в Четии-Минеи новой памяти и жития из Acta SS. наблюдается уже во второй книге житий святых. Здесь 9 января внесена память святого Петра Севастийского, а 6 февраля помещено полное житие преподобной девы Дорофеи; обоих святых в месяцесловах Греческой и Русской Церквей не было, и Святитель заимствовал их из Acta SS. До получения Актов Святитель не решался на это, из латинских источников новых памятей святых он не вносил и везде строго придерживался православного месяцеслова. Очевидно, Acta SS. после первого же ознакомления заслужили глубокое доверие Святителя Димитрия и он сразу оценил их научную беспристрастность и независимость от чистокатолической точки зрения. В следующие, главным образом, летние, месяцы Четиих-Миней Святитель внес целый ряд таких памятей и житий, причем заимствовал их не только из Acta SS., но и из других латинских источников, даже из Сурия. Очевидно, книги Болландистов не только сами заслужили уважение Святителя Димитрия, но научили его более снисходительно относиться и к другим латинским источникам.

Кроме жития преподобной девы Дорофеи, Святитель внес из Acta SS. во вторую книгу Четиих-Миней еще 12 новых житий святых, для которых в ранее бывших у него источниках материала не находилось[232]. Затем, некоторые из написанных по другим источникам житий он пересмотрел и дополнил теми сведениями, какие нашел в Acta, а два жития совершенно переработал. Из дополненных житий отметим житие Святителя Поликарпа, епископа Смирнского, 23 января. Здесь к тем сведениям о священномученике, которые имеются у Сурия и в истории Евсевия-Памфила и какими Святитель располагал до получения Актов, он сделал добавление из полного Пиониева жития, помещенного в Актах[233]. Житие святых Ксенофонта и Марии, 26 января, написанное сначала по рукописям, по всей вероятности, тоже было дополнено и исправлено по Актам, где находится Метафрастова редакция жития этих святых. Об этом свидетельствуют как ссылка — «от Метафраста и Четии», так и содержание жития, во многих местах переданное, несомненно, по Метафрасту[234]. Переработаны Святителем: житие преподоб-

ной Евсевии-Ксении, 24 января, и житие святых бессребреников Кира и Иоанна, 31 января. Можно, конечно, предположить, что оба эти жития только теперь, после получения Acta SS., были написаны Святителем, но это едва ли справедливо: других житий общехристианских святых под этими числами нет, а ведь когда Acta SS. были получены Святителем, вторая книга Четиих-Миней была уже совершенно закончена. Мы поэтому предполагаем, что Святитель заново переделал эти жития. Первоначальный материал для того и другого жития находился у Сурия — и что особенно интересно — в форме житий, составленных Метафрастом. После переработки Святитель при первом житии хотя и оставил ссылку на Метафраста, но почти ничем у него не воспользовался, а взял все содержание жития из «греческих рукописцев»; при втором житии о Метафрасте нет уже и упоминания, и всё оно есть довольно близкий, часто даже буквальный перевод 2, 3 и 4 глав жития святых Кира и Иоанна, находящегося в Acta SS.[235]

Мы указали только наиболее важные случаи влияния Acta SS. на вторую книгу Четиих-Миней. Можно думать, что недостаток времени не дозволил Святителю использовать новый источник для этой книги так, как бы было желательно. На это указывают некоторые отметки в Прологе. Например, 5 января, против памяти преподобной Сигклитикии, в Прологе есть ссылка на Acta SS. (январь, I, 242) с отметкою «fuse»; однако в Четиих-Минеях мы имеем не пространное, а краткое житие преподобной, написанное по Прологу.

28 января Святитель по руководству Vitae Patrum и Метафраста дает сравнительно небольшое и бедное содержанием житие преподобного Ефрема Сирина, между тем в Acta SS. (февр. I, 49), которые отмечены в Прологе, имеется богатейший материал о жизни и деятельности преподобного. Если бы позволило время, Святитель, несомненно, использовал бы в Acta всё, что они давали и что отвечало целям и задачам его труда.

Об этом свидетельствует отношение к Acta при дальнейшей работе. Не стесняемый временем, Святитель не оставляет теперь Acta до самого окончания Четиих-Миней и, можно думать, чаще обращается к ним, нежели к другим латинским источникам. Особенно это надо сказать о третьей книге Четиих-Миней, на месяцы: март, апрель и май. Здесь Acta Sanctorum занимают исключительно господствующее положение, и в течение этих месяцев нельзя указать почти ни одного дня, который бы был написан без них. Об этом свидетельствуют анализ и содержание житий третьей книги и особенно Пролог Святителя, где в марте и апреле ссылки на Acta Sanctorum встречаются не только под каждым числом, но почти при каждой памяти. В четвертой книге Четиих-Миней влияние Acta Sanctorum сказывается уже слабее. Вполне соответствующего материала на месяцы июнь, июль и август они не давали, но всё же Святитель и при составлении житий на эти месяцы обильно воспользовался Act'ами и внес из них немало полных житий в свои книги. Всех, заимствованных из Acta Sanctorum во втором полугодии Четиих-Миней житий святых насчитывается 94 (59 в мартовской и 35 в июньской книге), но это число может быть значительно увеличено. Дело в том, что во многих случаях Acta SS. давали те же редакции житий, что и Сурий или другие источники[236], и хоть мы подобные жития отнесли к заимствованным не из Acta Sanctorum, но Святитель вполне мог работать в этих случаях и по ним.

Давая обильный материал, Acta Sanctorum оказали влияние и на самую работу Святителя над Четиими-Минеями. Своими критическими исследованиями и общим научным характером они показали Святителю, что составление житий святых можно вести не только с назидательною, но и с научною целью, что историческая критика, как бы строга она ни была, не только не вредит назидательности и дидактическому

характеру повествований о святых, а, наоборот, — значительно увеличивает эти их качества, так как читатель видит, что ему предлагаются не вымыслы благочестивой фантазии, а действительные, исторически проверенные факты из жизни людей, осуществивших на земле идеал Евангельской правды и святости. Что Святитель Димитрий по достоинству оценил и принял во внимание научный характер Acta SS., видно из его работ над месяцесловом. Мы уже указывали[237], как много критического элемента внес он сюда после знакомства с Act'ами. Что касается житий святых, то Святитель не нашел удобным менять раз принятый характер своих Четиих-Миней и не внес в свои рассказы о святых никакого критического элемента. И после получения Актов он продолжал составлять их в прежнем духе, более заботясь о назидательности, нежели об исторической достоверности и научности.

Изучая соотношение Acta Sanctorum с другими латинскими источниками, мы встречаемся с фактами далеко не однообразными. Одни из них говорят о предпочтении и особенном внимании к Acta, другие противоречат этому. Например, 1 июня, намереваясь написать житие святого мученика Иустина Философа, Святитель во втором месяцеслове отмечает несколько источников, именно: Acta Sanctorum, Сурия и Скаргу[238]. Во всех этих источниках имеется жизнь святого Иустина, составленная по его же сочинениям, но неодинаковой редакции. Святитель выбрал ту редакцию, которая находится в Актах, и по ней составил свое житие[239]. Иногда такое предпочтение оказывалось Актам даже и пред житиями, составленными Метафрастом. У Сурия имеется, например (III, 199) martyrium святой мученицы Гликерии auctore S. Metaphraste; Святитель отмечает его в первом месяцеслове[240], однако 13 мая, составляя житие святой Гликерии, обращается за материалом не к Сурию, а к Acta Sanctorum, где акты иной, не Метафрастовой редакции, и по ним пишет свое житие[241]. То же самое повторяется 16 марта, где для жития святого мученика Савина Святитель воспользовался не Сурием, у которого Метафрастова редакция жития святого мученика, а Актами, дающими выдержки из древних минологиев и миней[242].

Но в тех же самых книгах Четиих-Миней встречаются факты и совершенно противоположные. Например, 14 мая, о житии святого мученика Исидора Святитель пишет, что оно заимствовано «от греческих рукописцев», т. е. из Acta Sanctorum. Сравнивая находящиеся там акты святого мученика с рассказом Святителя, встречаем в последнем много новых фактов и особенностей. Оказывается, что на работу Святителя сильное влияние оказал Сурий, у которого дано житие святого Исидора Метафрастовой редакции. Ее-то, как более полную и систематически изложенную, Святитель и предпочел Актам, хотя в Четиих-Минеях сослался на них, а не на Метафраста[243]. Интересны в том же отношении жития святых мучеников Максима, Дады и Квинтилиана, 28 апреля, святой мученицы Пелагии, 4 мая, и святого мученика Акакия, 7 мая. Святитель в Четиих-Минеях отмечает, что взял эти жития у Метафраста, и здесь послушно следует за Сурием, который дает те же редакции житий, называя их Метафрастовыми. Между тем Болландисты в предварительных комментариях — об актах святых мучеников Максима, Дады и Квинтилиана и о житии святого Акакия говорят, что Метафрасту они не могут быть приписаны и что Липоман и Сурий ошиблись, назвав эти редакции Метафрастовыми. Акты святой мученицы Пелагии Болландисты называют сомнительными (suspecta acta) и полагают, что они составлены не по верным источникам, а по народным рассказам и Метафрасту также не принадлежат[244]. Предполагать, что Святитель не ознакомился с этими комментариями, едва ли возможно, обыкновенно он внимательно просматривал в Acta не только жития, но и весь остальной материал, даже примечания к житиям[245].

Поэтому вернее видеть здесь пример предпочтения Актам Сурия и оказания ему большего доверия.

О соотношении Acta Sanctorum и Vitae pp. мы уже говорили. Интересно еще отметить предпочтение им истории Никифора Каллиста. Описывая жизнь и деятельность равноапостольного царя Константина, Святитель, говоря об его крещении, держится той версии этого события, которая дана у Никифора Каллиста, именно утверждает, что царь Константин принял святое крещение в Риме от рук святого папы Сильвестра. Между тем Болландисты отвергают это мнение Никифора, как ложное, и ссылаются на Евсевия-Памфила, который, как известно, сообщает совершенно иное об этом событии. Святитель решил следовать за Никифором. Может быть, к этому побудило его не столько недоверие к Актам, сколько желание согласовать историю царя Константина с ранее написанным житием святого папы Сильвестра, где передана та же версия о крещении [246].

Из сказанного ясно, что мы не можем говорить ни об особенном доверии Святителя Димитрия к Acta Sanctorum, ни о постоянном предпочтении их другим иностранным источникам. Правда, после получения Acta они заняли первенствующее место между этими источниками и отодвинули Сурия на второй план, но безусловным авторитетом во мнении Святителя Димитрия они всё же не пользовались; такого авторитетного издания у Святителя Димитрия вообще не было; он ко всем им относился вполне самостоятельно и брал материал там, где находил его более отвечающим задачам своего труда. Это станет для нас еще очевиднее, когда мы рассмотрим соотношение иностранных источников с славянскими.

Ранее было сказано, что славянские источники — особенно важнейший между ними — Великие Макарьевские Четии-Минеи, нужны были Святителю Димитрию для проверки по ним источников иностранных. Если так, то, следовательно, эти последние источники по своей авторитетности стояли ниже первых или во всяком случае не превосходили их. Это доказывается прежде всего самим фактом обращения Святителя Димитрия к славянским источникам. Если бы он их не ценил, тогда бы не стал так часто обращаться к ним и вносить из них дополнения и изменения в свою работу, исполняемую по источникам иностранным.

Замечательно прежде всего то, что Святитель Димитрий в некоторых житиях изменяет редакцию латинского источника и старается согласовать ее с Прологом и служебной Минеей. Например, следуя Минее, он описывает смерть священномученика Акепсима (3 ноября) и отступает от Метафраста, который совсем не говорит об отсечении главы святому мученику [247]. 6 ноября Святитель по Прологу описывает кончину святого Павла Исповедника и опять существенно расходится не только с Метафрастом, но и с историей Сократа [248]. 18 мая, передавая по Acta страдания святых мучеников Дионисия, Петра и иже с ними, Святитель, чтобы согласовать свой рассказ с Прологом, изменяет имя мученицы (Дионисии на Христину) и прибавляет к упоминаемым в Acta именам новое — Дионисия [249].

Но особенно интересны факты соотношения иностранных источников с Великими Четиими-Минеями. В этих Минеях Святитель очень часто находил или подобные или совершенно новые редакции тех же житий, которые он имел и в источниках иностранных. Этих славянских редакций он никогда почти не оставлял без внимания, а, напротив, очень часто пользовался ими и в некоторых случаях оказывал им явное предпочтение. В этом отношении особенного внимания заслуживает соотношение Великих Четиих-Миней и Метафраста. У последнего, как известно, есть жития некоторых святых апостолов и два обширных слова — о жизни Пресвятой Девы Марии и о святом Иоанне Предтече. Про-

фессор В. Г. Васильевский так характеризует первое из этих слов: «изложение Метафраста довольно сжатое, отличается известною трезвостью, по крайней мере оно остается в пределах канонического предания и чуждается тех прикрас, которые в изобилии можно было почерпать из апокрифических сказаний»[250]. Подобный же отзыв дается и о втором слове. Но то же самое, что говорит профессор Васильевский о словах, можно сказать и о житиях, передающих труды и подвиги святых апостолов. В них также сообщаются проверенные, большею частью евангельские сведения, и сказаниям, сохраненным церковным преданием, а тем более апокрифическою литературою, отводится очень мало места. В Великих Четиих-Минеях, напротив, собрано значительное количество таких сказаний, и они помещаются здесь наряду с прочими житиями, как одинаково ценные и достоверные. Святитель Димитрий в таких случаях не последовал за Метафрастом и Сурием. Не оказал влияния на него здесь и Скарга, передавший жизнь святых апостолов большею частью только по Метафрасту. Всем этим источникам предпочел Святитель Великие Четии-Минеи и в одних случаях дополнил из них латинские источники, в других — последние совершенно отстранил и воспользовался только одним славянским текстом.

Интересно соотношение Великих Четиих-Миней и с Acta Sanctorum. Святитель в некоторых случаях и им предпочитал славянский источник. Например, 5 мая он поместил житие святой великомученицы Ирины, взяв его из Великих Четиих-Миней. Между тем издатели Актов в историческом исследовании о святой великомученице говорят, что они не рассудили привести в своем сборнике житие ее, хранящееся в Ватиканской библиотеке, так как в нем много сказочного и легендарного. Нет сомнения, что в Великих Четиих-Минеях находится славянский перевод того же Ватиканского жития, и Святитель, конечно, читал отзыв о нем в Acta SS. Однако он не обратил на этот отзыв внимания и передал житие святой Ирины по Великим Четиим-Минеям[251]. 12 мая подобный факт повторяется. Болландисты, передав содержание житий святого Епифания Кипрского, составленных его учениками Иоанном, Савином и Полувием, говорят, что в этих житиях имеются ошибки против истории и что поэтому поместить их в своем издании они не решаются. Святитель Димитрий опять не обращает внимания на такой отзыв и последовательно пересказывает жития, составленные учениками, заимствуя их из Великих Четиих-Миней[252].

Все эти факты, говоря об особенном доверии Святителя Димитрия к славянским источникам, вместе с тем показывают, что в деле критики и разбора текста наш «списатель житий» стоял ниже не только ученых западных агиологов, но и знаменитого греческого агиографа. В этом отношении он скорее примыкал к отечественным составителям житий, которые в простоте сердца заносили и собирали в свои жития всё, что давала им богатая агиографами старославянская письменность. Великие Макарьевские Минеи не являются здесь исключением, в них также много апокрифического и легендарного материала. Правда, Святитель Димитрий воспользовался далеко не всем этим материалом; он, например, совсем не передал находящиеся в Минеях «деяние» святого апостола Петра, «мучение» святого Андрея Первозванного и многие другие чисто апокрифические сказания об апостолах и святых; в упомянутом нами ранее «мучении» святой Марины он опустил весь конец, где передаются интересные, но чисто легендарные подробности о явлении святой второго беса и о беседе ее с ним... Можно указать и другие случаи некоторой разборчивости Святителя в предлагаемом Великими Четиими-Минеями материале. Но всё же эти Минеи оказали сильное влияние на содержание наших Четиих-Миней и дали им много таких сведений, которые латинскими агиологами были отвергнуты, как маловероятные.

Невольно является вопрос: если славянские источники пользовались таким авторитетом в глазах Святителя Димитрия, то почему же он совсем не оставил латинские издания и не следовал только славянским? Думаем, потому, что эти последние, особенно до получения Великих Четиих-Миней, давали очень мало агиологического материала, а, во-вторых, и главным образом, потому, что задача Святителя Димитрия, как и всей юго-западной русской литературы, состояла не в том, чтобы резко отграничиваться от Запада, а в том, чтобы сливаться с ним и при его пособии создавать свою национальную литературу. Отсюда и в Четиих-Минеях Святителя мы встречаем чаще факты слияния славянских и латинских источников, а не отстранения одних другими. При таком слиянии количество заимствований из того и другого источника было далеко не одинаково. В одних житиях в основу содержания полагался латинский текст, а из славянского вносились только некоторые добавления к нему и поправки; в других, наоборот, руководственное значение занимал славянский перевод, а по латинскому производилось его исправление; в-третьих, материал заимствовался из того и другого источника более или менее равномерно.

Житий с преимущественным влиянием латинских источников особенно много в первых двух книгах Четиих-Миней. Объясняется это тем, что книги эти составлены были в то время, когда главного славянского источника — Великих Четиих-Миней у Святителя Димитрия постоянно под руками не было.

Над третьей и четвертой книгами Четиих-Миней Святитель Димитрий работал, уже постоянно пользуясь Великими Четиими-Минеями. Поэтому в этих книгах, особенно в последней, чаще встречаются жития, написанные по Великим Минеям, а по иностранным источникам только исправленные. В ссылках на источники при таких житиях Святитель иногда обозначает одни Великие Четии-Минеи, иногда вместе с ними указывает и источники иностранные.

Труднее указать такие жития, где влияние латинских и славянских источников сказывается более или менее равномерно. По большей части это жития раннего периода, составленные по латинским пособиям и потом, после получения Четиих-Миней, заново переработанные. В ссылках на источники при таких житиях Святитель обыкновенно указывал оба источника. Например, 5 ноября о житии преподобных Галактиона и Епистимии Святитель замечает, что оно заимствовано «от Метафраста и от Четьи блаж. Макария, митр. Московского». В Минеях пространная и более древняя редакция жития, составленная монахом Евтолмием, Метафраст дал ее переделку, заменив личный рассказ Евтолмия косвенною речью. Святитель пишет по обоим источникам, обращаясь то к одному, то к другому. Так, начало жития излагается по Великим Минеям,— у Метафраста нет сведений о том, чья была дочь Левкиппия, не сказано, к какому капищу особенно привержены были неверные и т. д. Но затем Великие Минеи сменяются Метафрастом,— и такой порядок наблюдается на протяжении почти всего жития.

Реже всего обращался Святитель к Великим Минеям тогда, когда они давали славянский перевод той же самой редакции жития, которая в латинском переводе имелась в источниках иностранных. Прекрасное знание латинского языка избавляло Святителя от необходимости прибегать к помощи готового перевода, а совершенное подобие источников обеспечивало правильность латинского текста и избавляло от необходимости проверять его по славянскому. Поэтому бо́льшая часть таких житий, а в первой книге почти все, составлялись по руководству латинских источников.

В последний период работы Святитель, впрочем, и здесь стал более предпочитать славянский текст и, например, в четвертой книге Четиих-

Миней большую часть таких житий составил по Великим Четиим-Минеям, поправив по латинскому переводу лишь явные ошибки и погрешности славянских переписчиков. Например, 24 мая Святитель помещает житие преподобного Симеона Столпника, иже на Дивной горе, и указывает, что заимствует его «от великия Минеи-Четьи вкратце». Сходство изложения во многих местах и удержанные Святителем некоторые особенности славянского перевода подтверждают эту ссылку. Но при детальном, тщательном сравнении, в составленном Святителем житии замечаются и такие черты, которые с несомненностью свидетельствуют, что он пользовался и латинским переводом того же жития из Acta Sanctorum.

4 августа, история семи отроков, иже во Ефесе, составлена, как значится в ссылке, «от Метафраста, и великие Минеи-Четьи, и от Никифора, и от прочих историографов», в ВЧМ та же редакция, что и у Метафраста. Сравнивая повествование Святителя с источниками, видим что оно написано, главным образом, по Макарьевским Четиим-Минеям. Об этом свидетельствует очень близкое словесное сходство житий и некоторые частности. Например, только в Макарьевских Минеях царь, обращаясь к святым отрокам, говорит: «господие мои». Влияние латинского перевода сказалось только на некоторых именах и названиях местностей.

Рассмотренное нами соотношение латинских и славянских источников, полагаем, с достаточною ясностью показывает, каким высоким доверием пользовались последние, особенно Макарьевские Великие Четии-Минеи, в глазах Святителя Димитрия. Поистине, эти Минеи были для Святителя, как выражается Варлаам Ясинский в предисловии к первой книге Четиих-Миней, «верхом всея истины и достоверия совершенством». Если бы Великие Четии-Минеи были в постоянном и свободном пользовании Святителя Димитрия, то влияние их на его работу было бы еще более глубоким и значительным. Но и теперь, по степени авторитетности, они занимают между всеми источниками Четиих-Миней первое место. Правда, и они нередко исправлялись и заменялись латинскими источниками, но нетрудно заметить, что исправления вызывались чаще всего явными ошибками и погрешностями славянского перевода, а замена происходила тогда, когда пользование латинским текстом представлялось более удобным. Мы не говорим, насколько выгодно было такое отношение к Великим Минеям для работы Святителя Димитрия, но общее направление юго-западной русской литературы было здесь вполне выдержано, мы имеем в Четиих-Минеях соединение латинских и славянских источников с явным предпочтением последних, как чуждых всякого подозрения в неправославии.

Определив общее, принципиальное значение славянских и иностранных источников в работе Святителя Димитрия, перейдем теперь к характеристике его литературных приемов, чтобы выяснить, как пользовался Святитель находящимся в источниках материалом, как создавал свои до сих пор глубоко трогающие благочестивого читателя повествования о жизни святых. Уже из всего сказанного нами ранее видно, с каким благоговением, с каким удивительным вниманием относился Святитель к каждому составленному им житию. Прежде всего он старался для каждого святого в отдельности собрать весь имеющийся в источниках материал. Это собирание требовало немалых поисков и трудов. Мы могли уже достаточно убедиться в этом, знакомясь с житиями, написанными по нескольким источникам, или с вторым месяцесловом Святителя. Сколько различных книг и изданий показано здесь при памяти иногда одного и того же святого! И что особенно замечательно,— это сделано даже относительно тех памятей, которые в Четии-Минеи не вошли.

Поучительны в том же отношении и многие примечания к житиям.

Например, 1 сентября, после жития преподобного Симеона Столпника, Святитель старается определить, сколько времени продолжалось стояние преподобного на столпе. Для этого он приводит мнения Львовского Трефолога, Симеона Полоцкого («Обед душевный»), различных историков, тех писателей, по которым составлялось житие, и затем дает свое решение «не от древних летописцев, а от самого лет исчисления»[253]. Вопрос, как видим, частного характера, и решает его Святитель самостоятельно, а между тем сколько к нему внимания и сколько труда в приискании разных мнений.

Собранный с таким прилежанием материал прочитывался и прилежно изучался. Различные источники сравнивались один с другим, но кроме этого текст и каждого из них в отдельности внимательно рассматривался. Об этом свидетельствуют те многочисленные заметки, которые писал Святитель прямо в книгах и из которых многие мы уже привели, когда определяли источники житий святых. Такая работа невольно вызывала на критическое отношение к источникам. Необходимо было разрешить их разноречия, установить, которое мнение наиболее соответствует истине, и доказать ложность остальных. Святитель Димитрий не уклонился совсем от подобной работы,— он старался найти между разнообразными показаниями источников наиболее справедливое; как результат этого мы и имеем те примечания, которыми сопровождаются в Четиих-Минеях некоторые жития.

Знакомясь с этими замечаниями, мы видим, что строго научной критики источников у Святителя нет; он останавливается лишь на явных, бросающихся в глаза противоречиях между ними и одни из них разрешает, другие только указывает, предоставляя решение их любознательности читателя и «церковному рассуждению». Интересуют Святителя, главным образом, вопросы хронологического характера, и, решая их, он чаще всего, как на достовернейшего историка, ссылается на «премудрого Никифора Ксанфопула», мнение которого считает наиболее авторитетным. Но из тех же замечаний мы видим, что очень часто, указав на разноречие источников, Святитель увещевает читателя не пытать, которое из них истинно. «Нам,— говорит он 31 августа после сказания о поясе Богоматери,— не подлежит нужда испытовати времена и лета, довлеет ведати чудо сотворшееся и прославляти Божию Матерь». Этим и подобными замечаниями Святитель явно показывает, что задача его труда состояла в назидании читателей, а не в историческом изучении событий.

После ознакомления с материалом и изучения его по источникам можно было приступать и к составлению жития. Нет сомнения, что в представлении Святителя Димитрия, когда он принялся за работу, уже определился тот тип, которому должны были удовлетворять жития Четиих-Миней. Об этом свидетельствуют те отзывы, какие мы встречаем в месяцесловах и в рукописях Святителя, которыми он характеризует находящийся в источниках материал. Отзывы эти встречаются уже в первом месяцеслове, а он, по нашему мнению, составлен еще до начала работы над Четиими-Минеями. Следовательно, уже в это время Святитель видел, что́ в источниках удовлетворяет и что́ не соответствует принятому им типу жития. Для нас особенно важны отзывы отрицательного характера, они яснее указывают те качества, которые Святитель желал видеть в агиологическом сочинении. Припомним, например, отзыв, данный в рукописи «ex sanctorum actis» о житии святого Афанасия Пелопонийского[254], или тот, которым характеризуется материал, находящийся в ВЧМ на день перенесения мощей Святителя Петра, митрополита Московского (24 августа)[255]. Оба они осуждают многословие и указывают, что «де́ла», т. е. того, что нужно для Святителя, в источниках очень мало. Еще важнее в этом отношении отзыв, положенный на житии преподобного Григория Синаита, составленном архи-

епископом Константинопольским Каллистом: «Се не так история, как панегирик, словес преумножение, а самых дел менш, и за распространением словес, едва уразумети историю»[256]. Итак, Святителю нужны были не красноречие и не «плетение словес», хотя бы и весьма искусное, а история, делá, факты. В той же самой рукописи и во многих других мы видим, как Святитель ищет в многословном житии этих фактов, отмечая на полях: «начало», «отечество», «кончины начаток» и т. д. Его задача состояла, следовательно, в том, чтобы передать по возможности всю историю жизни святого, в ее подвигах и деяниях, но передать просто, без лишних слов и стилистических украшений.

Такой тип жития резко расходился с теми взглядами и требованиями, которые считались тогда в греческой и славянской агиографии общеобязательными. У Святителя он сложился, по нашему мнению, отчасти под влиянием «Żywoty Swętych» Петра Скарги, отчасти по собственным влечениям и симпатиям. Скарга, как мы говорили, дал в своей книге также простые, фактического характера повествования о жизни святых, и успех его житий у читателей указывал, что такие именно описания жизни святых народу и нужны. Святитель по своим литературным склонностям был историк, а историк в жизни прошлого интересуется прежде всего фактами, событиями. Не удивительно поэтому, что и к житиям святых Святитель отнесся с такими же требованиями. Немалое значение имела здесь и та практическая цель, какую должны были осуществить Четии-Минеи. Мы знаем, что мысль об издании их возникла в Киеве под влиянием церковной нужды. Надо было оградить православных от инославных агиографических сочинений и дать им книгу, которая бы вошла в церковное употребление. Собранные в ней жития святых должны были прочитываться в церкви во время Богослужения. Это обязывало к известной краткости, и поэтому Святитель Димитрий, вместе с заботой о фактической полноте, должен был думать и о том, чтобы передать все события из жизни святого в небольшом рассказе, удобном для прочтения за один раз. Но то же самое чтение в церкви предъявляло к житиям и еще одно необходимое требование — строгой назидательности, душеполезности, чтобы читатели и слушатели получали от них такие же уроки, какие дает церковное Богослужение. Может быть, это-то требование и заставило Святителя совершенно отказаться от исторической критики и дать в своих Четих-Минеях один только назидательный материал.

Итак, приступая к работе, Святитель имел в виду написать о жизни воспоминаемых и прославляемых Православною Церковью угодников Божиих не слишком большие, но передающие по возможности всю жизнь святых, все их страдания и подвиги ради Христа, повествования, составленные и изложенные так, чтобы их чтение и слушание нравственно воспитывали человека и будили в нем добрые христианские чувства. Источники большею частью не могли удовлетворить всем этим, вместе взятым требованиям. В них находился в высшей степени разнообразный материал. С одной стороны, здесь были огромные, пространно написанные жития, напоминающие по своим размерам целые книги, с другой — краткие проложные сказания и синаксари; одни были составлены по всем требованиям установившейся в агиографии традиции, другие отличались простотой и безыскусственностью; в одних царил цветистый, неестественный стиль, в других изложение было чуждо всяких украшений и часто не удовлетворяло даже самые элементарные требования стилистики; одни дышали теплым религиозным чувством, в других это чувство тонуло под необузданным многословием и холодным, хотя и поразительным витийством. Понятно, что переносить все эти жития без всякого изменения в свои Четии-Минеи Святитель не мог. Он должен был многие из них совершенно переработать. Эта работа продолжалась, как мы знаем, целых двадцать лет, и поэтому Четии-

Минеи Святителя Димитрия есть не простое собрание взятых в различных источниках житий святых, а в большинстве случаев новое и самостоятельное сочинение, для которого источники дали только материал. Правда, этот материал большею частью был связно изложен и систематизирован, но нередко такую систематизацию приходилось делать и самому Святителю Димитрию.

В четырех тримесячных книгах Четиих-Миней таких житий насчитывается более сорока, и они дают особенно интересные примеры в подтверждение всего сказанного нами об усвоенном Святителем типе жития. Например, о Евсевии, епископе Самосатском (22 июня), Святитель в своих рукописях отмечает, что он «нигде не нашел» полного жития этого святого. Но у историков — Феодорита, Сократа и Никифора Каллиста — он встретил немало сведений о Евсевии Самосатском, подвизавшемся за православие при арианствующих царях Констанции и Валенте и при Юлиане Отступнике. Он тщательно собрал эти сведения, расположил их хронологически и написал не столько житие Евсевия, как святого, сколько церковноисторическое повествование о твердом и ревностном поборнике православия в ту смутную и тревожную эпоху. Здесь нет никаких сведений о родителях Евсевия, о его юности и воспитании, о его подвигах, как святого, а прямо после краткой характеристики излагаются церковноисторические события, в которых принимал то или иное участие святой Евсевий. Ради назидания, а иногда и занимательности, в рассказ вводятся эпизоды и не имеющие непосредственного отношения к Евсевию. Таков рассказ о женитьбе Пелугия, епископа Лампсакийского, или о том, как жители Самосат отнеслись к присланным им, после ссылки Евсевия, епископам — арианам Евномию и Лукию. Этот рассказ, интересный в бытовом отношении, характеризуя преданность жителей Самосат своему пастырю, к его житию никакого отношения не имеет. Заимствуя исторические сведения у историков, Святитель точно приводит их, но связывает их очень искусно и, вводя в изложение сравнения и прямую речь, придает своему рассказу живой и художественный характер.

Интересен и выбор самих фактов, который по практическим соображениям Святителю приходилось делать в обширных комментариях, сообщающих многие и разнообразные сведения о святых. Он отбирал из них те, которые были полезны и назидательны для простого верующего человека. По мнению Святителя, такие сведения были нужнее для его Четиих-Миней, как сборника, преследующего задачи дидактические, а потому обо всем, что не имело характера назидания, он говорил лишь постольку, поскольку это дозволял размер жития, как дневного чтения, или совсем опускал такой материал.

Те же самые приемы Святитель Димитрий употребляет и тогда, когда источники давали не отрывочные сведения, а связные сказания о святых. Святитель с полной свободой относился и к таким сказаниям, заимствуя из них только то, что находил нужным и полезным. Об этом он сам неоднократно говорит в Четиих-Минеях, отмечая в ссылках на источники, а иногда и в самом тексте жития, что пользуется источниками «сокращенно». Одни из этих сокращений касались «словес», т. е. изложения, другие — фактов, содержания. Сокращения второго рода наблюдаются довольно часто, но особенно заметны в житиях обширных, с богатым содержанием. Такие, например, жития, как Варлаама и Иоасафа, Григория Омиритского, Нифонта, епископа Констанции Кипрской, Антония Великого, Симеона Дивногорца, Афанасия Афонского и другие подобные, Святитель не имел возможности полностью пересказать в своих Четиих-Минеях и поэтому многое в них пропускал. Но сокращения и выпуски делались не только в обширных житиях, мы нередко встречаем их и в сказаниях сравнительно кратких. Постараемся же теперь более точно определить, что́ выпускает Святитель.

передавая житие по источнику, что́ в содержании его считает возможным не заносить в свои Четии-Минеи?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сказать, что у Святителя Димитрия не было на этот предмет какого-либо одного, раз принятого и определенного правила. Однородные по содержанию отделы в одних житиях опускаются, в других — удерживаются; даже в одном и том же житии из подобных по содержанию мест одни переводятся почти буквально, другие или кратко передаются, или совсем выпускаются. По-видимому, всё зависело от характера источника и положения жития в Четии-Минее. Если находящееся в источнике житие по объему и содержанию соответствовало усвоенному Святителем типу жития и если день был не слишком богат агиологическим материалом, тогда Святитель более или менее близко держался подлинника и подробно передавал его; если же указанные условия отсутствовали, оригинал сокращался и многое в нем совершенно не передавалось. Анализ хотя бы только некоторых житий даст нам более ясное представление об этих выпусках.

Возьмем, например, житие преподобных Варлаама и Иоасафа Индийских. Оно написано Святителем по руководству какой-то рукописи, в которой был полный текст этой замечательной повести. Святитель выбрал из нее весь фактический материал, всё, что относилось к жизни преподобных Варлаама и Иоасафа, а те речи и притчи, которыми Варлаам поучал юного Иоасафа, лишь кратко пересказал косвенною речью, а некоторые и совсем опустил. Из многочисленных поучений Варлаама сполна передано Святителем только одно — огласительное, вероятно, потому, что в нем излагаются все основные догматы христианской веры[257]. В житии Святителя Григория, архиепископа Омиритского, передав довольно близко к подлиннику начальные, чисто фактические сведения о святом, Святитель, приступая к изложению прений его с евреями, говорит, что он «от многих» передает только «малая», и, действительно, делает значительные выпуски. Именно, близко к источнику у него излагается только начало первого прения, а затем указываются лишь главные предметы, о которых шла речь, и перечисляются наиболее важные доказательства, приводимые Святителем Григорием в защиту христианской веры. Из второго и третьего прений взяты опять только некоторые вопросы и ответы, четвертое прение — об иконопочитании — излагается наиболее подробно, а беседа после него выпускается совсем; конец жития — явление евреям Христа-Спасителя, по молитве Святителя Григория, передается без сокращений и очень близко к подлиннику[258]. В обоих этих житиях, весьма богатых дидактическим материалом, Святитель, как видим, сокращал именно этот материал, выбирая из речей и поучений только то, что считал наиболее полезным и нужным для своих читателей[259].

В житии преподобного Сергия Радонежского, написанном по Великим Четиим-Минеям, не переданы рассказанные в источнике некоторые чудеса, например, о беснующемся вельможе, об Исаакии Молчальнике, об исцелевшем муже, о «провидении еже посланных брашен», о лихоимце и все посмертные, а также некоторые эпизоды и из жития, например, о монастырях, основанных учениками Преподобного, об епископе, пришедшем видеть святого, и т. п.[260]

Из анализа житий видно, что выпуски, которые делал Святитель Димитрий, были весьма разнообразны. В житиях с богатым дидактическим содержанием опускались слова, речи, беседы и поучения; в житиях святителей, преподобных и Христа ради юродивых — чудеса и те эпизоды и отделы, которые не имели непосредственного отношения к жизни святых или говорили об их посмертных деяниях и прославлении; в мученических житиях сокращались допросы, которым подвергали святых на суде, и нередко совсем опускались их молитвы к Богу и поуче-

ния. Реже всего выпускал Святитель факты и деяния святых, — такие выпуски встречаются только в житиях с богатым фактическим содержанием, но и здесь Святитель старается передать всё существенное и выпускает только то, что мешает цельности и назидательности рассказа.

Чаще, однако, в составленных Святителем Димитрием житиях при пересказе источника приходится встречать не выпуски, а дополнения к нему. Эти дополнения порою настолько многочисленны, что основной источник совершенно теряется в них, и работа Святителя принимает самостоятельный и как бы независимый от него характер. Таковы почти все жития, отнесенные нами к последней группе, — составленные по нескольким источникам. Но и среди житий менее сложных, для которых пособием служило какое-либо одно агиографическое сочинение, редко встретишь такие, которые бы не имели никаких вставок и дополнений.

Внесение дополнений стоит в непосредственной связи с теми задачами, которые выполнял Святитель, работая над Четиими-Минеями, и о которых мы уже говорили, определяя усвоенный Святителем Димитрием тип жития. Подражая Скарге и по собственной склонности, Святитель стремился дать, главным образом, фактическое житие. Для этого он, не ограничиваясь одним источником, обращался к другим, собирая из них всё, что давало новые сведения о святом. Немалую роль в этом прилежном собирании фактов сыграло и то сновидение, которое видел Святитель Димитрий в Филиппов пост 1687 г., после написания жития святого мученика Ореста. Святой мученик, явившись Святителю, как бы укорял его за то, что он «больше претерпел за Христа мук», нежели написал Святитель. Эти слова должны были подвигнуть Святителя с особенною заботливостью относиться к рассказам о страданиях святых и не пропускать из них по возможности ни одной, сохраненной в источниках подробности. Обязывали к этому и усвоенная от предшественников традиция — передавать непременно всю жизнь святого с рождения до кончины, а также и присущая Святителю Димитрию, как историку, склонность к точности и полной определенности. Например, присоединяя к житию преподобного Онуфрия Великого, для полноты его биографии, повесть о его рождении и отрочестве, Святитель замечает: «понеже в житии преп. Онуфрия на славянском диалекту не воспоминается род его, кто он был, киих родителей и от коея страны, убо то по житии его особно полагаем о нем то, еже обретается на инех языцех»[261].

Все эти сведения о стране, роде, родителях были важны и интересны для Святителя, как историка, и он усердно искал их и не забывал вносить в свое повествование.

Иногда по этим мелким, собранным в разных местах и источниках известиям Святитель создавал целые самостоятельные отделы житий и таким образом значительно дополнял основной источник. Например, не найдя у Метафраста никаких сведений о том, кто была святая мученица Харитина, в какое время и от кого она пострадала, Святитель, на основании кратких, найденных в Прологе, в служебной Минее и у того же Метафраста известий, подробно говорит о детстве и юности святой мученицы и рассказывает, как она взята была от воспитателя ее Клавдия и приведена на допрос к комиту Домитиану[262].

Любовь к истории побуждала Святителя помещать в житиях добавления и иного, чисто уже исторического характера. Так, в житии святого преподобномученика Стефана Нового, рассказывая о политических событиях того времени, когда жил святой Стефан, Святитель к тому источнику, которым пользовался, добавляет целый эпизод из историй Георгия Кедрина — о евреях, предсказавших Льву Исаврянину царствование и взявших с него клятву — уничтожить иконопочитание у хри-

стиан[263]; в житии святых Феодора и Феофана, Начертанных, из того же Георгия Кедрина, делается к рассказу Метафраста добавление о возобновлении иконоборческой ереси при императоре Льве Армянине и о причинах, вызвавших это[264]; о том же Льве Армянине и о некоторых подробностях его воцарения сделано добавление в житии преподобного Николы исповедника, написанном по Великим Четиим-Минеям[265]. Жития святого великомученика Артемия, 42-х мучеников амморейских, святых семи братьев Маккавеев и некоторых русских святых (например, Игоря Ольговича) начинаются в наших Четиих-Минеях обширными историческими введениями, которые, «аки предъсловия», даются для того, чтобы читатель мог «яснее разумети» предлагаемое далее житие[266].

Делать дополнения к источникам часто побуждала Святителя и та дидактическая задача, которую он выполнял своими Четиими-Минеями. Мы уже говорили, как под влиянием ее Святитель опускал в житиях важные исторические факты и дополнял их назидательными повествованиями. Укажем еще некоторые однородные с вышеприведенными примеры. Передавая по Сурию чудо святого Архистратига Михаила, случившееся в Хонех, Святитель в слово свое вносит новое, не рассказанное в источнике афонское чудо, несомненно, по причине его трогательности и назидательности[267]. По той же причине добавляются: в житие святого великомученика Меркурия из сочинений Иоанна Дамаскина рассказ об иконе мученика и о смерти Юлиана Отступника, которая, по церковному преданию, произошла от руки святого Меркурия[268]; в житие святого Григория чудотворца — новое, поразительное чудо его при построении храма из сочинений блаженного Иеронима или Скарги[269]; в житие преподобного Павла Фивейского — из Великих Четиих-Миней трогательный рассказ преподобного о двух мучениках[270]; в житие Святителя Афанасия Александрийского — важная в назидательном отношении повесть об епископе Медиоланском Дионисии[271]; в житие святого Феофилакта, исповедника Никомидийского, — из Великих Четиих-Миней чудо наполнения сосуда водою во время жатвы[272]; в житие святого Василия Нового — из тех же Миней замечательная по своему назидательному значению повесть о святой Феодоре и мытарствах...[273] Не умножая подобных примеров, заметим, что тою же назидательною целью определялся у Святителя и самый подбор источников в житиях сложных, составленных по различным пособиям. Наконец, ради того же назидания читателей внес он в свои Четии-Минеи и все те слова, поучения и повести, которые занимают немало места в его книгах.

Однако чаще всего Святитель Димитрий делал добавления к основному источнику потому, что желал собрать как можно больше фактов о подвигах и деятельности описываемых им святых. Выясняя соотношение Четиих-Миней Московского митрополита Макария к Метафрасту и к латинским источникам, мы указывали, как часто Святитель отступал от их строго исторического достоверного повествования и углублялся в область легенд и апокрифических сказаний. Думается, что во многих случаях Святителя подкупало здесь то богатство содержания, каким отличались апокрифы и подобные им сказания о святых. Трудясь в эпоху только еще начинающейся исторической критики, Святитель, как и другие современные ему юго-западные писатели, слабо различал действительно историческое событие от вымысла и, прельщенный новизной и интересом сообщаемых в последнем сведений, вносил его в свои повествования о святых. Кроме Великих Четиих-Миней, богатым источником таких полуисторических сказаний являлись для Святителя Пролог, Трефологион и сочинения Никифора Каллиста и Георгия Кедрина.

Большая часть подобных добавлений сообщает такие сведения о святых, которые едва ли могут быть признаны исторически достоверными.

Уже Метафраст не решился внести некоторые из них в свои повествования о святых. Святитель Димитрий это делает и делает, без сомнения, для того, чтобы сообщить читателям его Четиих-Миней новые и притом полезные и назидательные сведения о святых. Кроме того, многие из этих сведений заимствованы из Пролога и, благодаря его распространенности, были хорошо известны православным читателям. Последние, не видя их в Четиих-Минеях, были бы неприятно поражены и, вероятно, остались бы недовольны их составителем. Вот, по нашему мнению, те побуждения, которые заставили Святителя Димитрия вносить в свои жития добавления подобного характера.

Но главное достоинство работы Святителя состоит не в этих добавлениях, а в том, что он о многих святых собрал из разных, иногда многочисленных источников вполне достоверные сведения и передал их в связном повествовании. Возьмем самое первое житие — преподобного Симеона Столпника. Оно, как мы указывали, составлено по «Vitae Patrum», откуда Святитель взял житие преподобного, написанное учеником его Антонием, по «Истории Боголюбивых» Феодорита, епископа Кирского, историкам — Никифору Каллисту, Георгию Кедрину и другим источникам. Главный материал дали vita Антониева и повесть Феодорита. Святитель пользовался ими последовательно, дополняя рассказ их новыми сведениями из других книг.

В результате такого соединения различных источников вышло полное, обстоятельное и глубоко назидательное житие преподобного Симеона Столпника, подобного которому на славянском языке еще не было.

Таким же характером отличалась работа Святителя Димитрия и во многих других случаях. Новизна этой работы состояла в той свободе, с какою Святитель относился к находящемуся в источниках материалу. Он не только сокращал и дополнял его, но, как видим из приведенного примера, смешивал различные редакции житий, свободно переходил от одной к другой и часто сообщаемые ими сведения располагал по своему плану.

Приведем еще несколько характерных в последнем отношении примеров. Житие преподобного Иоанна Лествичника составлено Святителем по Acta Sanctorum. В Act'ах два жития преподобного, одно — инока Раифского Даниила, другое — инока-«синхрона»[274]. Святитель, пользуясь трудами обоих этих агиографов, в своем повествовании сначала дает перевод 2 и 3 параграфов Даниилова жития, потом о преподобных Иоанне и Мартирии рассказывает по «синхрону»; затем опять обращается к житию инока Даниила и заимствует у него описание духовных подвигов Иоанна; видение о Моисее и чудеса излагаются снова по «синхрону», а в описании кончины преподобного заметно влияние того и другого источника[275].

Чем руководствовался Святитель в таком расположении материала? Что заставило его изменять план и порядок источника? Предполагаем, что поводом к этому было желание описать события в их хронологической последовательности.

От хронологического порядка Святитель отступал только тогда, когда не было возможности установить точную последовательность событий. Чаще всего это наблюдается в житиях, составленных по Vitae Patrum, где, как мы отмечали[276], собраны большею частью отрывочные эпизоды из жизни святых, без всяких указаний на время их происхождения. Не имея возможности расположить их хронологически, Святитель оставлял обычный для него план жития и передавал собранные о святом сведения в той или иной системе. Так, в житии преподобного Макария Египетского сотворенные им чудеса и другие деяния изложены систематически; именно, сначала описываются исцеления святым больных, затем сношения его с загробным миром, после этого следуют

рассказы об учениках преподобного, передаются его наставления и, на конец, перечисляются разнообразные его добродетели [277].

Изменял Святитель план источника и в том случае, если та последовательность событий, какая была там, казалась ему неестественной и неудобной. Например, в житии Святителя Спиридона, епископа Тримифунтского, беседу святого с учеником Трифиллием о богатстве царских палат Метафраст излагает прежде описания встречи Святителя Спиридона с царем, у Святителя эта беседа передана после исцеления царя, вероятно, потому, что такой порядок событий казался Святителю более естественным [278]. Житие святого мученика Уара Метафраст начинает изложением присланного в Египет указа Максимилиана, вызвавшего гонение на христиан, и потом переходит к рассказу о роде и происхождении святого мученика; Святитель Димитрий эти сведения сообщает сначала, а о гонении говорит там, где это требуется ходом жизни святого [279]. То же встречаем и в житии святых мучеников Зиновия и Зиновии; у Метафраста о посвящении святого Зиновия в епископы и о сотворенных им чудесах рассказывается после сообщения о воздвигнутом Диоклитианом гонении на христиан, у Святителя поставление в епископы описывается раньше и о гонении говорится после рассказа о чудесах [280].

Подобная перестановка событий довольно часто наблюдается в работе Святителя Димитрия. Но иногда он изменял не только план излагаемого источника, но и его содержание, давая совершенно новое освещение фактам. Например, в житии преподобного Феодора Сикеота, составленном учеником его Георгием, определенно сказано, что преподобный был сыном блудницы Марии и царского скорохода Космы [281], Святитель называет Феодора законным сыном Космы и Марии; в житии преподобного Иосифа песнописца, составленном диаконом Иоанном, просто сказано, что преподобный, во время путешествия в Рим, попал в руки морских разбойников, Святитель приписывает это козням иконоборцев, против которых боролся Иосиф [282]; в житии преподобного Романа, творца канонов, по Анфологиону, преподобный молился и удостоился видения Богоматери дома, Святитель перенес то и другое в храм [283]; в житии святой мученицы Василиссы Никомидийской в Прологе сказано, что святая мученица сама «огласи» игемона Александра, Святитель Димитрий пишет, что она «повеле епископу Антонину огласити его» [284]; писатель жития святой первомученицы Феклы Василий Селевкийский и Метафраст говорят, что святая дева крестилась в водоеме, куда сама бросилась со словами: во имя Твое, Господи, я крещаюсь в сей последний день»,— Святитель, упоминая о ввержении святой Феклы в яму с различными гадами, умалчивает о крещении [285].

Предполагаем, что все эти и подобные им отступления от источников Святитель сделал потому, что находил неудобной и не соответствующей цели своего труда буквальную их передачу. В частности, о таинствах он всегда старался передать своим читателям обычное, принятое Церковью учение и поэтому всё, что не согласовалось с ним, видоизменял или пропускал.

Разобранные нами факты касаются содержания использованных Святителем Димитрием источников. Сокращая, дополняя и изменяя подлинник, он проявил здесь значительную самостоятельность. Еще с большей свободой отнесся Святитель к изложению житий в источниках. Древнерусский агиограф допускал только буквальные переводы житий. Святитель Димитрий буквально и близко к подлиннику изложил из них только те, которые его удовлетворяли. Так как Святитель пользовался славянскими и иностранными источниками, то у него встречаются буквальные заимствования и буквальные переводы. Первые Святитель брал из Пролога, Анфологиона, Великих Четиих-Миней и Печерского Патерика. Особенной близостью к источнику отличаются за-

имствования из Патерика. Последний был издан незадолго до выступления на литературное поприще Святителя Димитрия; форма и изложение собранных в Патерике житий Святителю, очевидно, нравились, поэтому он прямо перепечатал их в свои Четии-Минеи. Что касается заимствований из других славянских книг, то в полном смысле буквальными назвать их нельзя. И в Прологе, и в Анфологионе, а тем более в Великих Четии-Минеях слог житий казался Святителю устаревшим и неправильным, поэтому он во многих местах его исправил, заменив старинные выражения и слова более современными и правильными.

Буквальные переводы из иностранных источников также отличаются у Святителя Димитрия некоторыми особенностями.

В полном смысле буквальными их назвать нельзя. Он и здесь проявляет некоторую самостоятельность, одни слова и фразы в подлиннике выпуская, другие добавляя от себя. В предыдущей главе, определяя источники Четиих-Миней, мы отметили почти все те жития, изложение которых близко к подлиннику. Рассматривая их, мы видим, что Святитель более или менее точно передает источник там, где он отличается простотою и безыскусственностью, где на нем лежит печать первобытной свежести и непосредственности. Таковы, например, сказания о святых в сборнике Vitae Patrum, в Собеседованиях святого Григория Двуслова, которые переведены Святителем Димитрием большею частью буквально. Из житий близко к подлиннику передаются те, которые заимствованы составителями из древних Миней и мартирологов, или те, в основе которых лежат подлинные проконсульские акты, а также записи о святых их современников и сподвижников. Наибольшее количество таких житий дали Святителю Димитрию Acta Sanctorum; находил их Святитель также у историков, в Анналах Барония и у Сурия. Что касается житий, составленных Метафрастом и другими известными агиографами, то из них буквально переводились только те, которые сохраняли в себе древние записи о святых и отличались простотой и сравнительною краткостью.

Но очень часто, не давая буквального и точного перевода всего жития, Святитель передавал так некоторые его отделы. Такие отдельные буквально переведенные места приходится встречать как в житиях сложных, составленных по нескольким источникам, так и в написанных по руководству одного из них. В сложных житиях Святитель иногда сам подчеркивает подобные заимствования, отмечая в тексте жития, откуда начинается буквальная выдержка из источника и где она оканчивается. В сложных житиях, а также в праздничных сказаниях подобные примеры можно находить довольно часто. В житиях, составленных по одному источнику, они встречаются реже, и здесь мы только путем сравнения можем узнать, какие места и отделы источника переданы Святителем буквально[286]. Интересно определить, наблюдается ли здесь какая-либо планомерность у Святителя, т. е. переводит ли он буквально только однородные по содержанию отделы в житиях или не придерживается здесь никакого порядка и правила?

Такого правила, которое бы строго проведено было через все Четии-Минеи, мы у Святителя не нашли. Очень часто одинаковые по содержанию места в одних житиях он переводит буквально, в других свободно перелагает и пересказывает; иногда это наблюдается даже в одном и том же житии. Например, излагая по Метафрасту житие святого мученика Платона, Святитель сначала очень близко придерживается источника и не делает в нем никаких выпусков и изменений. Но, передав так первые семь параграфов подлинника, Святитель далее начинает излагать источники сокращенно, причем сокращает, главным образом, тот его отдел, где описывается новый допрос святого мученика у того же игемона Агриппина...[287] То же самое можно встретить и

в других житиях. Однако при изучении житий видно, что некоторые их отделы Святитель Димитрий считал особенно важными и старался передавать их по возможности близко к подлиннику и хотя не провел это строго через все Четии-Минеи, но в большинстве житий сделал и выдержал. В каких же житиях и какие отделы подлинника переводятся Святителем Димитрием буквально наиболее часто?

В мученических житиях почти всегда буквально переводятся те места, где описываются страдания и муки святых. Святитель везде точно выдерживает и передает их порядок, их всё более и более увеличивающуюся жестокость. Помня видéние святого мученика Ореста, он как бы боится выпусками или свободной передачей умалить терпение святых и уменьшить славу их подвигов[288]. Довольно часто в буквальном переводе дает Святитель Димитрий и те допросы, которым подвергались святые на суде, особенно, если эти отделы были богаты назидательным элементом и носили печать действительности. Источниками для описания таких допросов часто служили протоколы нотариев, участников римского судебного процесса; в их записях вопросы судей и ответы мучеников воспроизводились с буквальною точностью; Святитель Димитрий, очевидно, высоко ценил такие места и поэтому в своих житиях переводил их большею частью буквально[289]. Близко к подлиннику переведены Святителем и некоторые молитвы, произнесенные святыми во время мучений или перед своею кончиной[290]. Во многих житиях, описывающих жизнь святителей и преподобных отцов, также переданы письма и послания, которыми обменивались упоминаемые в житиях лица[291], выдержки из творений святых отцов[292], символы и другие образцы вероучения[293], наконец, все те места, которые казались Святителю особенно назидательными и полезными для читателей Четиих-Миней[294].

Не пропускались и обыкновенно буквально переводились Святителем и те места из источника, где сообщалось о подаваемой святым среди страданий благодатной помощи, благодаря которой они не ощущали мук и страдали как бы «в чуждем теле».

Подобные примеры в мученических житиях встречаются довольно часто.

Буквальных переводов в Четиих-Минеях Святителя Димитрия сравнительно очень немного. Источники, какими он пользовался, давали ему большею частью жития, на которых лежала печать господствовавшей с X в. в греческой агиографии школы. Существенные черты этой школы нам известны. Святителю, стремившемуся к простоте и краткости, не могли нравиться излишнее многословие и риторика греческих и русских агиографов; поэтому большую часть заимствованных из источников житий он переделал, изложив самостоятельно. Сильнее всего Святитель вооружался против многословия. Вспомним опять его отзыв о житии преподобного Григория Синаита. То же «преумножение словес» возмущало его и в других житиях, и он старался всеми мерами избегать его в своих переложениях. Об этом официально заявляют и сам Святитель, и его руководитель митрополит Варлаам Ясинский в предисловиях к 1-й и 2-й книгам Четиих-Миней.

Варлаам Ясинский в предисловии к первой книге говорит, что Святитель Димитрий, как составитель Четиих-Миней, из каждого жития выбрал только «самую истину, кроме многих излишних, темных же и неудобь разумительных словес».

Почти то же самое повторяет в предисловии ко второй книге и Святитель Димитрий.

«Излишество не всяко потребных словес» сказывалось прежде всего в том, что автор-агиограф очень много говорил от себя, прилагая к житию обширные прологи и заключения, а иногда и самую историю жизни святого сопровождая различного рода субъективными замечаниями,

восклицаниями и рассуждениями. Святитель Димитрий все эти отделы большею частью совсем опускал. Из прологов он перевел, например, очень немногие и то не затем, чтобы дать своим житиям красноречивое начало, а ради той назидательности, какою эти отделы житий отличались. Еще реже удерживаются Святителем эпилоги. Они сохранены только там, где это вызывалось содержанием жития, или где они были особенно важны и поучительны.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы все прологи и заключения, важные в историческом и дидактическом отношении, всегда удерживались Святителем. Изучая источники Четиих-Миней, мы встречали факты и противоположного характера. Например, Святитель опустил пролог к житию святого мученика Каллиника, в котором составитель говорит, что был современником святого и сам видел то, о чем рассказывает в житии [295]; или эпилог к житию святого Андрея, Христа ради юродивого, где биограф последнего — пресвитер Никифор — пишет: «аз же Никифор милостию Вседержителя Бога иерей бывая великие церкве Цареваграда, нарицаемую Божию Премудрость, написах дивное се житие честного и святого отца нашего Андрея, еже есмь своима очима видел, а другое от славного Епифана слышав, бывша патриархом зде» [296]. Следовательно, мы и здесь не находим строгой последовательности у Святителя. Историческая достоверность житий была для него не главной задачей, поэтому многие данные в пользу ее он пропускал, особенно если и без них житие было богато содержанием и достаточно по размерам для дневного чтения. Чтобы убедить читателей в достоверности своего рассказа, Святитель Димитрий, безусловно доверявший своим источникам, считал достаточным сослаться на них. Для этого, конечно, он указывал даже те источники, которыми и не пользовался. Какого, по мнению Святителя, нужно было еще большего доказательства достоверности жития, если о святом то же самое сообщали Метафраст, Великие Четии-Минеи, Пролог и другие агиографы и агиологические сборники?..

Субъективные восклицания, замечания и разъяснения особенно часто встречаются в Метафрастовых житиях. Все эти места Святитель Димитрий в своем пересказе опустил. Он ценил в источниках, главным образом, факты и старался передать их просто, без излишних стилистических украшений.

Но часто Святителю приходилось сокращенно излагать подлинник и потому, что в буквальном полном переводе он был бы велик для Четиих-Миней. Не выпуская фактов, Святитель прибегал тогда к конспективному изложению, заменяя разговоры действующих лиц косвенною речью, давая не описание, а только перечисление событий и в нескольких предложениях исчерпывая иногда целые отделы. Примеров подобного изложения в Четиих-Минеях много.

Сокращая так подлинник, Святитель Димитрий старался переделать его в небольшое, удобное для прочтения за один раз житие. Но та же практическая нужда заставляла его делать иногда и совсем обратное, т. е. не сокращать, а распространять источник. Чаще всего приходилось делать это с синаксарями Пролога. Сухие и краткие, они неудобны были для прочтения в церкви, и Святитель, чтобы придать им вид назидательного жития, переделывал их, заменяя сжатый рассказ Пролога более распространенным. Например, в Прологе о преподобном Евмении Гортинском сообщается, что он был милостив, раздал нищим свое имение и проводил дни в посте и молитве, а потом был поставлен Гортинским епископом. Святитель написал как бы толкование на это. Он сначала сказал о богатстве, мешающем войти в Царство небесное, и о бедности, как удобном туда пути, затем прославил Евмения за его нищелюбие и духовные подвиги, а в самом конце, упомянув о назначении преподобного на святительскую кафедру, изобразил черты доброго па-

стыря и приложил их к святому Евмению. Житие получилось не только удобное для прочтения в церкви, но и назидательное[297].

Такое же расширение источника встречается и при пересказе систематически составленных житий. Но здесь, конечно, у Святителя были иные побуждения, он заботился не о том, чтобы придать источнику приличную форму, а о том, чтобы усилить дидактическое значение своего рассказа, сделать его более понятным и назидательным для читателя. При этом распространенно излагалось уже не всё житие, а лишь некоторые его места и отделы.

Иногда оба способа изложения — и сокращение, и распространение — применялись в одном и том же житии, тогда одни отделы подлинника расширялись, другие передавались сжато и кратко.

Святитель не любил придерживаться буквы подлинника. Полная свобода и самостоятельность — вот отличительные свойства его работы по изложению источников. В иных житиях эти свойства сказываются настолько сильно, что при сравнении с подлинником рассказ Святителя кажется совершенно оригинальным. Святитель изменяет форму источника, переделывая слово в житие и личный рассказ в повесть[298], начинает повествование не так, как оно начинается в подлиннике, и вносит в свой пересказ различные изменения и отступления.

Особенно интересны в этом отношении жития святых мучениц Минодоры, Митродоры и Нимфодоры и святых мучениц Веры, Надежды и Любови и матери их Софии. Свобода изложения проявляется в них так ярко, рассказ Святителя носит такие своеобразные, совершенно самостоятельные черты, что невольно является вопрос: да действительно ли Метафраст был здесь источником для Святителя Димитрия?

Как на особенность изложения Святителя, необходимо указать еще на те субъективные вставки, которые он иногда вносит в пересказ источника. Одни из них — разъяснительного, другие — дидактического характера. В первых Святитель старается объяснить читателю смысл и значение передаваемых в житии событий. Например, упомянув о благородном происхождении преподобного Иоанна Молчальника, Святитель тотчас же добавляет: «сие же речеся не да благородия ради его ублажим, от добродетелей бо, а не от благородия святии ублажаются и прославляются; но да увемы, от коликие славы в каково смирение сей угодник Божий прииде».

Дидактические вставки весьма разнообразны. Останавливаясь на том или другом факте из жизни святых, Святитель учит читателей христианскому благочестию, характеризуя различные его стороны. Так, в житии святых мучеников Трофима, Савватия и Доримедонта, сообщив о страданиях святого Трофима на пути, поучает, что таков и должен быть «путь вводяй в жизнь»; в житии святого мученика Епимаха, не имевшего в пустынном житии никакого руководителя, говорит, что святых наставляет «Дух Святый и любовь Божия», — она учила святых апостолов, преподобных и мучеников, она «и св. Епимаха учаше пустынные подвиги и труды носити, всякие от врага напасти терпети, свято по Бозе жити и за Него готову на смерть быти».

В некоторых житиях подобные вставки и дополнения носят лирический характер, — это как бы излияния, невольно вырвавшиеся из взволнованного рассказом сердца Святителя.

В житии святых мучениц Веры, Надежды и Любови, начиная рассказывать о страданиях Любови, Святитель восклицает: «Кто бо сице за возлюбленного Господа своего стати име, яко Любовь? Понеже писано есть, крепка яко смерть любы, вода многа не может угасити любве и реки не потопят ее. Не угасиша огня любве к Богу в той отроковици во́ды многия прелестей мирских и не потопиша ся реки бед и страданий,

и о сем ее велика познавашеся любовь, яко готова бяше душу свою за любимого рачителя своего Иисуса Христа положити; больше же сея любве никтоже имать, аще кто за кого душу положит» [299].

В подобных добавлениях Святитель Димитрий, наставляя читателей, высказывал свои сокровеннейшие думы и чувства. Но его светлая личность сказалась в Четиих-Минеях и иным образом. Изображая жизнь святых и описывая разнообразные человеческие отношения, Святитель, может быть, даже невольно придал всему особый характер мягкости, любви, идеализма — отличительных особенностей своей личности. У него, например, человек не сам собою совершает грех, а по наущению диавола. Управитель Армении Пазинк вмешивается в дела Церкви и причиняет огорчение преподобному Иоанну Молчальнику, «наущающу его бесу»; монаху Иоанну, подвизавшемуся с Саввой Освященным,.. «вложи враг в умы мысль непотребну» идти в Александрию; добивающийся супружества со святой мученицей Иулианией юноша достиг звания епарха, «помогающу ему бесу»; «древняя злоба — диавол» воздвиг брань против христиан в стране Готфов, и Афанарис, начальник страны, преследует их, «наущающу его бесу»; Проклиания — мать возымела вожделение к сыну «бесовским наваждением» [300] и т. д.

«О люте, в каковая неподобная помышления вметает нищета последняя...» — восклицает Святитель, рассказав об отце, обедневшем и задумавшем торговать своими дочерями, обвиняя и тут не человека, а неблагоприятные обстоятельства [301].

Народ, взирающий на мучения святых исповедников или созерцающий чудеса, совершаемые ими, у Святителя очень часто не только выражает сочувствие святым страдальцам, но и высказывает веру во Христа. Пораженные чудесами святого апостола Иоанна Богослова, ефесяне кричат: «велик Бог христианский!»; видя, что звери не коснулись святого мученика Елевферия, народ взывает: «велик Бог Елевфериев!»; все, смотревшие на мучение святой мученицы Веры, «дивляхуся терпению и чудеси сему, яко не обычно от язвы млеко, а не кровь течаше и, покивающе главами, укоряху тайно царево безумие и лютость»; слуги, мучившие святого Харалампия, изнемогли и «начаста исповедати и прославляти силу Христову, укрепляющую страдальца» и т. п.

Святые подвижники и исповедники в изображении Святителя горят какою-то удивительной любовью к Господу, всем сердцем стремятся в монастырь, со смирением переносят труды и подвиги, «радуяся» умирают за Христа, проявляют друг к другу братскую любовь и прощение. Правда, все эти черты встречаются и в источниках, но у Святителя они переданы с особенной теплотой и сердечностью.

Особенно много теплоты и сердечности вносит Святитель в отношения друзей, учеников и учителей, пастыря и пасомых, мужа и жены, детей и родителей. Так, у него Неарх «печашеся к христианстей вере привести друга»; святой Лонгин, встретив друзей, «возвести им вся... они же слышавше возрадовашася... Таже введ своя други к воинам рече: се имате Лонгина, се имате и два друга его»; святая Фекла при встрече с апостолом не только «до земли поклонися ему», но и «с радостными слезами облобыза узы его», а он «облобыза главу ея, благословляющи ю», и т. п.

Особенно замечательны в рассматриваемом отношении жития: святого мученика Евдоксия (4 сентября), святого Евстафия Плакиды (20 сентября), святых Галактиона и Епистимии (5 ноября), святого Филарета Милостивого (1 декабря), святых Ксенофонта и Марии (26 января), святых Вита, Модеста и Крискентия (15 июня). Передавая историю действующих в этих житиях лиц, Святитель их взаимные отношения окрасил такими трогательными чертами, каких мы совсем не находим в источниках. Они созданы отзывчивым сердцем самого «списателя житий», выношены его чистою и любвеобильною душою.

Иногда, описывая такие отношения, Святитель не выдерживает объективного тона и переходит к восклицаниям: «Кое тамо бе разлучение,— пишет, например, он в житии святого мученика Евдоксия, — егда жена мужа, чада отца, друзи любимого друга лишахуся. Плакахуся вси о нем зело, разлучающеся друг от друга и ведуще, яко уже ему к ним не возвратитися»[302]. Или в житии Евстафия Плакиды, после рассказа о потере Евстафием детей: «Кто исповесть болезнь сердца его, рыдание и плач мног?» и далее в подобных же выражениях описывает всю глубину постигшего Плакиду несчастия[303]. В житии святого мученика Севастиана, передав о том, как к мученикам в темницу пришли родные, Святитель говорит: «И что творити имеяху непобедимая та сердца? Ни едина им мука сице одолети можаше, якоже то искушение, естественною бо любовию к престарелым родителям, к женам же и чадам и сродникам побеждающеся, и жалостию сокрушающеся, начаша усумневатися и, аки трость, колебатися от ветра и воск от огня таяти сердцы своими»...[304]

Во всех приведенных местах чувствуется не простой книжник-переводчик, а писатель-художник. Святитель Димитрий действительно и был таким художником. Он мыслил образами и картинами, прибегал к сравнениям и уподоблениям, писал языком живым и изобразительным. У него более яркие, чем в подлинниках, описания, картинные изображения, живые, полные движения сцены.

Например, Метафраст просто говорит, что Афродития и ее дочери «старались склонить» святую Агафию к идолопоклонству, — у Святителя: «украшаху бо ю многоценными одеждами, даяху дары, представляху многоценные сладкие различные снеди и пирования, составляху лики и плясания, играющим мусикиям, и всякие мирские бесчинные действа и глумления перед очима ее творяху»...[305] У Метафраста отец наказаниями старался заставить святую Иулианию отречься от Христа, — у Святителя: «на землю пометающе ю, за власы терзающе, ногами попирающе, не яко родитель, но яко мучитель»[306].

Но при всей красоте, силе и изобразительности язык Четиих-Миней носит всё же черты своего времени и отпечаток тех источников, которыми Святитель Димитрий пользовался. Составляя произведение характера основоположительного, Святитель непременно, в силу усвоенного на Юго-Западе обычая, должен был писать на языке церковнославянском. Но славянский язык южнорусской литературы XVII в. имел некоторые своеобразные черты и особенности. «Чистая церковнославянская речь, — говорит историк русской литературы профессор М. Н. Сперанский, — южнорусским ученым и переводчикам, даже в московской окраске, была уже не вполне доступна; она сбивалась у них на их живую речь»[307]. Элементы живого народного языка встречаются и у Святителя Димитрия[308]. Кроме того, пользуясь латинскими источниками и такими славянскими книгами, как Великие Макарьевские Минеи, он, может быть иногда и невольно, удерживал при пересказе некоторые их выражения и слова. Поэтому вместе с местным, народным элементом, в Четиих-Минеях встречаются слова и выражения латинские[309], и такие славянские, которые даже в церковнославянской речи давно вышли из употребления[310]. Те же славянские источники наложили на язык Четиих-Миней Святителя Димитрия и еще одну особенность. В древнерусские переводы с греческого, по большей части буквальные, проникло немало слов греческих, для которых в славянском языке не находилось подходящего выражения. Если мы станем просматривать, например, Макарьевские Четии-Минеи, то встретим очень много таких грецизмов. Проникли они и в Четии-Минеи Святителя Димитрия, который также оставил их без перевода[311]. Кроме того, у южнорусских писателей, несомненно, были в отношении слововыражения и некоторые традиции. Святитель, например, почти никогда не называет языческих богов рим-

скими именами, а греческими. Это наблюдается даже там, где он пользуется латинским источником. Очень редко дает Святитель латинские названия и тем должностным лицам, которые, как представители римской власти, упоминаются в житиях мученических. Можно, правда, подумать, что всё это признаки пользования греческими источниками, но мы полагаем, что здесь просто сказались, с одной стороны, традиции, с другой — влияние источников славянских.

Этой общей характеристикой языка Четиих-Миней мы и закончим рассмотрение их, как памятника литературного.

Святитель Димитрий смотрел на свой труд по составлению Четиих-Миней, как на послушание, врученное ему «малороссиянскою Церковью». Это послушание он выполнил и выполнил прекрасно. От него требовалось написать такую книгу о жизни святых угодников Божиих, которая бы вошла в церковное употребление и вытеснила распространявшиеся в XVII в. среди православного народа на Юго-Западе католические агиографические издания, особенно «Żywoty Swętych» Петра Скарги. Мы уже говорили, какой имели успех Четии-Минеи Святителя Димитрия тотчас же, после своего появления; по выражению украинского летописца, «они наполнили духовною радостью сердцá книжных людей юго-западного края», они быстро получили широкую известность и в Москве; первое и второе издания их скоро разошлись, и Киево-Печерская Лавра в XVIII в. всё время хлопотала о новых изданиях Четиих-Миней, побуждаемая многочисленными на них требованиями. Несомненно, Четии-Минеи вошли и в церковное употребление. Еще и сейчас они читаются за монастырскими трапезами, а в то отдаленное время, полагаем, не пренебрегали их чтением и за богослужениями [312]. Получив свои родные славянские Четии-Минеи, юго-западный православный народ совсем оставил инославные издания. Весьма распространенная и популярная книга Петра Скарги, после выхода Четиих-Миней, малопомалу забывается, переводов ее житий появляется всё меньше и меньше, и в то время как имя Святителя Димитрия, как «списателя житий святых», приобретает все бóльшую и бóльшую известность, имя католического агиографа быстро ее теряет и скоро совсем забывается. Кто среди русского народа, на Юго-Западе, помнит теперь Петра Скаргу и его книгу? А как много у нас людей, знающих Святителя Димитрия и доселе с любовью читающих его великое произведение.

Святитель совершил весьма важное, общенародное дело и подвинул далеко вперед развитие русской агиографии. С любовью принятые народом, нашедшим в них выражение своих исконных чаяний, своих воззрений и желаний, Четии-Минеи Святителя Димитрия сделались национальным достоянием, одною из тех книг, по которым вырабатывались и складывались своеобразные духовные особенности русского православного человека. В истории агиографии они завершили то, к чему стремилась эта отрасль древнеславянской письменности, старавшаяся в трудах Московского митрополита Макария и его последователей собрать все памятники русской и общехристианской агиографии и составить по ним книгу, доступную и удобную для народного пользования. Отсутствие попыток составить новые Четии-Минеи после Святителя Димитрия ясно показывает, как великолепно понял и прекрасно выполнил он то, что составляло тогда задачу русской агиографии и нужду нашей Православной Церкви. Но, завершив труды своих предшественников, Святитель Димитрий положил начало и сделал первый шаг в деле научного изучения агиографии и критического исследования житий. Он первый обратился за источниками для своего труда на Запад, первый воспользовался его научными агиографическими изданиями и первый же начал разрабатывать эту область богословской литературы с критическими приемами. Такая разработка особенно сильно сказалась в трудах Святителя Димитрия при составлении месяцеслова Четиих-Миней. Но, ве-

роятно, Святитель провел бы ее и дальше, если бы преждевременная смерть не вырвала перо из его неутомимо пишущей руки. Это дело критического изучения житий и научной их разработки Святитель оставил своим преемникам, но оно долго не находило нужных работников и начало осуществляться только в наше время.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Четии-Минеи, ч. III, марта 1-го, л. 20; марта 4-го, л. 33 об.; ч. II, января 4-го, л. 362; ч. IV, июня 15-го, л. 167 об. и др.

[2] Четии-Минеи, ч. III, марта 1-го и 4-го, апреля 22-го, л. 243 об.; ч. IV, июня 15-го и 17-го, л. 174 об.; июля 13-го, л. 436 об., августа 7-го, л. 628, и 31-го, л. 785 об.

[3] Четии-Минеи, ч. IV, июля 13-го и августа 7-го и 31-го.

[4] Там же, июля 13-го.

[5] Четии-Минеи, ч. I, сентября 21-го; ч. III, марта 9-го, апреля 18-го; ч. IV, июля 7-го и 13-го; августа 1-го.

[6] Отдельного издания месяцеслова, если судить по «Опыту славянской библиографии» В. М. Ундольского и исследованию архиепископа Сергия «Полный месяцеслов Востока» (далее: ПМВ), ч. I, с. 363—366, в этом году в Москве не было; может быть, Святитель Димитрий разумеет какой-либо месяцеслов при Богослужебных книгах московского издания.

[7] В «Опыте славянской библиографии» В. М. Ундольского отдельных изданий месяцесловов во Львове, Вильне и Чернигове не указано; вероятно, и здесь разумеются месяцесловы при Богослужебных книгах, изданных в этих городах.

[8] В том же «Опыте славянской библиографии» такого издания опять нет, и мы снова принуждаемся разуметь здесь месяцеслов при Богослужебной книге.

[9] Это тоже не отдельное издание, а месяцеслов при Полуставе.

[10] Пролог, хранившийся в библиотеке Московской духовной академии, № 3/300, ч. II, январь 8, л. 555.

[11] Четии-Минеи, ч. IV, июня 17-го, л. 174 об.

[12] Четии-Минеи, ч. I, ноября 16-го, л. 524, и 22-го, л. 577.

[13] Пролог, ч. III, марта 18-го, л. 56 об., 18-го, л. 106 об., апреля 13-го, л. 214 об.

[14] См., например, Киевское издание 1672 г., где помещены Святцы с летописью; Полуустав Иннокентия Гизеля 1682 г., издания 1690 и 1691 гг., где памяти святых сопровождаются синаксарями (лл. 297—482).

[15] Например, Львовский Анфологион 1651 г.

[16] ПМВ, т. I, с. 365, 348—350 и приложения 14 и 18, с. 191—194.

[17] ПМВ, т. I, с. 274.

[18] Четии-Минеи, ч. IV, лл. 436 об. и 437.

[19] Там же, ч. IV, л. 628, ср. Пролог, ч. I, л. 38 об.

[20] Там же, ч. IV, 4 июля, л. 222 об.

[21] Четии-Минеи, ч. III, л. 325 об.

[22] Там же, с. 311 об.

[23] Святитель Димитрий и его время, с. 181, примечание 2.

[24] Четии-Минеи, ч. III, л. 211.

[25] Пролог, ч. IV, л. 422.

[26] Пролог, ч. I, л. 156.

[27] Пролог, ч. III, л. 288 об.

[28] Приведем здесь те ссылки на эти источники, которые относятся к святым, не имеющим в Четиих-Минеях полных житий.

1. *На Макарьевские Четии-Минеи:* марта 18-го, свв. мм. Трофима и Евкратия, — «в Четье марта 22-го» (Пролог, ч. III, л. 106 об.); марта 28-го, свв. Ионы и Варахасия, — «в Четье 29 дня» (л. 152 об.); апреля 2-го, м. Феодоры, — «Четья апреля 2-го, л. 81, сия мая 29-го Феодосия» (л. 179 об.); 5-го свв. мм. Феодоры и Дидима, — «Четья апр. 6-го, л. 121» (л. 188 об.); мая 4-го, св. м. Еразма, — «историю страдания сего св. мученика зри в великой Минеи Четье сего месяца в 10 день» (л. 287 об.); 11-го преп. м. Феодосии, — «сияж 18 числа, в Четье житие и страдание ея мая 29, л. 1556» (л. 328 об.); 18-го, м. Феодосии, — «сияж 11 числа, в великой Минеи Четье житие и страдание ея положено мая 29-го, л. 1556» (л. 363); июля 4-го, св. м. Феодора Киринейского и м. Кирилла, — «в Четье л. 59-й» (IV ч., л. 558 об.); 6-го св. м. Конпта Фригийского, — «Четья л. 32-й» (л. 538 об.); 26-го св. м. Параскевы, — «о сей святой в великой Минеи Четье несть воспоминовения» (л. 626 об.).

2. *На Сурия:* сентября 16-го, св. Людмилы, — «Surius, т. 7, с. 212» (л. 56 об.), 28-го, св. Вячеслава, — т. 5, с. 444 (л. 99 об.); октября 5-го, св. Дионисия Александрийского, т. II, с. 653 ex Eusevio (л. 126); 7-го, свв. Иулиана и Кесария, — т. 6, с. 12-я ноября 10-го» (л. 136); 12-го, св. Мартина Милостивого, — т. 6, с. 258 (л. 160); декабря 12-го, св. Александра Иерусалимского, — т. 2, с. 306 (л. 445); февраля 19-го, преп. Евгения и Макария, — т. 5, с. 973 (л. 713); 28-го, св. м. Нестора, — «сего святого житие зри Surius, т. I, с. 1083-я» (л. 740 об.), апреля 7-го, св. Вадима, — т. 6, с. 651 (л. 201 об.);

мая 4-го, св. м. Еразма,— т. 7, с. 388 (л. 187 об.); июня 15-го, св. Иеронима,— т. 5, с. 495 (л. 465).

3. *На Vitae Sanctorum Patrum:* сентября 16-го «Слово о Дорофее пустыннике, л. 709-й» (л. 57); 24-го, преп. Коприя, — «ин Коприй июля 9-го, еще ин in VSSPP, л. 466-й» (л. 76); октября 18-го, преп. Иулиана,— «VSSPP, 800» (л. 178 об.); ноября 2-го, преп. Маркиана,— «зри о нем in VSSPP, ср. л. 806-й» (л. 240); 10-го, преп. Милия, — «VSSPP, л. 585-й» (л. 269); декабря 28-го, преп. Иоанна Колова, — «in VSSPP ff: 449, 546 и 738-й (л. 511); января 13-го, преп. Иакова Низибийского, — «in VSSPP vide» (л. 577 об.); 18-го, преп. Маркиана Киринейского, — «зри о нем in VSSPP f. 806» (л. 589); 24-го, преп. Македония, — «VSSPP, л. 828 et seq. (л. 608 об.); 25-го, преп. Мара певца, — «de isto sancto vide in VSSPP f. 837» (л. 612); 28-го, преп. Палладия, — in VSSPP ff. 817 и 818 (л. 621 об.); февраля 14-го, преп. Марона, — «in VSSPP f. 833 auctore Pheodorito ep. Cyr. nonne iste sanctus vide et f. 838» (л. 701); 28-го, преп. жен Марины и Киры.— «VSSPP f. 835 autore Pheodorito» (л. 740 об.); слово об Иулиане монахе,— «о некоем Иулиане мнимое vide in VSSPP f. 800, de quo Pheodoritus pulchre» (л. 741); 29-го, преп. Кассиана Римлянина,— «VSSPP, f. 557» (л. 740); марта 17-го, преп Георгия, игумена горы Синайской,— «Лимонарь, л. 126-й» (л. 103 об.); 31-го, преп. Аполлония,— «vide in VSSPP, f. 460 и 747» (л. 168 об.); апреля 5-го, преп. Пуплия,— «vide in VSSPP, f. 650-й» (л. 158); 22-го, преп. Виталия монаха,— «sed vide librum de VSSPP, f. 197 и 198 vita s. Joannem demosinem» (л. 244 об.); июля 6-го, преп. Сисоя Великого, — «in VSSPP ex indice» (л. 538) и 14-го, преп. Елия монаха,— «зри о нем in VSSPP, f. 754, т. 8, с. 9» (л. 585).

4. *На историков Церкви:* октября 18-го, св. Иулиана, — «Феодорит, кн. 9, гл. 11-я» (л. 178 об.); ноября 26-го, преп. Иакова отходника,— «Pheodoritus libro de VSSPP. с. 21, f. 837» (л. 363); апреля 17-го, св. Симеона, епископа Персидского, — «Созомен, кн. 2, гл. 8-я, 9-я и 10-я» (л. 225 об.); мая 29-го, св. м. Феодосии, — «Eusevius f. 8, гл. 8, с. 17-я» (л. 401); июня 5-го, св. м. Дорофея,— «Niciphor, кн. 10, с. 9, л. 595-й» (л. 425); августа 19-го, свв. мм. Тимофея, Агафии и Феклы,— «Eusevius, кн. 8, с. 13, л. 151-й» (л. 712 об.); 21-го, св. апостола Фаддея,— «Eusevius, l. I, с. 13 et Niciphorus, l. 2, с. 7 et 40» (л. 717); августа 25-го, свв. 37 мм. в Филиппополе, — «тиих мнятся быти, иже и 20 числа, кроме жены с отрочищем, о ней же зри Socrates, кн. 1, гл. 4, с. 14 et Theodoritus, кн. 1, гл. 4, с. 16 et Sosomenus, кн. 1, гл. 6, с. 18-й» (л. 735).

5. *На Martyrologium Romanum:* сентября 1-го, 40 дев постниц, — et R. M. sept. 1» (л. 2); м. Каллисты, — «R. M. sept. 2» (л. 2 об.); 20-го, свв. мм. Ипатия и Андрея, — «R. M. aug. 29-го» (л. 68); 26-го, св. м. Ираиды девы, — «vide R. M. sept. 22-го» (л. 75); 27-го, св. апостола Марка, Аристарха и Зинона, — «et R. M. de Marco eodem die sept. vocat illum Joannem» (л. 95); октября 4-го, св. Петра Капитолийского,— «R. M. oct. 4. Не той ли се Петр, иже in Baronio I.9. ann. 742, n. 3» (л. 120 об.); 18-го, св. м. Мартина старца, «R. M. aug. 8-го» (л. 178 об.); ноября 10-го, св. м. Милия, еп. Персидского, — «R. M. арг. 22-го» (л. 269); 22-го, св. м. Прокопия, — «тойжде то Прокопий, що июля 8, дается то знать ex R. M. iulii 8-го» (л. 344); декабря 15-го, св. м. Елевферия Кувикулария,— «сего святого авг. 4 et in R. M. aug. 4, значит там его и положити, а тут минути» (л. 458 об.); 16-го, св. м. Марина,— «R. M. dec. 26-го» (л. 464); января 30-го, св. м. Ипполита Римского, — «авг. 10 смотри Ипполита неякого R. M. aug 22-го (л. 628 об.); марта 15-го, св. м. Никандра, — «R. M. eodem die» (л. 55); апреля 11-го свв. мм. Процетия и Мартиниана, — «о сих не обретох at R. M. iul. 2» (л. 207 об.); июня 4-го, св. м. Астия, — «R. M. iul. 7. Взменка о нем и в сей книзе июля 7, в страдании свв. мм. Перегрина etc» (л. 541 об.); июля 7-го, св. м. Перегрина,— «R. M. iul. 7» (л. 541 об.), августа 4-го, св. м. Елевферия,— «сегож св. дек. 13 at R. M. aug. 4, ergo hic ponendus» (л. 659); 30-го, преп. Фонтиния, — «R. M. eode mense et die» (л. 753).

6. *На Acta Sanctorum:* декабря 3-го, пр. Феодула епарха,— «ASS mai 28, t. 6, f. 755» (л. 384); 12-го, св. м. Александра Иерусалимского, «ASS mart, t. 2, f. 614» (л. 445); 18-го, св. м. Кастула,— «сей Кастул ASS mart, t. 3, f. 612» (л. 472); 26-го, св. Евфимия исповедника,— «ASS mart, t. 2, die 11» (л. 504); 30-го, св. м. Филарета Никомидийского,— «ASS mai, t. 4, ff. 310—312, тойжде мая 20-го» (л. 516); января 5-го, преп. Григория Критского и Фостирия, — «Bolland iannuar, t. 1, d. 5, f. 289 breviter»; 9-го, прор. Самея,— «Bol. iann., t. 1, f. 458; 14-го, преп. Саввы Сербского,— «Bolland iann. t. 1, f. 979»; св. м. Феодула, — iann. t. 1, f. 967; преп. Стефана Царградского, — «Boll. eode die et tomo f. 976»; 15-го, св. м. Пансофия, — «Boll. iann. t. 1, d. 15, f. 996; 20-го, свв. мм. Васса, Евсевия, Евтихия и Василида, — «ASS iann t. 2, f. 257, се то четыре протектори, они же февраля 7, ut testatur ASS februar. t. 2, f. 18»; свв. мм. Инны, Пинны и Риммы, — «ASS iann. t. 2, f. 297; прр. Мавсимы и Саламана, — «ASS iann. t. 2, f. 489 и 490»; 24-го, св. м. Вавилы Сицилийского, — «ASS iann. t. 2, f. 592»; преп. Македония, — «ASS iann. t. 2, f. 593 et VSSPP, f. 828»; 25-го, преп. Поплия — «ASS iann., t. 2, f. 621»; 26-го, преп. Симеона пустынника, — «ASS iann. t. 2, f. 109»; свв. мм. Анании пресвитера и Петра темничного ключаря,— «ASS februar. t. 3, f. 490»; 29-го, свв. мм. Романа, Иакова, Филофея, Иперихия, Авива, Иулиана и Паригория, — «ASS iann. t. 2, f. 950»; св. мм. Сильвана еп., Луки диакона и Мокия чтеца, — «ASS febr. t. 1, f. 777»; 30-го, преп. Зинона, — «ASS febr. t. 2, f. 390»; 31-го, свв. мм. Викторина, Виктора, Никифора и др., — «ASS febr. 3, f. 488, сих же апр. 3, сих же подобно февр. 3»; св. м. Трифены, — «ASS iann., t. 2, f. 1081»;

февраля 1-го пр. Петра Галатийского,— «ASS febr., t. 1, f. 94»; преп. Вендимиана,— «ASS febr. t. 1, f. 99»; свв. мм. Перпетуи, Ревоката и др.; — «Cornelius a Lapide in marto c. 2, n. 12, f. 246 et Superius c. 7, n. 13, f. 179, ASS mart t. 1, f. 630»; 3-го, прор. Азарии, — «ASS februar t. 1, f. 319»; свв. мм. Адриана и Еввула, — «De s. Adriano, ASS mart t. 1, f. 365, de s. Eubulo code tomo ff. 644 et 426 et 427» (Святитель ошибся, — там иные мм., см. ASS, febr. t. 1, f. 466); 4-го, священномученика Аврамия Арвильского, — «ASS, febr. t. 1, f. 466»; 6-го, св. м. Иулиана, — «ASS, febr. t. 1, f. 778»; свв. мм. Марфы и Марии, — «ASS, febr. t. 2, f. 157» ...Дальнейших указаний на Acta Sanctorum приводить не станем, они имеются почти при каждой памяти и заняли бы несколько страниц.

[29] Напр., июля 3-го, св. м. Иакинфа, — «M. R. eode mense et die»; 4-го, Феодора, епископа Киринейского, — «M. R. eode die»; 6-го, св. м. Лукии, — «M. R. eode die»; 7-го, св. м. Перегрина etc. - «M. R. eode mense et die» и т. д. Рук. б. М. Т. библиотеки № 420, л. 457».

[30] Пролог, ч. III, л. 148 об. Срав. ПМВ, т. II, с. 119 заметок.

[31] Пролог, ч. III, л. 208. См. подобное 6 апр., 3 июля, 4 авг., 3 и 8 марта.

[32] Четии-Минеи, ч. III, л. 288 об. Подобное см. 7 июля о св. Евангеле; здесь, кроме стихов, упоминается, что святой «мечем за Христа скончался».

[33] Четии-Минеи, ч. IV, 12 авг. Подобное см. 15 дек., 8 марта и 19 апреля.

[34] Четии-Минеи, ч. IV, 2 августа.

[35] Четии-Минеи, ч. III, л. 74. Архиеп. Сергий (ПМВ, т. II, с. 68 и 238) объединяет этих святых.

[36] Четии-Минеи, ч. III, л. 78 об. По ПМВ (т. II, с. 69), это иной Тарасий, чудотворец Ликаонский.

[37] Четии-Минеи, ч. IV. Архиеп. Сергий считает их за Иоанна V и Георгия I, живших при Константине Пагонате (ПМВ, с. 250).

[38] Четии-Минеи, ч. I, 13 сент. Архиеп. Сергий первых двух святых различает (ПМВ, т. II, с. 272 и 281), а вторых тоже объединяет (ПМВ, с. 276 и 281).

[39] Четии-Минеи, ч. IV, июля 3-го. Архиеп. Сергий (ПМВ, т. II, с. 199) подтверждает это. См. подобную же заметку 17 августа о св. мм. Фирсе и Левкии.

[40] Пролог, ч. III, 22 марта.

[41] Четии-Минеи, ч. III, л. 270.

[42] Acta SS., апрель, т. I, л. 266.

[43] Четии-Минеи, ч. III, л. 164 об. и Acta SS., март, т. III, л. 474.

[44] Четии-Минеи, ч. IV, л. 124 об.

[45] См. ранее с. 184 и 185 первой части.

[46] Четии-Минеи, ч. I, л. 289.

[47] Четии-Минеи, ч. III, л. 446.

[48] Там же, л. 652 об.

[49] Четии-Минеи, ч. IV, 14 и 16 августа

[50] Там же, 18 июня.

[51] Четии-Минеи, ч. I, 21 сентября.

[52] Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420 (472), л. 454.

[53] Та же рукопись, лл. 18—23.

[54] Там же, л. 458.

[55] Там же, л. 459.

[56] Там же, л. 454 и Пролог, ч. IV, л. 424.

[57] Там же.

[58] Там же, л. 455.

[59] Там же, л. 456.

[60] Там же, л. 455 и Четии-Минеи 9-го июня.

[61] Письмо к Феологу 4-е. — Ярославские епархиальные ведомости, 1874, с. 259.

[62] Рукопись, л. 468 и д. Из отмеченных в списке житий не все оказались внесенными в Четии-Минеи; к подобным относятся: Аттика, патриарха Цареградского (янв. т. I, 493 с.), Петра, еписк. Севастийского (янв., с. 589, в Четиих-Минеях только память 9 янв.), свв. Георгия и Евтропия (ib., 725), св. апостола Илария (ib., 782), св. Макрины (ib., 952), свв. Исидора и Евстафия (ib., 1015), св. Евфимия (ib., 997), св. мученика Василиска (янв., т. II, с. 221), св. патриарха Флавиана (ib., 252), св. Викентия (ib., 393), св. Дионисия Севастийского (февр., т. II, 158 с.), св. Марка Афинского (март, III, 778) и св. Евтихия (май, V, 249), но зато в Четиих-Минеях есть и также взятые из Acta SS. памяти и жития, которых в списке нет.

[63] Четии-Минеи, ч. IV, л. 375.

[64] Там же, л. 67. Подобное см. 8 июня, л. 70 об.

[65] ПМВ, т. I, с. 275.

[66] Там же, с. 373.

[67] См. ранее с. 62, I ч.

[68] Предисловие к Библии 1581 г. по сочинению *проф. А. С. Архангельского,* «Очерки из истории зап.-русской литературы XVI—XVII вв.». М., 1888, с. 91, прим.

[69] Житие сщмч. Климента Римского, 25 ноября.

[70] Житие преподобномучеников Феодора и Феофана Начертанных, 27 декабря.

[71] Житие свв. мм. Назария, Гервасия, Протасия и Кельсия, 14 октября.

[72] Святитель Димитрий и его время, с. 375, прим. 1.

[73] См. янв. 27-го, житие пр. Евсевии-Ксении, 31-го — свв. Кира и Иоанна; февр. 7-го — преп. Луки Елладского и 1003 мм.; 20-го — св. Льва, еп. Катанского, и т. д.

[74] См. сент. 3-го, житие св. Иоанна постника, янв. 28-го — св. Ефрема Сирина, авг. 9-го — св. апостола Матфия и др.

[75] См. июля 29-го, житие св. Серафимы, 13 дек. — св. Лукии девы.

[76] См. ноября 28-го, житие св. Стефана Нового; янв. 27, перенесение мощей св. Иоанна Златоуста и др.

[77] См. нояб. 16, житие ап. Матфея; 23-го — св. Амфилохия, дек. 1-го — св. Иоанна Милостивого, 4-го — св. вмц. Варвары и мн. др.

[78] См. Ч.-Минеи — 5 апреля, житие свв. мм. Агафопода и Феодула; 24 января — преп. Евсевии-Ксении; 31 января — свв. Кира и Иоанна; 7 февраля — св. Луки Елладского и 1003 мучеников; 20-го — св. Льва, еписк. Катанского; марта 6-го — свв. Кононов, отца и сына, а также Ч.-Минеи марта 7, 20, 22, 25; апр. 4, 5, 7, 11; мая 2, 13, 14, 19, 25, 28, 29 и 31; июня 28 и июля 3-го.

[79] См. подобное 11-го апр. при житии сщмч. Антипы, еп. Пергама Асийского.

[80] См. также 18-го июня, житие свв. мч. Леонтия, Ипатия и Феодула; 23-го повесть о покаянии Феофила, 25-го житие св. мц. Февронии девицы.

[81] В библиотеке Московской духовной академии имелось издание Сурия № 2(280), вышедшее в 1618 и сл. годы, оно полнее издания 1573—86 гг., и поэтому счет страниц в нем совершенно другой. В дальнейшем мы везде цитируем Типографское издание.

[82] Surius, т. 6, предисловие к читателю.

[83] См. *Сурий*, т. II, л. 400. Подобное 21-го ноября, слова: Георгия Никомидийского, — *Сурий*, т. VI, л. 521, и Германа Константинопольского, — *там же*, л. 518; 24-го июня, слово Свят. Иоанна Златоуста на рождение св. Иоанна Предтечи, *Сурий*, т. III, л. 900.

[84] Во втором издании просто — «от Метафраста».

[85] См. Патрология *Миня*, с греч. т. 114, с. 967.

[86] Срав. Четии-Минеи, ч. I, л. 27 об. и *Сурий*, т. I, л. 592 и т. V, л. 969, § 35.

[87] Срав. Ч.-Минеи 24 сентября, *Сурий*, т. V, л. 389, и ВЧМ, изданные Археографической Комиссией, в. II, стр. 1376—1390. Подобное см. 28 ноября, житие св. Стефана Нового, — *Сурий*, т. VI, л. 660; 7 дек., житие Свят. Амвросия Медиоланского, — *Сурий*, т. II, л. 525 и др.

[88] Срав. Четии-Минеи, 11 апреля, *Сурий*, т. II, л. 683 — «martirium ex S. Metaphraste» и Acta SS. апрель, т. II, л. 3 и д.

[89] Срав. Четии-Минеи 28 апр., *Сурий*, т. II, л. 1005 и Acta SS. апрель, т. II, л. 126. Подобных примеров можно бы привести несколько, — см., напр., 11 февр. житие вмч. Никифора и мч. Власия (срав. «Царская Минея» *В. В. Латышева*, с. 131 и 132), 7 мая — житие св. Акакия и др.

[90] См. Acta SS. январь, т. II, с. 724.

[91] Срав. житие в Ч.-Минеях и в Патр. гр. т. 114, с. 335—392, §§ 21, 50, 58 и 11.

[92] История, кн. XIV, гл. 51 и XVIII, гл. 23.

[93] Żywoty Swętych, с. 27 по изд. 1619 г.

[94] Срав. Четии-Минеи, Историю *Никифора*, кн. II, гл. 3 и 35 и кн. III, гл. 2 и Martyrologium Romanum изд. 1613 г., с. 192.

[95] Acta SS., февраль, т. II, с. 382—386.

[96] Сюда относятся: житие св. Фоки, епископа Синопийского (*Сурий*, V, 365), составленное по каталогу Петра и положенное в наших Четиих-Минеях — 22-го сентября, без указания источника; житие свв. Космы и Дамиана, написанное, как свидетельствует Сурий (V, 403), по древним кодексам и использованное Святителем для жития тех же святых 17-го октября (§§ 3—8) и 1-го ноября (§§ 1, 2, 9—11-й); сказание Тимофея, архиеп. Александрийского, о чудесах св. Мины (*Сурий*, VI, 253), помещенное Святителем 11-го ноября, после жития великомученика; жизнь св. Григория чудотворца, написанная Григорием, еписк. Нисским (*Сурий*, IV, 55), — в наших Четиих-Минеях — 17 ноября, списанное св. Григорием, епископом Нисским; мучение св. Петра Александрийского, взятое Сурием из древних кодексов (VI, 621), — в наших Четиих-Минеях — 25-го ноября, «написано от Анастасия книгохранителя»; страдание Иакова персянина, тоже взятое из древних кодексов и согласное с мартирологами (*Сурий*, VI, 657), в наших Четиих-Минеях — 27-го ноября — «от Четии блаж. Макария, митр. Московского, и от Никифора (XIV, 20)»; жизнь Иоанна Дамаскина, составленная Иоанном, патр. Иерусалимским (*Сурий*, III, 115) и положенная Святителем 4-го декабря с заметкой: «написатель сего жития бе Иоанн патр. Иерусалимский, из него же зде сокращеннее мало»; житие Амвросия Медиоланского, составленное Павлином пресвитером (*Сурий*, II, 525), — в наших Четиих-Минеях, 7-го декабря: «сие житие писал Павлин пресвитер, а зде сокращеннее, еще же и от иных достоверных некая воспомянушася»; история св. девы Лукии, взятая Сурием (VI, 987) из древних кодексов, — Святитель показал, что житие заимствовано «от древних мартирологов». 12-го декабря деяния св. мч. Севастиана, описанные на основании рукописных источников Бедой и Узуардом (*Сурий*, I, 449), — в наших Четиих-Минеях — 18-го декабря — житие значится взятым «от древних мартирологов»; составленная Свят. Амвросием Медиоланским жизнь св. мц. Агнии (*Сурий*, I, 507), у Святителя, 21-го января, житие также «списано от св. Амвросия Медиоланского»; жизнь св. Григория Богослова, описанная учеником его Григорием пресвитером (*Сурий*, III, 681), — в наших Четиих-Минеях —

25-го января — житие «из Григория пресвитера, ученика его, из Руфина и иных, и из его же книг вкратце собранное», выдержка из речи св. Григория Богослова о преп. Марке Арефусийском и свидетельство Феодорита (III, 6) о Кирилле диаконе (*Сурий,* II, 441), послужившие источником для жития преп. Марка в наших Четиих-Минеях — 29 марта, — где указаны те же источники; речь инока Феостерикса, описывающая жизнь преп. Никиты исповедника (*Сурий,* II, 500), в наших Четиих-Минеях, 3-го апреля, житие, «написанное иноком Феостериксом, учеником его, из него же зде вкратце и от великия Четьи»; жизнь и мучение Евтихия, патриарха Константинопольского, описанные пресвитером Евстафием (*Сурий,* II, 578), у Святителя, 6 апреля: «сего святого житие написа Евстафий пресвитер, из него же и из великия Минеи зде вкратце»; жизнь св. папы Мартина исповедника, составленная неизвестным, но близким (familiari) к нему лицом (*Сурий,* V, 290), в наших Четиих-Минеях, 14 апреля, указаний на источники нет, а сказано только, что они использованы «сокращенно»; мучение св. мч. Ианнуария, описанное по Сурию (VII, 219) царским историографом Луцием Марином, — в наших Четиих-Минеях, 21-го апреля, источник не указан, но содержание жития вполне соответствует Сурию; certamen свв. мчч. Вита, Модеста и Крискентия, взятое Сурием (III, 753) из древних кодексов, — Святитель в Четиих-Минеях пишет, что взял житие «от великия Минеи-Четьи (15-го июня) и от иных переводов», — под последними, очевидно, и разумеются книги Сурия; написанная самим Сурием жизнь св. Кирилла, епископа Гортинского (IV, 151), в наших Четиих-Минеях, 9 июля, источник не указан, но житие представляет очень близкий перевод Суриева сочинения; мучение св. Аполлинария, епископа Равентийского (*Сурий,* IV, 325), — в наших Четиих-Минеях, 23 июля, — «от великие Минеи-Четьи сокращенно», но сравнение житий показывает, что в основу работы Святителя положен латинский текст, а из Макарьевских Миней внесены только некоторые видоизменения; мучение св. девы Серафимы, заимствованное Сурием из древних кодексов (т. V, 30) и в наших Четиих-Минеях отмеченное, как «собранное от древних мартирологов», 29-го июля; письма пресвитеров Авита и Лукиана об обретении и перенесении мощей св. первомученика и архидиакона Стефана (*Сурий,* IV, 502 и 503), по которым Святитель проверил и дополнил второй источник этого сказания — Великие Четии-Минеи, указанные как единственный источник сказания в наших Четиих-Минеях, 2-го августа; приписываемые Сурием Амвросию Медиоланскому деяния св. мч. архидиакона Лаврентия (*Сурий,* IV, 607), — Святитель в Четиих-Минеях, 10-го августа, источник не указал, но дал его в близком переводе, начиная с § 8 до § 22-го; написанные римскими нотариями деяния св. мц. девицы Сусанны (*Сурий,* IV, 623), — Святитель пишет, что житие составлено «Фарсоном христианином, в таяжде времена бывшим» (11-го августа), у Сурия имя Фарсона упоминается в 12-й главе Жития и говорится, что он собирал деяния свв. мучеников и чтил их; мучение свв. мчч. Аникиты и Фотия, взятое Сурием из древнейшего кодекса (V, 23), в Четиих-Минеях, 12 августа, источник не указан, но содержание жития соответствует Сурию; житие св. мч. Ипполита, 13 августа, есть эпизод из жития св. мч. Лаврентия (*Сурий,* IV, 607, §§ 23—25), данный Святителем в очень близком переводе; житие свв. мчч. Адриана и Наталии, взятое Сурием (IV, 147) из древних кодексов и почти буквально переданное Святителем, в Четиих-Минеях источником названы Макарьевские Четии-Минеи, но там (август, лл. 1104—1109) неисправный список жития с значительными пропусками, которые и восстанавливаются по Сурию, недаром к словам «от великия Четии-Минеи» (26 августа) прибавлено Святителем: «и от прочих».

[97] Правда, то же как будто житие и у Сурия (I, 759), на которого ссылка в первом месяцеслове, но там житие с именем Метафраста, и уже одно умолчание о нем свидетельствует, что Святитель пользовался не Сурием.

[98] Есть в ВЧМ (апр., л. 52, а) и славянский перевод той же, что и в Актах, редакции, но Святитель им не пользовался.

[99] Срав. Четии-Минеи, ч. III, лл. 68 и 69 об. и Акты, март, т. I, 642, §§ 3, 4 и 5.

[100] Летопись о Ростовских архиереях. Изд. ОЛДП, с. 41—42, №№ 204 и 253.

[101] Упоминается она и в описи № 106.

[102] ПМВ, т. I, с. VI.

[103] Именно свв. Пахомия, Ефрема Сирина, Епиктета, Пасфумия, Фронтона, Евгении, Евфрасии, Евфросинии, Марии, Таисии, Марины и Маркеллы.

[104] Переведена на русский язык *прот. М. И. Хитровым* и издана в 1898 г. Троице-Сергиевой Лаврой (3-я книга Троицкой библиотеки).

[105] Синодальный кодекс Метафраста, с. 25.

[106] На русском языке имеются отрывки из Великого Лимонаря, переведенные с греческого,— в первый раз в 1845 г., под заглавием: «Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев», где материал изложен в азбучном порядке; во второй раз — в 1891 г., под заглавием: «Древнейший патерик, изложенный по главам», где применена предметная система расположения материала. По содержанию оба эти издания не совпадают с третьей книгой *Росвейда.*

[107] Переведена на русский язык и издана в 1854 г.

[108] Издана в русском переводе в 1853 г.

[109] На русский язык переведена и впервые издана в 1853 г., а затем в новом переводе *прот. М. Хитрова* издана Троице-Сергиевой Лаврой в 1896 г.

[110] Сборник *Росвейда* перепечатан в Патрологии Миня, латинская серия, тт. 21, 73 и 74, где указаны и страницы первого издания книги *Росвейда*.

[111] Пролог Святителя, ч. II, под 13 января.

[112] Там же, ч. III, под 26 марта.

[113] Рукопись № 420, л. 458.

[114] Там же, л. 462.

[115] Мы пользовались экземпляром сборника Росвейда, находившимся в Московском Румянцевском Музее (№ 1958), — это второе Антверпенское издание, вышедшее в 1628 г.

[116] Напр., прп. Виссариона, 6 июля, прп. Пахомия Великого, 15 мая, и прп. Пимена Великого, 27 авг. Прп. Ор черноризец есть в Жизни пуст. СО (гл. 2) хотя источником его жития указан (7 августа) один Египетский патерик.

[117] Святитель составление «Луга духовного» приписывает не одному Иоанну Мосху, а и Софронию, впоследствии патр. Иерусалимскому (см. житие его 11 марта).

[118] По Достопамятным сказаниям отд. 16, 18, 32 и 12, в Прологе 11-го декабря то же, что и в отделе 12-м.

[119] Указываем по русскому переводу в Достопамятных сказаниях.

[120] О м. Фомаиде — ВЧМ дек., л. 785 и д.; о блаж. Таисии, л. 855; о Дуле, л. 847.

[121] Опись при летописи Ростовских Архиереев № 202. Из Диалогов Святитель заимствовал: 1 ноября, житие св. мч. Ерминингельда — Диалоги, кн. III, гл. 31, русск. перевод по изд. 1858 г., с. 229—232. 19 декабря, — св. Вонифатия Милостивого — там же, кн. I, гл. 9 (р.-п. 50—61). 23 января, — св. Павлина Ноланского, — «о сем святом пишет св. Григорий Двоеслов, кн. III, гл. 1-я (русск пер., с. 153) и Августин и Ураний священник», последние указаны по книге П. Скарги «Żywoty Swętych», 14-го марта, — преп. Венедикта — Диалоги, кн. II (русск. пер., с. 77—152). 12-го апреля, — прп. Исаака Сирина — кн. III, гл. 14 (русск. пер., с. 181), 27-го июня, — св. Севира пресвитера — кн. I, гл. 12 (русск. пер., с. 72). 23-го августа, — прпп. Евтиха и Флорентия — кн. III, гл. 15 (русск. пер., с. 188). 16 мая, — блаж. отроковицы Музы — кн. IV, гл. 17 и 25 (русск. пер., с. 291—298). Во всех этих заимствованиях Святитель точно цитирует источник, указывая его книги и главы.

[122] Опись при летописи о Ростовских Архиереях №№ 56, 66 и 70.

[123] Рукопись Московской Патриаршей библиотеки № 139, л. 45 об. и л. 142.

[124] См., напр., житие Марии Магдалины — 22 июля и Рукопись Московской Патриаршей библиотеки № 139, лл. 139 об., 140 и 125 об. в Каталоге Константинопольских епископов и митрополитов, или в той же рукописи статью «Рассмотрение и исследование лет Рождества Христова», л. 46 об.

[125] Вот отзыв о хронике Никифора Каллиста князя А. М. Курбского: «в той кроинице достаточнейше описоуется от того Никифора, не точию о Златоусте, но и о множайших вещах, по временем и летам бываемым. Начинает бо тоую кроиникоу от леть Авгоуста кесаря и кончить аж по шестом соборе. В ней же описоует множайшие вещи дивне и пространне, а некоторые вкратце»... По книге проф. Архангельского — «Очерки ю.-зап. литературы», приложения, с. 24.

[126] Рукопись Московской Патриаршей библиотеки № 139, л. 124 и д.

[127] Там же, л. 150.

[128] Там же, л. 140.

[129] Там же, л. 132 и дд. о том, что Евдоксий арианин был сыном муч. Кесария, «пишет Свида — citata a Baronio, т. III, л. 66, г. 311, № 21», об Арсакии «Палладий пишет citata a Baronio, т. V, л. 213, г. 407, № 47» и т. д.

[130] Рукопись та же, л. 196, — здесь приведено свидетельство Гликаса о том, что св. Лука скончался в Фивах, — citata a Baronio, t. I. f. 678. Апп. 61, п. 9.

[131] Срав. Четии-Минеи 16 дек. и Annales, t. X, с. 634, E, 553, D и E, 589, D и E и 634. На начало и конец жития оказали влияние Пролог и Макарьевские Четии-Минеи, дек. л. 299.

[132] По тому же Баронию указаны Зонара, Гликас и Куропалатес, как источники и в житии св. Мефодия, патр. Цареградского, 14 июня.

[133] Annales, т. VIII, начиная с года 656, п. 2 и до года 657, п. 27.

[134] Там же, т. IX, с. 455, 492 и др., год 795, п. 55 и д.

[135] Срав. Четии-Минеи под 11-м ноября, Annales, т. IX, год 819, п. 15, с. 690, E и ВЧМ ноябрь стб. 417.

[136] Срав. Четии-Минеи 25 дек. и Анналы т. I, гл. 1-я, указанные отделы Apparatus ad Annales, гг. 122 и 123.

[137] Срав. Четии-Минеи и Анналы, ibid., отделы 29, 31, 32, 33 и 35.

[138] Срав. Четии-Минеи 26 дек. и Анналы, ibid., отд. 47.

[139] Срав. Четии-Минеи 4 февр. и Анналы, ibid., гл. 40.

[140] Срав. Четии-Минеи 12 окт., Анналы, т. II, с. 665—672 и перевод подлинных актов в журн. «Духовная беседа» за 1853 г., №№ 41 и 42, с. 41 и 84. У *архиеп. Сергия* в «Избранных житиях» сокращенный пересказ, с. 15—46.

[141] Именно: 3 сент. жития св. Анфима Никомидийского и св. мц. Василиссы; 6-го воспоминание чуда св. Архистратига Михаила в Хонех; 7-го житие свв. Евода и Онисифора и св. мч. Евпсихия; 24-го страдание св. первомученицы Феклы; 14 окт. житие свв. Назария, Протасия, Гервасия и Кельсия; 2 дек. житие св. мц. Миропии и 10 июня житие св. Тимофея Прусского.

[142] Здесь ссылки на Мартиролог встречаем: июня 7, — св. мц. Кириакии; 13-го, св. Трифиллия; 14-го, св. Кирилла Гортинского; 22-го, св. Евсевия Самосатского; 26-го, св. Давида Фессалоникского; июля 3-го, св. мч. Иакинфа; 7-го, прп. Фомы Маленна; 12-го, свв. Прокла и Илария; 14-го, св. Ахилы; 15-го, свв. мчч. Кирика и Иулитты; 16-го, св. Афиногена; 17-го, св. Марины; 22-го, св. Марии Магдалины; 23-го, свв. мчч. Трофима и Феофила и далее почти под каждым числом. Ссылки на Мартиролог в Прологе указаны нами ранее.

[143] Срав. Четии-Минеи 23 авг., с. IV, л. 733 об. и 734 и Мартиролог, с. 272.

[144] Срав. Четии-Минеи и Мар. Рим., с. 371.

[145] Мар. Рим., с. 373.

[146] Там же, с. 375.

[147] Там же, с. 291.

[148] Там же, с. 235.

[149] Из других латинских книг, которыми пользовался Святитель Димитрий при составлении Четих-Миней, укажем только те, о которых упоминает он сам. А Святитель в Прологе и в списке святых на июнь, июль и август делает ссылки на книгу «Biblioteca ss. Patrum» (Пролог, ч. II, 4 янв., л. 536); на латинского экзегета «Cornelius a Lapide» (ib., ч. II, 1 февр., л. 638 об. Рукоп. июня 5, 30, июля 13, авг. 1 и 14), толкования которого в количестве 10 книг значатся и в описи библиотеки Святителя; на латинское издание Fasti Mariani (Пролог, ч. I, сент. 25-го, л. 78), в Московской Типографской библиотеке имеется и книжка с таким названием (№ 3935), изданная в Антверпене в 1663 г. и имеющая на корешке надпись: «Жития святых Ростовского Архиерея Димитрия».

[150] «Киевские университетские известия» за 1916 г., мм. сентябрь и октябрь.

[151] Оба находились в Московской Типографской библиотеке, №№ 4108 и 4114.

[152] Таковыми мы считаем житие апостола Филиппа (14 ноября), с которым согласна вся первая половина жития, Сурия, у которого (IV, 891) похвальная речь св. Варфоломею Иосифа песнописца; Макарьевские Четии-Минеи (июнь, л. 162 об. — 165), где также «слово похвально», но иной, чем у Сурия, редакции, имеющее после похвал перечень сведений о святом; Мартиролог — род смерти, с. 360 и Annales Барония (год 485 — об обретении Евангелия в гробе Варфоломея), из которых собрана вторая половина жития. Никифор и Евсевий, по нашему мнению, лишь свидетели.

[153] Таковыми были: Деяния апостолов и Сурий, на которого ссылка в месяцеслове (III, 690), здесь laudatio Александра монаха «est in Sim. Metaphraste» (поэтому, полагаем, и указан Метафраст), которая и была вторым и главным источником. Дорофей Тирский, указываемый на поле, лишь свидетель, — сообщаемые им сведения (о проповеди св. Варнавы в Риме) есть и у Александра монаха. Кое-где на житии сказалось влияние и Минейной службы.

[154] Срав. наши Четии-Минеи, *Скарга,* л. 866 и ВЧМ (июнь, л. 189 об. — 191), где житие пророка; чудо с ослицей есть и в Прологе.

[155] Срав. Четии-Минеи, *Сурия,* ВЧМ — июль, л. 71 об.— 81, и *Скарги.* Эпизод о явлении дев взят из ВЧМ (л. 76,6), спор у Сурия (г. 24).

[156] Срав. Четии-Минеи, IV, лл. 462—464, *Сурий,* § 1 и *Скарга,* л. 638.

[157] См. июль, л. 197, особенно лл. 198, а и б, 199, б. Очень сходно с этим житием мучение Марины в рукописи Киевского Михайловского мон. № 491 (1650), т. III, лл. 34 об.— 47, где, как свидетельствует Н. К. Гудзий, много переводов из Скарги.

[158] Срав. Четии-Минеи, *Сурий,* особенно § 8, и *Скарга,* с. 67—69.

[159] См. русский перевод «Собеседований», с. 153.

[160] Из польских книг, кроме Скарги, Святитель цитирует: сочинения Млодзяновского, на которого сделаны указания: 22-го июля, память Марии Магдалины, 10-го августа — архид. Лаврентия и 29-го авг. в истории усекновения главы Иоанна Предтечи (Рукопись МТБ — кн. 420, лл. 459, 462 и 464); в Прологе — 8 февр., день памяти пр. Захарии, Святитель отмечает, что о нем говорится «in libello, qui vocatur Żywot P. Bogorodzici P. Maryci, f. 204» (t. II, f. 667). В Московской Типографской библиотеке мы видели тот экземпляр этой книги, который был в руках у Святителя Димитрия (№ 4293). Это — небольшая книжка на польском языке, изданная в Кракове в 1648 г. На корешке ее надпись: «из книг Ростовского Архиерея Димитрия», а в тексте и особенно в приложении, где перечисляются все церковные писатели, повествовавшие о Пресвятой Богородице, много отметок руки Святителя. Эта книжка дала ему некоторые сведения для составления сказания о Успении Пресвятой Богородицы. В той же Типографской библиотеке есть сборник (№ 4164) с надписью: «Annus 1682 окт. 23 Ростовского Архиерея Димитрия». В польском мартирологе, находящемся в этом сборнике, множество отметок Святителя, который, как видно, часто с ним справлялся, хотя в рукописях указаний на это нет. Не упоминаются там и другие книги по агиологии, находящиеся в описи, — очевидно, Святитель весьма редко прибегал к ним; мы не будем и упоминать о них.

[161] Четьи-Минеи, чч. 1 и 2, списки учителей, списателей...

[162] Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, лл. 19, 20, 22 и 23.

[163] Там же, лл. 456, 462, 463.

[164] Например, 21 янв. житие м. Неофита, 18 авг.— св. мм. Флора и Лавра.

[165] Например, 3 мая житие свв. Тимофея и Мавры; 19 июля — прп. Дия.

[166] Например, 26 июля сказание о Тихвинской иконе Божией Матери.

[167] Рукопись Типографской библиотеки № 420, л. 459.

[168] См. ВЧМ, изд. Археографической Комиссией, прим.

[169] Именно: св. Епифаний и св. Дамаскин — книга о вере, IV, 15; св. Ипполит и Никифор, кн. II, гл. 3; Пролог, св. Каллист в слове на Рождество Пр. Богородицы; Маргарит, Трефолог и служба.

[170] См. Маргарит. Изд. в Москве в 1641 г., лл. 598—624.

[171] Евсевий о св. мч. Романе говорит в книге о палестинских мучениках (Сочинения, т. II, с. 7 и 8 по русск. переводу в изд. 1850 г.). Руинарт в admonition к сказаниям о св. Романе сообщает, что, кроме книги о палестинских мучениках, Евсевий говорит о св. Романе еще в книге De resurectione et ascensione Domini и приводит отрывок оттуда (с. 357 и 391—394 по изд. Acta sincera 1859), там же приведен отрывок из поэмы Пруденция о венке, но все эти сказания сокращеннее рассказа наших Четих-Миней.

[172] Sanctuarium seu Vitae Sanctorum, изд. 1910 г., т. II, лл. 446—450.

[173] В рукописном сборнике Типографской библиотеки (№ 420) на лл. 145 и 245 есть два жития св. Ипатия, епископа Гангрского, разных редакций; во втором есть и чудо о змее (л. 254), составляющее главный предмет четии-минейного жития; может быть, эта рукопись и была источником для Святителя, — в ней встречаются и отметки, сделанные его рукою.

[174] См. ранее, I ч., с. 179. В сборнике Патриаршей библиотеки № 858 есть житие св. Димитрия Царевича (л. 199), сходное по содержанию со Святителевым; может быть, оно и есть та «книжица», о которой говорит Святитель в письме к Феологу.

[175] О Толгской иконе есть сказание в сборнике № 858, л. 1.

[176] Текст повести мы берем из последнего ее издания Акад. наук, 1950 г.

[177] См. с. 125 и следующие.

[178] Древнерусские княжеские жития, с. 22—43.

[179] См. сборник Московской Патриаршей библиотеки № 139, статью «Рассмотрение избрания святых 70 апостолов в Прологах новейших иануария 4-го и в начале книг апостольских положенного, написанного же под именем св. свящ.-муч. Дорофея, епископа Тирского», лл. 191—207.

[180] Он взял его из книги «Biblioteca ss. patrum», t. II, f. 189 по Парижскому изданию 1576 г.

[181] Источник его в Четии-Минее не указан.

[182] См. список оставшихся после Святителя книг в «Летописи Ростовских Архиереев», изд. А. А. Титова, 1890, с. 38, №№ 30—39.

[183] См. Ч.-Минеи, ч. I, л. 423; ч. II, лл. 374 и 378 и л. 218.

[184] Библиотека Киево-Печерской Лавры, № XVIII 2/7, 7-го января, в повести о руке св. Иоанна Предтечи, Святитель и ссылку делает на Трефолог «Львовский». В Лаврском экземпляре есть отметки и поправки красными чернилами, — не рукою ли Святителя?

[185] Срав. Четии-Минеи и «Триодион, сиесть трипеснец», 1648, Киевское издание, с. 430—435. То же житие в ВЧМ, ноябрь, л. 772.

[186] Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, лл. 22 об. и 456.

[187] Есть еще сирская редакция жития св. Алексия, перевод ее в Чтениях ОЛДП за 1690 г. XXVIII т., с. 127—139.

[188] Напр., во всех сказаниях о праздниках в честь Богоматери приводятся выдержки из слов: Германа Константинопольского, Георгия Никомидийского, Иоанна Дамаскина; делаются ссылки на Никифора Каллиста и Георгия Кедрина. Сказания об ангелах все (8 ноября, 26 марта, 13 июля) составлены на основании сочинения «О небесной иерархии», приписываемого Дионисию Ареопагиту.

[189] Именно: Ювеналия Иерусалимского, Мелитона Сардинского, Андрея Критского.

[190] См. «Летопись о Ростовских Архиереях», изд. Титова, с. 40 и 43, №№ описи 285 и 169.

[191] Сюда относятся слова Василия Великого о старце Варлааме, 19 ноября (*Сурий*, VI, 479), о мч. Гордии 3 янв. (I, 97); Иоанна Златоуста — о старце Варлааме, об апостоле Андрее, 30 ноября (VI, 700), на Крещение Господне на Благовещение (II, IV, 992) и Иоанна Дамаскина о поклонении иконам, 16 августа.

[192] Сюда относятся слова на Рождество Пресвятой Богородицы, на Покров Божией Матери, на Рождество Христово, на Обрезание Господне, на Богоявление. Последнее слово, например, состоит из сравнения истории творения мира и Богоявления, в нем масса аллегорических сопоставлений, приводятся примеры из истории, естествознания и т. д.

[193] Срав. синаксарь на 26 марта и собор св. Арх. Гавриила, 13 июля.

[194] См. 1-ю часть сочинения.

[195] Сочинения Свят. Димитрия, ч. 1. с. 501. Срав. письмо к Феодору Поликарпову от 8 ноября 1708 г., с. 515.

[196] Рукопись Московской Патриаршей библиотеки, № 147, л. 426 и № 139, л. 45.

[197] Рукопись Московской Типографской библиотеки, № 420, л. 264.

[198] Предисловие к Мученикословию, л. 5. Рукопись Московской Патриаршей библиотеки, № 811.

[199] Указываем жития, составленные Святителем самостоятельно; в житиях заимствованных таких приемов изложения весьма много.

[200] Четии-Минеи, апр. л. 295.

[201] Четии-Минеи, май, л. 563.

[202] См. рукопись № 146 Московской Патриаршей библиотеки, л. 304, Срав. Четии-Минеи, 29 апр.

[203] Московской Типографской библиотеки № 4108.

[204] Это видно из того, что во второй книге Четиих-Миней Иероним снова помещен в списке, а в рукописях Святителя есть ответ Патриарху, где основательно доказывается почитание Иеронима и Православною Церковью. См. рукопись Синод. библ. № 187, л. 238 и д.

[205] Напр., сент. 3, 6, 7, 24; окт. 14; дек. 2; июня 4, 10 и 11.

[206] См., напр., житие св. Иосифа Обручника 26 декабря и замечание после жития св. Марии Магдалины, 22 июля.

[207] См. заметку после жития св. мц. Харитины, 24 июля, или первое замечание после жития священномученика Фавия, папы Римского, 5 августа.

[208] См., напр., исследование о Святителе Димитрии *И. А. Шляпкина.*

[209] См. ранее.

[210] См. ранее.

[211] См. I часть соч.

[212] Такова, например, жизнь папы Мартина, составленная близким к нему лицом (14 апреля, *Сурий,* V, 290 с.). Из составленных самим Сурием житий в месяцеслове отмечено только одно — св. Кирилла Гортинского (9 июля, *Сурий,* IV, 151 с.).

[213] 4 сентября жизнь прор. Моисея, написанная Филоном (*Сурий,* V, 54); 24-го, история св. Феклы из месяцеслова Адона (V, 389); 9 декабря de conceptione Пресвятой Богородицы (VI, 903); 25-го, de nativitate Domini (VI, 1054 с.); 1 янв. de circumcisione Domini (I, 1 с.).

[214] См. рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, л. 459.

[215] См. Четии-Минеи, ч. IV, л. 516 об.

[216] Срав. также Рождественские сказания Святителя с Анналами *Цезаря Баронця.*

[217] См., напр., 23 июня, повесть о покаянии Феофила.

[218] Напр., 1 сент. при житии св. Симеона Столпника; 4 сент. при житии св. сщмч. Вавилы; 16 февр., при житии 12 мчч., в Кесарии Палестинской пострадавших.

[219] Так поступил Святитель 5 февр., составляя житие св. мц. Агафии; 11 февр., житие св. сщмч. Власия; 13 февр., житие пр. Мартиниана... Ср. Четии-Минеи и Acta SS., февр., I, 47 с., 331 с. и II, 667 с.

[220] См. замечание к житию св. Спиридона, 12 дек.; заметки после житий св. пророка Даниила, 17 дек., и св. мч. Дулы, 15 июня.

[221] См. 12 апр., житие прп. Афанасии, сообщение о том, как святая воткнула в землю жезл и стала невидима: «То сказует Пролог», пишет Святитель, приводя этот факт.

[222] Срав. Четии-Минеи, *Сурий,* V, 474 и ВЧМ.

[223] Срав. Четии-Минеи, *Сурий,* V, 755 и Анналы *Ц. Баронця.*

[224] Святитель и в других случаях старался знакомить своих читателей с такими памятниками. Так, 30 ноября он поместил послание иереев и диаконов Ахани о мученической кончине св. апост. Андрея Первозванного; 20 дек., в житии св. Игнатия Богоносца, привел почти всё его послание к Римлянам; 23 февр., в житии св. Поликарпа Смирнского — послание Смирнской Церкви о его мученической кончине; 14 янв. — повести инока Аммония и блж. Нила о свв. отцах, в Синае и Раифе избиенных; 19 июня — письмо св. Григория Нисского к его сестре, св. Макрине, и др.

[225] Напр., житие Пелагии блудницы (*Сурий,* V, 706; Vitae pp., I, 376—380), прп. Илариона (*Сурий,* V, 984; Vitae pp., I, 75) и др.

[226] См., напр., житие прп. Ефрема Сирина 28 янв. Ср. Vitae pp., I, 167—169 и *Сурий,* I, 793, где vita Метафраста.

[227] Срав. Четии-Минеи, *Сурий.* I, 43 и Vitae pp., I, 363.

[228] Срав. Четии-Минеи, *Сурий,* I, 570 и Vitae pp., I, 170—205, — житие Леонтия Неаполитанского.

[229] Срав. Четии-Минеи, *Сурий,* VI, 1073 и Vitae pp., I, 206.

[230] Vitae pp., VIII, 738, § 6.

[231] См. ранее.

[232] Напр., свв. Феопемпта и Феоны, 5 янв.; св. мц. Татианы и св. Петра Вальсамона, 12 янв.; свв. мм. Спевсиппа, Мелевсиппа и Елевсиппа, 16 янв.; Валериана, Кандида, Акилы и Евгения, 21 янв. и др.

[233] Срав. Четии-Минеи, Акты свв., янв. II, 695 и Surius, I, 646.

[234] Срав. Четии-Минеи, Акты свв., янв. II, 724.

[235] Срав. Четии-Минеи, Акты свв., янв. II, 599 и 1084 и Surius, I, 615 и 759.

[236] В апреле таких дублетов можно указать более 15; во всем втором полугодии Сурий в 16 случаях мог быть заменен Актами.

[237] См. ранее, с. 41 и д.

[238] См. рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, л. 454.

[239] Срав. Четии-Минеи, Акты свв., апр. II, 108, *Сурий,* II, 703 и *Скарга,* 332.

[240] Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, л. 22.

[241] Срав. Четии-Минеи, *Сурий* и Акты свв., май, III, 188 с.

[242] Срав. Четии-Минеи, *Сурий,* II, 249 и Акты свв., март, II, 258.

[243] Срав. Четии-Минеи, *Сурий,* I, 863 с. и Акты свв., май, III, с. 449.
[244] Срав. Acta SS., апр. II, 126, § 4; май, II, 295, § 5 введения и май I, 453, §§ 5 и 7. *Сурий,* II, 1005; III, 131 и 78 и Четии-Минеи.
[245] См., напр., житие св. мц. Гликерии, 13 мая и срав. Акты свв. май, III, 192.
[246] Срав. Четии-Минеи 21 мая и 2 янв.; Акты свв., май V, 12, § 14, и Historia Niciphore, VII, 33 гл. и Церковная История *Евсевия-Памфила,* кн. IV, гл. 61 и 62 по русскому переводу.
[247] Срав. Четии-Минеи, служебные Минеи под 3 ноября и *Сурий,* II, 820, § 14.
[248] Срав. Четии-Минеи, Пролог 6-го ноября, *Сурий,* III, 653, § 10 и Историю *Сократа,* кн. II, гл. 26.
[249] Срав. Четии-Минеи, Пролог и Акты свв., май, III, 452.
[250] Синодальный кодекс *Метафраста,* с. 67.
[251] Срав. Четии-Минеи, Акты свв., май II, 4 с. § 3 и 2 и ВЧМ, май, лл. 242—252.
[252] Срав. Четии-Минеи, Акты свв., май III, с. 36, §§ 45, 47, 52 и 57 и ВЧМ, май, лл. 439—460. Срав. *Сурий,* III, 229, который оказывал влияние на работу Святителя.
[253] Интересно сравнить этот ответ с научным решением того же вопроса в книге *иеромонаха (потом епископа) Анатолия* «История сирийского монашества», с. 121, прим. 3 и с. 130 и 131.
[254] «Много слов, дела мало». Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, л. 468.
[255] «В Чет'е премного многословесия», там же, л. 463.
[256] Там же, л. 420.
[257] Срав. Четии-Минеи 19 *ноября* и Vitae pp., ч. I, с. 242—338 *или* Par. Lat., t. 43, с. 443.
[258] Срав. Четии-Минеи 19 дек. и ВЧМ, декабрь, лл. 348—414, особенно прения (лл. 353—411).
[259] См. также житие св. Сильвестра, папы Римского (2 января), и срав. *Сурий,* т. VI, с. 1173, §§ 25, 26 и 27 — прение с евреями.
[260] Срав. Четии-Минеи, 25 сентября и ВЧМ сент. в. III, второе житие, стлб. 1421, 1428, 1444, 1445, 1446 и 1431—34.
[261] Четии-Минеи, 12 июня.
[262] Срав. Четии-Минеи 5 окт., *Сурий,* V, 665, Пролог и службу.
[263] Срав. Четии-Минеи 28 ноября, ВЧМ, ноябрь, л. 1234, *Сурий,* VI, 660, § 3 и Церк. и гражд. деяния *Георгия Кедрина,* слав. пер., л. 162 и д.
[264] Срав. Четии-Минеи 28 декабря. *Сурий,* VI, 1094 и то же сочинение *Георгия Кедрина,* ч. II, л. 8 и д.
[265] Четии-Минеи 4 февр., ВЧМ, февр. 4 и *Георгий Кедрин.* Цит. соч., ч. II, л. 6 и д.
[266] Четии-Минеи 20 октября, 6 марта, 1 августа и 5 июня.
[267] Срав. Четии-Минеи, 6 сент., *Сурий,* V, 468 и ВЧМ, сент. I, 295.
[268] Срав. Четии-Минеи, 24 ноября и Творения *св. Иоанна Дамаскина,* гл. I об иконах.
[269] Срав. Четии-Минеи 17 ноября, *Сурий,* IV, 55 и *Скарга,* с. 990.
[270] Срав. Четии-Минеи 15 янв., Vitae pp., I, 17—20 и ВЧМ, янв. 15, л. 405.
[271] Срав. Четии-Минеи 18 января и *Сурий,* III, 22.
[272] Срав. Четии-Минеи 8 марта и Акты свв., март I, 787 и ВЧМ, март, 8 числа.
[273] В Актах свв., март III, 668 ее нет, срав. Четии-Минеи 26 марта и ВЧМ, то же число.
[274] «Синхрон» — современник.
[275] Четии-Минеи 30 мар. и Acta SS., март III, 834.
[276] См. ранее.
[277] Четии-Минеи 19 янв. Подобный же порядок изложения событий см. в житиях — прп. Памвы, 18 июля, прп. Пимена Великого, 27 авг.
[278] Четии-Минеи 12 дек. и *Сурий,* VI, 960, §§ 20 и 21.
[279] Четии-Минеи 19 окт. и *Сурий,* V, 948, § 1.
[280] Четии-Минеи 30 окт. и *Сурий,* V, 1081, §§ 3 и 4.
[281] Георгий рассказывает, что в Сикее, вблизи дороги была diversorium, где находила себе приют и заработок сгороге красивая девушка Мария, жившая с сестрой и матерью. Мимо их жилища проходил Косма, завернул туда и, увлеченный красотой Марии, cum ea concubuit. Мария зачала от него и оставила vitam meretricis... Выдержано это и дальше: злой дух называет Феодора filius meretricis; бабка Елпидия прославляет Бога за то, что Он meretricis spinis вывел плод, производящий розы и фрукты и т. д. См. Acta SS., апр., III, 33, §§ 3, 6, 18, 26. Срав. ЧМ, 22 апр., л. 361 об.
[282] Срав. Четии-Минеи, 4 апр., л. 266 и Акты свв., апр. I, 266, § 17.
[283] Срав. Анфологион, л. 87 и Четии-Минеи, окт. 1.
[284] Срав. Четии-Минеи 3 сент. и Пролог.
[285] Срав. Четии-Минеи 24 сент. и Сказания о христ. мчч. с. 448 и 575.
[286] Напр., в житии св. сщмч. Автонома, давая буквальный перевод одного места *из* Метафраста, *по которому составлено всё* житие, Святитель предваряет его такими словами: «о тлении же свв. его мощей блаж. Симеон Метафраст глаголет сице». ЧМ, 12 сент.
[287] Срав. Четии-Минеи 18 ноября и *Сурий,* IV, 307, §§ 2—7, 8—14.

[288] Для примера срав. с подлинником жития — св. мч. Анфима 3 сент. и *Сурий*, VI, 1001, §§ 29—32; свв. мчч. Евлампия и Евлампии 10 окт. и *Сурий*, V, 751, §§ 3—5; св. мч. Платона 18 нояб. и *Сурий*, IV, 307; свв. мчч. Мины, Евграфа и Ермогена 10 дек. и *Сурий*, VI, 915; св. мч. Маврикия 22 февр. и *Сурий*, IV, 243; 42 мчч. аммо-рейских 6 мар. и Акты свв. мчч. I, 460, §§ 18—38 и др.

[289] См., напр., жития: св. мч. Трифона 1 февр. ЧМ, II ч., л. 605 и срав. *Сурий*, I, 813, § 8 и д.; свв. мцц. Агапии, Ирины и Хионии 16 апр. ЧМ, л. 327—328 и Акты свв., апр. I, 248, §§ 5 и 6 и прим., а на с. 250; св. мч. Патрикия 19 мая, ср. ЧМ, гл. III, л. 620, 621 и Акты свв., апр. III, 576; св. мч. Кодрата 10 марта и Акты свв., март II, 4, §§ 4 и д.; св. Никиты исповедника 3 апр., срав. ЧМ, л. 259 об. и Акты свв., апр. I, 253, §§ 34—36 или ЧМ, лл. 261, 263 и Акты свв., там же, гл. 6 и др.

[290] См. в житиях: св. Иосифа песнописца 4 апр. и срав. ЧМ, л. 269 и Акты свв., апр. I, 266, § 33; свв. мчч. Агафопода и Феодула 5 апр. и ср. ЧМ, л. 274 об. и Акты свв., апр., I, 321, § 9; свв. мчч. Кирика и Иулитты 15 июля и срав. ВЧМ, июль, л. 164, св. великомученицы Евфимии, 16 сент. срав. *Сурий*, V, 280; свв. мчч. Маркиана и Мартирия, 25 окт., срав. *Сурий*, V, 1053, § 4 и др.

[291] См., напр., письмо прп. Феофана импер. Льву о свв. иконах, ЧМ, 12 марта, лл. 107—108 и Акты свв., март II, 224, § 16; письмо прп. Феодора Студита игумену Ипатию, срав. ЧМ, 24 марта, л. 165 и Акты свв., март, III, 357, §§ 3, 4 и 5; послание Феодора Едесского импер. Михаилу и ответ последнего Феодору, срав. ЧМ, июля 9-го, и ВЧМ, июль, л. 115 об. и др.

[292] Их особенно много в праздничных сказаниях.

[293] См., напр., в житии св. Григория чудотворца его символ веры и срав. ЧМ, 17 ноября, и *Сурий*, IV, 55, § 7.

[294] Напр., чудо свв. мчч. Гурия, Самона и Авива, срав. ЧМ, 15 ноября, и *Сурий*, VI, 356, §§ 16—28; историю служанки Глафиры в житии св. мч. Василия Амасийского, срав. ВЧМ, 26 апр., лл. 403—405, и Акты свв., апр, III, 416, Акты свв., §§ 4—18; явление Господа св. мц. Еликониде, срав. ЧМ, 28 мая, л. 662, и Акты свв., май VI, 83, § 8 и др.

[295] Срав. ВЧМ, июль, л. 443 об. или *Сурий*, IV, 403 и Четии-Минеи 29 июля. См. также прологи к житиям: св. Симеона Дивногорца в ВЧМ, май, л. 647 об.; прп. Иллариона Великого в Vitae pp., ч. I, 75; св. Иоанна Дамаскина у *Сурия*, III, 115, §§ 1—3; прп. Саввы Освященного в ВЧМ, дек. 5, и др.

[296] ВЧМ, октябрь, в. 1, с. 237.

[297] Срав. Четии-Минеи 18 сент., и Пролог, ч. 1, то же число.

[298] См., напр., жития: св. Фоки вертоградаря и срав. ЧМ, 22 сент., и *Сурий*, V, 363; св. мч. Гордия, срав. ЧМ, 3 янв., и *Сурий*, I, 97; второе избиение свв. отцов в Синае и Раифе, срав. ЧМ, 14 янв., и Акты свв., январь I, 954; жития: прп. Малха; срав. ЧМ, 26 марта, и Vitae pp., I, 93; св. Никиты исповедника, срав. ЧМ, апреля 3, и *Сурий*, II, 500; прп. Акакия Мелитинского, срав. ЧМ, апр. 17, и ВЧМ, апрель, л. 162; прп. Зосимы Киликийского, срав. ЧМ, июня 5, и «Луг духовный», гл. 123, 124, 166 и др.

[299] Четии-Минеи, 17 сент., ч. I, л. 113.

[300] Четии-Минеи, 3 дек., ч. II, л. 16 об.; 5 дек., л. 46; 21 дек., л. 212 об.; 15 сент., ч. I, л. 102 об. и 103; 26 сент., л. 173 об.

[301] Четии-Минеи 6 дек., ч. II, 69 об.

[302] Срав. Четии-Минеи, 4 сент., и *Сурий*, V, 111.

[303] Срав. Четии-Минеи, 20 сент., и *Сурий*, VI, 30.

[304] Срав. Четии-Минеи, 18 дек., и *Сурий*, I, 400 и 450.

[305] Срав. Четии-Минеи, 5 февраля, и *Сурий*, I, 865, § 2.

[306] Срав. Четии-Минеи, 21 декабря, и *Сурий*, I, 1041, § 4.

[307] История древней литературы, с. 585.

[308] Напр., вырок (ЧМ, ч. I, л. 150), возстай (I, 316), изчпага (I, 444), колдра (I, 468 об.), завертение (II, 4), лядина (II, 407), годе, бодцы (III, 5), гай (III, 118), хлыпания (III, 119 об.), ярина (III, 305), трам (III, 324), цистерны (III, 365), руина (III, 643), сланутка (I, 305) и др.

[309] Напр., канкрум, космитор, фортуна, сяндон, дактиль, ксатенарий и др.

[310] Напр., вапно (I, 20), остны (I, 149), балия (I, 150), разврение (I, 167), лужный (I, 171), в'ихание Господне (I, 272), вуй (I, 450), убожница (II, 17), простыня (III, 6), ошиб (III, 58 об.), коло (III, 78), гутник (III, 93), присман (III, 165), кусы (III, 257), онгия (III, 261 об.), позибати (III, 173 об.), сулица (II, 325), обутель (III, 399), сметие (III, 404), наопаш (IV, 275) и др.

[311] Напр., синап (I, 117), ипапанти (II, 613), игемон (III, 153), канфилион (III, 32 об.), гимнософист (III, 58), апостат (III, 58), малединкте (III, 188), синхрон икономах (III, 266), анфипат (III, 325), анагност (III, 459), кордаспос (III, 515) и др.

[312] Нельзя не пожалеть, что этот благой обычай старины теперь совсем оставлен. Сколько пользы принесло бы чтение житий святых народу, как оживило бы оно наше Богослужение, какой свет пролило бы на мало кому понятные и редко кем со вниманием выслушиваемые церковные песнопения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I

1. Четии-Минеи в 4-х книгах, 1-е изд. 1689—1705, 2-е изд., 1-я книга, 1711, 3-е изд. в 4-х книгах, 1754.
2. Жития святых на русском языке. Изд. Моск. Синод. типографии.
3. Великие Четии-Минеи *Московского митрополита Макария,* месяцы — сентябрь, октябрь и ноябрь в издании Археографической Комиссии, остальные — в рукописи по Успенскому списку.
4. Сочинения Святителя Димитрия. Изд. 1824.
5. Рукописи в сборниках, принадлежавших Святителю Димитрию и находившихся в Моск. Патриаршей б-ке и в б-ке Синодальной типографии.
6. Письма Святителя Димитрия при его сочинениях — в «Ярославских епархиальных ведомостях» за 1873 и 1874 гг. и в других изданиях.
7. Опись оставшихся после Святителя Димитрия книг, напечатанная в «Летописи о Ростовских Архиереях», изданной Обществом любителей древней письменности в 1890 г., с примечаниями А. А. Титова.
8. Пролог 1685 г. в 4-х книгах, принадлежавший Святителю Димитрию и находившийся в б-ке Моск. духовной академии, № 8/500.
9. Печерский Патерик. Киев, 1678.
10. *Лаврентий Сурий.* Жития святых Востока и Запада (на латинском языке). Изд. 2-е, 1573—1578, в 7 томах, по экземпляру, хранившемуся в Моск. Синод. типографии, № 3261.
11. Деяния святых (Acta Sanctorum) в 18 томах за месяцы январь — май.
12. Жития святых отцов (Vitae Sanctorum Patrum) *Росвейда* (на латинском языке). 2-е Антверпенское издание, 1628, по экземпляру, хранившемуся в Московском Румянцевском музее, № 1958.
13. *Минь.* Патрология, греческая серия, тт. 114, 115 и 116; латинская серия, тт. 21, 73 и 74.
14. *Руинарт.* Акты мучеников подлинные и избранные (на латинском языке). Изд. 1689.
15. *Ц. Бароний.* Церковные летописи (Annales ecclesiastici), в 12 томах.
16. *Ц. Бароний.* Римское мученикословие (Martyrologium Romanum). Изд. 1589.
17. Греческие церковные историки: Евсевий-Памфил, Сократ-схоластик, Созомен, Феодорит Кирский, Евагрий-схоластик, Феодор-чтец (все в русском переводе); *Георгий Кедрин.* Деяния церковные и гражданские (церковнослав. перевод, 1794); *Никифор Каллист.* Церковная история (на латинском языке).
18. *Петр Скарга.* Жития святых (Żywoty Swętych).
19. Богослужебные книги: Месяцесловы, Месячные Минеи, Анфологион, Триодь постная и др.
20. Маргарит. М., 1641.
21. Архив Юго-Западной России, т. V, ч. 1.
22. *Ундольский В. М.* Опыт славяно-русской библиографии. М., 1871.
23. *Карагаев.* Описание славяно-русских книг, 1883.
24. *Родосский.* Описание старопечатных и церковнославянских книг СПб. дух. академии, 1891.
25. Описания рукописей в различных книгохранилищах и библиотеках.

II

1. *Митрополит Макарий.* История Русской Церкви, тт. 10, 11 и 12.
2. *Митрополит Макарий.* История Киевской дух. академии, 1849.
3. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви (т. I — 1 и 2 — и т. II — 1 и 2).
4. *Голубинский Е. Е.* История канонизации русских святых.
5. *Архиепископ Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Изд. 2-е, тт. 1 и 2.
6. *Архангельский А. С.* Очерки по истории западнорусской литературы XVI и XVII вв., 1888.
7. *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике. СПб., 1902.
8. *Анатолий, архимандрит.* История сирийского монашества.
9. *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.
10. *Белокуров С. К.* История духовного просвещения в Московском государстве в XVI и XVII вв.
11. *Браиловский С. Н.* Федор Поликарпов Орлов.
12. *Браиловский С. Н.* Указ. материалы, II, 1902.
13. *Васильевский В. Г.* Синодальный кодекс Метафраста, 1897.
14. *Волков Н. В.* Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв., 1897.
15. *Голубев С. Т.* Киевская Академия в конце XVII в., 1901.
16. *Голубев С. Т.* Митрополит Петр Могила.
17. *Евгений, митрополит.* Описание Киево-Печерской Лавры.

18. *Иконников В. С.* Максим Грек и его время, 1915.
19. *Иконников В. С.* История русской библиографии.
20. История русской литературы. Изд. АН СССР, т. I, 1941.
21. *Кадлубовский А.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902.
22. *Кекелидзе К. С., протоиерей.* Симеон Метафраст по грузинским источникам. Труды Киевской духовной академии, февраль, 1910.
23. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871.
24. *Курбский А. М.* Сказания и письма.
25. *Латышев В. В.* Византийская царская минея. Пгр., 1915.
26. *Лопарев Х.* Византийские жития святых VIII—IX вв. — Византийский временник, 1910, т. 17.
27. *Майков Л. Н.* Очерки по истории русской литературы XVII в.
28. Палестинский Патерик, вв. 1 и 2.
29. *Петров Н. И.* История Киевской духовной академии.
30. *Порфирьев И.* История русской словесности. Казань, 1891.
31. *Папков А. А.* Братства. Изд. Троицкой Лавры, 1900.
32. *Попов М., священник.* Святитель Димитрий и его труды, 1910.
33. *Пыпин А. Н.* История русской литературы, т. II.
34. *Рудаков А. П.* Очерки Византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.
35. *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. Кострома, 1914.
36. Сказания о христианских мучениках. Изд. Казанской дух. академии.
37. *Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб., 1899.
38. *Соболевский А. И.* Жития святых в древнем переводе на церковнославянский язык. СПб., 1904.
39. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XV вв. СПб., 1903.
40. *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.
41. *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. Изд. 2-е, М., 1914.
42. *Сперанский М. Н.* Сентябрьская и октябрьская Четия-Минея домакарьевского состава. ИОРЯС АН, 1896, т. I, кн. 2, и 1901, т. VI, кн. 1.
43. *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках.
44. *Сумцов.* Иоанникий Голятовский и Иннокентий Гизель — статьи в журн. «Киевская старина» за 1884 г.
45. *Титов Ф. И., протоиерей.* Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве. Киев, 1909, тт. 1 и 2.
46. *Титов Ф. И., протоиерей.* Святитель Димитрий.— Труды Киевской духовной академии, 1909.
47. *Филарет архиепископ.* История Русской Церкви.
48. *Филарет, архиепископ.* Историческое учение об отцах Церкви.
49. *Филарет, архиепископ.* Обзор русской духовной литературы.
50. *Филарет, архиепископ.* Подвижницы Восточной Церкви.
51. *Филарет, архиепископ.* Русские святые (три тома).
52. *Шляпкин И. А.* Святитель Димитрий Ростовский и его время. СПб., 1891.
53. *Шляпкин И. А.* Лекции по литературе. Ч. 2. Юго-Западная Русь в XVI и XVII вв.
54. *Эйнгорн.* Очерк по истории Малороссии XVII в. М., 1899.
55. *ХХ.* Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Изд. 1848.

Издательство православной богословской литературы “АКСИОН ЭСТИН” (Санкт-Петербург)

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:
www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru